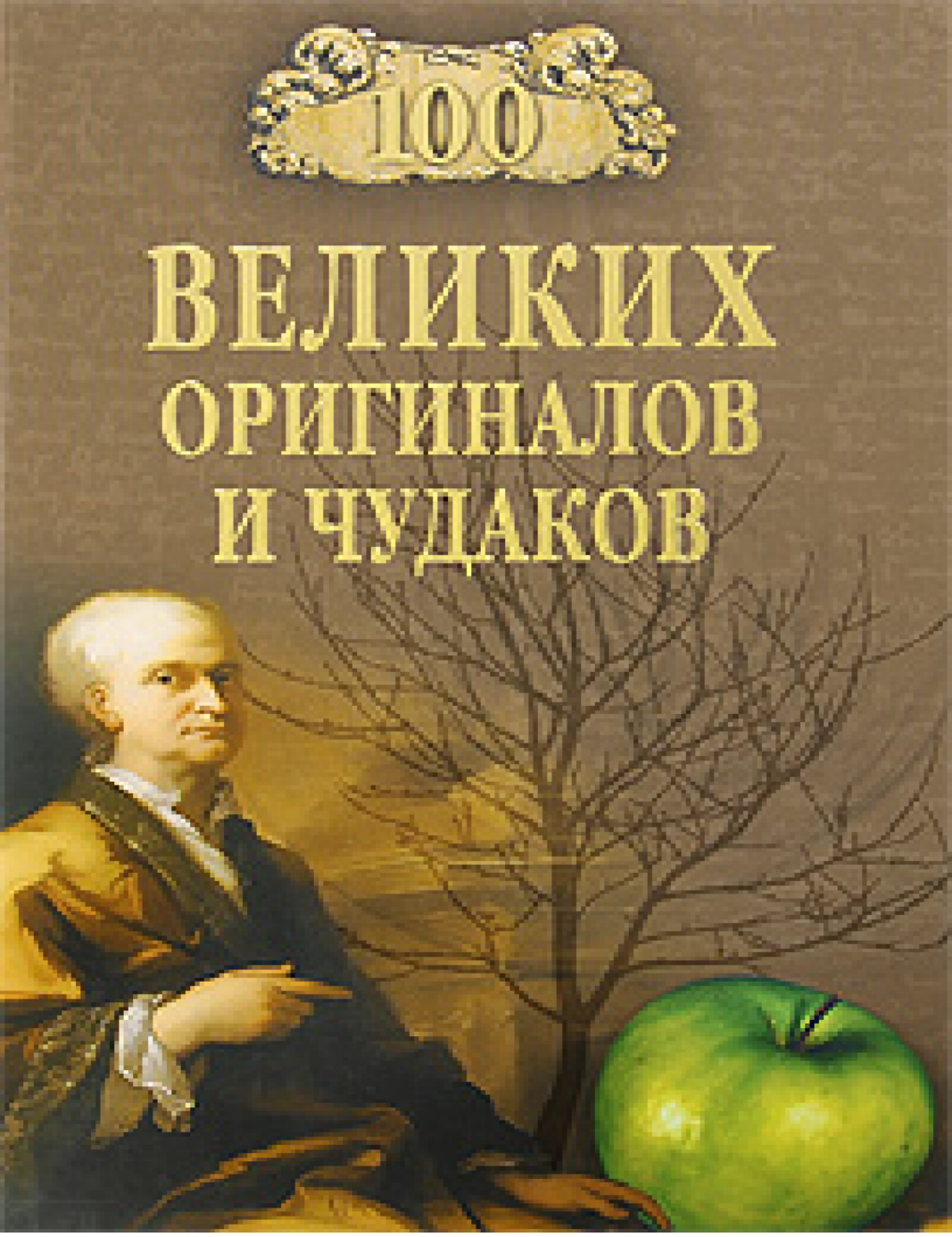
100 ВЕЛИКИХ ОРИГИНАЛОВ И ЧУДАКОВ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Она будет интересна каждому, кто ценит необычных людей и нестандартное мышление.

Кто такие чудаки и оригиналы? Странные, самобытные, не похожие на других люди. Говорят, они украшают нашу жизнь, открывают новые горизонты. Как, например, библиотекарь Румянцевского музея Николай Фёдоров с его принципом «Жить нужно не для себя (эгоизм), не для других (альтруизм), а со всеми и для всех» и несбыточным идеалом воскрешения всех былых поколений… А знаменитый доктор Фёдор Гааз, лечивший тысячи москвичей бесплатно, делился с ними своими деньгами. Поистине чу́дны, а не чудны́ их дела и поступки!

В очередной книге серии «100 великих» главное внимание уделено неординарным личностям, часто нелепым и смешным, но не глупым и не пошлым.

Она будет интересна каждому, кто ценит необычных людей и нестандартное мышление.

- Рудольф Баландин
  - ВВЕДЕНИЕ. ОРИГИНАЛЫ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
  - ПРАВИТЕЛИ
    -
    - Эхнатон
    - Калигула
    - Нерон
    - Элагабал
    - Ирод
    - Марк Аврелий
    - Балтазар Косса
    - Дракула
    - Пётр Великий
    - Павел I
    - Людвиг II
  - ШУТЫ
    -
    - Эзоп
    - Ходжа Насреддин

- Диоген
- Эпиктет
- Иван Балакирев
- Педрилло
- Кульковский
- Чарли Чаплин

○ ПРОРОКИ, МИСТИКИ И ФЕНОМЕНЫ

-
- Исайя
- Иеремия
- Иов
- Иоанн Богослов
- Агриппа Неттесгеймский
- Нострадамус
- Исаак Ньютон
- Эммануил Сведенборг
- Жак Казотт
- Авель
- Е. П. Блаватская
- Рудольф Штейнер
- Д. Л. Андреев
- Алистер Кроули
- Жак Эймар
- Олдос Хаксли
- В. К. Зайцев

○ ОСТРОУМЦЫ

-
- Симонид
- Марциал
- Себастьян Брант
- Даниель Дефо
- Джонатан Свифт
- Роберт Бёрнс
- Д. И. Хвостов
- В. С. Соловьёв
- Зигмунд Фрейд
- А. Н. Кручёных
- М. М. Зощенко
- Н. А. Заболоцкий

○ ЭНТУЗИАСТЫ

-
- Ибн-Баттута
- Афанасий Никитин
- Яков Брюс

- Франц Йозеф Галль
- Фрэнсис Гальтон
- А. Л. Чижевский
- Н. Н. Миклухо-Маклай
- Е. М. Короленко

○ МЕЦЕНАТЫ И СУМАСБРОДЫ

-
- Герострат
- Маркиз де Сад
- Г. С. Шумаев
- Ф. И. Толстой
- П. П. Свиньин
- М. М. Долгоруков
- В. В. Головин
- А. Б. Голицын
- В. С. Печерин
- Н. А. Бугров
- С. Т. Морозов
- Билл Хейни

○ АВАНТЮРИСТЫ, БУНТАРИ

-
- Марко Поло
- Уолтер Рэли
- Джон Ло
- Калиостро
- Сен-Жермен
- С. Г. Нечаев
- Джордж Байрон
- М. А. Бакунин
- Артур Бенни
- В. И. Засулич
- С. С. Синегуб
- П. А. Кропоткин
- С. Л. Перовская

○ ГЕНИИ-ОРИГИНАЛЫ

-
- Иероним Босх
- Бенедикт Спиноза
- Г. С. Сковорода
- Эрнст Теодор Амадей Гофман
- Н. И. Лобачевский
- Янош Больяи
- Н. В. Гоголь
- А. В. Суворов

- А. В. Сухово-Кобылин
- Н. Ф. Фёдоров
- В. Х. Кандинский
- В. В. Кандинский
- Филиппо Томмазо Маринетти
- Оскар Уайльд
- Бернард Шоу
- Гилберт Кийт Честертон
- Сальвадор Дали
- Велимир Хлебников
- М. А. Волошин

○ ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ДА ЗДРАВСТВУЮТ ЧУДАКИ!

- 1
- 2
- 3

Рудольф Баландин
100 великих оригиналов и чудаков

ВВЕДЕНИЕ. ОРИГИНАЛЫ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

1

Говорят, чудаки украшают мир. Отчасти — да. Хотя иной чудак никаким украшением не является, ухудшая жизнь и себе, и другим. В любом обществе преобладают более или менее однообразные личности. Но среди такой серой массы нет-нет да и проглянет нечто особенное, оригинальное, из ряда вон выходящее.

Вот только в чём выражается его особенность? Есть любители привлечь к себе внимание вычурной одеждой или необычным поведением. Иному нравится ошарашить собеседника услышанным, прочитанным или придуманным неожиданным высказыванием, а то и заковыристым словцом. Кого-то подобные, скажем так, чудики могут заинтересовать.

Немало самых настоящих чудаков и оригиналов поневоле — психически нездоровых. Они заслуживают сочувствия, как всякий тяжелобольной.

Мне встречались такие. Один представился пришельцем с какого-то созвездия, другая страдала от энергетических вампиров и происков нечистой силы. О них можно было бы рассказать занятные, а то и печальные истории. Но только — зачем? Для увеселения почтеннейшей публики?

Тем, кого интересуют люди ненормальные по причине душевной болезни, можно посоветовать читать труды по психиатрии, знакомиться с преступлениями сексуальных и прочих маньяков, о которых, к сожалению, приходится слышать слишком часто. Посмеиваются над ними с чувством своего превосходства только глупые или скверные люди.

В нашем случае некоторые примеры из психопатологии придётся рассмотреть, но лишь в виде исключения. Главное внимание будет уделено неординарным личностям, интересным, подчас нелепым и смешным, но не глупым, не пошлым и не относящимся к пациентам психоневрологических клиник.

Нередко можно услышать мнение, будто преобладают люди «нормальные», а встречаются и «ненормальные». Последних по этой причине считают какими-то особенными. Хотя у них просто некоторые психические аномалии, хотя и не слишком ярко выраженные и неопасные для окружающих.

А что означает обыкновенный, или «нормальный», человек? Самый заурядный? Ничем не примечательный? Да разве это нормально?!

Вот говорят о погоде: сегодня температура воздуха на столько-то градусов выше нормы. Какой нормы? Имеется в виду

средняя статистическая цифра, которая вычисляется за определённый срок наблюдений. Но разве это — норма? Нет. Для погоды самое нормальное — меняться со дня на день, от года к году.

Обычны колебания параметров погоды в определённых пределах, а иногда возникают серьёзные аномалии. И это тоже вполне нормально. Экстремальные явления природы характерны для нашей планеты, и, к счастью, они случаются нечасто.

Или такой показатель, как средний рост человечества. Это величина математическая, условная. Людей с таким ростом на Земле немного. В сотни, тысячи раз больше тех, кто не отвечает такому «стандарту».

Природа позаботилась о том, чтобы у живых существ (в отличие от технических изделий) не было единых стандартов. Разнообразие — важнейшее качество всего живого.

Каждый из нас неповторим. Но из этого ещё не следует, что любой человек оригинален.

В геологии есть такие понятия, как «вмещающая порода» и «полезные ископаемые». В том и другом случае речь идёт о комплексе минералов, кристаллов. Каждый из них неповторим по форме, размерам, составу. Разница лишь в том, что вмещающая порода состоит из широко распространённых минералов (в разных пропорциях), а полезное ископаемое — руда, драгоценные металлы и камни, ценное для человека минеральное сырьё.

Нечто подобное относится к любой личности. В большинстве случаев при всей своей неповторимости она содержит определённый, более или менее одинаковый набор знаний, черт характера, привычек, способностей, хотя и в различных пропорциях.

Наиболее определённо проявляется индивидуальность у растения или животного. То же можно сказать об отдельном листке или цветке. В мире природы не существует абсолютных подобий. Они могут быть только в микромире для атомов, элементарных частиц. Да и это, возможно, объясняется ограниченными возможностями приборов и отсутствием необходимости фиксировать столь тонкие различия.

Человек — не исключение из этого правила.

Любой из нас для самого себя — средоточие мира, ибо весь мир мы воспринимаем в себе.

Немецкий философ Макс Штирнер обострил эту мысль до предела. В своей объёмистой книге «Единственный и его собственность» он утверждал: «Для Меня нет ничего выше Меня»; «Я — собственник своей мощи, и только тогда становлюсь таковым, когда сознаю себя Единственным».

Так-то оно так, но из этого ещё не следует, будто всякий человек замечателен, оригинален и необычайно интересен для многих других. Вот и Макса Штирнера нам больше не придётся упоминать: не был он в своей жизни человеком ярким, оригинальным, резко отличающимся от массы обывателей, не считая создания упомянутой книги.

Вопрос не в том, как относится каждый из нас к самому себе. Это наше личное дело. Важно иметь в виду, каким тебя воспринимают окружающие, чем ты в действительности, а не в своём воображении, отличаешься от всех остальных людей (желательно — не в худшую сторону).

В этом смысле незаурядный, своеобразный, выдающийся творец — изобретатель, философ, учёный, писатель, художник и так далее — большой оригинал. Тем более, если он признанный гений. Однако, обратившись к биографиям таких людей, чаще всего убеждаешься, что, кроме отдельных анекдотичных случаев, они по жизни ничем особенным не отличались, если не принимать во внимание умение упорно, самозабвенно, вдохновенно трудиться.

2

Эксцентричные люди обычно имеют психические отклонения в пределах нормы. Хотя порой их причуды могут произвести на окружающих сильное впечатление.

Представьте себе: прогуливаетесь в парке, а навстречу — хулиганы, подвыпившие юнцы. Они пристают к прохожим с пошлыми шутками, готовы затеять драку. Вдруг один из них, подпрыгнув, вскрикивает. В ягодицу его вонзилась стрела. Из-за дерева выходит… настоящий Робин Гуд! Он в средневековом камзоле, шляпе с пером, вооружён арбалетом.

В наших местах подобная встреча вряд ли состоится. Но в Англии такое порой случается. Там есть несколько чудаков, которые в свободное от работы время шастают по лесам и паркам в костюме благородного разбойника, с луком или арбалетом. Прохожих они защищают от насильников, бандитов, хулиганов.

Шотландский психолог Дэвид Уикс из Королевского госпиталя в Эдинбурге внёс в картотеку более тысячи эксцентричных людей (туда вошло и несколько «Робин Гудов»). Оказалось, что они в общем более интеллигентны, здоровы и счастливы, а живут немного дольше, чем средний житель Великобритании.

Чудаки и оригиналы, как выяснил доктор Эткин, сохраняют оптимизм несмотря на то, что они чаще всего имеют несколько неудачных браков и вынуждены сравнительно часто менять место работы из-за конфликтов с начальством. Что им помогает преодолевать жизненные трудности? Умение отрешиться от суеты, выкинуть какое-нибудь коленце или предаться любимому занятию, скажем, изобретать вечный двигатель, несмотря на то, что давно известно: это сделать невозможно.

3

Как в словарях толкуются слова «оригинал» и «чудак»?

Первое происходит от латинского «оригиналис» и означает — первоначальный, подлинный, неподдельный, своеобразный. У нас оно употребляется преимущественно в двух значениях: подлинник (скажем, рукопись, произведение искусства) и, по отношению к человеку, — странный, чудаковатый, самобытный, не похожий на других.

Отчасти то же относится и к понятию «чудак». В «Толковом словаре» Владимира Даля оно поясняется так: «человек странный, своеобычный, делающий всё не по-людски, а по-своему, вопреки общего мнения и обыка». Слово, производное от понятия «чудо», — загадочного явления, которое мы не умеем объяснить по известным нам законам природы и логики.

В русской литературе есть сочинения, относящиеся к теме нашей книги, например: Бурнашев В. П. Наши чудодеи (СПб., 1875); Карнович Е. П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий (СПб., 1884); Пыляев М. И. Замечательные чудаки и оригиналы (М., 1892). Ориентироваться на них мы не станем. Времена меняются, интересы читающей публики — тоже. Главное, меняются авторы. Каждый из них имеет свои представления о том, кого избрать героями произведения.

Как выбрать сотню из огромного числа чудаков и оригиналов всех эпох и народов? Какой критерий избрать? Кому отдать предпочтение? Сколько уделить внимания тем или другим персонажам?

Основные критерии: разнообразие, типичность, поучительность, незаурядность. Предпочтение — самым самобытным, умным и остроумным. Наиболее подробно сообщать сведения о тех, кто менее известен или заслуживает обстоятельного рассказа.

Для автора важно, чтобы его книга читалась не только с интересом, но и с пользой. Поэтому в ней немало отступлений, пояснений, относящихся не только к биографиям главных героев, но и к сути проблем или феноменов, которые с ними связаны.

4

В поисках чудес многие люди обращаются к несвежим, но усердно раздуваемым журналистами «сенсациям». Накатываются волны увлечения космическими пришельцами, телепатией, гороскопами, ясновидением, снежным человеком, озёрными чудищами, Бермудским треугольником, легендарной Атлантидой, НЛО…

Подобные увлечения и заблуждения характерны для рода человеческого. Ограниченная фантазия человека довольствуется детской игрой, складывая нечто новое из привычных старых элементов. Невозможно вообразить нечто совершенно оригинальное, небывалое и невиданное. Во всяком случае, так считал один из великих поэтов XX века испанец Федерико Гарсия Лорка:

«Воображение бедно, и воображение поэтическое — в особенности. Видимая действительность неизмеримо богаче оттенками, неизмеримо поэтичнее, чем его открытия. Это всякий раз выявляет борьба между научной явью и вымышленным мифом, — борьба, в которой, благодарение богу, побеждает наука, в тысячу раз более лиричная, чем теогония.

Человеческая фантазия придумала великанов, чтобы приписать им создание гигантских пещер или заколдованных городов. Действительность показала, что эти гигантские пещеры созданы каплей воды. Чистой каплей воды, терпеливой и вечной. В этом случае, как и во многих других, выигрывает действительность. Насколько прекраснее инстинкт водяной капельки, чем руки великана!

Реальная правда поэтичностью превосходит вымысел, или, иначе говоря, вымысел сам обнаруживает свою нищету. Воображение следовало логике, приписывая великанам то, что казалось созданным руками великанов. Но научная реальность, стоящая на пределе поэзии и вне пределов логики, прозрачной каплей бессмертной воды утвердила свою правду. Ведь неизмеримо прекраснее, что пещеры — таинственная фантазия воды, подвластная вечным законам, а не каприз великанов, порождённых единственно лишь необходимостью объяснить необъяснимое».

Научная мысль прокладывает человечеству пути в неведомое. Это — одно из подлинных чудес. Но постичь их не так-то просто. Требуются знания и немалые умственные усилия. А современный человек не очень-то любит напрягать свой утомлённый постоянной суетой интеллект.

Мне приходилось встречать немало энтузиастов научного познания. Были среди них изобретатели вечных двигателей и велосипедов, опровергатели всех привычных теорий и создатели оригинальных смелых гипотез. Один из них — С. А. Белозёров — надоумил меня на четверостишье:

Вода и камень. Солнце и Луна —
Синхронные эфира колебанья.
И я — лишь мимолётная волна
В магическом кристалле Мирозданья.

Сергей Белозёров предложил гипотезу кристаллического вакуума, — не воспринимаемой нами или нашими приборами среды, в которой пребывает материальный мир. То, что принято считать газом, жидкостью, коллоидом, твёрдым телом, в этой концепции — фантомы, причудливые сочетания волновых колебаний, легко текущих сквозь вселенскую твердь вакуума.

С позиции тех, кто озабочен лишь обогащением и карьерой, Сергей Белозёров настоящий чудак, если не глупец. Размышляет о том, что такое «ничто» (так переводится с греческого слово «вакуум»), хотя это не сулит ему ничего, никакой выгоды. Несколько лет разрабатывал теорию, приехал в Москву (если не ошибаюсь, из Самары), высказал свои идеи, успокоился и уехал домой. Я опубликовал статью о нём («Техника—молодёжи», 1993, № 8), но с той поры он так и не отозвался, как будто исполнил свой долг.

Казалось бы, такое поведение по меньшей мере странно. Если он совершил открытие, то его легко присвоит кто-нибудь другой. Никакой материальной выгоды он не получил — только расходы. Одно лишь моральное удовлетворение! Не чудак ли?

Для энтузиаста самое главное — духовный порыв, ощущение вторжения в неведомое, подобно мореплавателю, которому после долгих скитаний посчастливилось открыть новую землю. Но такое сильное и высокое чувство дано испытать далеко не каждому. До него надо дорасти умом и силой духа. Оно доступно лишь незаурядным личностям. Не каким-то особенным врождённым гениям (которыми является почти каждый младенец), а только вдохновенным искателям истины.

Есть лёгкие, протоптанные, а то и вытоптанные пути к мнимым чудесам. Например, тема космических пришельцев. А основана она на недоразумении. Её сторонники выдают возможное за действительное.

Посещение Земли инопланетянами само по себе вряд ли можно считать чудом. Наша цивилизация, находящаяся в

младенческом состоянии (выйдет ли из него?), осваивает космическое пространство. Почему бы более развитой цивилизации другой звёздной системы не забросить космический десант на Землю?

Но всё это остаётся лишь игрой ума. Земляне живут так, словно нет кроме них Разума во Вселенной. Пример В. К. Зайцева уникален: поверив в существование неведомых разумных сил, он сделал эту веру основой своего творчества и жизненного пути. Высший Разум был для него реален (ибо то, что входит в нашу жизнь и направляет её — реальность).

Если б значительная часть населения Земли прониклась подобной верой, то наша жизнь преобразилась бы в корне. Этого не произошло. Поэтому идею инопланетных пришельцев приходится относить в разряд суеверий или научной фантастики.

Подлинный глубокий пласт чудес находится в иной плоскости.

Одна из актуальных и в то же время необычайных проблем: что если породившая и пронизывающая нас земная область жизни — биосфера — не только живой, но и мыслящий организм?! Может быть, в поисках собратьев по разуму нам нет необходимости мчаться к иным галактикам? Мы сами — мыслящие частички великого разума биосферы. Хотя понять его мы не в состоянии прежде всего потому, что не стремимся к этому…

Вокруг нас и в нас самих присутствует мир удивительный и чудесный. Мы до сих пор плохо понимаем жизнь кристаллов — таинственных созданий земных недр. Загадочна разумная жизнь растений: ведь они целесообразно реагируют на изменения окружающей среды, взаимодействуют между собой.

Понимаем ли мы в полной мере, что такое космический вакуум и как он связан с нашим бытием и сознанием? Способны ли мы ориентироваться в мире элементарных частиц, которые оказались совсем не элементарными? Почему вымирают, возникают и усложняются организмы?

Подобным проблемам посвящено множество исследований, книг и статей. Вот только интерес к ним за последние десятилетия угасает. Такая любознательность нынче не в моде…

Да что там замысловатые проблемы? Многие ли из нас способны толково ответить на вопрос: почему Земля круглая, а блоха высоко прыгает? Он вовсе не шутливый, и влечёт за собой вереницу следствий, помогающих понять закономерности окружающего мира. Ведь шарообразность крупных небесных тел непосредственно связана с прыгучестью блохи!

…Принято думать, будто наука достигла ныне таких успехов,

что все основные тайны природы постигнуты, а потому остаётся либо заниматься уточнением мелочей, либо переходить за пределы научного знания в некую область «паранауки», запредельную для нормального научного метода.

Увы, мнимые чудеса «паранаук» — или собрание небылиц и бредовых идей, или выдумки шарлатанов, или вымысел журналистов, стремящихся развлечь и удивить читателей. А учёные в деталях многое изучили, выяснили, но коренные загадки бытия остаются непознанными.

Мы до сих пор плохо себе представляем, что такое Жизнь и Разум, почему и как усложняется организация биологических и геологических объектов, развивается ли Вселенная и что означает для неё понятие развития, как живёт (и мыслит?) биосфера, какой смысл существования человечества, не говоря уже о каждом из нас.

5

Во времена Античности прохожий спросил у местного жителя (им оказался Сократ):

— Долго ли идти до соседнего города?

— Иди, — последовал ответ.

— И без тебя знаю, что делать, — обиделся путник и пошёл дальше. Через несколько минут услышал:

— Если так будешь идти, к вечеру доберёшься до города.

Вот и нам придётся завершить предварительный разговор и отправиться в путь, навстречу чудакам и оригиналам. Среди них будут люди самые разные: знаменитости, замечательные мыслители и деятели, малоизвестные личности, а также самодуры и преступники (из этих двух категорий — немногие). Таков широчайший диапазон оригинальности.

В качестве напутствия приведу слова арабского автора XIII века Абуль-Фараджа:

«Пусть же эта книга станет утешением опечаленным, поднимет дух надломленных. Пусть станет она поучением для тех, кто любит поучения, и другом тех, кто любит юмор. Ничто, заслуживающее внимания, здесь не обойдено.

Пусть книга эта станет верным другом для читателя… Пусть каждый, образованный умница или самодовольный болтун, любой простак выберет здесь лучшее на свой вкус, пусть каждый соберёт те цветы, которые ему нравятся».

Добавлю: в данной книге букет персонажей чрезвычайно пёстр — от трагических до комических, от гениев до бездарей. Ничего не поделаешь: книга о чудаках вне стремлений автора становится оригинальной.

ПРАВИТЕЛИ

Любому правителю надо играть свою роль. Она предполагает ряд ограничений; он связан условностями, жёсткими правилами, за нарушение которых подчас расплачивается жизнью. Помимо всего прочего, ему пристало выглядеть простым и величественным, умным, справедливым и милостивым. Ради этого приходится слишком часто скрывать свои чувства и мысли.

Находясь на вершине власти, в переплетении сложных международных, внутриполитических и околотронных интриг, некоторые правители выходят далеко за пределы своей роли. Как справедливо отметил выдающийся русский историк В. О. Ключевский: всякая власть развращает; абсолютная развращает абсолютно.

В прежние времена абсолютных монархов было предостаточно, а потому и чудили они нередко. Некоторые из них и вовсе утрачивали здравый смысл, ощущение реальности.

Эхнатон

Аменхотеп IV принадлежал к фараонам XVIII династии Египта эпохи Нового царства и правил с 1372 по 1354 год до н. э. Он осуществил нечто невиданное для Древнего мира, став самым необычайным правителем за всю историю человечества.

Наибольшего могущества Египет достиг при его предшественнике Аменхотепе III. Подчинив многие государства и народы, этот прославленный фараон с большим трудом сохранял власть над ними. Одним из важных факторов, определявших разобщённость не только разных племён, но даже областей, а подчас и городов, было необычайное обилие богов.

Аменхотеп III задумал установить поклонение верховному богу. Осуществил это мероприятие его преемник Аменхотеп IV (его супруга — прекрасная Нефертити), провозгласив бога Атона, олицетворявшего солнечный диск, наивысшим и единственным. Все остальные были запрещены, их храмы разрушены, жрецы разжалованы. Имя другого солнечного божества — Амона — стёрли даже с глиняных табличек.

Ошеломляющее деяние! Многие египтяне сочли Аменхотепа IV безумцем. А он принял имя Эхнатон («Угодный Атону») и приказал поклоняться только Солнцу — носителю жизни и покровителю Египта. Столицу перенёс в новый город Ахетатон («Горизонт Атона»).

До этого в стране устойчиво существовал культ солнечного бога Амона-Ра, творца мира и покровителя фараонов. Почитались его жена, богиня неба Мут, и их сын, бог луны Хонсу. Земные владыки имели своих небесных покровителей, что подчеркивало божественность власти фараонов.

Принято считать, что, вводя единобожие, Эхнатон стремился укрепить своё единовластие и освободиться от опеки влиятельных жрецов Амона-Ра. Кроме того, как предположил английский египтолог Д. Раффл, фараон хотел «объединить нацию и стабилизировать обстановку».

Однако его религиозная реформа выходила далеко за такие сугубо прагматичные рамки (иначе о ней не стоило бы упоминать).

Эхнатону вовсе не обязательно было «отменять» всех богов, кроме одного; достаточно было просто понизить их статус. Фараон и без того считался наместником бога Солнца на земле, а запрещение культа нескольких богов, включая творца мира Амона-Ра, очень осложняло ситуацию внутри страны и расшатывало общественные устои.

К сожалению, сведения об Эхнатоне отрывочны и скудны. Он остаётся одной из самых загадочных фигур мировой истории. Приходится только догадываться, чем руководствовался он, проводя первую в мире грандиозную религиозную революцию. Ведь обожествлялся не «дух Солнца» в облике человека или животного, а материальное солнечное тело — реальный источник жизненной энергии.

Новая религиозная система, предложенная Эхнатоном, отчасти была атеистической. (Атеизм — религиозное течение: система верований, предполагающая отсутствие богов, Бога или иных духовных сущностей. Научно доказать это и противоположное утверждение невозможно.)

Древние египтяне вообще тяготели к атеизму, или, точнее сказать, к пантеизму. Бессмертие души они связывали с сохранением тела и материальных предметов, принадлежащих усопшему. Мировоззрение их было светлым и радостным, а представления о мире ином в принципе отражали образы этого мира.

Эхнатон первым основал религию нового типа — монотеизм, признающую одну высшую духовно-материальную субстанцию — Солнце. Но этот акт оказался преждевременным. Его идеи не укоренились в египетском обществе. Объективных факторов, стимулирующих радикальные идеологические перемены, было мало.

Древнеегипетская цивилизация сохраняла своё могущество. Ежегодные разливы Нила, удобряющие почву плодородным илом, обеспечивали устойчивость традиционного сельского хозяйства. А жрецы, оставшиеся вне своих алтарей и храмов, лишённые привилегий, превратились в яростных противников реформ.

Сразу же после его смерти (была ли она естественной не ясно) всё вернулось «на круги своя». Эхнатона жрецы заклеймили как вероотступника, его нововведения отменили, почти все памятники ему были уничтожены или осквернены. Имя Эхнатона постарались вымарать из текстов и стереть в памяти потомков. К счастью, данная акция не увенчалась полным успехом. До нас дошли сведения об этом религиозном гении, а также гимн Атону, по-видимому, им созданный (перевод В. Потаповой):

Великолепно твоё появление на горизонте,
Воплощённый Атон, жизнетворец!
На небосклоне восточном блистая,
Несчётные земли озаряешь своей красотой.
Над всеми краями,
Величавый, прекрасный, сверкаешь высоко…

Ты — вдалеке, но лучи твои здесь, на земле.
На лицах людей твой свет, но твоё приближение скрыто.
Когда исчезаешь, покинув западный небосклон,
Кромешной тьмою, как смертью, объята земля…
Рыщут голодные львы,
Ядовитые ползают змеи.
Тьмой вместо света повита немая земля,
Ибо создатель её покоится за горизонтом,
Только с восходом твоим вновь расцветает она…
Празднует Верхний и Нижний Египет
Своё пробужденье.
На ноги поднял ты обе страны.
Тела освежив омовеньем, одежды надев
И воздев молитвенно руки,
Люди восход славословят.
Верхний и Нижний Египет берутся за труд.
Пастбищам рады стада,
Зеленеют деревья и трава.
Птицы из гнёзд вылетают,
Взмахом крыла явленье твоё прославляя.
Скачут, резвятся четвероногие твари земные,
Оживают пернатые с каждым восходом твоим,
Корабельщики правят на север, плывут на юг,
Любые пути вольно выбирать им в сиянье денницы.
Перед лицом твоим рыба играет в реке,
Пронизал ты лучами пустыню морскую.

В другом гимне автор (Эхнатон?) восклицает: «Ты в сердце моём. Нет другого, познавшего тебя». Да, никто до него не смог в полной мере осознать, что земная жизнь абсолютно зависит от лучистой солнечной энергии.

Гимны Атону отчасти повторяют восхваления Осириса или «Большой гимн Амону-Ра». Но религиозное учение Эхнатона было самобытным, революционным. А сам он остаётся наиболее оригинальным правителем в истории мировой цивилизации.

Калигула

Приведённое мнение Тацита безусловно относится к ставшему императором после Тиберия (не без помощи Макрона) Гаю Цезарю Германику, прозванному воинами его отца, знаменитого полководца, Калигулой (Башмачком).

Поначалу Калигула пользовался любовью и популярностью. Он прекратил действие закона об оскорблении величия римского народа и амнистировал многочисленных заключённых. Объявил, что для доносчиков слух его закрыт. На радость публики возобновил массовые зрелища — бои гладиаторов, травлю зверей, театральные представления — в небывалых масштабах. Приказал строить великолепный мост через морской залив.

Всё это требовало огромных расходов. А Калигула осыпал поистине золотым дождём своих родственников и фаворитов, истощая казну империи. В нём стали проявляться худшие человеческие качества. Он требовал поклонения себе, как богу. Собирался назначить сенатором собственного коня (этот эпизод лёг в основу одноактной комедии Леонида Андреева), предоставив ему вместо конюшни мраморный дворец. Пожалуй, это была психическая болезнь (не у коня, конечно). Хотя Калигула вполне рассудительно повелевал казнить богатых патрициев, чтобы завладеть их капиталами; избавился таким же путём от своих соперников, например, от Маркиона.

Он сожительствовал с тремя своими родными сёстрами. Мог при муже увести его жену в свою спальню, а вернувшись, рассказывать при гостях о своих развлечениях с ней. В отличие от своих первоначальных заверений, он фактически лишил сенат власти, принимая единоличные решения, нередко сумасбродные, а то и чудовищно жестокие.

Финал правления Калигулы нетрудно было предугадать. Когда ему было 29 лет, в 41 году, его закололи офицеры преторианской гвардии Кассий Херея и Корнелий Сабин. В сенате было высказано предложение объявить Рим республикой. Но большинство не согласилось с этим. Как писал Иловайский, «народ и солдаты предпочитали империю». Очередным цезарем провозгласили дядю Калигулы Клавдия.

Решение было верным. Вообще-то, с детства его считали не только физически, но и умственно отсталым, стараясь не допускать к государственным делам. Однако он с пользой тратил предоставленное ему время, изучил греческий и этрусский языки, римское право, историю, интересовался философией. Знания позволили ему вести успешную внешнюю и внутреннюю

политику.

Правда, личная жизнь у него не сложилась. Третья его жена Мессалина была распутной и даже решилась в отсутствие мужа выйти дополнительно замуж за молодого сенатора. Её казнили. Клавдий вступил в брак со своей племянницей Агриппиной Младшей, которая в октябре 54 года отравила его грибами.

Нерон

Агриппина уговорила супруга усыновить её отпрыска от первого брака Луция Домиция Агенобарба. Он-то и был в 17-летнем возрасте возведён на трон под именем Клавдия Цезаря Августа Германика Нерона. Подлинной властительницей-императрицей оставалась Агриппина. Так продолжалось 5 лет (затем сынок, чтобы не обременять мать государственными делами, приказал её убить).

Начало правления Нерона не предвещало ничего плохого. Он был, как говорится, художественной натурой. Однажды, когда ему принесли на подпись смертный приговор, он театрально воскликнул: «Я желал бы не уметь писать!» Позже он с лёгкостью подписывал подобные списки на десятки человек.

Воспитывал и обучал его выдающийся философ Сенека (августейший ученик позже приговорил его к смерти). Государственными делами ведал командующий преторианской гвардией Афраний Бурр. Сенату было предоставлено больше прав, а от титула Отца Отечества Нерон отказался. Уменьшение налогов оживило торговлю, борьба с коррупцией улучшила положение в провинциях и подняла авторитет закона. Война с парфянами завершилась победой Рима.

Как часто бывает при любом виде правления, за власть и привилегии боролись две группировки. Одна поддерживала молодого императора, другая — вдовствующую (по своей инициативе) императрицу. Упиваясь властью, Нерон участвовал в оргиях, а также в театральных представлениях с пением и стихами. Чтобы обезопасить себя от возможного претендента на трон юного Британика, он приказал его убить. Избавился от «опеки» матери тем же радикальным способом, обвинив её в заговоре и покушении на его жизнь.

После смерти в 62 году Бурра (молва приписала её на счёт Нерона) отпросился в отставку и Сенека. С этого времени уже ничто не могло сдержать низменные страсти Нерона. Более всего любил он славу, лесть, раболепие. Свою благородную жену Октавию, дочь Клавдия, он обвинил в прелюбодеянии, выслал из Рима и приказал убить. Это было сделано для того, чтобы жениться на своей любовнице (жене друга) Поппее Сабине.

Летом 64 года в Риме вспыхнул страшный пожар, длившийся несколько дней и уничтоживший значительную часть города. Враги Нерона пустили слух, что это сделано по его воле, а сам император любуется с балкона редкостным зрелищем. Однако он не был настолько безумен, чтобы спалить столицу своей державы.

По версии историка Гиббона, подожгли Рим иудеи, мстя за разрушение Иерусалима. А обвинить они — с помощью еврейки, любовницы Нерона, и еврея, его советника, — смогли своих соплеменников-христиан, которых ненавидели сильнее, чем римлян. Тогда и начались гонения на христиан, вскоре принявшие массовый характер.

Был раскрыт заговор против Нерона. Рим объявили на осадном положении, начались убийства заговорщиков и массовые репрессии. Окончился неудачей и другой заговор. Вновь последовали убийства и репрессии. Наконец, начались восстания, и когда против Нерона выступили преторианцы, он покончил жизнь самоубийством.

…Нередко предполагается, что характер правления того или иного диктатора зависит в первую очередь от его личных качеств. Мол, один добр от рождения, а другой — патологический садист. Но вот — пример двух братьев. Став императором, сын Веспасиана Тит прославился своей добротой и милосердием. Его называли «утешением рода человеческого». Но правил он всего два года, умерев от болезни, а потому неизвестно, каким бы он стал в дальнейшем (можно вспомнить примеры Калигулы, Нерона).

Элагабал

Наконец, можно вспомнить ещё одного императора-оригинала — Марка Аврелия Антонина (204–222) по прозвищу Элагабал, или Гелиогабал, ибо был он жрецом храма солнечного божества. Его возвели на престол в 218 году благодаря интригам его бабушки Юлии Мэса, родственницы убитого заговорщиками императора Каракаллы.

«Будучи фанатичным поклонником почитаемого им бога, — пишут историки В. И. Кузишин и А. Г. Бокшанин, — Элагабал не думал ни о чём другом, кроме празднеств и богослужений, сопровождавшихся дикими изуверскими обрядами и невероятным расточительством. При торжественном въезде в Рим, Элагабал шёл перед колесницей, на которой везли изображение божества, и всё время вертелся колесом. Каждый день в Риме приносили в жертву быков и многие сотни овец. Элагабал заставлял присутствовать при этих обрядах, сопровождавшихся оргиями, сенаторов и преторианцев. За четыре года своего правления Элагабал вызвал всеобщее презрение и ненависть. Чтобы сохранить власть в руках своей семьи Юлия Мэса сама возглавила заговор против внука. Элагабал был убит».

Ирод

Этот царь стал синонимом тирана, способного на самое чудовищное преступление ради сохранения своей власти. Согласно евангельскому преданию он, узнав от волхвов о рождении «Царя Иудейского», «послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его от двух лет и ниже».

В исторических хрониках Ирода I называют Великим. Так может быть, следовало бы непременно добавлять: Великий самодур и злодей?

Правда, доподлинно известно, что умер Ирод за 4 года до Рождества Христова. Приходится делать выбор: либо Иисус Христос родился за несколько лет до принятой во всём мире даты Его рождения, либо Ирод непричастен к той чудовищной акции, которую ему приписывают. Хотя вполне совместимо и то и другое.

Протоиерей Александр Мень полагал, что верен первый вариант. По его словам, можно утверждать: «Рождество Христово совершилось в 7–6 гг. „до Р.Х.“». Обосновал это мнение так: «В правление императора Августа в связи с присягой Августу был дан указ о проведении переписи по всей Палестине. Каждое семейство должно было для этого прийти в город, откуда родом был глава семьи. Так Иосиф и Мария оказались в Вифлееме, небольшом древнем городе неподалёку от Иерусалима. Мария ждала ребёнка. Из-за большого скопления людей невозможно было найти места в доме. Марии и Иосифу пришлось остановиться в пещере, служившей загоном для овец. Там родила Мария своего Сына — Иисуса».

Боясь за свой трон, «царь отдал безумный по жестокости приказ уничтожить в Вифлееме всех младенцев от двух лет и моложе. Когда речь шла о власти, он не останавливался ни перед чем».

Версия сомнительная. Ирод Великий родился в 73 году до н. э. Почему бы ему, достигшему преклонного возраста, бояться малышей, которым надо бы ещё прожить четверть века, чтобы иметь хотя бы гипотетические возможности отнять у него трон?

Мог ли Ирод поверить в слова волхвов о звезде, которую сам не видел, и о рождении Царя Иудейского? Может ли звезда дать точный ориентир на конкретный городок? На подобные вопросы один лишь ответ — отрицательный. По поводу избиения младенцев на царя Ирода возвели напраслину. Почему?

Причина очевидна: его ненавидели иудаисты, которые стремились избавиться от римского владычества. Как писал

выдающийся английский историк Арнольд Тойнби: «Эллинизм оказывал давление на еврейство во всех планах социальной жизни — не только в экономике и политике, но и в искусстве, этике и философии. Ни один еврей не мог пренебречь проблемой наступления эллинизма». Одни стремились явно или тайно противодействовать этому. Другие, разделявшие политику Ирода Великого, соглашались признать более сильного врага, не теряя, хотя бы отчасти, своих традиций.

Историк Иосиф Флавий, обвинявший Ирода в многочисленных злодействах, не обмолвился об избиении младенцев. Есть версия, что под этой акцией следует подразумевать реальное событие — перепись населения. Евангелист Лука упомянул о проходившей в Иудее во время рождения Иисуса переписи по велению кесаря Августа. Но это произошло в то время, когда Иисус был уже отроком и много позже смерти Ирода.

Выходит, его имя стало нарицательным из-за недоразумения. Или всё-таки у этого деспота было и без того достаточно преступлений, чтобы навеки проклясть его имя?

Нет, напраслину возвели на него не случайно. Как нередко бывает, ненависть к нему парадоксальным образом объясняется его великими деяниями. На престол он был возведён римлянами по инициативе триумвира Марка Антония. После битвы при Акции (31 г. до н. э.) и гибели Марка Антония Ирод перешёл на сторону Октавиана и получил от него области на берегу Средиземного моря и в Заиорданье. Ирод основал Цезарею, построил иерусалимский дворец и многие сооружения в Греции и Малой Азии, перестроил храм Яхве в Иерусалиме. Ирод жестоко подавлял народные движения, направленные против римского гнёта.

Впрочем, в жестоком подавлении народных восстаний можно обвинить едва ли не всех правителей не только древних, но и современных государств. А если обратиться к «Хронике человечества» (1996), то деяния этого царя безусловно допустимо называть великими. «За его 33-летнее правление Иудейское царство имело приблизительно те же границы, как во времена Давида. Ирод… привёл страну к экономическому и культурному процветанию. Будучи зависимым от Рима, он в своей стране правил самостоятельно… Все попытки политической оппозиции он подавлял беспощадно».

Он боролся против тех, кто мешал ему создавать Великую Иудею. Ведь он «поддерживал в Иудее хозяйство и торговлю, восстановил разрушенные города и построил в Кесарии порт. Его важнейшим вкладом в сохранение еврейского самосознания были

восстановление храма и защита еврейской религии и культуры… Но его эллинистическая политика не пользовалась популярностью у евреев».

Ирод Великий старался приобщить своё царство к наиболее развитой европейской цивилизации (греко-римской). Делал он это обычными способами: поощряя своих сторонников и подавляя противников.

«Этот монарх, — писал Зенон Косидовский, — казнил свою жену, тёщу, трёх сыновей и многих других родственников. Последние годы его царствования были непрерывной цепью жестокости, дворцовых интриг и кровопролитий. Он был предметом всеобщей ненависти, о его преступлениях ходили самые ужасные слухи». Добавим: жён у него было несколько, а обострилась борьба за престол в связи с преклонным возрастом Ирода.

Было ли во всём этом что-то из ряда вон выходящее? Нет, конечно. Или после смерти Ирода Великого страна воспряла, освободившись от тирана? Нет, как раз наоборот: она сравнительно быстро пришла в упадок. В 70 году Иерусалим был разрушен.

А было ли бы Израилю лучше в случае насильственного свержения Ирода? Очень сомнительно. Страна была бы вновь завоёвана Римом и окончательно потеряла самостоятельность. Именно он проводил политику Великого Израиля.

Почему же его ненавидело большинство евреев? Правоверные иудаисты и сектанты выступали против эллинистической культуры. Богатые боролись за власть. Бедные и рабы восставали против угнетателей. Многие были недовольны высокими налогами.

Оценить по достоинству его дальновидную политику могли немногие. В Талмуде сказано: «Израиль попал в рабство потому, что в стране возникли двадцать четыре разновидности сектантства». Выходит, Ирод старался сохранить единство страны и народа. Конечно, при условии собственного владычества. Но ведь иначе быть не могло: только он при полной поддержке римлян имел возможность управлять Иудеей.

Клевета на Ирода со временем приняла вид преданий (жители страны в основном были неграмотными, довольствуясь слухами). Христиане возненавидели его как сторонника язычества (хотя он, не будучи евреем, принял иудаизм). У некоторых из них, возможно, слились воедино образы Ирода I Великого и последующего царя из рода Иродов, повелевшего казнить Иоанна Крестителя. При этом же «четверовластнике» Ироде (так назван он в Евангелиях) распяли Иисуса Христа.

Не питавший симпатии к Ироду римский историк и географ Страбон отметил: «Ирод настолько выделялся среди предшественников, в особенности благодаря своим связям с римлянами и мудрому управлению государственными делами, что был провозглашён царём». О незаурядной личности Ирода Великого можно судить по его поведению в критический момент, когда Марк Антоний, которого он поддерживал, потерпел поражение от Октавиана и покончил жизнь самоубийством. Ирод отправился в Рим и предстал перед победителем, произнеся достойную речь:

— Я любил Марка Антония и делал всё от меня зависящее, чтобы помочь ему сохранить верховную власть: именно я снабжал его войско деньгами и всеми необходимыми припасами, а теперь, не будь я занят войной с арабами, охотно посвятил бы всё своё время и все свои богатства, а также и свою жизнь служению вашему сопернику. Итак, не считайте, что я предал его в годину несчастий. Когда же мне стало совершенно ясно, что страсть влечёт его к гибели, я советовал Антонию либо избавиться от Клеопатры, либо даже погубить её любой ценой и таким образом, вновь овладев собой и став хозяином положения, заключить с вами выгодный и почётный мир. И последуй он моему совету, его гибель никогда не омрачила бы небосклона Великой империи. Увы, он не воспользовался им, и вы ныне пожали плоды его неосторожности… И если вы сочтёте меня достойным вашей дружбы, подвергните её самым суровым испытаниям.

Эта речь вполне достойна по меньшей мере отличного дипломата, а по большей — умного и честного человека.

Марк Аврелий

Пример императора Марка Аврелия (121–180) показывает, что философия помогает человеку обретать культуру мышления и силу духа. Это позволяет принимать правильные решения и сохранять ясность ума в трудных ситуациях, которых, кстати, на долю Марка Аврелия выпало немало. В период его правления Римскую империю начали сотрясать внутренние распри и нападения варваров.

Его увлечение философией можно было бы считать чудачеством. Ведь во время своего правления он имел слишком мало времени и возможностей для абстрактных мудрствований. Но именно поэтому «его пример — другим наука».

Во многом благодаря Марку Аврелию можно согласиться с мнением, высказанным поэтом Аполлоном Майковым в его трагедии «Два мира»:

О Рим гетер, шута и мима —
Он мерзок, он падёт!.. Но нет,
Ведь в том, что носит имя Рима,
Есть нечто высшее!.. Завет
Всего, что прожито веками!
Рим, словно небо, крепко сводом
Облёгший землю, и народам,
Всем этим тысячам племён
Или отжившим, иль привычным
К разбоям лишь, разноязычным
Язык свой давший и закон!

Марк Аврелий стал императором в 161 году, будучи вполне зрелым мужчиной. Странным образом он воспринял учение стоиков, основы которого заложили греческие мыслители Гераклит и Сократ, а окончательно оформил Зенон (он учил в портике Стоя в Афинах). Философским предшественником императора были сенатор Сенека и освобождённый раб Эпиктет (фактически безымянный, ибо «Эпиктет» — прозвище, означающее «Приобретённый»).

Марк Аврелий придерживался правила, сформулированного Эпиктетом: «Терпи и воздерживайся».

Он сделал дополнительную запись (для себя): «Трудись, не жалуйся». И сохранял спокойствие в трудные минуты, в горе и радости.

Он поучал не других, а себя. Его записная книжка называлась «К самому себе» (выходила у нас под названиями «Наедине с собой» и «Размышления»). Уже в её начале он отметил, что в жизни своей многим обязан некоторым врождённым свойствам, а более всего — воспитателям и учителям, а также счастливому стечению обстоятельств. Среди своих хороших качеств назвал «выносливость и неприхотливость», «несуетность; неверие в россказни колдунов и кудесников об их заклинаниях». Счёл верным, что «не стал писать умозрительных сочинений, выдумывать учительные беседы» (значит, такие искушения были!). И ещё: что «возмечтав о философии, не попал на софиста какого-нибудь и не засел с какими-нибудь сочинителями да за разбор силлогизмов; и не занялся внеземными явлениями».

Короче говоря, более всего в человеке он ценил здравый ум, честность, твёрдость убеждений, мужество, спокойствие, справедливость, стремление к познанию окружающего мира и самого себя. «Я же правды ищу, — писал он, — которая никому никогда не вредила; вредит себе, кто коснеет во лжи и неведении».

Некоторые его высказывания просто замечательны: «Вверх, вниз, по кругу несутся первостихии, но не в этом движение добродетели: оно нечто более божественное и блаженно шествует своим непостижимым путём». Бога он отождествлял с Природой, которую считал наделённой высшим разумом. Поэтому счастьем человека полагал жизнь согласно установлениям природы и разума.

«Не дорого дышать, как растения, вдыхать, как скоты и звери, впитывать представления, дёргаться в устремлении, жить стадом, кормиться, потому что это сравнимо с освобождением кишечника». Иначе говоря, он решительно отвергал мирскую суету, примитивные радости комфорта и удовлетворения физических потребностей. Этим он принципиально отличался от множества современных «цивилизованных» людей, стремящихся иметь как можно больше богатств, доходов, материальных ценностей, животных удовольствий.

Аврелий Августин был убеждён: «Радость человеку — делать то, что человеку свойственно. А свойственна человеку благожелательность к соплеменникам, небрежение к чувственным движениям, суждение об убедительности представлений, созерцание всеобщей природы и того, что происходит в согласии с ней».

Так считал и так поступал абсолютный монарх, властитель самого могучего и богатого государства того времени, имевший возможность пользоваться любыми материальными благами,

исполнять свои любые причуды, как это позволяли себе некоторые римские императоры.

Для кого-то он может выглядеть большим оригиналом и невероятным чудаком, не пожелавшим воспользоваться своим привилегированным положением. Хотя, на мой взгляд, Аврелий Августин сумел своей жизнью показать, что можно оставаться достойнейшим человеком, даже обладая абсолютной властью.

Балтазар Косса

Балтазар Косса (1370–1419), больше известный под именем Иоанна XXIII, родился в Неаполе, семье знатной, но обедневшей. Его старший брат Гаспар был предводителем морских разбойников, что не мешало ему одеваться по последней моде и проводить время в «приличном» обществе. Ему принадлежало несколько небольших судов. На них он со своей братией периодически отправлялся в море и возвращался с добычей.

Балтазар был счастлив, когда брат взял его с собой «на дело». Юноша готов был убивать ради богатства и наслаждений (особо прельщали его молодые невольницы). Но по настоянию матери он поступил в Болонский университет на теологический факультет. Обладая физической силой и ловкостью, смелостью и смышлёностью, Балтазар вскоре завоевал авторитет среди студентов и симпатии молоденьких девиц. Помимо личных достоинств он имел тугой кошелёк и легко расставался с деньгами. Среди его любовниц были замужние матроны. Их мужья не прочь были расправиться с Балтазаром. Но связываться с ним опасались даже бандиты.

Всё-таки ему довелось побывать в тюрьме. Оттуда он вышел благодаря стараниям брата и решил действовать на зыбкой ниве морского разбоя. Вот как описывает этот период жизни будущего папы римского греческий писатель Александр Парадисис:

«Четыре года корабли Балтазара Коссы бороздили воды Средиземного моря. Словно коршуны набрасывались они на проходящие суда, мусульманские или христианские, принадлежавшие различным государствам Европы, уничтожали и захватывали их экипажи и пассажиров. Пираты высаживались также у берегов Африки и Европы, у городов и деревень, на островах, грабили виллы, домики, хижины, сжигали их, предварительно забрав все ценности…

Косса предпочитал действовать в районах Берберии, где теперь расположены Тунис, Триполи, Алжир и Марокко… Он совершал набеги и на различные области Испании, Балеарские острова, Корсику, Сардинию, Сицилию и даже на районы континентальной Италии, которая была его родиной. Единственным местом, не страдавшим от налётов Балтазара, был Прованс — французская провинция, правителю которой служил брат Коссы Гаспар».

Косса с одинаковым рвением врывался и в мусульманские, и в христианские храмы, вынося из них ценности. После одного успешного набега, возвращаясь на родину с драгоценностями и

рабами, его корабли попали в сильный шторм. Их выбросило на скалы. Немногим из всей шайки удалось спастись. Среди них был и сам Балтазар.

На суше его опознали как пирата и заточили в подземелье дворца папы Урбана VI. Однако судить и казнить не стали. Урбан VI вёл жестокую борьбу за власть, в которой рассчитывал на помощь разбойника. Некоторых своих врагов глава католической церкви захватил в плен и жестоко пытал, вынуждая признаться во многих преступлениях, которых они не совершали.

По всей вероятности, участвовал в «допросах с пристрастием» весьма сведущий в зверствах Балтазар Косса. Хроника тех лет сообщает: «Следствие… понтифик поручил бывшему пирату, ставшему священником». Вряд ли это был не Косса.

При следующем папе — Бонифации IX — Коссу ещё более приблизили к престолу «наместника Бога на Земле». И неудивительно: они знали друг друга, были почти ровесниками. Правда, в отличие от Коссы, очередной Бонифаций не блистал умом и знаниями. Тем необходимей был ему друг Балтазар, которому он предоставил место архидиакона в соборе Св. Евстафия. В конце февраля 1402 года Косса был возведён в сан кардинала.

В те времена папский двор и покои кардиналов были настоящими гнойниками греха. Но даже и тут бывший разбойник сумел отличиться. Его современник, секретарь Ватикана, в этом не сомневался: «Неслыханные, ни с чем не сравнимые „дела“ творил Косса во время своего пребывания в Риме. Здесь было всё: разврат, кровосмешение, измены, насилия и другие гнусные виды греха, против которых был обращён когда-то гнев Божий».

Такой кардинал оказался очень кстати. Чтобы не потерять своих владений, папа должен был вести сложные дипломатические переговоры, переходящие в боевые действия. Кардинал Косса справлялся с такими задачами прекрасно. Он действовал решительно и коварно, использовал пытки и тайные убийства. Бравый кардинал приобрёл такую власть, что ему стал завидовать сам папа римский. И тут в самый подходящий для Коссы момент Бонифаций IX скоропостижно скончался. Позже шептались, что ему в этом помог кардинал. (Официально обвинили его в убийстве в 1415 году на Констанцском соборе.)

В результате ещё более возрос авторитет Коссы. Новый католический владыка Григорий XII попытался утвердить своё единоначалие. Последствия оказались прямо противоположные. Начался раскол церкви. Папы быстро размножались: их стало двое, а затем и трое. Дальновидный Косса не торопился брать бразды правления в свои руки, поддерживая папу Александра V.

Когда его протеже умер — в мае 1410 года, — кардиналы единодушно избрали на престол бывшего пирата Балтазара, ставшего Иоанном XXIII.

Правление его было недолгим. Через четыре года неаполитанский король захватил Папскую область, вошёл в Рим и попытался арестовать Иоанна XXIII. Сноровка пирата и тут помогла: он скрылся. Появился на церковном соборе в Констанце, но там его обвинили во многих преступлениях, так что вновь пришлось бежать.

Он умело пользовался награбленными богатствами. Даже свергнутый с престола и заточённый в тюрьму, вскоре оказался на свободе с красной кардинальской тиарой на голове, благополучно прожил на своей роскошной флорентийской вилле и умер в конце 1419 года. Похоронили его торжественно.

Усыпальницу для него создал знаменитый архитектор и скульптор Донателло. На мраморной плите надпись: «Здесь покоится прах Балтазара Коссы, бывшего папы Иоанна XXIII». Бронзовая маска сохранила для потомков его облик: крупные черты и бандитское выражение лица.

Дракула

Он стал одним из популярных героев готических фантасмагорий и «ужастиков». Фильмы о вампирах воссоздают замок Дракулы — утончённо-кровожадного мертвеца, оживляемого постоянными крововозлияниями и оберегающего себя от смертоносных для него солнечных лучей.

Шутка сказать: правитель, питающийся кровью своих жертв!

О нём не следовало бы упоминать, если бы у столь зловещего образа не был реальный прототип по имени Влад (1431–1476) — князь Валашский, принадлежавший к царскому роду Дракулов (от румынского слова, означающего «Дракон», изображение которого красовалось на их фамильном гербе). Правда, не совсем ясно, был он III, IV или даже V: у разных авторов он выступает под разными «номерами».

Он стал румынским национальным героем после того, как отстоял независимость своего княжества от нападений венгров и османских турок. Возможно, именно это обстоятельство стало причиной появления ужасных преданий, связанных с ним.

В юности ему довелось побывать в турецком плену. Там он увидел одну из наиболее мучительных казней: осуждённого насаживают на заострённое древко, которое постепенно проникает внутрь тела, разрывая органы. Этот способ расправляться со взятыми в плен врагами он «принял на вооружение», получив прозвище «Цепеш» («Сажающий на кол» или «Протыкатель»).

Было ли это проявлением его злодейской натуры, которая наслаждалась лицезрением страшных конвульсий погибающих людей? Судя по некоторым описаниям, так оно и было. Американские авторы Б. Джонс и Н. Блэндфорд пишут:

«Его способность изобретать всё новые и новые мучительные способы умерщвления людей была поистине ужасающей. Однажды он обедал в окружении большого количества своих медленно умирающих жертв. Одному из гостей сделалось дурно от зловония, и он имел неосторожность пожаловаться на это графу, который приказал посадить брезгливого гостя на кол, „чтобы он оказался над неприятным запахом“.

Двадцать лет своей жизни Влад провёл в одной из венгерских тюрем. Не имея возможности мучить людей, он проводил долгие одинокие часы в застенках, издеваясь над животными…

Влад заставлял жён есть зажаренные тела своих мужей, а родителей съедать детей. Все его выходки были не просто следствием жестокого нрава. Цепеш был садистом, получавшим

извращённое удовольствие от своих действий. Его привычка пить кровь своих жертв сделала его прототипом для создания образа графа Дракулы».

Интересно бы знать, каких животных мучил он в застенках? Клопов, блох, тараканов, крыс? Мучительная загадка… Как водится у данных авторов, они охотно пересказывают даже весьма сомнительные байки, а то и очевидную ложь.

Не гнушаются они и правдой. С удивлением констатируют: «И тем не менее в своей собственной стране Влад Пятый (у них он выступает под этим номером. — Р.Б.) считается героем, блестящим генералом, решившим положить конец десятилетиям междоусобных войн и дать отпор туркам, постоянно угрожавшим его границам». Но тут же добавляют: «Когда турки взмолились о мире, Влад пригласил к себе парламентёров и прибил им одежду к телу короткими гвоздями, чтобы агония длилась подольше».

Остаётся только руками развести. Можно подумать, что крохотная Валахия грозила захватить турецкую империю, и только мольбы её правителей, да прибитая к телам одежда турецких парламентёров спасли их от полного поражения. И какое у авторов изощрённое воображение: они полагают, что короткими гвоздями можно прибить одежду к живому телу, после чего начинается долгая агония.

Другой источник сообщает нечто похожее. Когда турецкие посланники осмелились не снять при нём свои головные уборы, он приказал прибить тюрбаны гвоздями к головам. Такая версия выглядит более правдоподобной, хотя и она вызывает сомнения. Не исключено, что Влад лишь пригрозил так поступить с турками.

И ещё. Оказывается, в 1448 году Влада возвели на валахский трон. Однако вскоре он почему-то укрылся в монастыре, пробыв там 8 лет. В конце жизни он провёл 12 лет в венгерской тюрьме. Правда, и в этой работе Владу III (так у автора) приписаны необъяснимые зверства: «Однажды он без всяких причин напал на свой же ни в чём неповинный город и умертвил под пытками 10 000 подданных». Или: «в день св. Варфоломея в одном из городов Трансильвании было посажено на кол 30 000 человек». Странное, если не сказать невероятное, развлечение для крещёного князя.

Трудно судить о реальном Дракуле. Был ли он изощрённым злодеем? Совершал ли страшные казни? По всей вероятности, да. В те времена это было общепринято. Но умерщвлял ли он своих безвинных подданных? Такой безумный правитель подорвёт экономику своего государства и возбудит против себя всех подчинённых, ибо каждый понимает, что ему в любой момент грозит расправа безо всякого повода.

Тех, кто читал о чудовищных злодействах турецких захватчиков, не удивит отношение Влада к ним. Одна жестокость порождает в ответ другую. Таким было средство устрашения врагов. Страшные рассказы о кровожадном, беспощадном, жестоком Дракуле могли распространять не только его противники, но и сторонники — чтобы врагам неповадно было вторгаться в пределы отечества.

Достаточно корректно сказано о нём в «Хронике человечества»: «Влад IV Цепеш, известный, с одной стороны, тем, что сумел отстоять автономный статус Валахии в борьбе с венграми и особенно османскими турками, а с другой — необычайной жестокостью, стал в новое время героем легенды, изображающей его вампиром».

Пётр Великий

Поэт-философ Максимилиан Волошин в поэме «Россия» высказал неожиданную мысль:

Великий Пётр был первый большевик.
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к её грядущим далям.

Да, царь Пётр Алексеевич первым осуществил революционный переворот не только в экономике, но и в государственном устройстве, общественных отношениях и даже — в общественном сознании, народных традициях. В этом он был, пожалуй, под стать древнеегипетскому фараону Эхнатону.

На характере и деяниях царей заметно сказываются государственные события, на фоне которых протекает их детство и юность. Ведь детские годы, скажем, Ивана Грозного, безусловно отразились на его поведении как самодержца, ненависти к боярам, жаждущим власти. То же относится и к Петру I (1672–1725).

У царевича Петра были просторные, светлые, ярко разукрашенные хоромы, хитроумные игрушки; он постоянно играл со сверстниками. Не тогда ли пробудился у него интерес к технике, военному делу, к пушкам и кораблям? Брали его на театральные представления и праздники. Возможно, шумные потехи тоже запечатлелись в сознании малыша, определив его тягу к развлечениям (порой грубым, а то и безобразным, хмельным).

Его отец, Алексей Михайлович, умер в январе 1676 года. Корона перешла к болезненному царевичу Фёдору Алексеевичу. Реальной властью пользовались приближённые к нему бояре. Вдовствующая царица и её сын были оттеснены от престола. С пяти лет Петра начали обучать грамоте. Систематического образования он не получил.

На похоронах Фёдора Алексеевича в апреле 1682 года знать целовала руки наследникам: Ивану, сыну от первой жены Алексея Михайловича, болезненной Марии Милославской, и Петру, сыну Натальи Нарышкиной.

Вскоре взбунтовались стрельцы и ворвались в Кремль, крича: «Нарышкины задушили царевича Ивана!» Царица Наталья вывела

на Красное крыльцо двух царевичей. Но разбушевавшейся толпе требовались жертвы. На глазах малолетнего Петра стрельцы учинили зверскую расправу над боярами, среди которых были наставники царевича. Эти события запомнил Пётр навсегда. Почти все его родственники Нарышкины и их приближённые были убиты или сосланы. Обоих царевичей признали царствующими при первенстве Ивана Алексеевича. Правление государством взяла в свои руки царевна Софья.

При живости характера Пётр не отличатся усидчивостью, а учителя не старались (или не смогли) принудить его к прилежной учёбе. Может показаться странным, что такой недоучка в зрелые годы стал реформатором русского общества, поборником наук и просвещения. Но в этом нет ничего удивительного. Прилежные ученики редко бывают смелыми новаторами. Учителя не погасили у Петра искры любознательности — вот что главное.

В Преображенском он велел устроить военный городок. Через Яузу перебросили мосты, возвели фортификационные сооружения с башнями. Появились первые офицеры потешного войска — с навыками настоящих профессионалов. Царевич Пётр не сидел, сложа руки, когда другие работали. Он во всё вникал, всему обучался; осваивал ремёсла каменщика, кузнеца, столяра и плотника, печатное и военное дело, навыки артиллериста. В Оружейной палате Кремля приметил огромный глобус, привезённый голландскими послами в подарок отцу. Велел его починить и по нему изучал географию.

Узнал он от князя Долгорукого, что есть инструмент, позволяющий узнавать расстояние, не сходя с места. Долгорукий по его просьбе привёз из Франции астролябию. Царевич пожелал научиться ею пользоваться. Пришлось под руководством иностранного преподавателя пройти курс арифметики и геометрии. Теперь он умел, в частности, вычислять траекторию брошенной из мортиры бомбы.

С потешного ботика начался вовсе не потешный могучий российский флот. Речка Яуза оказалась мала даже для небольшого бота. Измайловский Просяной пруд, где продолжили испытания, — тоже. Следующей акваторией стало Переславское озеро. И Кубенское озеро показалось ему невеликим и мелким. «Того ради, — вспоминал позже Пётр, — уже положил намерение прямо видеть море».

Желая остепенить семнадцатилетнего сына, царица Наталья Кирилловна женила его на красавице-боярыне Евдокии Лопухиной. Однако Петра больше жены привлекали корабли, построенные на Переславском озере. В письме оттуда матери он о жене и не вспоминает. Сообщает о делах, называя себя: «Сынишка

твой, в работе пребывающий, Петрушка».

Летом 1689 года пустили слух, будто готовится убийство царя Ивана и царевны Софьи. Командир стрельцов Шакловитый призвал вооружённые отряды в Кремль и на Лубянку. Большинство стрельцов отказалось бунтовать. Двое из них, добравшись в Преображенское к Петру, предупредили его об опасности. Пётр в ужасе бросился в конюшню босой, в одной сорочке, вскочил на коня и умчался в лес. Придя в себя, отправился в Троицкую лавру. Туда стали стягиваться верные ему бояре, стрельцы и потешные отряды. А когда явились служивые иноземцы, стало ясно, что дело Софьи проиграно; её отправили в Новодевичий монастырь.

…О Петре I написано очень много исследований и художественных сочинений. Кому-то он представляется самодуром, насильно перестроившим Россию на западный лад. Чаще его восхваляют как великого реформатора и государя, сделавшего нашу страну мировой державой и заложившего в ней основы просвещения. Одни его считают спасителем России, другие — губителем. В народе был слух, что царь — антихрист. И неудивительно. Вот как описывал Алексей Толстой одно из развлечений Петра Алексеевича.

«Растянувшись по всей улице, медленно ехали телеги на свиньях — по шести штук; сани на коровах, обмазанных дёгтем, обваленных перьями; низенькие одноколки на козах, на собаках. В санях, телегах сидели люди в лыковых шляпах, в шубах из мочальных кулей, в соломенных сапогах… На иных были кафтаны из пёстрых лоскутов, с кошачьими хвостами и лапами.

Щёлкали кнуты, свиньи визжали, собаки лаяли, наряженные люди мяукали, блеяли, — красномордые, все пьяные. Посреди поезда пегие клячи с банными вениками на шеях везли золотую царскую карету. Сквозь стёкла было видно: впереди сидел молодой поп Битка, Петров собутыльник… Он спал, уронив голову. На заднем месте — развалились двое: большеносый мужчина в дорогой шубе и в колпаке с павлиньими перьями и — рядом — кругленькая жирненькая женщина, накрашенная, насурмлённая, увешанная серьгами, соболями, в руках — штоф. Это был Яков Тургенев — новый царский шут из Софьиных бывших стольников, променявший опалу на колпак, и — баба Шушера, дьячкова вдова. Третьего дня Тургенева с Шушерой повенчали и без отдыху возили по гостям.

За каретой шли оба короля — Ромодановский и Бутурлин и между ними — князь-папа „Святейший кир Ианикита препшургский“ — в жестяной митре, красной мантии и с двумя в крест сложенными трубками в руке. Далее кучей шли бояре и

окольничие из обоих кремлёвских дворов. Узнавали Шереметьевых, Трубецких, Долгоруких, Зиновьева, Боборыкина… Срамоты такой от сотворения Москвы не было…

За боярами везли на колёсах корабль, вьюжный ветер покачивал его мачты. Впереди лошадей шёл Пётр в бомбардирском кафтане. Выпятив челюсть, ворочая круглыми глазами на людей, бил в барабан… На корабле стояли, одетые голландскими матросами, — Лефорт, Гордон, усатый Памбург, Тиммарман… Они смеялись, посматривая сверху, дымили трубками, притопывая на морозе».

Пётр был человеком крайностей, вспыльчивым, страстным и противоречивым. Оставаясь самодержцем, бывал и шкипером, и бомбардиром Петром Алексеевым. Возглавил русскую армию в Азовских походах. В Северной войне со шведами сначала потерпел сокрушительное поражение под Нарвой, но затем, извлекая опыт из неудач, наголову разбил армию Карла XII под Полтавой в 1709 году.

Государственный гений Петра I проявился и в том, что он упорно, преодолевая огромные трудности, превращал Россию в морскую державу, имеющую выход и в северные, и в южные моря. В 1703 году основал Санкт-Петербург. Победоносно завершив Северную войну, присоединил к России прибалтийские земли с городами Ригой и Ревелем (Таллином). В октябре 1721 года была провозглашена Российская империя; Сенат присвоил Петру Алексеевичу титулы Великого, императора и Отца Отечества.

Перенимая у наиболее развитых стран Западной Европы то лучшее, что было полезно России, Пётр I едва ли не первый выступил против «стиляг». В 1709 году издал указ: «Нами замечено, что на Невской перспективе в ассамблеях недоросли отцов именитых в нарушение этикета и регламенту штиля в гишпанских камзолах с мишурой щеголяют предерзко. Господину полицмейстеру Санкт-Петербурга указую впредь оных щёголей с рвением великим вылавливать, сводить в Литейную часть и бить кнутом, пока от гишпанских панталонов зело похабный вид не окажется. На звание и именитость не взирать, также и на вопли наказуемых».

Пётр I поощрял развитие заводов и мануфактур, провёл административную реформу и укрепил чиновничество, подчинил церковь государству. Тяготы войн и преобразований тяжким бременем легли на крестьян. Но, как верно отметил историк С. М. Соловьёв, «великий человек не может делать ничего не по мере сил и потребностей народных; если увлечётся как человек, сделает иначе, погибнет дело его, если перейдёт меру сил народных — дело в это время не устоит, им отстранится, или

подвергнется ограничениям, но если оно согласно с дальнейшим развитием народа и с его пользой, то служит примером для будущего… Великий человек не может ничего сделать без народа… Только великие народы могут иметь великих людей». По его словам, Пётр I «завещал нам науку и труд».

Результаты бурной деятельности Петра Великого оказались плодотворными ещё и потому, что преемники, в частности рассудительная и деловитая Екатерина II, подхватили и развили его начинания. «Великим счастьем русского народа, — писал В. И. Вернадский, — было то, что в эпоху перестройки своей культуры на европейский лад он не только имел государственного человека типа Петра I, но и научного гения в лице Ломоносова».

…Выдающиеся личности не возникают в результате счастливых и случайных генетических комбинаций. Такие люди появляются, когда есть в них насущная потребность, когда народ и общество дозрели — как плодотворная почва — до того, чтобы вырастали именно гении, а не ловкие и прожорливые сорняки.

Павел I

Порой шутом на троне представляют императора Павла I (1754–1801). Сохранилось немало анекдотов о его нелепых распоряжениях. Хотя шутовства он не терпел, был вспыльчивым и взбалмошным — большим чудаком и оригиналом.

В отличие от римских императоров, обезумивших от неограниченной власти по молодости лет, причуды Павла Петровича были, отчасти, следствием его позднего воцарения на троне. Властная, умная, деловая, любвеобильная (по отношению к своим фаворитам) Екатерина II холодно относилась к своему сыну, отца которого, Петра III, убили по её решению.

42 года Павел жил в тени своей величественной матери, отстранённый от власти, опутанный сетями интриг и сплетен, опасаясь шпионов и предателей. В детстве он не выказывал дурных наклонностей. Образование он получил неплохое, был начитан, грезил романтикой рыцарства и в европейских домах, которые посещал во время путешествий, слыл русским принцем Гамлетом.

В Брюсселе он, великий князь, рассказал своим собеседникам о загадочном происшествии с ним в Петербурге. Ночью он в сопровождении двух слуг и князя Куракина вышел пройтись по улицам в лунном свете. Возле него слева появился закутанный в плащ незнакомец, от которого веяло холодом; его не видели спутники Павла. Через некоторое время незнакомец глухо и грустно произнёс:

— Павел, бедный Павел, бедный князь!

— Кто ты, что желаешь?

— Бедный Павел! Кто я? Я тот, кто принимает участие. Чего я желаю? Я желаю, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, потому что ты не останешься в нём долго. Живи, как следует, если желаешь умереть спокойно, и не призирай укоров совести: это величайшая мука для великой души.

Когда они прошли к площади невдалеке от здания Сената, незнакомец показал на одно место:

— Павел, прощай. Ты меня снова увидишь здесь и ещё в другом месте.

Только теперь Павел, рассмотрев его лицо, понял, что это — его прадед Пётр Великий. А на указанном месте Екатерина II решила воздвигнуть памятник Петру I.

Было ли это наяву или привиделось нервному великому князю? Куракин уверял, что это был сон. А Павлу нравилось пребывать в образе принца Гамлета, которому суждено отомстить

за смерть отца и за свои мнимые и реальные унижения.

Однажды за обедом у государыни Екатерины при общем оживлённом споре Павел Петрович отмалчивался. Мать, желая вовлечь его в разговор, спросила, какого мнения он придерживается.

— Я согласен с графом Зубовым, — ответил он.

— А разве я сказал какую-то глупость? — сострил Зубов.

Как только умерла его мать в 1796 году, взойдя на престол, Павел I принялся за радикальные реформы. Обычно считается, что делал он их из ненависти к матери, желая наконец-то поступать ей наперекор. Однако причины были не столь глупы. Царствование Екатерины II было не только славным, но и расточительным (её многочисленные фавориты и их приспешники нещадно обкрадывали казну), тяжким для крестьян, что выразилось в восстании под предводительством Емельяна Пугачёва.

Беда была лишь в том, что слишком многие реформы императора были непродуманными, непоследовательными, а то и нелепыми. Он мог проявлять ум и благородство, но чаще отдавал сумасбродные распоряжения, был груб, гневлив и заносчив. Желая уравнивать в правах все сословия, ввёл телесные наказания для дворян. Порой офицеров пороли на глазах солдат.

«Что сделали якобинцы в отношении к республикам, — писал Н. М. Карамзин, — то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оного… Он хотел быть Иоанном IV; но россияне уже имели Екатерину II, знали, что государь не менее подданных должен исполнять свои святые обязанности, коих нарушение… низвергает народ со степени гражданственности в хаос частного естественного права».

С годами он становился всё более мрачным, подозрительным, деспотичным. На него особенно сильно подействовала революция во Франции. Ему стали повсюду мерещиться якобинцы, ниспровергатели тронов и царей. Идеалом императора Павел I считал Фридриха Великого, а прусскую армию — лучшей в мире. Под этот образец он стал перекраивать и муштровать русских солдат и офицеров.

Александр Суворов отозвался на эти новшества, по своему обыкновению, не в бровь, а в глаз: «Я, милостью Божиею, баталий не проигрывал. Русские пруссаков всегда бивали, что же тут перенять». «Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, я не немец, а природный русак». За эти слова он был разжалован и отправлен в ссылку.

Суворов говаривал, что у него семь ран, из коих две получены на войне, а пять — при дворе. Ему горько было наблюдать, как

император возвышает никчёмных людей. По странной прихоти, например, Павел I назначил своего лакея Кутайсова обер-шталмейстером, сделав графом.

Когда Суворов с Кутайсовым однажды шли по коридору Зимнего дворца, им навстречу попался истопник. Суворов стал кланяться ему в пояс.

— Что вы делаете, князь, — сказал Кутайсов. — Это же истопник.

— Помилуй Бог, — отвечал Суворов, — ты граф, а при милости царской и не узнаешь, каким этот будет вельможей. Надобно его задобрить наперёд.

…Причуды Павла I были многочисленны и подчас нелепы. Вот что писал Н. И. Греч в «Записках о моей жизни»:

«Жесточайшую войну объявил император круглым шляпам, оставив их только при крестьянском и купеческом костюме. И дети носили треугольные шляпы, косы, пукли, башмаки с пряжками. Это, конечно, безделицы, но они терзали и раздражали людей больше всякого притеснения. Обременительно ещё было предписание едущим в карете, при встрече особ императорской фамилии, останавливаться и выходить из кареты. Частенько дамы принуждены были ступать прямо в грязь. В случае неисполнения, карету и лошадей отбирали в казну, а лакеев, кучеров, форейторов, наказав телесно, отдавали в солдаты. К стыду тогдашних придворных и сановников, должно признать, что они при исполнении, не смягчали, а усиливали требования и наказания.

Однажды император, стоя у окна, увидел идущего мимо Зимнего дворца и сказал, без всякого умысла или приказания: „Вот идёт мимо царского дома и шапки не ломает“. Лишь только узнали об этом замечании государя, последовало приказание: всем едущим и идущим мимо дворца снимать шапки. Пока государь жил в Зимнем дворце, должно было снимать „шляпу при выходе на Адмиралтейскую площадь с Вознесенской и Гороховой улиц“. Ни мороз, ни дождь не освобождали от этого. Кучера, правя лошадьми, обыкновенно брали шляпу или шапку в зубы. Переехав в Михайловский замок, т. е. незадолго до своей кончины, Павел заметил, что все идущие мимо дворца снимают шляпы, и спросил о причине такой учтивости.

— По высочайшему Вашего Величества повелению, — отвечали ему.

— Никогда я этого не приказывал! — вскричал он с гневом и приказал отменить новый обычай. Это было так же трудно, как и ввести его. Полицейские офицеры стояли на углах улиц, ведущих к Михайловскому замку, и убедительно просили прохожих не

снимать шляп, а простой народ били за это выражение верноподданнического почтения…

Предписано было не употреблять некоторых слов, — например, говорить и писать „государство“ вместо „отечество“; „мещанин“ вместо „гражданин“; „исключить“ вместо „выключить“. Вдруг запретили „вальсовать“ или, как сказано в предписании полиции, употребление пляски, называемой „вальсеном“. Вошло было в дамскую моду носить на поясе и чрез плечо разноцветные ленты, вышитые кружками из блёсток. Вдруг последовало запрещение носить их, ибо-де они похожи на орденские».

В 1798 году Павел с восторгом принял титул Великого магистра Мальтийского ордена. Однако в глазах русских патриотов он тем самым выставил себя на посмешище и унизил царское достоинство.

В лавине распоряжений, порой противоречивых, отдаваемых императором, важные государственные решения терялись среди обилия пустяков и чудачеств. Когда надо было назначить генерал-прокурора, он прибегнул к своему любимому средству: написал на бумажках несколько достойных имён, положил их перед образом, помолился, перемешал бумажки и вынул наугад одну.

Импульсивный самодержец принимал решения быстро и непродуманно. Некоторые его приказы вызывали усмешки (от 8 февраля 1800 года: «Объявить в пример другим строгий выговор умершему генералу Тренгелю…»), другие — возмущение. Так, он отказал в воинских почестях скончавшемуся великому полководцу Суворову, которому сам же присвоил высшее воинское звание генералиссимус. В том же мае 1800 года Павел приказал прогнать сквозь строй под тысячу шпицрутенов штабс-капитана Кирпичникова за каламбур по поводу ордена Св. Анны и фаворитки царя Анны Гагариной.

Даже семья не стала для Павла опорой. По свидетельству Ф. В. Растопчина: «Великий князь Александр ненавидит отца; великий князь Константин его боится: дочери, воспитанные матерью, смотрят на него с отвращением, все улыбаются и желают его погибели». Она и не замедлила свершиться.

Против него организовали заговор. Он чувствовал это, не зная, откуда ждать удара. За последние 6 недель царствования отправил в тюрьму 100 офицеров гвардии. Это лишь ускорило его гибель. Ночью 11 марта заговорщики ворвались в спальню императора с обнажёнными шпагами и потребовали от него отречься от престола, угрожая в противном случае смертью. По одной версии, он произнёс: «Нет, я умру вашим императором!»

Людвиг II

Популярная некогда песня в исполнении Аллы Пугачёвой утверждала:

Всё могут короли, всё могут короли,
И судьбы всей земли вершат они порой,
Но что ни говори, жениться по любви
Не может ни один, ни один король.

Вообще-то бывали исключения из этого правила, особенно в последние десятилетия, когда короли выступают в роли артистов, демонстрирующих былые традиции. Но в XIX веке король Баварии Людвиг II из-за разбитой любви предался чудачествам, а наследный принц Австро-Венгрии Рудольф совершил самоубийство. И это были события не частного, а государственного, даже международного масштаба.

Людвиг II Баварский (1845–1886) взошёл на престол самого богатого и могущественного государства Южной Германии в 18 лет после внезапной кончины своего отца Максимилиана. Их род отличался пристрастием к искусствам, архитектуре. Эта традиция у Людвига II превратилась в манию.

Он был привлекательным, физически крепким юношей, мечтательным, впечатлительным и обладавшим немалыми знаниями… за исключением того, что ему требовалось в первую очередь — умения управлять страной, а также собственными эмоциями.

Глубокую сердечную рану он получил от своей возлюбленной невесты принцессы Софии. Она была красива и романтична, подобна лесной нимфе; любила охоту, собак, верховую езду, одинокие прогулки в лодке по озеру. Однажды Людвиг решил сделать ей сюрприз: набрав музыкантов, отправился к её замку, чтобы исполнить серенаду. Опередив спутников, он приблизился к цели. Вдруг увидел невесту в просвете деревьев парка: она сидела возле своего грума, нежно поглаживая его кудри…

В припадке гнева Людвиг едва не убил их. О свадьбе не могло быть и речи. Софию он отправил её к отцу, хотя она уверяла, что у него была галлюцинация. С тех пор Людвиг стал избегать женщин.

Английский искусствовед Говард Грей пишет:

«Людвиг большую часть детства провёл в старинном замке Гогеншвангау — загородной резиденции королевской семьи.

Позднее его затмили архитектурные капризы нового короля — причудливые замки Нойшванштайн, Херренхимзее и Линдерхоф, построенные Людвигом в баварских горах и стоившие колоссальных денег. Максимилиан украсил стены Гогеншвангау изображениями Короля лебедей — сценами из древней германской легенды, восхищавшей экстравагантного Людвига.

Мальчик, заточённый в своём собственном фантастическом мире, в полном уединении среди деревьев и гор, нашёл в образе лебедя идеальное воплощение своих романтических устремлений. Когда в возрасте пятнадцати лет Людвиг увидел Лоэнгрина (в опере рыцарь появляется на лодке, запряжённой лебедем), он был поражён музыкой Вагнера и его драматической интерпретацией старинной легенды. Принц решил, что наконец-то нашёл композитора, чьё романтическое восприятие мира полностью созвучно его собственному. Всё больше увлекаясь, он погрузился в чтение статей Вагнера, а когда увидел предисловие к новому изданию поэмы Кольцо (Нибелунгов), заканчивающееся вопросом: „Так найдётся ли у нас такой монарх, чтобы понял, в чём теперь состоит его долг и предназначение“…»

Две подлинные страсти испытывал Людвиг: любовь к музыке и архитектуре. Композитору Рихарду Вагнеру он писал: «Я хочу навсегда снять с Ваших плеч презренный груз повседневных забот. Я хочу дать Вам возможность наслаждаться покоем, которого Вы так жаждете, чтобы Вы смогли беспрепятственно воспарить на могучих крыльях своего таланта и подняться в незамутнённое небо Вашего восхитительного искусства! С самого моего раннего детства Вы были, не подозревая о том, единственной моей отрадой, другом, который беседовал с моим сердцем так, как больше никому этого не было дано, лучшим наставником и учителем».

Письмо, которое он послал Вагнеру летом 1865 года, завершается так: «Вы и Бог! До смерти, до перехода в иной мир, в царство ночи миров, пребываю верный Вам Людвиг».

Увлечение миром иллюзий заводило молодого короля слишком далеко. Он избегал людей и любил в наряде Рыцаря Лебедей проплывать в лунном свете по озеру. Свои прихоти он привык исполнять незамедлительно. Проснувшись среди ночи, мог приказать вызвать артистов и играть оперу для одного зрителя — самого себя. Или отправлял букет единственной обожаемой им женщине принцессе Гизеле (тоже немалой причуднице), жене принца Леопольда. Тогда ей приходилось просыпаться, одеваться и принимать королевского посла.

«Бывали случаи, — писал психиатр П. И. Ковалевский, — что у Людвига наступали приступы мускульного бешенства: он

скакал, плясал, прыгал, рвал на себе волосы и бороду; другой раз он, напротив, оцепеневал и стоял часами неподвижно на месте. К этому присоединялись иллюзии и галлюцинации».

Финансы страны были не в лучшем состоянии из-за колоссальных трат на строительство и убранство дворцов, один из которых повторял в уменьшенном виде Версаль. Немало средств уходило на содержание Вагнера и его семьи, а также на роскошные оперные постановки. Тратил он главным образом личные деньги, отпущенные на его содержание, а в остальном был расчётлив и неплохо справлялся со своими обязанностями.

Прошёл слух, что, устав от государственных дел, король решил продать Баварию и купить себе необитаемый остров либо страну в Гималаях. Правительство с согласия королевской родни назначило комиссию из четырёх видных психиатров. В её заключении 9 июня 1886 года было сказано: его величество страдает паранойей, которая запущена и ведёт к слабоумию; управлять королевством он не может.

Чтобы ознакомить Людвига с этим документом и объявить о решении Государственного совета назначить над ним опеку, в его замок Нойшванштайн прибыла делегация.

Через два дня король принял комиссию в башне замка. Был спокоен. Сказал: «Мне было бы очень легко освободиться, — стоило только выброситься из этого окна, и всему позору конец. Что меня лишают правления — это ничего, но я не могу пережить того, что меня делают сумасшедшим».

Его увезли в замок Берг. Окрестные жители приветствовали короля, многие плакали. Он не обратился к ним с призывом о помощи, а покорился своей судьбе. В замке беседовал с докторами. 13 июня вечером пожелал прогуляться в парке. Его сопровождал доктор и два служителя. Он просил их удалиться, что было исполнено. Когда через два часа король не вернулся, начались поиски. Тела его и доктора нашли в озере Штарнберг.

Расследование показало, что Людвиг, бросив зонт, сняв на ходу плащ и сюртук, побежал к озеру. Доктор поспешил за ним, догнал на мелководье и попытался остановить. Завязалась борьба, в которой более сильный и молодой король победил.

На этом можно было бы завершить рассказ о несчастном короле баварском Людвиге II. Добавив, что сообщения о его чудачествах, быть может, преувеличены или даже вымышлены. Всё-таки сказывалась и политическая конъюнктура: благодаря стараниям канцлера Бисмарка была создана Германская империя, которой не требовалось сильное Баварское королевство.

А Людвиг II вошёл в историю не как государственный деятель, а из-за своих чудачеств. Главное: он не только распознал

в Рихарде Вагнере гения, но и стал его меценатом, содействовал его творческой свободе и постановке его героических, возвышенных грандиозных опер-симфоний.

ШУТЫ

Шут в силу своей профессии должен демонстрировать своё решительное отличие от окружающих. Он имеет возможность высказываться буквально как бог на душу положит: прикидывается дураком (или таковым является).

Шуты подчас дошучивались до больших неприятностей. Нешуточное это дело — пребывать шутом при абсолютном монархе. Своими словами и ужимками народ веселишь, да как бы не заиграться. Если ты не дурак, а таковым прикидываешься, приходится быть особенно умным, увёртливым, двусмысленным, пользуясь предоставленной свободой весьма умело.

Эзоп

О греческом баснописце Эзопе или Эсопе (VI или V в. до н. э.) известно немного: ведь он был рабом. Даже век, в котором он жил, назван приблизительно.

Считается, что он был выходцем из Фригии (Малая Азия). Почему стал рабом, остаётся только догадываться. Ни физической статью, ни здоровьем он не отличался, что восполнял силой интеллекта. Был отпущен на свободу. Некоторое время находился при дворе лидийского царя Креза. Ясно, что Эзоп не только сочинял, но и собирал народные поучительные остроумные истории — басни. Вот, например, одна из них.

Умирая, позвал крестьянин своих сыновей и говорит: «Дети мои, в нашем винограднике вы найдёте всё, что я имел». После его смерти сыновья перерыли весь виноградник в поисках сокровищ. Клад они не нашли, зато хорошо вскопанная почва дала обильный сбор винограда. Ведь истинное сокровище — умение и желание трудиться.

Рассказывают, что однажды хозяин Эзопа приказал рабам готовиться к дальней дороге. Эзоп взял тяжёлую корзину с хлебом, тогда как другие выбрали поклажу полегче. Но после первого привала его корзина уменьшилась в весе, а после обеда стала легче наполовину. Только тогда всем стало ясно, что Эзоп оказался дальновидным.

В другой раз Эзоп шёл по улице и встретил судью. Тот, подозревая, что раб отлынивает от работы, спросил:

— Куда ты идёшь?

— Не знаю, — ответил Эзоп.

— Ты лжёшь! — вскричал судья и приказал отправить его в тюрьму.

— Как видишь, я сказал чистую правду, — сказал Эзоп. — Разве мог я знать, что попаду в тюрьму?

Судья рассмеялся и отпустил его.

Говорят, хозяин Эзопа, изрядно выпив на пиру, стал бахвалиться. Кто-то его поддразнил: «Да ты и море, видать, можешь выпить?» — «Я всё могу!» — «И ты готов поспорить, что выпьешь море?» — «Спорим!»

Они поспорили на большую сумму.

Протрезвев, хвальбишка узнал, что ему надо на спор выпить не просто чашу морской воды, но всё море. Он сильно загрустил, предвидя полное поражение в споре.

— Что мне делать? — спросил он Эзопа. Тот подумал и посоветовал:

— Прикажи поставить на берегу моря ложе и стол с чашей, и предоставь дело мне.

На следующий день пришли на берег моря хозяин с Эзопом и хитрый спорщик, считавший заранее себя победителем. Явились судьи, собрались зеваки. Эзоп зачерпнул чашу морской воды и хотел было дать её хозяину, но остановился и спросил:

— Мой хозяин обещал выпить море, не так ли?

— Да, именно так, — ответил судья.

— Однако в море впадает много рек, а их воды не было уговора пить. Поэтому надо прежде оградить море от рек.

Подивились все мудрости Эзопа и завершили спор вничью.

Было ли всё так на самом деле? Определить невозможно. Да и разве это принципиально важно? Не исключено, что эти истории придуманы Эзопом как показатели остроумия и логики. Или приписывались ему как человеку, обладающему незаурядным умом. В любом случае прославлено имя раба и шута, а вовсе не его господина или владыки государства.

Судя по всему, после пребывания у Креза, Эзоп отправился в Дельфы, где жил несколько лет. Здесь жрецы обвинили его в святотатстве. Согласно преданию, его сбросили со скалы.

Насколько верна такая версия его жизненного пути и смерти, трудно сказать. Однако по крайней мере одна его басня безусловно должна была возмутить и озлобить священнослужителей.

У бедняка, рассказывал Эзоп, была деревянная статуя бога.

— Сделай меня богатым! — много раз обращался он к своему божеству, но мольбы его были напрасны. Он сделался ещё беднее. Со злости схватил он божка за ноги и ударил головой об стенку.

Вдребезги разлетелась статуя, и высыпалась из него горсть золотых монет. Собрал их счастливец и сказал:

— Низок же и глуп ты, по моему мнению. Поклонялся тебе я, умолял тебя — не помог мне, а треснул тебя об стену — одарил богатством.

Мораль этой басни по Эзопу: «Кто обращается с негодяем ласково — останется в убытке, кто поступает с ним грубо — в барыше».

Неудивительно, если за такую атеистическую историю Эзопа осудили как богохульника. Хотя из его басни можно сделать вывод, хорошо известный по русской народной мудрости: на бога надейся, а сам не плошай.

…Посмертная судьба Эзопа поучительна. Этот бывший раб стал поистине царём баснописцев. Его сочинения в стихах и прозе — около 400 — пересказывались многократно в Древней Греции и Риме, во Франции и России. Манеру высказывать свои

мысли в образах и событиях, обиняком, намёками назвали «эзоповым языком».

Ходжа Насреддин

Во многих восточных странах популярны истории о Ходже Насреддине. Этот персонаж одни считают исторической фигурой, другие — собирательным образом из народных анекдотов. Возможно, как говаривал сам Ходжа, и те правы, и другие. Можно возразить: но ведь в первом случае речь идёт о реальном человеке, а во втором — о придуманном. Придётся, по примеру Насреддина, согласиться: и это тоже правда!

Говорят, Ходжа Насреддин был при дворе великого завоевателя Тимура. Однажды Тимур спросил его:

— Скажи, не хотел бы ты быть ханом?

— Не дай Аллах! Зачем мне такое несчастье?

— Почему несчастье?

— При мне умерло два хана, а я не умер ни при одном. Надеюсь, так будет и дальше.

— Ну нет, больше так не будет, — усмехнулся грозный повелитель. — Я велю тебя повесить.

— Твоя воля, о величайший из великих! Но прежде исполни мою последнюю просьбу.

— Какую?

— Совсем маленькую. Я очень боюсь щекотки, особенно, когда щекотят шею. Я могу умереть от смеха. Прикажи, о справедливейший из справедливых, чтобы меня повесили за пояс.

…Однажды Тимур проверял дела городского головы. Оказалось, что в книгах, куда записывали взимаемые с горожан налоги, много ошибок, естественно, в пользу чиновника. Разгневанный правитель велел градоначальнику съесть все налоговые книги, а на его место назначил Ходжу Насреддина.

Через некоторое время Тимур вызвал к себе Ходжу с налоговыми книгами. Оказалось, что записи сделали на тонком лаваше.

— Неужели в городе не нашлось бумаги? — грозно спросил повелитель.

— О господин! — ответил Насреддин. — Я сделал это на тот случай, если ты разгневаешься на меня и прикажешь съесть налоговые книги. У меня не такой крепкий желудок, как у моего предшественника, чтобы переварить столько бумаги. А с лавашем я справлюсь.

…Было ли так или не было, а в подобных анекдотах шуты представлены более умными и находчивыми, чем великие владыки. Хотя, конечно же, от шута требовалось прежде всего остроумие, но не мудрость, что не одно и то же.

Диоген

Великий полководец Александр Македонский, ученик Аристотеля, будучи в Коринфе, пришёл в кипарисовую рощу на окраине города, встал перед большой глиняной бочкой-амфорой и представился:

— Я — Александр, великий царь Македонии.

— А я — собака Диоген, — прогудел глухой голос из бочки.

— Почему ты так называешь себя?

— Кто бросит мне кусок, тому виляю, кто не бросит — облаю, кто зол — кусаю.

— Что я могу сделать для тебя? — спросил царь.

— Отойди в сторонку, ты загородил мне солнце.

…Большим оригиналом слыл «бочкожитель» Диоген (ок. 410–323 гг. до н. э.). Стал он таковым отчасти по прихоти судьбы.

Он был сыном чиновника-менялы Гикесия и получил должность чеканщика монет. Говорят, он пошёл в Дельфы и спросил у оракула, что ему предпринять. «Сделай переоценку ценностей», — услышал ответ. Будущий философ понял совет просто: надо подделывать монеты, и занялся этим неблаговидным, но доходным занятием, пока его не изобличили. Избегая ареста и суда, он вынужден был бежать.

Впрочем, по другим версиям подделкой занимался он вместе с отцом, а у оракула побывал после того, как был изгнан из родного города Синопа (Южное Причерноморье). Так или иначе, а бедствуя во время скитаний, он действительно переоценил ценности, оставив мечту о материальном богатстве, отдал предпочтение интеллектуальному. Пришёл в Афины и направился в гимнасий Киносарг (в переводе — «зоркий пёс»), где преподавал философ Антисфен — личность примечательная и весьма оригинальная.

Антисфен был учеником Сократа и постоянно ходил к нему за 8 километров. По его мнению, философия научила его умению беседовать с самим собой. На вопрос, какая наука самая необходимая, отвечав: «Наука забывать ненужное».

Он отдавал предпочтение действиям, а не словам. Во время дискуссии в ответ на убедительные логичные доводы, что абсолютного движения нет, он встал и стал прохаживаться перед оппонентом.

(Вообще-то, можно принять за точку отсчёта самого шагающего философа. Тогда он предстанет находящимся в покое, а все прочие объекты — движущимися относительно него. Казалось бы, так простейшим образом доказывается принцип

относительности движения. Мол, всё зависит от заранее принятой системы координат. Хотя в действительности все объекты на свете пребывают в постоянном движении. Оно является изначальным и постоянным признаком окружающего и пронизывающего нас Мироздания. Вопрос в том, существует ли абсолютный покой?)

Антисфен учил — прежде всего собственным примером — предельно ограничивать свои материальные потребности. Диоген довёл этот принцип почти до предела, едва ли не до абсурда, отказавшись почти от всей личной собственности. Говорят, что увидев, как мальчик пьёт из источника, зачерпывая воду ладонью, он выбросил свою чашку, ибо и без неё, оказывается, можно обойтись.

Тяжелобольной Антисфен жаловался на свои страдания Диогену, который достал кинжал со словами: «Вот что избавит тебя от них». Однако учитель возразил: «Я сказал — от страданий, а не от жизни».

Римский писатель III века н. э. Диоген Лаэрций (или Лаэртский) в книге «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» в главе, посвящённой Диогену Синопскому, написал: «Он говорил, что когда видит правителей, врачей или философов, то ему кажется, будто человек — самое разумное из живых существ, но когда он встречает снотолкователей, прорицателей или людей, которые им верят, а также тех, кто чванится славой или богатством, то ему кажется, что ничего не может быть глупее человека».

Однажды философ рассуждал о важных предметах, но никто не хотел его слушать. Тогда он заверещал по-птичьи, залаял, как собака, и вокруг быстро собралась толпа.

— О люди! — сказал Диоген. — Вы сбегаетесь по пустякам, а на разумное и полезное вы не обращаете внимание.

Когда его спросили, много ли было людей на стадионе, он ответил:

— Народу было много, людей мало.

Порой он ходил с огнём по улице днём, поясняя: «Ищу человека».

В то время пользовалось популярностью определение Платона: «Человек есть животное о двух ногах, лишённое перьев». Диоген ощипал петуха и принёс его в школу Платона со словами:

— Вот ваш человек!

Говорят, после этого Платон добавил к своему определению: «…и с широкими ногтями». Хотя Диоген имел в виду, что суть человека определяют не столько его биологическая природа, сколько особенности духовного мира.

Однажды он пришёл в дом знатного господина. Слуга провёл его по роскошно убранным комнатам, восхваляя богатство хозяина и великолепие убранства. Диоген откашлялся, посмотрел по сторонам и плюнул в лицо холую.

— За что? — обиделся тот.

— Я хотел сплюнуть, но не нашёл здесь места гаже, чем твоя рожа.

Он старался избавлять людей от суеверий. Увидя, что женщина отвешивает земные поклоны перед статуей бога, он подошёл к ней и сказал:

— А ты не боишься, женщина, что бог находится сзади тебя, ибо всё полно его присутствием, и тогда ты ведёшь себя непристойно по отношению к нему.

Ему сказали, что на острове Самофракии в пещере, посвящённой богине Гекате, оставляют дары спасшиеся от смертельной опасности.

— Даров было бы гораздо больше, — резонно заметил философ, — если бы их приносили не спасённые, а погибшие.

При нём священнослужители вели в тюрьму человека, укравшего чашу из храмовой казны. Диоген сказал: «Большие воры ведут мелкого».

Алчность он называл матерью всех бед.

Кто-то сказал Диогену:

— Тебя многие поднимают на смех.

— А я всё никак не поднимусь, — ответил он.

— Но ведь над тобой смеются!

— А над ними, быть может, смеются ослы. Но как им нет дела до ослов, так и мне — до них.

За предельно упрощённый быт Диоген получил прозвище «кион» (собака). Его последователи именовались киниками (циниками). По другой версии, возможно, более верной, это название пошло от философской школы Антисфена, расположенной в гимнасии «Зоркий Пёс».

На вопрос, почему люди подают милостыню нищим и убогим, но не помогают философам, Диоген ответил: «Богатые знают, что бедными и больными они могут стать, но мудрецами — никогда».

О себе он говорил, что судьбе противостоит мужеством, закону предпочитает природу, а страстям — разум.

Достигнув преклонных лет, на совет отдохнуть от трудов Диоген отвечал: «Если бы я бежал на далёкую дистанцию и уже стал приближаться к цели, разве не следовало бы напрячь все силы, вместо того чтобы уйти на отдых?»

Несмотря на чудачества Диогена, афиняне его уважали. Однажды мальчишка камнем разбил «бочкодомик». Проказника

выпороли, а философу дали новую бочку.

После смерти Диогена сограждане почтили его память медным изображением с надписью:

> Пусть состарится медь под властью времени — всё же
> Переживёт века слава твоя, Диоген:
> Ты нас учил, как жить, довольствуясь тем, что имеешь.
> Ты указал нам путь, легче которого нет.

Последнее утверждение хотелось бы оспорить. Увы, слишком мало тех, кто избирает путь простой жизни с небольшими материальными потребностями. Напротив, многие стремятся обзавестись всё большим количеством вещей, увеличивать до астрономических сумм свои капиталы.

Диоген считал, что нельзя утверждать, что человек богат, если у него много денег. И пояснил:

— Богатый человек удовлетворён тем, что имеет. Беднее его тот, кто старается иметь больше того, что у него есть. Значит, ему, бедняге, чего-то постоянно недостаёт.

…Можно посмеиваться над чудачествами философа-киника. Тем более что он, пожалуй, гордился своей бедностью, выставляя её напоказ. Но в чём-то важном он был совершенно прав. Во-первых: сущность человека отражают не его внешние признаки, а внутренний мир. Во-вторых: подлинный человек должен иметь ограниченные материальные и безграничные духовные потребности.

Эпиктет

Эпиктет (ок. 50–125 гг.) по отношению к жизненным благам был подобен Диогену. Неудивительно: он родился рабом. Из Малой Азии его привезли в Рим. Его купил телохранитель Нерона. Говорят, Эпиктет, когда хозяин бил его палкой по ноге, сказал:

— Ты вот-вот её сломаешь.

Так и случилось. Философ (оставшийся хромым на всю жизнь), не теряя самообладания, заметил:

— Я ведь тебя предупредил.

Эпиктет, получивший свободу после казни его хозяина как пособника Нерона, ничего не писал. Мысли его изложил современник Марка Антония Флавий Арриан.

Высказывание Эпиктета «людей мучают не вещи, а представления о них» заставляет вспомнить труд Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Кто не знает слова Шекспира: «Мир — театр, а люди в нём актёры». Но задолго до этого Эпиктет сказал: «Подумай о том, что ты являешься актёром в драме и должен играть роль, предназначенную тебе поэтом, будь она велика или мала… Твоё дело — хорошо исполнить возложенную на тебя роль; выбор же роли — дело другого».

Свободу, а вовсе не богатство или власть он считал высшей ценностью. Человека считал главным вершителем собственной судьбы: «Состояние и свойство невежды есть никогда от себя самого не ожидать себе ни пользы, ни вреда, но всегда от внешних вещей. Состояние и свойство Философа есть всякой пользы и всякого вреда ожидать только от самого себя».

Каждому следует иметь в виду простую, но тем более верную его мысль: «Если бы тебя усыновил царь, твоё высокомерие не знало бы пределов. Почему же ты не гордишься сознанием, что ты — сын божий?»

Одно из любимых высказываний Эпиктета, учившего словом и своим примером: «Терпи и воздерживайся».

Иван Балакирев

Иван Балакирев, шут Петра I, был сыном бедного дворянина. В отличие от многих представителей его профессии, он не рядился в потешные наряды и даже не притворялся дураком. Сначала он по протекции камергера Монса стал камер-лакеем императрицы Екатерины I. Выведывал придворные сплетни и новости, сообщал ей. Царю он нравился за остроумие. По той же причине случалось Балакиреву опасаться за свою неприкосновенность.

Как-то решил царь узнать у шута, что говорят в народе о строительстве новой столицы — Санкт-Петербурга. И услышал:

— Царь-государь, народ говорит: с одной стороны море, с другой — горе, с третьей мох, с четвёртой — ох!

Говорят, разгневанный Пётр, схватив свою трость, стал охаживать шута, приговаривая: «Вот тебе море, вот тебе горе, вот тебе мох, а вот ещё и ох!»

Было так или не было, а в народе действительно так говорили. А то и добавляли, что воздвигают город на крестьянских костях.

В другой раз, вроде бы, Пётр поинтересовался:

— А правду ли говорят при дворе, что ты дурак?

— Слухам не верь, Пётр Алексеевич. Всякое говорят. Они и тебя называют умным, но кто же этому поверит.

Рассердился царь. Бить наглеца не стал, а приказал:

— Вон с глаз моих и с земли русской!

Пришлось Балакиреву спешно покинуть столицу. Пересёк он шведскую границу. За малую плату пограничная стража позволила ему насыпать мешок местной земли и удостоверила, что она — шведская. На этом мешке и вернулся Балакирев в Санкт-Петербург.

Стал он разъезжать таким образом по городу, пока его не встретил Пётр.

— Ну, теперь пеняй на себя, коли ослушался моего приказа, — сказал император.

— Не извольте гневаться, ваше величество! — отвечал шут. — Я на шведской земле нахожусь. — И указал на мешок.

Другая байка. Пётр I поручил Меншикову какое-то дело. А тот, не желая им заниматься, стал возражать. Решение отложили на следующий день. И когда Меншиков снова начал спорить с царём, появился Балакирев. В одной руке он держал курицу, в другой решето с яйцами.

— Прости, царь-государь, послушай челобитную от сей

важной птицы…

Он произнёс жалобу курицы на яйца, которые поучают её. А потому за оное ослушание она просит государя сделать из них добрую яичницу.

— Справедлива ли жалоба? — улыбаясь, спросил Пётр присутствующих.

Все со смехом ответили утвердительно, прекрасно поняв намёк, лишь Меншиков насупился. Ему-то и поручил царь приготовить яичницу.

Говорят, что после войны с Персией, в которой участвовал Балакирев, Меншиков при других вельможах спросил его:

— Ты, дурак, в Персии побывал, а какой у персиян язык, не знаешь.

— А вот и знаю, — ответил Балакирев.

— Ну, и какой же?

— А вот такой, как у тебя и у меня, — и шут показал ему язык.

Когда на обеде у князя Меншикова гости хвалили обилие и достоинства подаваемых вин, Балакирев отозвался:

— У Данилыча всегда найдётся много вин, чтобы невинным быть.

…Однажды Балакирев упал в ноги царю:

— Воля твоя, Алексеич, хватит мне быть шутом. Перемени мне это звание на другое.

— Да какое же? Дурака? Чай, хуже будет.

— Назови меня царём мух, да выдай такой указ.

Пётр исполнил его просьбу. И вот на застолье, где присутствовали знатные господа, Балакирев, с важным видом гулявший по зале с хлопушкой, колотя мух, подкрался к заведующему дворцовым хозяйством, отменному казнокраду, и хлопнул его по лысине.

— Ты что делаешь? — вскричал Пётр.

— Не извольте беспокоиться, ваше величество, — отвечал царь мух. — Одна из моих подданных крала твои царские запасы, вот я её и наказал.

Придворный, обиженный шуткой Балакирева, как-то сказал ему:

— Тебе люди, как скоту какому-нибудь, дивятся.

— Неправда, — ответил он. — Даже подобные тебе скоты удивляются мне как человеку.

О шуте Балакиреве немало сохранилось анекдотов. Трудно сказать, насколько они правдивы. Известно только, что в 1724 году он был арестован вместе с Монсом за «разные плутовства», бит батогами и сослан. Вернули его ко двору при императрице

Анне Иоанновне, любившей шутовство.

…Фаворит императрицы Бирон ввёл новые налоги, вызвавшие ропот в народе. В правительстве стали обсуждать вопрос, не применить ли к недовольным телесные наказания. Балакирев возразил:

— Нельзя на это гневаться. Надобно же и народу иметь какое-то утешение за свои деньги.

Педрилло

Педрилло, родом из Флоренции, тоже был придворным шутом. Прибыл он в Россию в правление Анны Иоанновны как певец и скрипач в придворной опере. Но быстро переметнулся в шуты, стал карточным партнёром императрицы и часто держат вместо неё банк, оставляя выигрыш себе, а за проигрыш предоставляя возможность расплачиваться Анне Иоанновне. Она доверяла ему выписывать актёров для своей оперы и покупать драгоценности для двора.

Говорят, придя на исповедь, он между прочим упомянул, что только что поколотил свою жену. Духовник спросил, в чём же она провинилась?

— Ни в чём не провинилась, — ответил тот.

— Зачем же ты её бил?

— А я по забывчивости могу не припомнить всех своих грехов. А как начну её колотить, тут она мне всё и припомнит.

Находясь проездом в Риге, Педрилло обедал в трактире и остался недоволен плохой едой за хорошую плату. Он громко спросил толстого немца-трактирщика:

— Скажи-ка, любезный, сколько в Риге свиней, не считая тебя?

Взбешённый трактирщик стал ругаться. И Педрилло уточнил:

— Виноват, ошибся. Хотел спросить, сколько здесь свиней с тобою?

Один граф любил кичиться своими предками. Педрилло сказал ему при случае:

— Тот, кто хвастается только одними предками, подобен картофелю, у которого всё лучшее погребено в земле.

В Петербурге ожидали солнечного затмения. Педрилло пригласил к себе друзей, заверив, что главный петербургский астроном профессор Крафт, его хороший знакомый, сам покажет им редкое небесное явление.

Компания весело проводила время. Наконец Педрилло предложил отправиться в обсерваторию. Пока они собирались и ехали, затмение прошло. У входа на башню, где стояли приборы, их остановил сторож:

— Господа, уже поздно, затмение свершилось.

— Ничего, любезный, — возразил шут. — Профессор мой знакомый, он всё покажет сначала.

В «Записках о России» Христофор Манштейн упомянул об одной проделке Педрилло. У него была невзрачная худая жена. Бирон, желая над ним посмеяться, спросил:

— Говорят, ты женат на козе?

— Сущая правда. Она беременна и скоро родит. Смею надеяться, ваше высочество, не откажете по русскому обычаю навестить родильницу и подарить что-нибудь на зубок младенцу.

Через несколько дней он сообщил Бирону, что его жена-коза благополучно разрешилась от бремени. Ради потехи, Бирон с придворными навестили шута. У него в кровати лежала коза, украшенная лентами и бантами, а сам шут принимал поздравления и подарки. Говорят, на своей шутке он заработал несколько сот рублей.

Кульковский

Князь Михаил Алексеевич Голицын по прозвищу Кульковский, или Квасник, был ещё одним знаменитым шутом в те времена. Его считали слабоумным главным образом за то, что после смерти жены, находясь во Флоренции, он влюбился в итальянку и женился на ней, ради чего перешёл в католичество. Хотя это свидетельствует, пожалуй, не о слабости ума, а о силе чувств.

Императрица Анна Иоанновна заинтересовалась этим чудаком, велела представить его себе и была очарована его глупостью. В частном письме она призналась: «Он здесь всех дураков победил». Ему поручили подавать ей квас, за что и прозвали Квасником. С ним связана причуда императрицы, описанная в романе Ивана Лажечникова «Ледяной дом». Ей пришла фантазия женить его на шутихе калмычке по кличке Буженинова. Для этого построили роскошнейший ледовый дворец со скульптурами, ледяными пушками, дельфинами, цветами и ледяным слоном в натуральную величину.

На потешной свадьбе вырядили множество «разноязычников и разночинцев», а поэт Василий Тредиаковский приветствовал новобрачных одой, начинавшейся:

Здравствуйте, женившись, дурак и дурка,
Ещё жопа-то та и фигурка!
Теперь-то прямо время вам повеселиться,
Теперь-то всячески поезжанам должно беситься…

Говорят, Тредиаковский, желая сконфузить Кульковского, спросил у него:

— Какая разница между тобою и дураком?

— Дурак спрашивает, а я отвечаю, — был ответ.

Кульковский частенько наведывался к одной вдове. К ней же заглядывал и его приятель, лишившийся ноги в сражении под Очаковом, имея вместо неё деревяшку.

Когда вдова стала ждать ребёнка, Кульковский пригрозил приятелю:

— Смотри, братец, если ребёнок родится с деревяшкою, то я тебе и другую ногу перешибу.

Герцог Бирон послал Кульковского вместо себя быть крёстным сына одного камер-лакея. Кульковский исполнил задание, но когда докладывал об этом Бирону, тот, чем-то

недовольный, назвал его ослом.

— Не знаю, похож ли я на осла, — сказал шут, — но в этом случае я совершенно представлял вашу особу.

Престарелый генерал фон Девиц женился на молодой хорошенькой немке из Риги. В письме Кульковскому, своему давнему знакомому, генерал написал об этом событии, добавив: «Конечно, я уже не могу надеяться иметь наследников». Кульковский ответил: «Вряд ли можете надеяться, однако должны опасаться, что они будут».

Впрочем, как в случае с прочими шутами, трудно сказать, насколько правдивы анекдоты об их проделках и остротах. Обычно эти люди чудили, дурачились или по хитрости, или по странностям ума, вызывающим подозрения на психическую болезнь.

Чарли Чаплин

Чарлз Спенсер Чаплин (1889–1977) родился в семье артистов лондонского мюзик-холла, рано стал выступать на сцене. Многое в его гении определило детство, проведённое в лондонских трущобах. Он вспоминал: «Уродливые контуры берегов реки портили пейзаж. Половина моего детства прошла среди шлака и мусора этих закопчённых пустырей». Он был необычайным тружеником, многократно переделывая отснятый материал, добивался предельной выразительности и доходчивости. Даже в пожилом возрасте сохранял ясность ума и прекрасную память.

В 1907 году с труппой он гастролировал в США как мим, был приглашён сниматься в кино и вскоре создал образ «маленького человека». Как писал позже, «хотя моя работа сильно стилизована, но она всегда была пронизана человечностью. Началась она как чистейший фарс, а затем вылилась в создание почти нормального человеческого характера».

Большим успехом пользовались его «короткометражки», в частности «Малыш». С 1923 года на своей киностудии он стал создавать фильмы: «Парижанка», «Золотая лихорадка» (1925), «Цирк», «Огни большого города» (1931). Чаплин высмеивал механизированный бездушный мир капитала с его погоней за деньгами («Новые времена», 1936). В фильме «Диктатор» (1940) великолепно и смело пародировал А. Гитлера, Г. Геринга, Б. Муссолини.

После войны в США его преследовали как сторонника коммунистов (хотя ни в какие партии он не входил). Он переехал в Швейцарию. Его послевоенные произведения: «Месье Верду», «Огни рампы», «Король в Нью-Йорке», «Графиня из Гонконга» (1967), где он сыграл эпизодическую роль и написал музыкальную тему, ставшую очень популярной (в ней слышится печаль прощания).

Когда его милый и застенчивый убийца женщин месье Верду арестован, то поясняет свои преступления просто: «Это мой маленький бизнес». Ведь во имя большого бизнеса убивают тысячи, миллионы людей, калечат жизни десяткам миллионов женщин. А тут всего лишь несколько жертв, да и не лучших представительниц слабого пола, к тому же ради лечения своей больной жены…

Великий художник и мистификатор Сальвадор Дали как-то высказался: «Надеюсь, никто не посягнёт на мой высший титул — титул шута. Шутом был Чарли Чаплин, а ведь повсеместно признано, что он воплотил эпоху. Так что вообразите, что Чарли

Чаплин не только шут, а кроме того рисует, пишет картины, ставит спектакли, то есть делает всё то, что делаю я, это уже непревзойдённая степень гениальности…»

Да, художник Дали десятилетиями эпатировал, развлекал, привлекал к своей персоне состоятельную публику, создавая себе рекламу. Но допустимо ли сказать нечто подобное о Чаплине? Знаменитые комики немого кино стремились вызвать смех в зрительном зале, и некоторым это удавалось с блеском. Но разве этим славен Чарли?

По словам выдающегося советского режиссёра С. Эйзенштейна, «Чаплин равноправно и твёрдо становится в ряд величайших мастеров вековой борьбы Сатиры с Мраком — рядом с Аристофаном из Афин, Эразмом из Роттердама, Франсуа Рабле из Медона, Джонатаном Свифтом из Дублина, Франсуа Мари Аруэ де Вольтером из Ферне. И даже, быть может, впереди других, если принять во внимание масштаб Голиафа фашистской Подлости, Злодейства и Мракобесия, которого сокрушает пращёй смеха… Чарлз Спенсер Чаплин».

Верно отметил в 1944 году писатель Илья Эренбург: «Не высокие институты Запада, не философы и мудрецы, а комедиант отстаивал человека. Его принимали за клоуна. Он был рыцарем».

Этот маленький смешной человечек в котелке, с усиками, тросточкой, в мешковатых штанах и непомерно больших стоптанных башмаках сражался за справедливость, свободу и человеческое достоинство. Он велик не телом с грудой мышц, не огромным капиталом, ловким владением техникой, знанием наук. Он хрупок, беден, неловок. Но именно он — полноценный человек.

Судьба не балует бродягу Чарли. Он то и дело попадает в опасные передряги, убегает от полицейских, вступает в схватку с громилами. У него нежное сердце, он влюбчив, наивен и прост, не привык унывать и всегда готов помочь ближним (хотя ему редко кто помогает). Это — Дон Кихот Нового времени. Рыцарь Печального Образа, воспитанный не на романах, а жестокой школой жизни.

В фильме «Пилигрим» Чарли бежит из тюрьмы, переодевается в одежду пастора, случайно оказывается у прихожан в провинциальном городке и вынужден прочесть им проповедь. Рассказывает библейскую притчу о Давиде и Голиафе. Самодовольный гигант, потрясающий мечом, с презрением смотрит вниз, на Давида. А тот, поглядывая наверх, деловито берёт пращу, кладёт туда камень, раскручивает оружие и… Камень пробивает череп Голиафа навылет, великан падает, Давид отсекает ему голову подбрасывает её и поддаёт ногой, как мячик.

Всё это показано без единого слова (кино-то немое!) — стремительно, ярко, образно, убедительно и смешно. Завершается сцена тем, что какой-то мальчишка, забыв, что находится в храме, вопит от восторга и аплодирует. Мнимый пастор, войдя в роль, раскланивается и игриво убегает с паперти, словно балерина, исполнившая номер; возвращается, посылая ошеломлённым прихожанам воздушные поцелуи. Не забывает он и о гонораре, пытаясь взять церковную кружку, куда градом посыпались монеты.

Пилигрима приглашают в богатый дом. Туда же проникает грабитель, забрав ценности, однако Чарли отнимает их и отдаёт владельцам. Шериф узнаёт в нём разыскиваемого беглеца. Судя по безупречному поведению Чарли ясно, что посадили его несправедливо. Шериф, делая вид, будто отводит преступника в тюрьму, доставляет его к мексиканской границе и отпускает. Честный Чарли продолжает идти рядом с шерифом, который едет верхом. Шериф посылает его за границу, предлагая нарвать цветов, а сам поворачивает коня обратно. Его сзади окликает Чарли, бегущий во всю прыть с букетом в руке. Шерифу ничего не остаётся, как подвести наивного чудака к границе и дать ему пинка.

Получив такую «путёвку в жизнь» и обретя свободу, Чарли тотчас всё понимает. Он счастлив, готов обнять весь мир… Вдруг из кустов возникают вооружённые мексиканцы, начав яростную перестрелку. Куда бежать? Чарли мчится вдоль границы, по одну сторону которой подлый буржуазный порядок, а по другую — бандитизм…

Впрочем, Чаплина лучше один раз увидеть, чем сто раз о нём услышать. Тем, кто его понимает — а таких сотни миллионов, — он сообщает очень многое, забавляя, веселя и поучая одновременно, вызывая «чувства добрые». Множество его находок, трюков с той поры использовали самые разные режиссёры и артисты, а Чаплин по-прежнему остроумен и нов, ибо вызывает смех сочувствия, понимания, очищения.

Подобно всем настоящим гуманистам Запада, Чаплин надеялся, что Советский Союз прокладывает путь в общество свободы, равенства, братства и справедливости. Говорил: «Я не коммунист, но поддерживаю коммунистов всей душой». Его поступки и творчество полностью подтверждают эти слова. Недаром Центральное разведывательное управление США вело расследование его «подрывной антиамериканской» деятельности.

Действительно, фильм «Новые времена» — едкая и точная сатира на буржуазное общество эпохи технической цивилизации. В одной из американских статей говорилось: «Чаплина упрекают

в том, что никогда ещё он не был так резок, так строптив. Находят, что нынешнее его политическое направление совсем близко к коммунизму. Ему не прощают того, что он яснее, чем когда-либо, заявил себя врагом крупных промышленников и полиции».

Но значение фильмов Чаплина не ограничивается разоблачением бесправия, страданий и унижений «простого человека» в буржуазном обществе. Чаплин поднимается до более высоких обобщений, показывая трагедию человека в бесчеловечной цивилизации.

…У его шедевров автором сценария, режиссёром, композитором, актёром, продюсером был один и тот же человек — Чарлз Спенсер Чаплин. А созданный им образ Чарли остаётся живым для новых и новых поколений (чудесное достоинство кинематографа!). Он не устареет до тех пор, пока у обитателей Земли не угаснет любовь к людям и сочувствие к их нелёгкой жизни, пока будут в чести стремление к справедливости и сохранению человеческого достоинства.

А он высказывался о своей работе без пиетета:

«Откуда берутся идеи? Только из упорных поисков, граничащих с одержимостью. Для этого человек должен обладать способностью мучиться и не утрачивать увлечённости в течение длительных периодов. Может быть, для некоторых людей это легче, чем для других, хотя я сильно сомневаюсь в этом.

Всё, что может такой человек, как я, — это разоблачать зло, предоставляя тем, кто способен на большее, миссию решать сложные проблемы современной жизни.

Одна лишь правда в искусстве живёт вечно».

ПРОРОКИ, МИСТИКИ И ФЕНОМЕНЫ

Признаюсь: так и не могу разобраться, кого следует считать мистиком, феноменом, экстрасенсом, чудотворцем. Среди этих людей встречаются незаурядные мыслители и откровенные шарлатаны, обладатели редких способностей и шизофреники. Распознать «кто есть кто» порой непросто.

В нашем привычном понимании феномен — человек необычайный, экстрасенс, воспринимающий сверхчувственные сигналы из окружающей среды или подсознания. Но ведь и фокусник способен поразить нас чудесами, а уж о необыкновенных возможностях техники и говорить нечего. До сих пор не прекращаются попытки доказать телепатию, передачу мыслей на расстояние без приборов. Хотя с помощью приборов это делается с потрясающей точностью и полнотой (радио, телевидение).

Со времён Античности к тем, кого теперь называют экстрасенсами, относились по-разному. Одни верили в их колдовство, заклинания. Другие потешались над подобными суевериями. Об этом свидетельствует такая эпиграмма:

> Дико рычащий и пахнувший дурно при том заклинатель
> Демонов вредных изгнал — силой зловонья, не чар.

К мистикам (от греческого «мистикос» — таинство, таинственный) можно причислить самых разных людей. Даже отъявленный материалист согласится с тем, что существует немало явлений, которые остаются непознанными, непонятыми, загадочными. Правда, он будет утверждать, что когда-нибудь наука снимет покров тайн. Но это уже элемент веры, не имеющий доказательств.

В мистическом экстазе, как принято считать, человек может прорицать будущее, постигать неведомое. Такое состояние с полным основанием называют вдохновением. О нём у нас ещё пойдёт речь особо, в связи со свойствами мозга и попытками изучить их методами френологии.

* * *

Со времён каменного века, не менее десяти тысячелетий назад, у разных племён земного шара существовали

предсказатели. Сначала это были шаманы, входившие в мистический транс и в таком состоянии якобы общавшиеся с духами, переносясь в прошлое и будущее.

С появлением государств священнослужители помимо всего прочего сообщали правителям и народу «волю богов» (так, как они её понимали, чувствовали). Но мы сейчас вспомним некоторых — из многих! — ветхозаветных пророков. Они, безусловно, были людьми необычайными. Можно верить или не верить в их боговдохновенность, дело даже не в этом. Самое замечательное, что они проявляли не только мудрость, но и незаурядное мужество.

Исайя

Исайя, библейский пророк, клеймил своих соплеменников за деяния, навлёкшие на них гнев Божий:

— Увы, народ грешный, народ, обременённый беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные!

Кара, постигшая Иерусалим, по мнению пророка, оправданна:

— Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь — убийца. Серебро твоё стало изгарью, вино твоё испорчено водою; князья твои — законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздою…

В ответ на такие обвинения могло бы прозвучать оправдание: но мы же усердно молились, совершали все необходимые обряды, жертвоприношения, воскуряли фимиам. За что же постиг нас гнев Божий?!

Исайя предвидит это. Он передаёт слово Господне:

«Я пресыщен всесожжением овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцов и козлов не хочу… И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови.

Омойтесь, очиститесь, удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетённого, защищайте сироту вступайтесь за вдову».

И в прежние времена те или иные общины, племена, государства терпели поражения от более сильных противников. Это считалось свидетельством того, что победителям в данное время покровительствует более могучее божество, чем побеждённым. Надо подкреплять силы своего небесного покровителя магическими ритуалами, жертвами, обрядами, и тогда он поможет, обретя новые силы.

Но Исайя утверждал: Господь знает деяния людей; Его нельзя обмануть лицемерными обрядами, жертвами, молитвами; Ему ведомы помыслы и чувства людей, их духовный мир, а не показное благочестие.

С позиций обывателей того времени, пророки были «не от мира сего», не столько чудотворцами, сколько чудаками, ибо осмеливались выступать с обличениями, восставать против общепринятых правил. Ведь людям свойственно обманывать даже самих себя, стремясь выглядеть в глазах окружающих (и в своих собственных) в наилучшем виде. Как умелая модница способна искусственно приукрасить свою внешность, так большинство

людей стараются приукрасить свой внутренний мир.

Такое лицемерие пророки обличали как тяжкий грех. Приукрашивая свою внешность, человек обманывает окружающих, притворяясь, кривит душой перед Господом.

Иеремия

Пророк Иеремия возражал против общей ответственности всего народа, всех поколений. Ведь получается несправедливо: «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина». Дети не должны отвечать за грехи отцов, бедные и угнетённые израильтяне — за грехи богатых: «Каждый будет умирать за своё собственное беззаконие».

Это очень важный принцип, утверждающий личную ответственность. Уже не весь народ в целом и не его цари или жрецы общаются с Богом; не все, не избранные, но — каждый!

Но наиболее смело, а по тем временам и безрассудно, осмелился пророк Иеремия обратиться к Господу не только с молениями, но и с упрёками: «…Буду говорить с Тобою о правосудии: почему путь нечестивых благоуспешен и все вероломные благоденствуют?»

Тут необычна сама постановка вопроса: высказано сомнение в разумности и справедливости мирового и общественного устройства. Самый настоящий бунт против Всевышнего, ответственного за всё, происходящее на земле: человек осмелился проявить свою духовную свободу, чувство собственного достоинства.

Иов

Пророк Иов ещё ярче проявил свободомыслие пред лицом Господа. Он указал на проблему теодицеи, оправдания Бога (и сотворённого им столь несовершенного мира).

Подумать только: человек пытается понять и оправдать замыслы и деяния вечного и всеблагого Всевышнего! Безоглядная вера слепа: не допускает анализа сущности Бога и его творения. А в данном же случае она поверяется разумом человека.

В истории Иова, рассказанной безвестным библейским автором, наглядно показано, как обрушиваются несчастья на праведника. Сатана сумел обманом убедить Бога в необходимости проверить искренность и бескорыстие веры Иова: мол, живущий в довольстве и счастье, безусловно, станет благодарить Господа. Надобно подвергнуть его тяжёлым испытаниям. И тогда Бог позволил Сатане испытать веру Иова.

Уже сам по себе рассказ о подобных отношениях Бога и Сатаны, о возможности слукавить пред ликом Господа и остаться неразоблачённым тотчас, свидетельствует о вольнодумстве автора (и, не исключено, о влиянии зороастрийского дуализма). Оказывается, Бог может предоставлять нечистому издеваться над людьми — даже безгрешными! Не позволяет лишь присваивать его душу; в этой важной детали ясно проглядывает убеждение в духовной свободе человека — свободе выбора между правдой и ложью, добром и злом, Богом и дьяволом.

В ходе этого злокозненного эксперимента лишается Иов своих богатств, детей, здоровья. Поначалу он, несмотря на горе и отчаяние, произносит: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!»

Однако затем ему пришлось испытать все мыслимые несчастья и болезни. В конце концов, он пришёл в отчаяние: «Гнев Его терзает и враждует против меня, скрежещет на меня зубами своими… Предал меня Бог беззаконнику и в руки нечестивым бросил меня…»

Самое горькое, обидное, ужасное для него было в том, что Иов ни в чём не провинился перед Господом и людьми. Как же относиться к такому Владыке Вселенной? И разве только один Иов на свете страдает безвинно? Кто вообще виновен в мучениях людей, в существовании зла? «Если не Он, то кто же?» — вопрошает Иов. Да, конечно же… Разве нет вины Того, кто сотворил мир таким, кто допустил существование зла, лжи, мучений?

Конечно, теологи постарались оправдать зло первородным грехом Адама и Евы, вкусивших запретный плод с древа познания добра и зла, соблазнённые дьяволом. Бог не пожелал вмешиваться в эту ситуацию, предоставив людям свободу выбора. Их вина, что выбор оказался порочным, повлёкшим за собой вторжение зла в мир людей.

Но ведь первую пару, по преданию, сотворил Бог. Выходит, изначально в человеческой душе существовало пристанище для противления повелению Всевышнего, соглашения с нечистым… Впрочем, всё это не более чем размышления над древним сказанием, которое можно толковать на разные лады, как любую притчу, легенду.

В Библии конфликт Иова с Творцом имеет видимость разрешения. Бог сам является несчастному и говорит ему об ограниченности знаний человека и безграничном знании Господа. Иов смиренно признаётся:

— Говорил я [то], что не понимал, о вещах непостижимых для меня, что я не знал.

Бог доказывает на деле свою добрую волю и непонимание Иовом Его замысла: наделяет страдальца богатством и долгой счастливой жизнью. Её продолжительность — 140 лет после всех испытаний — придаёт истории сказочный характер.

Вообще, она более всего напоминает литературно-философское произведение. Ведь автор невольно демонстрирует своё всеведение, ибо знает не только судьбу Иова, но и, вроде бы, присутствует во время спора Бога с дьяволом.

…О существовании ветхозаветных пророков известно лишь то, что написано в Торе, Талмуде, Библии. Странно, что большинство верующих в истины, провозглашённые этими пророками, стараются не принимать их к сведению в своём поведении. Ведь в противном случае на земле воцарилась бы, как говориться, «тишь, гладь, да Божья благодать». А в действительности западноевропейские христиане были одними из самых жестоких, беспощадных и алчных завоевателей в истории человечества.

Иоанн Богослов

Святой Иоанн Богослов в своём Откровении (Апокалипсисе), завершающем Новый Завет, предрёк трагический финал человеческой цивилизации, конец света и Страшный суд над всеми жившими и живущими на земле. Уже одно то, что предполагается всеобщая гибель, указывает на великие сомнения пророка в возможности людей преодолеть свои пороки, жить по заветам Иисуса Христа.

Со времён Просвещения стала популярна противоположная идея: человечество постоянно развивается, прогрессирует, обретает власть над окружающей природой. В конце концов предполагается счастливый финал: создание коммунистического общества справедливости, свободы и братства; а земная природа превратится в ноосферу, построенную на научной основе.

Мы не станем развивать тему Апокалипсиса. Для нас это библейское предание интересно главным образом как одна из попыток постичь будущее. И судя по тому, что происходит с обществом, природой и человеческой личностью за последние тысячелетия, оптимистические надежды философов и учёных (Маркса и Энгельса, Тейяра де Шардена и Вернадского, а также многих других до и после них) менее убедительны, чем пророчество Иоанна Богослова.

…Во многих странах в разные времена появилось немало людей, выдававших себя за прорицателей, а то и пророков-предсказателей. Среди них, конечно же, преобладают именно чудаки и оригиналы, порой находящиеся на грани безумия или даже за ней. Но, к сожалению, значительно чаще это не более чем ловкие имитаторы, спекулирующие на стремлении людей заглянуть в будущее, жулики, зарабатывающие деньги на обмане доверчивых обывателей. И это — один из множества признаков деградации общества.

Агриппа Неттесгеймский

Агриппа Неттесгеймский (1486–1535) был характерной личностью той эпохи — философ, медик, мистик и отчасти авантюрист.

В поисках счастья и приключений вступил он в австрийскую армию, воевал в Испании, Италии, Голландии; учился в Парижском университете и, обвинённый в ереси, бежал в Англию. Преподавал теологию в Кёльне, служил при дворе императора Максимилиана, изобретал военные машины, читал лекции в Италии, был лейб-медиком матери французского короля, практиковал как врач в Антверпене, получил должность придворного историографа императора Карла V, бедствовал в Милане, сидел в тюрьмах Брюсселя и Лиона.

Он написал трилогию «Сокровенная философия» — первую сводку «оккультных наук» (магии, алхимии, астрологии и других). Утверждал, что всё в мире взаимосвязано, а потому через самое малое (например, заклинания) можно воздействовать на великое.

В легендах Агриппа представлен магом и повелителем демонов: он мог вроде бы читать одновременно лекции в разных городах, превращать навоз в золото и обратно, демонстрировать в зеркале лик умерших, повелевать демонами, а на диске Луны наблюдать события, происходящие в любом конце Земли.

«Его занимала… — по словам поэта Валерия Брюсова, — борьба с очевидностью». Как адвокат он защищал деревенскую женщину, обвинённую в колдовстве, и выиграл процесс. Ради заработка занимаясь составлением гороскопов, в письме другу признался: «О, как часто приходится читать о неодолимом могуществе магии, о чудодейственных астрономических таблицах, о невероятных превращениях, достигаемых алхимиками… Но всё это оказывается пустым, выдуманным и лживым, если принимать сказанное буквально… В нас самих, говорю я, скрыт тот таинственный делатель чудес».

Сказки об Агриппе укрепляли веру в оккультизм. Хотя сам он — человек умный и образованный — не очень-то верил в него.

В романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле (1494–1553) высмеял своего старшего современника Агриппу в образе астролога, физиогномиста, хироманта Гер-Триппы. Получив богатые дары, этот чародей предсказал умному прохвосту Панургу всяческие неприятности, предлагая гадания не только по руке и по звёздам, но и на огне и воздухе, на воде и зеркале, на сите и муке, на костях и сыре, на ладане и ослиной голове и на

многом другом, заранее предполагая один и тот же ответ. В другом месте романа Панургу гадают на Волшебной Бутылке, которая издаёт лишь звук «Тринк!», после чего с помощью толстых фолиантов гадатель долго растолковывает всю мудрость такого ответа.

Агриппа рассуждал логично. Если в мире всё взаимосвязано, а человек — микрокосм, часть мирового порядка, то не только окружающее влияет на человека, но и его духовные силы воздействуют на окружающий мир. Связи человека с Вселенной могут выражаться в знаках, начертанных на небесах, которые разгадывает астрология. Незримыми духами природы можно овладеть при помощи магических заклинаний и манипуляций, ибо Слово обладает божественной силой.

Оккультизм оказался привлекательным для многих исследователей. Он давал надежду на осуществление алхимической мечты о философском камне, превращающем простые металлы в золото; о панацее, излечивающей от всех болезней; о предсказании будущего по расположению звёзд и планет…

Оккультная философия вдохновляла многих учёных на новые искания. Под её влиянием богатые люди выделяли средства на лабораторные работы химиков и наблюдения астрономов, на медицинские исследования.

Но вот прошла пора мечтаний и надежд. Стала проясняться печальная истина: невозможно сотворить философский камень, создать панацею, точно предсказать судьбы людей, народов, государств. Оккультизм не прошёл проверки на опыте. Те самые науки, развитие которых поощряла оккультная философия, по мере накопления знаний стали её опровергать.

Учёные были бы рады открыть потаённые законы природы с помощью «оккультных знаний» и приложили для этого немало усилий. Не их вина, что такие надежды не оправдались.

Такая ситуация обычна. Выдвигается много гипотез (основанных на фактах предположений), создаётся немало теорий (доказанных закономерностей). Но со временем большинство гипотез отбрасываются, а теории сдаются в архив истории науки. Наука — это движение от незнания к знанию, а от знания к новому незнанию на более высоком уровне. Порой приходится отказываться от того, что ещё недавно казалось неопровержимой истиной или заманчивой перспективой.

Бывает и так, что научные знания превращаются в сокровенные. Ведь некоторые научные теории или гипотезы встречают яростное сопротивление со стороны невежественных людей или религиозных фанатиков. Четыре столетия назад

Иоганн Кеплер написал в приложении к своей научно-фантастической статье «Сон, или Посмертное сочинение о лунной астрономии»: «Покуда невежество живёт среди людей… небезопасно раскрывать во всеуслышанье тайные первопричины вещей».

Он имел в виду в данном случае теорию Коперника, создавшего гелиоцентрическую систему мира с Солнцем в центре. В ту пору её яростно опровергали некоторые богословы, убеждённые, что в центре Мироздания находится Земля. Теперь мы знаем, что и та и другая точка зрения неверны, хотя для Солнечной системы справедлива теория Коперника. Но ещё до него верную мысль высказывал епископ Николай Кузанский: центр Мира везде, окружность — нигде.

То, что всё вокруг взаимосвязано — это лишь самые общие слова. Необходимо выяснить, какие это связи, как они проявляются.

Например, каждый из нас связан с планетой Земля. Она притягивает нас точно с такой же силой, как мы — её. Мы можем изо всех сил резко оттолкнуть её ногами. Что получится? Мы отскочим от неё. И она отлетит от нас. Именно потому, что мы с ней взаимно связаны всемирным законом притяжения, открытым Ньютоном (кстати, совсем не потому, что на него или рядом упало яблоко).

Однако мы оттолкнём Землю ровно настолько, насколько наша масса меньше массы Земли. Получается такая величина, которую разумно принять за нуль. Даже если всё человечество соберётся вместе и разом подпрыгнет, то и в таком случае оттолкнуть нашу планету удастся практически на расстояние, близкое к нулю.

От абстрактных принципов надо уметь переходить к конкретным проблемам. Иначе можно легко попасть впросак и обмишуриться, подменяя своими фантазиями реальность.

То же и с формулировкой: человек — микрокосм. Казалось бы, она неимоверно возвышает нас, объединяя со всей Вселенной. В наших мыслях — да. Но есть между нами и немалая разница. Вселенная бесконечна и вечна, чего о нас сказать нельзя. Мы — её ничтожная часть, и в той же пропорции она вмещается в нас.

Интересный факт: во Вселенной примерно столько же звёзд, сколько атомов в нашем теле. Возможно, прав был философ Платон, сравнивая Мироздание не с механизмом, а с организмом. Но всё-таки во вселенском организме мы — лишь мельчайшие обитатели «элементарной частички» — Земли, которая вращается в одном из атомов — Солнечной системе.

Такие невероятные образы предлагает нам… нет, не

оккультизм, а наука. В тайноведении всё приспособлено к восприятию любого человека. Тут достаточно просто поверить в то, что пишут «тайноведы».

…Оккультизм может быть занятной игрой или профессией, дающей неплохой доход, а то и серьёзным увлечением, которое вызвано жизненными потрясениями или странностями ума. Манией, способной довести до умопомрачения человека плохо знакомого с основами настоящих наук, философии, религии.

Нострадамус

Мишель Нострадамус жил в XVI веке во Франции и был придворным врачом. Благодаря его рекомендациям, строгим карантином в стране была остановлена эпидемия чумы. По обычаю того времени он занимался составлением гороскопов, а также написал цикл стихотворных предсказаний переводчиков и комментаторов. Он писал и о прошлом, но весьма наивно, а его представления о пришествии Антихриста и конце света не оправдались. В книге Пола Роланда «Пророчества и предсказания на тысячелетие», переизданной в 1997 году, приведены строки Нострадамуса:

«В год 1999 и семь месяцев с неба придёт великий король ужаса, чтобы вернуть к жизни великого короля Монголов до и после счастливого правления Марса».

Ну и как — сбылось? Судите сами.

Секрет оправдываемости пророчеств Нострадамуса прост. Он объясняется ухищрениями переводчиков его текстов, которые, как всякие подобные предсказания, изложены достаточно туманно и двусмысленно. Иные авторы не гнушаются и подлогами.

…Научная проверка ясновидения проводилась в XIX веке во Франции и Англии. За солидное вознаграждение магам и прорицательницам, телепатам и медиумам предлагалось выполнить некоторые задания. Например, прочитать текст, находящийся в непрозрачном пакете.

Ни один человек (желающих было немало) с заданием не справился. Эксперименты проводились многократно с тем же результатом. Учёные пришли к выводу: ясновидение — обман или самообман; ловкие фокусы или эффекты, вызванные внушением и самовнушением.

Впрочем, есть безусловный пример сбывшегося пророчества — стихотворение М. Ю. Лермонтова «Предсказание»:

Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;
Забудет чернь к ней прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь…
…И зарево окрасит волны рек;
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймёшь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;

И будет всё ужасно, мрачно в нём,
Как плащ его с возвышенным челом.

Через 87 лет после создания этих строк произошло всё так… в самом главном, ибо булатный нож и плащ можно толковать аллегорически. Хотя и в данном случае вряд ли следует ссылаться на мистическое откровение поэта. Он был человеком образованным, знал историю Великой французской революции, собирался писать роман из времён Пугачёва и, главное, находился под впечатлением происходивших в том году холерных бунтов.

Другое дело — ясновидение, направленное в прошлое. У него могут быть реальные результаты. Человек, находясь в состоянии гипнотического сна, способен вспомнить огромное количество событий и сведений, которые он давно забыл или на которые не обратил внимания. Наше подсознание хранит массу информации, чаще всего не нужной нам в текущей жизни (скажем, число ступеней в доме, где вы жили в детстве).

Имеется немало психических расстройств, когда больные слышат «вещие голоса», видят призраков или космических пришельцев, говорят на непонятных языках, пишут или рисуют автоматически…

Всё это — проявления душевного недуга, лёгкого или тяжёлого заболевания, расстройства сознания, гипнотического сна. Известны случаи, когда ясновидящих обкрадывали, и они никак не могли ни предвидеть это событие, ни обнаружить воров.

На этот счёт есть остроумный анекдот:

— Я перестал верить гадалкам.

— Почему?

— Я пришёл на приём к ясновидящей и постучал в дверь.

— Ну и что?

— А она спрашивает: кто там?

Исаак Ньютон

Исаака Ньютона принято считать гениальным физиком и математиком. В 1755 году в Кембридже установили его мраморную статую с подписью: «Превосходивший умом человеческий род».

Его личные качества достойны уважения. Он не кичился, был учтив, сдержан. Лишнего не болтал. О его рассеянности ходили легенды. (Возможно, с той поры некоторые учёные не без кокетства выставляли напоказ свои милые чудачества, а пуще всего — рассеянность.) Известен такой случай.

Его друг доктор Стюкели пришёл к нему домой. Приготовленный для Ньютона жареный цыплёнок лежал в закрытой тарелке на столе, а сам учёный ещё работал в своём кабинете. Он долго отсутствовал. Гость, потеряв терпение, съел цыплёнка, а косточки положил обратно.

Ньютон вошёл в комнату, поздоровался с гостем, немного поговорил, сел за стол и приготовился есть, но обнаружил лишь обглоданные кости.

— Однако насколько мы, философы, рассеянны, — произнёс он. — Я забыл, что уже поел.

Ньютон стремился познать законы природы, находя в этом высшее наслаждение. Пожалуй, по этой причине он не был женат (лишь в юности ухаживал за девушкой, воспитанницей аптекаря, в доме которого он жил). Учился плоховато, зато научными исследованиями занимался так увлечённо, что его кот сильно растолстел… Ведь кот постоянно доедал его обед, а то и принимался за него раньше, чем приходил хозяин.

Ньютон, обуреваемый новыми идеями, разрабатывал их годами, не торопясь публиковать. Страсть к познанию завела его в дебри алхимии. В отличие от многих представителей этого, как тогда говорили, искусства, он не стремился синтезировать золото или изобретать эликсир бессмертия: хотел проникнуть в глубины материи, дойти до её первооснов.

Свою монографию «Математические начала натуральной философии» он написал в 44 года. Она была признана одним из величайших научных трудов. Он продолжал трудиться до глубокой старости. Говорят, на вопрос, сколько ему требовалось времени, чтобы сформулировать открытые им законы, ответил:

— Эти законы просты. Формулировал я их быстро, но перед этим очень долго думал.

Утомлённый научно-философскими изысканиями и дискуссиями, он занялся посадкой яблонь и производством сидра.

После того как в его кабинете произошёл пожар, он впал в меланхолию и некоторое время, в 1690-е годы, что называется, «был не в себе». Известно его письмо Джону Локку, философу-просветителю и государственному деятелю: «Сэр! Будучи того мнения, что вы намерены запутать меня с женщинами, а также другими способами, я был так расстроен этим, что когда мне сказали, что вы больны и, вероятно, умрёте, я ответил, что было бы лучше, если бы вы умерли. Теперь прошу прощения за этот недостаток чувств милосердия… Прошу прощения за то, что я сказал и думал, что вы хотите продать мне должность или запутать меня. Ваш нижайший и несчастнейший слуга Исаак Ньютон».

При всей странности послания, оно демонстрирует прямоту, скромность и честность великого учёного. Кстати, выступая за справедливость, он однажды оспорил мнение короля.

Ньютон не верил в сверхъестественное, оставаясь натуралистом. В одной из заметок написал: «Чудеса называются так не потому что они творятся Богом, но потому, что они случаются редко, и потому удивительны. Если бы они происходили постоянно по определённым законам природы вещей, то они перестали бы казаться удивительными и чудесными и могли бы рассматриваться в философии как часть явлений природы (несмотря на то, что они суть следствие законов природы, наложенных на природу силою Бога), хотя бы причина их и оставалась нам неизвестной».

С тридцати трёх лет он принялся штудировать Библию и теологические труды. Его богословские сочинения высоко ценил видный английский философ Джон Локк. Судя по всему, Ньютон был арианцем: не верил в Троицу и не признавал божественную природу Христа, считая его необычайным, но всё-таки человеком.

Верил ли Ньютон в возможность откровения, позволяющего предвидеть будущее? Для библейских пророков — да. Но свои достижения не приписывал каким-то сверхобычным качествам ума, которые иногда людям кажутся гениальностью, определяемой комбинацией генов. На этот счёт у Ньютона было собственное мнение:

«Когда я писал свой труд о системе мира, я направлял своё внимание на такие принципы, которые могут вызвать у мыслящего человека веру в Божественное существо, и ничто не доставляет мне такой радости, как видеть себя полезным в этом отношении. Если я, однако, оказал человечеству, таким образом, некоторую услугу, то обязан этим не чему иному, как трудолюбию и терпению мысли».

Почему же Ньютон занялся богословием? Ответ на этот

вопрос можно найти в некоторых отступлениях от научного метода, которые он позволял себе в классических «Началах…». В заключительной главе сказано:

«Изящнейшее соединение Солнца, планет и комет не могло произойти иначе, как по намерению и власти могущественного и премудрого Существа». И ещё: «От слепой необходимости природы, которая повсюду и всегда одна и та же, не можем происходить изменение вещей. Всякое разнообразие вещей, сотворённых по месту и времени, может происходить лишь по мысли и воле Существа, необходимо существующего».

На страницах этой монографии начертано его знаменитое «гипотез я не измышляю». Однако он принял как истину гипотезу Бога, ибо иначе не мог объяснить изумительной гармонии мироздания. Но можно ли предвидеть ход исторических событий?

Судьба одного человека зависит от множества случайных факторов, учесть которые нельзя. Для отдельных государств и всего человечества ситуация иная. Они развиваются или деградируют в природной среде, биосфере — области жизни. Случайные события и здесь играют некоторую роль, но второстепенную. Вступают в силу статистические закономерности.

Так в движущемся вниз по склону массиве песка невозможно вычислить траекторию конкретных песчинок. А продвижение всей массы определяется достаточно точно. То же происходит с молекулами воды в речном потоке. Каждая из них, испытывая удары от окружающих атомов и молекул, движется хаотично. Движение же всего потока несложно прогнозировать с немалой точностью.

Возможно, примерно так рассуждал Ньютон, приступая к анализу Откровения Иоанна Богослова. В историю с истязаниями святого в котле с кипящим маслом, откуда он вышел невредимым, Ньютон не верил. Автором Апокалипсиса и четвёртого Евангелия считал апостола Иоанна. В таком случае Откровение должно быть древнее, ибо в нём больше гебраизмов (древнееврейских выражений), чем в Евангелии от Иоанна.

«Отсюда можно заключить, — писал Ньютон, — что Апокалипсис был написан, когда Иоанн только что прибыл из Иудеи, где он привык к сирийским оборотам речи; и что он написал своё Евангелие лишь после того, как по долгом обращении между малоазийскими греками освободился в значительной степени от гебраизмов… Подлинный Апокалипсис был написан настолько давно, что уже в Апостольские времена оказалось возможным составление множества подложных Откровений в подражание истинному, приписываемых умершим

ранее Иоанна апостолам Петру, Павлу, Фоме и др.».

Вот наиболее общие выводы Ньютона:

«Существенной частью этого пророчества является то, что оно не должно быть понято до самого последнего времени мира. В силу этого то обстоятельство, что пророчество до сих пор ещё не понято, укрепляет веру в него…

Бог дал это откровение так же, как и пророчества Ветхого Завета, не ради того, чтобы удовлетворить любопытство людей, делая их способными предузнавать будущее, но ради того, чтобы исполнением их на деле явлен был миру святой Промысел Его, а не проницательность истолкователей…

События оправдают Откровение; когда же будет подтверждено и понято это пророчество, то раскроется смысл древних пророков, и всё это вместе даст возможность познать истинную религию и установить её. И тот, кто желал бы понять древних пророков, должен начать с Апокалипсиса; но время совершенного уразумения его ещё не пришло, так как не совершился ещё тот полный мировой переворот, который предсказан в Откровении…

До той же поры мы должны довольствоваться истолкованием лишь того, что уже исполнилось».

Выходит, понять смысл пророчеств можно только задним числом. Но Иоанн Богослов разворачивает последовательность событий. Зная их ход, нетрудно предвидеть то, чему суждено произойти после того, как произошло предсказанное. Если этого сделать нельзя, то перед нами всего лишь собрание высказываний, толковать которые можно по-разному.

Мировой переворот по Апокалипсису должен начаться вскоре после того, как будет повержен зверь из бездны, и продлиться тысячу лет. Ко времени жизни Ньютона срок этот был уже давно превзойдён.

Порой кажется, что научные труды писал один Ньютон, а менее знаменитые богословские — другой, независимый от первого. Как физик он доказывал, что, кроме относительного времени, существует абсолютное, подобное потоку (или «стрелы времени»). Как богослов — допускал предопределённость событий (вопреки относительному времени) и возможность предвидения будущего (вопреки времени абсолютному).

И всё-таки до сих пор есть люди, уверенные в том, что можно предсказать будущее с любой точностью.

Эммануил Сведенборг

Эммануил Сведенборг (1688–1772), шведский натуралист, ставший оккультистом, дал первый импульс этому движению. Он путешествовал, писал научные труды по различным отраслям знаний, получил широкое признание как учёный; был избран почётным членом Петербургской академии наук.

С 1745 года у него начались галлюцинации. Он считал, что видит мир духов и общается с ними. Стал издавать свои толкования библейских текстов и мистические сочинения («Небесные тайны, находящиеся в Св. Писании, или в Слове Господа, с диковинами видными в мире духов и в небе ангелов». «О небе, аде и мире духов» и многие другие). Шведский сейм признал Сведенборга душевнобольным, но король не позволил поместить его в лечебницу.

Вот один из его рассказов.

«Я был в Лондоне и ужинал поздно вечером в обычной гостинице, где я имел свою собственную комнату, чтобы оставаться одному. К концу ужина я заметил, что перед моими глазами расстилается как бы облако, и я увидел, что пол был покрыт противными пресмыкающимися, змеями, ящерицами, жабами и другими. Я тем более испугался при этом, что сделался почти полный мрак. Однако мрак скоро исчез, и я увидел сидящего в углу комнаты мужа, окружённого лучезарным светом; он сказал мне громким голосом: „Не ешь так много!“ При этих словах видение исчезло… Следующей ночью мне снова явился тот же блестящий образ и сказал: „Я Господь Бог, творец и искупитель, я избрал тебя для объяснения людям внутреннего духовного смысла Священного Писания и буду внушать тебе то, что ты должен писать?“ Муж был одет в пурпур, и явление продолжалось около получаса. В эту ночь открылся мой внутренний взор, так что я получил возможность видеть духов на небесах и в аду, среди которых я увидел и раньше мне известных… Впоследствии взор моего духа часто открывался, так что я среди дня мог видеть то, что происходит на том свете, и мог говорить с духами как с людьми».

О Сведенборге рассказывали были и небылицы. Один посетитель, придя к нему в дом, узнал от слуги, что хозяин занят и стал ожидать его в гостиной. Из кабинета раздавались голоса. Наконец дверь открылась, и вышел Сведенборг. Он продолжал беседу… а никого рядом с ним не было. Проводив невидимого посетителя, открыв ему дверь и почтительно раскланявшись, хозяин любезно пригласил к себе в кабинет сильно озадаченного

гостя.

Сведенборг не был шарлатаном. Его действительно посещали духи разных людей, возникающие в его воображении. Так бывает с психически больными, а также с людьми, долго пребывающими в изоляции. Хотя некоторые люди считали подобные состояния нормальным «духовидением», а беседующих с незримыми духами — медиумами.

Другой способ принимать информацию из мира духов или, как ещё говорят, из космоса — автоматическое письмо. Человек, не задумываясь, исписывает страницу за страницей в уверенности, что рукой его водит чья-то душа или инопланетный разум.

Мне довелось встречаться в Звенигороде с пожилой женщиной, которая в юности видела однажды гуляющих в саду детей царя Николая II. Через 60 лет после их трагической гибели она стала принимать послания от духа царевича Алексея, а также другие сообщения, как она полагала, из космоса. У меня хранятся её записи.

Не было сомнений: она говорила правду. Но правда эта относилась к её личным переживаниям и фантазиям. Она верила, что принимает сигналы из банка космической информации, хранящего сведения о всех событиях, происходивших во Вселенной.

Её рассказы и записи меня не удивили. Ещё в конце XIX столетия психиатры изучали автоматическое письмо. Их пациенты утверждали, что получают послания из космоса. Подобные записи, сделанные от имени каких-либо людей прошлого, никаких откровений, гениальных идей или стихотворений не содержат: слабые подражания тем, на кого ссылаются.

Иной человек верит, будто в него вселилась чья-то душа (чаще всего — знаменитого человека). В психиатрических лечебницах всего мира немало Наполеонов, Александров Македонских, Иисусов… Тут спиритизм достигает крайних пределов.

Сравнительно недавно в СССР—России действовало «Белое братство», пророчицей которого была бывшая комсомолка, называвшая себя Мария Дэви Христос. По её словам, в неё вошёл дух и девы Марии и Христа, предрекая скорый конец света. У неё нашлось немало приверженцев. Предсказанный ею конец света не свершился; она «перенесла» его на более поздний срок, но и это не сбылось. Правда, эта женщина смахивала на авантюристку.

У человека могут быть явные «заскоки» (ум за разум заходит). Такое затмение каждый волен толковать, как ему угодно.

Оказывается, женщина может выдавать себя за Христа, и — самое потрясающее! — находятся люди, готовые ей верить. По-моему, подлинными оригиналами и чудаками (не сказать бы сильнее) являются субъекты, воспринимающие всерьёз, а то и с восторгом чушь и явный обман.

В конце XIX — начале XX века проводились проверки спиритизма (участвовал в них и Д. И. Менделеев). Были раскрыты подлоги и фокусы, к которым прибегали спириты. Один из наиболее знаменитых медиумов по фамилии Паркер, нажив на своих «опытах» немалый капитал, сам стал высмеивать спиритизм, называя его вековой глупостью.

Некромантию осуждают все великие религии, включая атеизм. Но она может принимать причудливые формы в попытках доказать материальную основу того, что называют душой. Некоторые верят, что она, отделённая от тела, способна видеть и слышать, производить звуки, перемещать предметы; что её можно даже взвесить. Говорят, что тело умершего тяжелеет, ибо его покидает душа.

Впервые услышав об этом, я спросил: значит, душа состоит из газа, легче воздуха? Из водорода или гелия? Она похожа на содержимое воздушного шара?! И каким образом её взвесили? Положили умирающего на сверхточные весы и следили, когда у него душа отделится от тела? Кто и когда проводил такие нелепые опыты?

Взвешивать душу можно с таким же успехом, как взвешивать ум или глупость, красоту или уродство, добро и зло, правду и ложь.

Никто не станет взвешивать книжный лист для того, чтобы узнать, сколько в нём содержится битов информации. Она не существует сама по себе, а связана с материей и энергией, хотя принципиально отличается от них. Каждый предмет или электрон могут нести информацию, но сама она ничего не весит.

Тело, наделённое жизнью и разумом, одухотворено. Когда в нём прекращается жизнедеятельность и угасает разум, оно лишается души.

Интересна мысль о «Жизни после жизни». Так называлась сенсационная книжка американского врача Раймонда Моуди. В ней приведено множество примеров странных видений людей, побывавших в состоянии клинической смерти. Они ощущали вылет души из тела; видели себя и операционную со стороны, взлетали и уносились по тёмному тоннелю к свету.

В результате, пишет Р. Моуди, «многие приходят к новому пониманию сущности потустороннего мира. Согласно этому новому взгляду, тот мир — это… максимальное самораскрытие и

развитие. Развитие души, совершенствование любви и познание не прекращаются со смертью тела. Напротив, они продолжаются и по ту сторону бытия, возможно, вечно или, во всяком случае — в течение какого-то периода…»

Обратим внимание на слова: «Не всякий, кто прошёл через клиническую смерть, помнит что-либо об этом». Значит, многие люди не испытывают при временном прекращении жизни никаких ощущений: полное погружение в небытие, тьма и тишина.

Разумно предположить, что сходство «посмертных» ощущений объясняется сходством причин, их вызвавших. Какая гарантия, что умирающие испытывали свои видения не в момент смерти, а до неё? Ведь медики фиксируют остановку сердца, прекращение дыхания. Но человек не сразу переходит в небытие. Нервные клетки некоторое время ещё сохраняют активность.

Показательно замечание Моуди: «Околосмертные переживания имеют известное сходство с нервным расстройством во время припадков, особенно обусловленных нарушениями в височной доле мозга…» Можно, кстати, вспомнить, что Ф. М. Достоевский во время эпилептических припадков испытывал необычайные ощущения полёта, перехода в особое состояние сознания.

Значит, выход души из тела можно переживать и не находясь при смерти, а также — во сне. Видимость полёта в тёмном тоннеле один мой знакомый испытал после того, как ему сделали глазную операцию. Он объяснил это просто: были расходящиеся из одной точки светлые круги, которые создавали иллюзию движения. Он понимал: в его закрытых глазах возбуждение передаётся от центра к периферии, а никакого полёта нет.

Чувство лёгкости, радости и выхода из тела появляется у того, кто находится при смерти, потому что действуют лекарственные препараты, обезболивание. Избавление от мучений вызывает состояние блаженства.

Не станем вдаваться в детали, а согласимся: есть объяснения простые и понятные для тех явлений, которые при желании можно считать переходами души в мир иной и продолжением жизни после смерти. Тут дело именно в желании. Да и Моуди признался: «Я пришёл к выводу, что существует жизнь после смерти, и я верю, что явления, которые мы рассматривали, являются проявлением этой жизни».

Он честно сказал — «я верю». Нет убедительных доказательств того, что душа может существовать вне тела. Каким образом она вне тела способна думать (с помощью чего?), видеть и слышать (какими органами?).

Каждому из нас надо достойно прожить нормальную живую жизнь, которая дана на время, а не на веки вечные.

…Говорят, что духов легче вызвать, чем затем от них избавиться.

Это верно. Человек может поначалу заниматься магией, колдовством, спиритизмом из любопытства или играя (так обычно начинают и принимать наркотик). Вовлекаясь в такую «игру», он относится к ней всё серьёзнее, пока она полностью не завладевает им…

Что дальше? Это зависит от человека. Он может свести всё к шутке или отказаться от попыток общаться с нечистой силой (которая, конечно же, таится в нас самих). Но подчас человек шаг за шагом становится всё более убеждённым сатанистом или теряет здравый рассудок, принимая создания своего воображения за реальность.

Жак Казотт

Жак Казотт (1719–1792) — писатель, который выступил как пророк.

Эту историю поведал историк и драматург, член Французской академии Жан Франсуа де Лагарп.

Дело происходило в начале 1788 года на весёлом ужине, где собралось много знаменитых и уважаемых вельмож, писателей, мыслителей. Они шутили, обменивались анекдотами, изощрялись в остроумии и вольнодумстве. Все сходились на том, что благодаря свободомыслию авторитет Бога подорван и осталось только ради всеобщего благополучия свергнуть власть короля. Вдруг встал Казотт и сказал:

— Вы скоро увидите свою прекрасную революцию, которую так ожидаете.

Его осмеяли: «А кто этого не знает?», «Не надо быть пророком, чтобы утверждать это!»

— Но вы не знаете, что революция принесёт вам! — ответил он.

— Что же? Говорите, — усмехнулся Кондорсэ, — философу всегда приятно встретиться с пророком.

— Вы умрёте на полу темницы от яда, чтобы избежать руки палача. От яда, который всегда будете носить с собой в те счастливые времена.

Последовало общее замешательство. К Казотту стали обращаться присутствовавшие, стараясь обратить всё в шутку. Однако он каждому предсказывал его будущее, порой с ужасающими подробностями.

По его словам, почти всем им суждено умереть на эшафоте. Когда сестра министра Людовика XV графиня де Граммон заметила, что в революциях гибнут мужчины, а не женщины, то услышала в ответ, что и её ожидает казнь.

— Когда же всё это произойдёт? — спросила она у Казотта.

— Не минет и шести лет, — ответил он.

— А что будет со мной? — поинтересовался Лагарп.

— С вами произойдёт чудесное превращение. Из атеиста вы станете христианином и мистиком.

Себе Казотт тоже предрёк смерть. А когда ему напомнили, что он вещает о всяческих ужасах, тогда как революция должна принести свет разума, он ответил: именно во имя разума и справедливости совершатся казни.

Надо ли говорить, что все пророчества Казотта свершились!

…Таковы некоторые примеры необычайной возможности

некоторых людей как бы ускорять мысленно ход событий, преодолевать движение потока абсолютного времени (если оно существует, в чём сомневаются сторонники теории А. Эйнштейна).

Неужели так было? Трудно в это поверить. Или у некоторых людей бывают минуты прозрения, когда перед ними приоткрывается завеса будущего?

Прежде всего обратим внимание на то, что сбывшееся проклятье Якова Молэ — предание. Последовавшие вскоре смерти папы римского и короля Франции можно объяснить местью оставшихся на свободе тайных тамплиеров.

Великая французская революция, как всякое крупное движение масс, была вызвана сочетанием целого ряда факторов, а не происками кучки заговорщиков. На пророчества Казотта часто ссылаются, но кто проверял его достоверность? Моя попытка доискаться до его первоисточника не дала обнадёживающих результатов.

Эта история была записана Лагарпом уже после того, как свершились и революция, и сопровождавшие её казни. Потрясённый всем пережитым, Лагарп стал мистиком, уверовал в провидение, злой рок, а потому ему могла изменить память. Его рассказ о пророчестве Казотта был опубликован только в 1806 году, после смерти автора.

Да, была весёлая пирушка, где Казотт вполне мог предупредить о том, что революции, о которой тогда так много было разговоров, будет сопровождаться террором (что нетрудно предугадать). Он мог сказать, что многим из присутствующих будет грозить эшафот. Но нет оснований верить в то, что он предсказал судьбу каждому из присутствовавших. Вот если бы Лагарп записал всё услышанное в тот вечер сразу, а тем более, если бы опубликовал вскоре хотя бы намёк на пророчества Казотта, тогда этот пример ясновидения стал бы достоверным.

…Как только начинаешь всерьёз интересоваться, кто и в какое время писал о сбывшихся пророчествах, касающихся конкретных событий и судеб людей, всегда (говорю о своём опыте) испытываешь разочарование. Выясняется, что их достоверность вызывает серьёзные сомнения; что их можно объяснить случайным совпадением или вполне нормальной проницательностью того, кто имел возможность предугадать те или иные явления.

Есть у людей привычка говорить при всяком удобном случае: «Я так и знал!» Или пересказывать услышанные от кого-то случаи пророчеств, порой такие красочные, что трудно в них не поверить. Правдоподобная история обычно выглядит более

убедительно, чем правдивая, ибо её, можно сказать, подгоняют под заранее известный ответ.

Вера в ясновидение основана на предположении, что всё на свете предопределено. Обычно ссылаются на Бога, которому ведомо всё, что было, есть и будет. Но откуда эти люди знают о подобных возможностях Бога? Как могут они судить о Его возможностях? А если Он не желает вмешиваться в происходящие события? Если Ему самому интересно узнать, что произойдёт? Разве не веет вечной скукой от знания наперёд всего, что произойдёт?

Если будущее до мельчайших подробностей предопределено, то какой смысл жизни? Тогда люди, осенний листок и летняя букашка превращаются в каких-то биороботов, действующих по заранее известной программе. Кто, каким образом, для чего составил эти программы для всего во Вселенной на миллиарды лет?! И кто из людей посмеет утверждать, будто ему известно о намерениях Вселенского Разума?

Идея предопределения снимает с человека ответственность за любые преступления: ведь он совершает то, что было ему предписано свыше. Многие сатанисты (хитрецы или психопаты) ссылаются на голоса, принуждающие совершать те или иные поступки, включая ритуальные убийства. Они словно настроены на определённые поступки. Но они сами или под чьим-то влиянием выработали определённую программу действий.

Человек сам выбирает линию своего поведения и тем определяет свою судьбу. Конечно, многое от нас не зависит. Это лишь подчёркивает невозможность ясно увидеть то, что произойдёт с каждым через месяцы или годы. Можно высказывать на этот счёт предположения, строить догадки, мечтать, надеяться или опасаться, стремиться к чему-то — вот и всё…

А как же — Нострадамус? Разве он не предрёк до мельчайших деталей то, что свершилось в далёком для него будущем, включая наше время?

Авель

Монах Авель (в миру Василий Васильев) (1757–1841) был одним из наиболее знаменитых предсказателей в России. Родился он в селе Акулове Тульской губернии в семье крепостных крестьян. В 1775 поселился в Валаамском Спасо-Преображенском монастыре. Там, по своему признанию, был призван свыше проповедовать тайны Божии.

Начал он странствовать по Руси с проповедями и предсказаниями. Провёл около 20 лет в тюрьмах и крепостях за свой удивительный дар. Утверждается, будто он точно предсказал дату смерти Екатерины II и трагическую гибель Павла I, нашествие французов и взятие Москвы. По приказу Николая I Авель был заточён в Спасо-Евфимиев монастырь, где и умер.

Позже были опубликованы выдержки из некоторых его сочинений.

Об этом монахе написано немало. Однако никто так и не объяснил, каким образом ему удавалось заранее узнавать об исторических событиях, а главное — какие существуют доказательства того, что он действительно мог предсказывать будущее.

Пытаясь найти ответ на второй вопрос, я просмотрел первоисточники, рассказывающие о жизни Авеля. Выяснил: сообщения о его предсказаниях были опубликованы после того, как свершались эти события.

Верующих в ясновидение, это обстоятельство не смутит. Ведь Авель мог высказывать, а не записывать свои пророчества; могло не быть никого, кто бы осмелился их записать и опубликовать. Короче говоря, полной ясности в данном вопросе нет, а сомнения остаются.

Кем в действительности был Авель? Странствующим монахом, юродивым? За что его наказывали? Если бы он действительно предсказал какие-то события, то его должны бы поощрить, используя его дар. А может быть, никакого дара и не было? Люди любят и умеют сочинять небылицы.

Е. П. Блаватская

Елена Петровна Блаватская (1831–1891), урождённая фон Ган-Роттенштерн, одна из наиболее знаменитых теософов, родилась и воспитывалась в Екатеринославе в семье полковника. Она рано лишилась матери, которая писала романы под псевдонимом «З. Р-ва» и удостоилась от Белинского «звания» русской Жорж Санд. Младшая сестра Вера тоже стала писательницей.

С детства Елена была нервной и взбалмошной; с ней случались истерические припадки. В семнадцать лет вышла замуж за немолодого вице-губернатора Еревана Блаватского. Через два года вырвалась на свободу, уехав в Константинополь. В Россию вернулась в 1859 году. Судя по её рассказам, побывала в Греции, Египте, Малой Азии, Англии, Южной Америке, Китае, Японии, Индии.

Спустя четыре года она вновь отравилась в дальние страны. В журнале «Русский вестник» за 1882 год стали появляться её путевые заметки под именем Радды Бай: переплетение легенд и былей, географии и мистики. Она уверяла: таинственные мудрецы махатмы передали ей сокровенные знания, хранившиеся тысячелетьями. Основала «Теософическое общество» в Нью-Йорке (1875), затем в Англии, Индии.

Её трактаты — «Синтез науки, религии и философии» (таков подзаголовок к её «Тайной доктрине»). Она преклонялась перед культурой Древней Индии и возмущалась грабительской политикой Британской империи, за что была обвинена в шпионаже в пользу России. Елена Петровна проповедовала всемирное братство людей, взаимопомощь, приобщение человечества к восточной мудрости и к западной науке.

Демонстрировала Блаватская и возможности парапсихологии: телепатически «воспринимала» мысли тибетских махатм и получала от них послания «падающие с потолка»; вызывала духов, извлекала предметы из «четвёртого измерения»… Британское общество психических исследований признало подобные деяния фокусами.

Ревностные приверженцы учения Блаватской окружили её образ ореолом мистики. Его постарался развеять Всеволод Соловьёв (писатель, сын историка и брат философа). В его сочинении «Разоблачённая жрица Изиды» запечатлён образ Блаватской: женщины крупной, грузной, с некрасивым лицом землистого цвета и большими лучистыми голубыми глазами. В ней, по его словам, соединились: весёлая остроумная

собеседница — общительная и добродушная; писательница, обладающая огромной работоспособностью и увлекаемая собственными фантазиями; властная, порой вспыльчивая и не брезгующая обманом «хозяйка» Теософического общества.

«Сочинения её, — писал он, — действительно чудо; но объяснение этому чуду надо искать в тайниках человеческого разума и духа, а не в том, что невидимый проблематический „махатма“ диктовал ей и водил из Тибета её рукою…». «Я убедился, что вся её теософическая деятельность — обман, обман и ещё раз обман». «Успех такого дела мог созреть только на почве, пропитанной болезнетворными испарениями, в среде „вырождающейся“ и, в то же время, бессознательно томящейся глубоким, мучительным неверием. Когда в человеческом обществе исчезает вера, — на её место непременно являются суеверия всякого рода. Томление неверия, расшатывающее расшатывающийся организм, фатально влечёт к фанатизму суеверия, к фанатизму самому жестокому, безумному и мрачному ибо он знаменует собою существование в обществе серьёзной, быстро укореняющейся заразы». (Вскоре после его «диагноза» произошли русские революции 1905 и 1917 годов и развал Российской империи. В наше время расцвета теософии, магии, астрологии рухнул СССР.)

В «Тайной доктрине» приведены смелые идеи: о динамике материков и смене полюсов, появлении человека 18 млн. лет назад, гигантской длительности истории Земли, о многих ледниковых эпохах, неисчерпаемости атома, наделённого жизнью и сознанием. В то же время она верила в расы великанов, создавших пирамиды, в материализацию человека из астральной туманности, в погибшие десятки тысячелетий назад материки Лемурия и Атлантида с великими цивилизациями… Она утверждала: «Звук есть, прежде всего, страшная оккультная сила; что это изумительная сила, которую не смогло бы уравновесить всё электричество, получаемое от миллиона Ниагар, даже в самомалейшей её потенциальности, если она направлена с Оккультным Знанием. Звук может быть произведён такого свойства, что пирамида Хеопса поднялась бы на воздух».

Более серьёзны её взгляды, отражающие идеи индуизма и буддизма: «В этой жизни нет скачков и нет случайностей, всё имеет свою причину, каждая наша мысль, каждое чувство и каждый поступок идут из прошлого и влияют на будущее. Пока это прошлое и будущее скрыто от нас, пока мы смотрим на жизнь как на загадку, не подозревая, что создали её сами, до тех пор явления нашей жизни как бы случайно выдвигаются перед нами из бездны неведомого». «Человек не только создаёт свой ум, свой

характер, свои отношения к другим людям, но его личная Карма (сумма всех деяний, добрых и злых, определяющая судьбу данного существа. — Р.Б.) входит в состав различных групп: семьи, народа, расы и своими нитями вплетается в общую ткань собирательной Кармы каждой из этих групп».

Некоторые её утверждения не лишены убедительности: «Наука рано или поздно вынуждена будет отказаться от таких чудовищных идей, как её физические самоуправляющие законы, лишённые души и духа… Главная и самая губительная ошибка… заключается в мысли о возможности существования в природе такой вещи, как… мёртвая материя». И ещё: «То, что в современной фразеологии называют Духом и Материей, — ЕДИНО в вечности, как Постоянная Причина». В хаосе её рассуждений встречаются и светлые мысли. Например, об извечной тайне, присутствующей в окружающей природе и в человеке, в самой сути жизни и разума. Что касается каждого из нас, Елена Петровна высказалась достаточно чётко: «Ткань человеческой судьбы вырабатывается самим человеком».

Достижения науки удивительней, чем могла себе представить Блаватская. Учёные постигают миллиардолетия жизни камня и мимолётное бытие мельчайших частиц. Оккультисты отрешаются от подлинных чудес познания ради полётов воображения.

Как только «Тайная доктрина» стала явной, воплощённой в огромные фолианты «по секрету всему свету», стали очевидны её изъяны. Подобные самоделки быстро рассыпаются, оставляя более или менее живописные руины. Хотя всегда найдутся люди, готовые им поклоняться. Воображение способно на месте груды обломков возвести прекрасный воздушный замок.

Рудольф Штейнер

Рудольф Штейнер (1861–1925) — другой знаменитый оккультист, немецкий философ и мистик. Он основал антропософию (в переводе с греческого — «человекомудрость») — учение, которое в центр познания ставит человека. Не отказываясь от науки, он полагал, что человеку необходимо испытывать духовный подъём, откровение.

Штейнер признавал переселение душ (реинкарнацию) и стремился создать условия для духовного единения людей между собой и с природой. Основал в 1913 году антропософский центр в Швейцарии. Его влияние распространялось на многих европейских интеллигентов, в том числе на русских поэтов-философов Андрея Белого и Максимилиана Волошина.

В учении Штейнера была немалая доля фантастики. Подобно Блаватской, он верил, что некогда затонули в Мировом океане материки Атлантида и Лемурия (исследования геологов и географов полностью опровергли это предположение).

По его словам, «с лунным светом на Землю приходит весь отражённый Космос». Он пытался на новый лад осмыслить древнейшие представления о духах природы и полагал, что существуют эфирные существа земли, воды, воздуха и огня.

В подобных взглядах есть доля истины, если считать Вселенную сверхорганизмом, наделённым Разумом (идея Платона и многих великих философов). Однако перевести подобные философские и религиозные воззрения на язык науки не удаётся до сих пор.

Д. Л. Андреев

Даниил Андреев (1906–1959), сын писателя Леонида Андреева, родился в Берлине, рано лишился матери, в юности испытывал видения, которые называл «прорывами в иной мир».

Закончив Высшие литературные курсы, зарабатывал на жизнь как художник-оформитель. Вечерами работал над романом «Странники ночи».

За антисоветские высказывания был арестован в 1947 году и отправлен в лагерь, где его видения усилились и участились. Там он начал писать мистический трактат «Роза Мира» — о Вселенной и человеке, извечной борьбе добра и зла, об оккультной истории человечества — с пророчествами на будущее. Вот как завершается это его сочинение:

> Так, восходя от света к свету и от славы к славе,
> все мы, населяющие Землю теперь,
> и те, кто жил, и те, кто явится жить в грядущем,
> будем подниматься к неизречённому Солнцу Мира,
> чтобы рано или поздно слиться с Ним…
> …в созидании вселенных и вселенных.

Он повторил идею, высказанную в XIX веке русским оригинальнейшим философом Н. Ф. Фёдоровым о высшей цели человечества — возрождении всех умерших и освоении космоса (мысль, подхваченная и разработанная К. Э. Циолковским).

«В веках оставили неизгладимые следы визионеры прошлого: Сократ, Данте, Бёме, Сведенборг, Вл. Соловьёв… Дар Андреева, вручённый ему своим даймоном, превзошёл все известные в истории человеческой культуры. Способность прозревать в миры инобытия, яснослышание, открытая глубинная память, созерцание панорам иных миров — знатоки эзотерических наук прошлого не верили, что эти качества могут быть вмещены одним человеком». Так пишет его биограф В. Грушецкий.

Трудно согласиться с такими восторгами. Жизнь показала: никаких прозрений в иномиры или яснослышания у Даниила Андреева не было. Как мыслитель он не был оригинален, оставаясь на уровне знаний оккультистов XIX века. Крупным поэтом он тоже не стал, хотя безусловно интересна его поэтическая «Железная мистерия».

Возможно, среди антисоветских диссидентов он был наиболее талантлив. Но жизнь советского народа была ему

чужда. Возможно, он был не вполне здоров психически, как знать. Однако теперь вряд ли оспоришь тот факт, что когда в нашей стране к власти пришли диссиденты, СССР был расчленён, русский народ стад деградировать и вымирать, зато появилось немалое число «избранных», в одночасье ставших миллиардерами и вылезших «из грязи в князи».

Среди оккультистов встречались талантливые учёные, незаурядные мыслители, наивные невежды, обманутые простаки, ловкие проходимцы, психически больные. Меньше всего среди них было серьёзных мыслителей или учёных. Некоторые сочинения оккультистов могут представлять определённый интерес. Но найти в них жемчужные зёрна светлых мыслей не так-то просто из-за обилия шелухи, словесного сора.

Науки стремятся объяснить, постичь, упростить сложное и непонятное. Тайноведение, напротив, запутывает и усложняет простое, затуманивает и затемняет ясное. О природе у оккультистов смутное представление, ибо не интересуются всерьёз геологией, биологией, астрономией, физикой, химией и естествознанием в целом.

На свете действительно множество тайн. Некоторые из них, возможно, никогда не будут разгаданы. Да и нет однозначных ответов на важнейшие вопросы: Что такое жизнь? Что есть счастье? Что происходит с душой после смерти? Что было до сотворения мира или его саморождения?.. Каждый человек в определённую эпоху отвечает на них по-своему.

Алистер Кроули

Алистер (Эдвард Александр) Кроули (1875–1947) имел строгих и богатых родителей, которые одновременно были членами пуританского Плимутского братства и владели алкогольной фабрикой. С детства он был взбалмошным, «неуправляемым». В 12 лет лишился отца. Мать отправила его в закрытый интернат Плимутского братства. С тех пор он проникся ненавистью к христианам, которых считал ханжами, лицемерами.

В Кембриджском университете он прославился как отличный математик, латинист, шахматист и альпинист. Он писал стихи, увлёкся оккультизмом и взял себе загадочное имя Алистер. Став обладателем богатого наследства, покончил с учёбой. В поисках мистических откровений стал разъезжать по разным странам, участвовал в тайных обществах и сатанинских ритуалах. Кроули приобрёл замок на берегу шотландского озера Лох-Несс, посвятив себя Сатане и чёрной магии, не без помощи наркотиков.

Если уж говорить о чудовище озера Лох-Несс, то им безусловно являлся Кроули. В его замке происходили оргии. Местные жители были возмущены и вынудили Алистера продать замок. Создав оккультное братство Серебряной Звезды, он принялся писать статьи по магии и тайноведению, утверждал, что приносил человеческие жертвы Люциферу.

В Египте он взял себе титул Антихриста: «Великий Зверь 666» проповедовал сексуальную свободу и наркотики. Даже среди чудаков привычной к эпатажам Англии он слыл большим оригиналом. Журналисты величали его самым порочным человеком в мире, чем он гордился. Написал он книгу пророчеств, утверждая, что постиг тайну будущего с помощью Сатаны.

Кроули поселился в пригороде Цефале на Сицилии. Его дебоши и оргии вынудили итальянские власти через два года выдворить его из страны. Кроули вернулся в Англию и постепенно исчез из поля зрения общества. Есть версия, что в своих путешествиях он работал на британскую разведку.

К старости он стал нежелательной персоной во многих странах. Две его молодые жены умерли от наркотиков и запоев. Его окружали сексуально озабоченные и не брезгующие наркотиками любовницы. С годами он обеднел и не только морально, но и умственно деградировал.

Жак Эймар

Жак Эймар был местной знаменитостью. Он с помощью волшебного прута помогал находить похищенные вещи, преступников. Обратились к нему за помощью.

В погребе он почувствовал сильное волнение. Развилка, которую он держал, повернулась к тому месту, где были найдены трупы. Настроившись таким образом, он двинулся в путь, руководствуясь указаниями волшебного орехового прута…

Не станем пересказывать события, которые произошли с ним, и называть людей, с которыми он встречался. Со спутниками-детективами он пришёл к тюрьме городка Бокера. Там к нему подводили по очереди заключённых. На одного из них — горбуна — указал прут. После допросов он признался, что был соучастником преступления, но убийцами были два приезжих, которые наняли его в качестве слуги. Приезжих не нашли, а горбуна повесили.

Этот случай позже пытались объяснять по-разному. В начале XX века француз Анри Маже высказался: «Палочка не играла никакой роли в успехе Жака Эймара. Этот крестьянин… был ясновидящим». Тут уже полная непонятица: одно чудо объясняется другим, более чудесным!

Предполагали, будто Эймар обладал уникальным обонянием, подобно собаке-ищейке. Автор книги де Валлемон решил, что существует особое истечение «тонкой материи», которое улавливают некоторые люди, пользующиеся ореховым прутом. Но что это за истечение и как оно помогает восстанавливать события, осталось неясным.

Способности Эймара исследовал священник Лебрен. Оказалось, что лозоходцу далеко не всегда сопутствовала удача. Например, крестьянин попросил его найти воров, похитивших зерно. Эймар указал на один крестьянский двор. И в этом, и в ещё одном случае он ошибся.

В конце XIX века профессор А. Леманн в «Иллюстрированной истории суеверий и волшебства» припомнил убийство в Лионе и высказал мнение, что казнили мнимого убийцу ибо никаких доказательств его вины, кроме показаний Эймара и самопризнания (или самооговора?), не было. По словам учёного, сын герцога Конде провёл несколько опытов с Эймаром, предлагая ему отыскать спрятанные металлические предметы, а также воров, местопребывание которых было известно полиции. Результаты поисков всегда были отрицательными.

Не исключено, что ореховый прутик помогал Эймару

сосредоточиться на малозаметных следах, оставленных убийцами. Такая сосредоточенность, подключение подсознания, интуиции, помогала раскрыть преступление. Неудачи других опытов можно, при желании, объяснить тем, что оператор не мог полностью отрешиться от посторонних факторов.

Лозоходство живёт уже более трёх тысячелетий и пользуется немалой популярностью даже теперь. Придумано «научное» название — биолокация, а вместо орехового прута употребляют металлические рамочки.

Мне довелось не только наблюдать, но и отчасти изучать работу группы современных биолокаторов. Они согласились провести несколько опытов, но результаты были отрицательными. Встречался и с патриархом этого метода Н. Н. Сочевановым, который обнаружил «геопатогенную» зону в моей комнате в редакции журнала «Техника—молодёжи».

Наиболее часто используют «биолокацию» для поисков подземных вод, месторождений полезных ископаемых, кладов. Есть сведения, что порой такие работы дают положительный результат. Всё зависит от того, в чьих руках находится палочка или рамка. На этот счёт М. В. Ломоносов высказался так:

«К поиску рудных жил употребляют некоторые горные люди прут… Некоторые сие почитают за натуральное действие и приписывают металлам силу, которою будто бы они рудоискательный прутик к себе тянули. Но повседневное искусство и здравый разум учат, что такой притягательной силы в металлах быть нельзя; ибо упомянутые вилки не у всякого человека и не на каждом месте к металлам и рудам наклоняются…

Способом развилистого прута руд ищущие никогда не найдут, если тому вышепоказанных признаков прежде не приметят. Немало людей сие за волшебство признают и тех, что при искании жил вилки употребляют, чернокнижниками называют. По моему рассуждению, лучше на такие забобоны, или, как прямо сказать, притворство не смотреть…»

Прав был Ломоносов или нет?

Надо со всей определённостью сказать: никакой особой силы, «притягивающей» прут или рамку к подземным водам или рудным телам, не существует. Подземные воды имеются повсюду, только на разной глубине, в разном количестве и различного качества. Ничего подобного методом биолокации определить невозможно; один опытный гидрогеолог в подобных случаях полезней, чем сотня биолокаторов с рамочками.

Прав Ломоносов: лозоходцы не смогут добиться успеха, если «прежде не приметят» определённых поисковых признаков. В

руках сведущего и наблюдательного человека прут может быть полезен или, по крайней мере, не вреден, а для того, кто не знаком с основами геологии или гидрогеологии, не обладает наблюдательностью и смекалкой, любые рамочки становятся детскими игрушками, «забобонами».

Парапсихологи верят в существование явлений, опровергающих известные, твёрдо установленные законы природы. Например — в левитацию, способность особенных людей (йогов, экстрасенсов) силой воли или «пси-энергией» преодолевать силу земного притяжения, подниматься в воздух и висеть без каких-либо технических приспособлений.

Иллюзионисты показывают фокусы, которые зрителю кажется чудом, нарушением физических законов. Хотя иллюзионист использует невидимые из зала подставки и подвески. Никакого преодоления законов природы не происходит. С помощью одних законов удаётся преодолевать другие: так космическая ракета покидает область земного притяжения.

Один мой знакомый, писатель, кандидат химических наук, работавший со мной в журнале «Чудеса и приключения», посмотрев по телевидению «левитацию» фокусника Дэвида Копперфильда, сказал: «Ничего особенного, обыкновенная магия». (Между прочим, этот мой знакомый утверждал, что изобрёл и десяток лет употребляет эликсир бессмертия; к сожалению, изобретатель эликсира бессмертия умер в 2005 году).

Другое «паранормальное» явление — прилипание к телу человека различных вещей: утюгов, ложек и поварёшек, ножей и кастрюль, сковородок. Об этом с упоением писали журналисты, демонстрируя фотографии людей, облепленных бытовыми предметами.

Профессор А. П. Дубров предположил: некоторые люди «в результате психической деятельности» способны «получать энергию из биовакуума, связанного с физическим вакуумом». Непонятно, но здорово! Хотя реальность проще и понятней. Кожа человека имеет поры и потовые железы. У многих поры эти крупные, а пот достаточно липкий. Вот и прилипают к такой коже различные предметы.

Чтобы убедиться, что дело тут не в биополях и биовакууме, достаточно проделать простой опыт: прилепить к коже тонкую гладкую плёнку, а поверх неё приложить предмет. Если он не прилипнет, стало быть, весь эффект связан с состоянием кожного покрова. Ну а если прилипнет — у вас есть шанс сделать научное открытие.

Люди, которые верят в паранормальные явления и экстрасенсов, почему-то думают, будто учёные отмахиваются от

подобных фактов, не желают о них слышать и отвергают их, не задумываясь. Но это — детское заблуждение. Это учителю доставляет лишние неприятности нечто такое, что он не способен объяснить. А учёные жаждут встретить подобные явления. Ведь так можно открыть новый закон природы или уточнить существующий.

Олдос Хаксли

Более счастливо, чем у Кроули, сложилась судьба другого английского оригинала — писателя и мыслителя.

Олдос Хаксли (1894–1963) родился в семье, где было немало знаменитостей. Отец — известный литератор, дед — выдающийся биолог и популяризатор науки, неистовый дарвинист Томас Гексли.

Пожалуй, именно благодаря несчастью — тяжёлому заболеванию глаз в юности — Олдос Хаксли, преодолев немалые трудности, на несколько лет почти полностью лишившись зрения, углубился в самопознание и стал одним из крупнейших британских писателей XX века. В 14 лет он лишился матери. Другой моральный удар нанесло ему самоубийство любимого старшего брата.

Олдоса отличала неутолимая жажда познания, стремление к истине всеми возможными способами: изучением наук, углублением в философские и религиозные учения, использование методов медитации (даже с помощью наркотиков), гипноза. Он написал труд «Вечная философия», который можно назвать путешествием в миры мыслимые и воображаемые, во время которого происходит знакомство с идеями огромного количества мыслителей прошлого. Значительную часть в нём занимают цитаты, но это не лишает произведение оригинальности.

В 1952 году он под наблюдением врача принял дозу галлюциногенного мескалина, испытав, как ему показалось, блаженство всезнания. Затем принимал препарат сходного действия — лизергиновую кислоту (ЛСД) и пришёл к выводу, что так любой человек может испытать нечто подобное религиозному мистическому экстазу.

Хаксли был противоположностью Кроули: мягким, добрым, искренним, скромным, с чувством юмора и такта. Его провидческий роман «О дивный новый мир» показал идеальное осуществление капиталистической системы, полностью поработившей личность.

«В тоталитарном государстве, по-настоящему эффективном, — писал он, имея в виду страны западной демократии, — всемогущая когорта политических боссов и подчинённая им армия администраторов будут править населением, состоящем из рабов, которых не надобно принуждать, ибо они любят своё рабство». Эту любовь прививают с детства с помощью средств массовой рекламы, агитации,

пропаганды. Хорошее средство — свободный секс вместо любви, тупые развлечения и такой же отдых.

«Теперь же настолько шагнул прогресс — старые люди работают, совокупляются, беспрестанно развлекаются; сидеть и думать им некогда и недосуг». А если возникнет проблема — поможет наркотик: «Сомы грамм — и нету драм» (здесь сома — наркотик). Герой романа высказывает мысль, которую до сих пор не желают понять и признать богатые и властные хозяева «дивного нового мира», общества потребления, современной цивилизации, активно использующей электронные наркотики: «Индустриальная цивилизация возможна лишь тогда, когда люди не отрекаются от своих желаний, а, напротив, потворствуют им в самой высшей степени, какую только допускают гигиена и экономика. В самой высшей, иначе остановятся машины».

В конце жизненного пути, Олдос Хаксли писал: «Мир — это иллюзия, которую мы должны принимать всерьёз… Нельзя жить бездумно, принимая иллюзию за полную реальность — но нельзя жить и слишком глубокомысленно, если мы хотим вырваться из состояния сна. Нужно всё время искать средства для расширения собственного сознания… Каждый должен найти способ жить в этом мире и не быть его пленником».

В книге «Двери восприятия» он немало писал о познании с помощью наркотиков, чем во многом способствовал движению «Детей цветов» и раскованности нравов. Хотя с полным основанием утверждал: рай и ад — в душе человека. Надо уточнить: искусственный рай, на некоторый срок даруемый наркотиком, позже, хотя и не сразу обрекает человека на адские страдания.

Наркотики (химические, электронные) не могут помочь тем, кто стремится познать природу людей, общество, самого себя, ибо отрешают от реальности ради иллюзии. Это необходимо при хирургических операциях, для снятия непереносимой боли, для умирающих. Пока человек жив и здоров, он должен мужественно смотреть на окружающий мир и стремиться в меру своих сил и возможностей сделать его лучше.

В. К. Зайцев

Задолго до того, как оформилась наука в её современном понимании, религиозные мыслители и философы пытались понять окружающий мир и самих себя. Великие научные достижения XIX века вывели учёных на передовые позиции в поисках новых открытий. Религиозные откровения и философские рассуждения отошли на второй план.

Вячеслав Кондратьевич Зайцев (1917–1992) был одним из тех, кто пытался совместить три принципиально разных метода познания: научный, религиозный и философский.

Пожалуй, он чувствовал себя пророком (тем более что немало пострадал за свои убеждения). В 1991 году я получил от него две статьи, опубликовать которые удалось лишь через несколько лет, уже после смерти автора. Они посвящены вечным проблемам бытия и предрекали скорый конец света. Для него он действительно наступил, но пока ещё не для человечества.

Зайцев прошёл жизненный путь, который резко делился на две части: определяемую анкетными данными (родился, учился, работал, служил), и связанную с духовными исканиями и прозрениями. Получив среднее техническое образование, он работал на заводе в Башкирии, поступил в сельскохозяйственный институт, не закончив его, попал на флот и прослужил до 1946 года на Дальнем Востоке. Затем окончил отделение славистики филологического факультета Ленинградского университета и аспирантуру. Стал знатоком литературы южных славян, перевёл поэму «Осман» хорватского классика Ивана Гундулича, защитил кандидатскую диссертацию, преподавал в университете…

Судьба его входила в нормальную житейскую колею. Впереди — докторская диссертация, профессорское звание. Но его влекли неведомые горизонты познания мира и человека. Он углубился в библейскую тематику, изучая и канонический текст, и апокрифы. Его осенило: в Библии приведены свидетельства посещения Земли космическими пришельцами!

Вячеслав Кондратьевич стал первопроходцем данной темы, выступал с лекциями, писал статьи. С мужеством пророка отстаивал свои крамольные идеи, резко расходившиеся с официальной идеологией и учением церкви. Его исключали из партии, вновь принимали и опять исключали. Отчислили из университета. Пришлось переехать из Ленинграда в Минск. Он работал старшим научным сотрудником Института литературы АН БССР. Опубликовал в 1967–1968 годах в журнале «Байкал» исследование «Боги приходят из космоса». Интервью с ним в

нашумевшем фильме Дэникена «Воспоминания о будущем» прошло по экранам всего мира.

Последствия для Зайцева оказались самые неблагоприятные. На него обрушилась научная критика; его не допустили к защите докторской диссертации, уволили из института. Он продолжал высказываться свободно и смело, предрекая развал СССР в 1980 году и последующий конец света.

Осенью 1978 года его арестовали, отправили на принудительное лечение в психиатрическую закрытую больницу. Его философско-мистическое учение было признано антисоветским. Тем более что он распространял свои листовки, где говорилось о предстоящем втором пришествии Христа. У него были видения (возможно, в результате сильных стрессов в заключении и лечебнице). Только через четыре года он, по ходатайству психиатров, вышел на свободу.

Слушая его лекцию об Иисусе Христе как пришельце из других миров, я заключил, что это тройная ересь: по отношению к официальной религии, науке и государстве иной идеологии. В 1991 году мы три долгих вечера беседовали и спорили. Он был интересным остроумным собеседником, а порой выступал как проповедник или пророк. На критические замечания реагировал спокойно и отвечал рассудительно. Маниакальной «зацикленности» на собственных идеях у него не было. Вот некоторые его высказывания, частично отредактированные:

— Жизнь справедливо определять как сочетание процессов. Более того, её можно понимать как особую форму движения, а разум — как саму его целенаправленность. Древнее выражение «и камни мыслят» содержит в себе определённую долю истины, поскольку в нашем понимании стирается грань между мёртвой и живой природой, а функция жизни распространяется в обе стороны: в микро- и макромир.

— Начало функции живого нужно искать в свойстве отражения (в философском смысле понятия), которое характерно в определённой степени и для «мёртвого» мира. Расширяется наше представление о носителях жизни: наряду с белком они обнаруживаются в нуклеиновых кислотах (не исключено, что есть и другие). Бесконечное развитие может мыслиться как смена качественно новых ступеней, как смена форм воплощения. Нет ничего удивительного, если развитие Вселенной будет пониматься как чередование стадий: …идея… материя…идея… материя… при таком чередовании бессмысленно говорить о приоритете идеи или материи.

— Вселенную можно представить неоднородной во времени. В ней могут одновременно быть зоны «молодые», достигшие

«зрелости» и те, в которых эволюция в определённом смысле себя изжила, исчерпав запас своей энергии, «пропустив» материю через многие формы её организации. Разум, зародившись и развившись до высокого уровня, неизбежно вторгается в процесс стихийной эволюции Вселенной, ускоряя его, внося свои коррективы, направляя. Возможно, некоторые зоны Вселенной сейчас являются местом приложения усилий разума, создающего новые галактики и звёздные системы. Со временем таких зон может становиться всё больше и больше… Наряду с очагами Праразума не исключены и очаги юного Разума. Об этом нам остаётся только фантазировать. Реликтовое излучение, как и «кладбище звёзд», — это удивительно романтические загадки космологии, оставляющие большой простор для воображения. Я связываю реликтовый свет с проявлением Праразума во Вселенной. Возможно также, что это — «первозданный» свет мира, тот первоисточник энергии, который привёл в движение всю небесную механику.

— Современное человечество живёт не в мире чудес, а в ожидании их. Ни спутники и космические корабли, ни чудеса телевидения и электроники людей уже не поражают. Чем это объяснить? Может, тем, что «всякое чудо длится девять дней» — как гласит английская пословица? Или человечество вообще утратило способность удивляться? Тем не менее, люди ждут «чуда». Будущее должно принести «чудеса», тем более что теоретически некоторые из них уже обоснованы: 1) множественность разумных миров во Вселенной; контакты Земли с другими мирами; 2) положительное вмешательство в эволюцию человека, в наследственность; 3) антимир; 4) признание целесообразности во Вселенной; мысль о диалектике самой диалектики и другие.

— Нельзя всерьёз пророчествовать, ибо будущее всегда смеётся над лжепророками. А быть подлинным пророком дано не каждому. Поэтому мы будем говорить о будущем, сохраняя в резерве большую долю иронии в свой собственный адрес.

— Кривая прогресса, имеющая тенденцию превратиться в вертикаль, свидетельствует о том, что дальнейшее развитие должно идти принципиально иным, качественно новым путём. Будущее нашей цивилизации я вижу в постепенном отмирании тех её форм, которые сложились на протяжении предыдущего тысячелетия. Технический этап развития можно считать временным. Он потребовался только как условие, как ступень на пути развития человека, как средство пробуждения, активизации и универсализации умственных способностей человека-накопителя и реализатора информации.

— Человек должен идти по пути, на котором будет осознаваться высокий смысл Вселенной, её Причины и Закона, а также приоритет духовных и умственных его целей над целями физическими и материальными, прояснится «роковой» вопрос всех времён: кто мы, откуда пришли, куда идём? Человек научится строго классифицировать и различать добро и зло. Процесс познания мира изменится радикальным образом. Знания, полученные наукой, будут совпадать со знаниями Откровения.

— Будущее человеческого рода и есть то чудо, которое люди ждут тысячи лет, не успевая пресытиться ожиданием. Если всю свою историю люди предполагали, что смысл жизни — в поисках её смысла, то будущее должно принести щедрую компенсацию за этот поиск.

Подобные высказывания В. К. Зайцева достойны обсуждения. Возможно, они отражают подлинное озарение мыслителя, стремящегося проникнуть в неведомое. В наш век узкой специализации, суетности, озабоченности личными интересами и мелкими помыслами такие люди, как он, выглядят не просто чудаками и оригиналами. Некоторые их воспринимают как мудрецов или даже пророков; у других они вызывают острую неприязнь.

В людях, исполненных героического энтузиазма, правы они или заблуждаются, присутствует «искра Божия». Они — искатели истины, устремлённые в неведомое. Без них наш мир станет убогим, тусклым, скверным, бессмысленным.

ОСТРОУМЦЫ

Поэт Велимир Хлебников, человек чрезвычайно оригинальный, написал «Заклятие смехом»:

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами,
Что смеянствуют смеяльно…

Смеюнчики, смеюнчики…

Как известно, смеюнчики бывают разные: острые и тупые, злобные и утробные. На этот счёт у того же Хлебникова в поэме «Зангези» есть реплика: «Мыслитель, скажи что-нибудь весёленькое. Толпа хочет весёлого. Что поделаешь — время послеобеденное».

Должен предупредить: утробного смеха, то ли помогающего пищеварению, то ли отвлекающего от столь важного процесса, в нашем случае не будет. Нас будет интересовать юмор серьёзный и даже отчасти сатира.

Для предмета одушевлённого смехачество может обернуться обидой. Кому приятно, чтобы над ним смеянствовали смехачи? Хотя некоторые персонажи, в которые всадили немало сатирических стрел, только по этой причине сохранились в памяти потомков.

Тема смехачей и смехотворцев огромна, и мы затронем её вскользь. Нас будут интересовать из них наиболее оригинальные и чудаковатые, да и то — далеко не все.

* * *

Говорят, смех убивает. Но, увы, люди предпочитают убивать друг друга иными способами. Тому, кто выходит на бой со злом, вооружённый одним остроумием, приходится с этим считаться.

Припев «Ей-ей, умру от смеха» в песенке Беранже вполне добродушен. От смеха ещё никто не умирал. Всегда находятся какие-нибудь другие причины. Но были и есть чудаки, умирающие со смехом!

Один преступник, которому палач медлил накинуть петлю на шею, попросил: «Давай скорей, а то я боюсь щекотки». Другого

висельника причащал перед смертью священник, закончивший свою проповедь: «Скоро вы будете там, в лучшем мире, вкушать небесную пищу». Преступник деликатно ответил: «Я не голоден, святой отец. Если желаете, идите вкушать вместо меня».

Симонид

С древних пор о смерти говорили не только всерьёз, но и в шутку. Трудно сказать, кто тут был первым. Возможно — греческий поэт Симонид (556–468 гг. до н. э.). Родившись на острове Кеос, он находил приют и у вождя афинской демократии Фемистокла, и при дворе тирана Сиракуз Гиерона. По-видимому, его талант писать кратко и проникновенно был, как говорится, востребован.

Немало надгробных надписей — эпитафий — сочинил он, героических или лирических. Но в некоторых порой присутствовала ирония:

> ЭПИТАФИЯ КУПЦУ КРИТЯНИНУ
> Родом критянин, Бротах из Гортины, в земле здесь лежу я.
> Прибыл сюда не за тем, а по торговым делам.

Когда Симонид посмеялся над гимнопевцем Тимокреонтом, тот в ответ съязвил в адрес Симонида, и за это получил от него — при жизни — такую надгробную надпись:

> Много я пил, много ел, и на многих хулу возводил я;
> Нынче в земле я лежу, родянин Тимокреонт.

Более остроумной была его эпитафия некоему Мегаклу с обращением к его вдове:

> Лишь погляжу на надгробье Мегакла, становится сразу,
> Каллия, жалко тебя: как ты терпела его?

С тех пор, а возможно и ещё раньше, насмешки над смертью и над почившими (или, как все мы, обречёнными на вечный покой) стали появляться всё чаще. Их использовали, конечно же, в назидание живущим.

Марциал

Марциал (ок. 40 — ок. 104) — римский поэт, один из наиболее прославленных остроумцев прошлого. Родился в Испании, переехал в Рим. Полвека назад наши литературоведы подчёркивали, что в его эпиграммах слышатся «жалобы талантливого, но задавленного нуждой поэта». Однако у Марциала стон страдающего от голода бедняка, пожалуй, был литературным приёмом.

В столицу империи он приехал в возрасте 25 лет и поначалу действительно вынужден был обеспечивать себе «место под солнцем»; был клиентом влиятельных патронов, приветствуя их (порой стихами) и сопровождая до форума. Со временем он обзавёлся небольшой усадьбой под Римом, а потом и домом в столице.

В молодые годы он написал большие циклы «Гостинцы» и «Подарки», в которых перечислил множество пищевых продуктов и блюд, вин, предметов обихода… Возможно, был он гурманом. Во всяком случае, в I книге эпиграмм возмущённо воскликнул:

> Спятил ты, что ли, скажи? На глазах у толпы приглашённых
> Ты шампиньоны один жрёшь себе, Цецилиан…

Если когда-то врачам посвящали почтительные эпиграммы, то затем о них стали отзываться язвительно. Марциал писал:

> Врач был недавно Диавл, а ныне могильщиком стал он:
> Начал за теми ходить, сам он кого уходил.

Немало доставалось от Марциала авторам и «потребителям» литературной продукции:

> Ты мне пеняешь, Велокс, что длинны мои эпиграммы.
> Ты ничего не писал. Вещи короче твои.
>
> Вслух собираясь читать, ты что ж себе кутаешь горло?
> Вата годится твоя больше для наших ушей.
>
> Ты, Вацерра, дивишься только древним.
> Только мёртвых поэтов ты похвалишь…
> О, прошу извинить, Вацерра, гибнуть,

Чтоб тебе угодить, совсем не стоит.

Шутить, зубоскалить, демонстрировать своё остроумие, да ещё посмеиваясь над смертью хорошо, если ты сыт и здоров, имеешь более или менее основательное положение в обществе. Но были люди, не терявшие присутствия духа и чувства юмора даже в тяжёлой жизненной ситуации.

Себастьян Брант

Среди вечных тем наиболее популярны возвышенные: о бренности или вечности жизни, пределах Вселенной и познания, бессмертии души, борениях добра и зла… Но, как свидетельствует жизненный опыт, не менее неизбывны темы, связанные с человеческими пороками и глупостями.

Об этом можно судить по книге, изданной в Германии в 1494 году, более 500 лет назад: «Корабль дураков». В предисловии к ней говорилось:

> Ради пользы и благого поучения,
> для увещевания и поощрения мудрости,
> здравомыслия и добрых нравов,
> а также ради искоренения глупости,
> слепоты и дурацких предрассудков
> и во имя исправления рода человеческого —
> с исключительным тщанием,
> серьёзностью и рачительностью
> составлено в Базеле Себастианом Брантом,
> доктором обоих прав.

Полезно обратиться к этой книге, написанной стихами (в переводе Л. Пеньковского) и иллюстрированной Альбрехтом Дюрером (что само по себе заслуживает внимания), с тем, чтобы выяснить, насколько изменились к лучшему люди за полторы тысячи лет.

Первым упомянут, как это ни странно для книжника, которым был сам автор, Себастьян Брант —

> …дурак библиофил:
> Он много ценных книг скопил,
> Хотя читать их не любил.

Этот человек копит книги как капитал или украшение личной библиотеки. Читать книги от начала до конца, вдумываясь в их содержание, он избегает:

> Мозги наукой засорять —
> Здоровье попусту терять.

Возможно, в наши дни подобные дураки рассуждают иначе. Наиболее продвинутые из них отдаляются от книг, обращаясь к всеведущему Интернету. Но если хорошая книга учит размышлять самостоятельно, сомневаясь и вырабатывая цельность мышления, то компьютерные версии предоставляют разрозненные ответы на те или иные вопросы. Возникает эффект «рваной мысли» (одна из форм шизофрении), пригодный для решателей кроссвордов и участников соответствующих телеигр, но чрезвычайно вредный для формирования интеллекта.

Теперь мозги засоряют даже не наукой, а всякой всячиной, можно сказать, отходами интеллектуального производства. Выходит, что современный «учёный дурак» ещё более глуп, чем давний, хотя и нашпигован разнообразнейшими сведениями.

А вот как отозвался Брант о стяжательстве:

Дурак пред вами — скопидом.
Стяжать, стяжать
любым путём —
Цель его жизни,
счастье в том.

Понятно, что с развитием капитализма стяжатели получили замечательную возможность накапливать не только монеты в сундуках, но и заводы и фабрики, земельные угодья, транспортные средства и многое другое. Хотя перспективы у них далеко не всегда радужные и радостные.

Коль ты нечисто стал богат,
Ступай поджариваться в ад!

Да ведь чистыми руками много богатства не загребёшь! И в том ли цель жизни, чтобы заиметь максимум материальных ценностей? На этом пути теряется бесценное достояние человека — душа:

Кто бренных ценностей взалкал —
Втоптал живую душу в кал.

Существуют высокие потребности — духовные и низкие — материальные. Без последних, ясное дело, вовсе обойтись невозможно. Тут главное — мера. Когда материальные потребности становятся целью и содержанием жизни, то это губит

не только отдельного человека, но и всеземную цивилизацию.

Нелестно отозвался Брант о модниках:

Кто вечно только модой занят —
Лишь дураков к себе приманит…
…О пленник Моды, до чего ж
Он на невольника похож!

Учтём, что мода бывает не только на одежду, но и на развлечения, лакомства (их теперь усердно рекламируют), манеру поведения, словесные выражения. Чем плоха мода? Она создаёт «стадных людей», похожих между собой нарядами, поведением, речью, пристрастиями. Она штампует стандартных «человековинтиков» технической цивилизации, роботов. Так создаётся распространённый ныне механический человек с отштампованным убогим духовным миром. Можно сказать, что частенько мода делает из человека урода.

Конечно, и механическому человеку ничто человеческое не чуждо. Только вот у него всё упрощается и опошляется. Так что любовь оборачивается примитивным сексом. В прежние времена волокита был осенён образом богини любви:

Пленён Венерой, у плутовки
Ты, как дергунчик, на верёвке,
Терпи, дурак, её издёвки!

Теперь всё проще, грубей и звероподобней. Вместо любви — занятие любовью (представим себе: не дружба, но занятие дружбой; не обожание, а занятие обожанием). В общем, если такой дергунчик и на верёвке, то держит её не богиня любви, а примитивное животное чувство. Прогресс…

Молчанье — щит от многих бед,
А болтовня всегда во вред.
Язык у человека мал,
А сколько жизней он сломал…

Самая страшная беда нашего времени в том, что языки демагогов ломают тысячи и миллионы жизней, а то и целые государства. Во всяком случае, СССР во многом — хотя и не только из-за этого — был разрушен и расчленён благодаря психологической войне. Ушаты лжи были вылиты в уши

доверчивой публики, в особенности с экранов телевизоров и по радио.

Появление средств массовой рекламы, агитации, пропаганды — новое явление в жизни человечества. Современный человек, как никогда, подвержен воздействию тех, в чьих руках находятся эти СМРАП.

Многое в нашей жизни зависит от того, кто находится рядом. У своих родных и близких мы перенимаем, иногда сами того не замечая, многие качества. Так было прежде, так и осталось:

Ребёнок учится тому,
Что видит у себя в дому:
Родители пример ему.

Во всём ли надо подражать взрослым? А если они суеверные, обращаются к знахарям и колдунам, доверяют экстрасенсам свои кошельки и здоровье? В наше время таких суеверов — хоть пруд пруди, а потому и процветают колдуньи, знахари и прочие сомнительные врачеватели.

В этом отношении вроде бы ничего не изменилось со времён давным-давно минувшего Средневековья, когда писал про них обличительные строки Брант. Он был возмущён теми, кто пользуется доверчивостью почтеннейшей публики, не имея даже медицинского образования:

Вас, кто врачует самозванно,
Пройдохи ловкие, профаны.
Вас обличаю, шарлатаны!

Но разве только дело в них одних? Вернулись в наши дни и популярные во времена упадка цивилизаций астрологи, уверяющие, будто от расположения планет зависят судьбы людей, народов, государств. Они составляют гороскопы и ловко околпачивают многих. Об этом пятьсот лет назад сказано верно:

О звёздах ныне столько чуши
Наворотили — вянут уши.
Но верят в чушь глупцы, кликуши.

Прямо как о наших днях! Верят в двойную ересь: и с позиций религии (где судьбами ведает лишь Бог) и тем более науки (давно доказано, что планеты не оказывают на нас никакого влияния). А

ведь ныне всяческим предрассудкам подвержены не просто безграмотные старушки, а получившие (зачем-то) высшее образование. Таковых стало очень много.

А глупых суеверий зло
Чрезмерно ныне возросло.

Нет, никто не возражает против образования, тем более высшего. Но право же странно, что в «тёмные» времена, как обычно считается, Средневековья суеверов, пожалуй, было не больше, чем в наши дни. Чему же, зачем и как учатся люди, так и не научась хотя бы здравому смыслу…

Ну а что касается тех, кто облечён высокой властью, то надо согласиться:

В чести и силе та держава,
Где правят здравый ум и право,
А где дурак стоит у власти,
Там людям горе и несчастье.

Увы, всё именно так, и мы в этом убедились на собственном горьком опыте. Хотя в период «демократизации» выбирали таковых по собственной воле, а потому и обижаться на дураков и подлецов нечего, если они принесли горе и несчастье. Беда — в нас самих.

Можно было бы продолжить сопоставление начала XXI века с завершающими веками Средневековья, однако и во многом другом, кроме упомянутого выше, не выявится никаких наших преимуществ над теми, кто жил тогда.

Кем был автор столь замечательной и своеобразной книги?

Себастьян Брант (1457 или 1458–1521) родился в Страсбурге в семье зажиточного трактирщика, окончил Базельский университет, стал юристом, работал адвокатом, имея возможность общаться с клиентами, многие из которых оказались в его «Корабле дураков».

Самое необычное в личности Бранта: он не был ни чудаком, ни оригиналом. Точнее, он не был таким демонстративно — в поведении, пристрастиях. Но его духовный мир, безусловно, был оригинален, отличаясь от подавляющего большинства его сограждан.

Не менее удивительно другое. Его сатира на дураков, которыми он представил почти всех их, пользовалась огромной популярностью. До конца XVI века она выдержала 26 изданий!

Выходит, не такими уж дураками были её читатели и почитатели. Она была вскоре переведена на французский, голландский, английский, латинский языки. «Корабль дураков» совершил триумфальное плавание по европейским странам.

…Читая стародавнюю сатиру Себастьяна Бранта, поневоле задумаешься о том, что же в конце концов является целью современного человечества? Разрушение окружающей природы и опошление личности ради приобретения некоторыми — не из лучших — людьми наибольших материальных благ, капиталов, власти, комфорта? Не превращаемся ли в таком случае мы в пассажиров космического корабля дураков, несущегося к своей гибели?

Или всё-таки в нынешнем веке осуществится переход от технической к человечной цивилизации, живущей в гармонии с окружающим миром, ориентированной на высшие ценности… Ох, с такими мечтаниями как бы не попасть на борт «Корабля дураков»!

Даниель Дефо

Даниель Дефо (1659 или 1660–1731), мастер литературных мистификаций, был одним из первых английских писателей, получивших всемирную известность. Его прославленный роман, как утверждает заглавие, написан не им. Вот полный текст названия книги:

> «ЖИЗНЬ и необычайные удивительные ПРИКЛЮЧЕНИЯ Робинзона Крузо, моряка из Йорка: который прожил двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устья реки Ориноко, куда был выброшен после кораблекрушения, а вся остальная команда погибла… Написано им самим».

Прославился сначала Дефо своими политическими фельетонами, памфлетами, острыми статьями в защиту свободы мысли и убеждений. В результате «Лондонская газета» опубликовала 10 января 1703 года объявление с его описанием: «Он среднего роста, худощавый, около сорока лет, смуглый, волосы тёмно-каштановые, носит парик, нос крючком, подбородок выдаётся, в углу рта большое родимое пятно… Кто обнаружит означенного Даниеля Де Фо и сообщит одному из чиновников или мировых судей Её Величества, тот, да будет ему известно, получит пятьдесят фунтов стерлингов…»

Его популярности немало содействовала акция, призванная покрыть позором его имя: за свои обличительные стихи и статьи по приговору суда он три дня простоял в колодках у позорного столба на лондонской площади. В подобных случаях каждый прохожий имел возможность глумиться над осуждённым. Но горожане приветствовали Дефо как триумфатора и бросали к подножью позорного столба цветы.

А ведь он отзывался о тех, кто считался «чистопородными» знатными англичанами едко:

> Британец чистокровный — я в это верю еле!
> Насмешка — на словах и фикция — на деле!
> При чём тут рыцари? Их нет у англичан!
> Бесстыдством, золотом здесь куплен пэров сан!

Одна из оригинальных особенностей Дефо (кстати,

характерная и для Оноре Бальзака): при великолепном знании людей и различных занятий он в финансовых делах, «бизнесе» не преуспел, пускаясь в авантюры и периодически разоряясь. Приходилось ему и писать по указке богатых, притворяясь независимым журналистом. Признавался: «Я видел изнанку всех партий. Всё это видимость, простое притворство и отвратительное лицемерие… Их интересы господствуют над их принципами».

Его перу принадлежат несколько романов, но история Робинзона Крузо, мужественно и умело осваивавшего остров, оказалась в его творчестве непревзойдённой. Причина проста: посвящена она вечным ценностям — великолепию природы, величию человеческого духа, торжеству разума и труда.

Джонатан Свифт

Другим великим английским писателем был ирландец Джонатан Свифт (1667–1745). У него была возможность прославиться, подобно Даниелю Дефо, у позорного столба. Чаша сия его миновала. Два судебных процесса против него так и не завершились из-за отсутствия доносчиков.

В поэме «Стихи на смерть доктора Свифта, написанные по прочтении следующей сентенции из Ларошфуко: „В несчастиях наших лучших друзей мы всегда находим нечто такое, что для нас не лишено приятности“», её автор — сам Джонатан Свифт! — писал:

Мечтой о вольности дыша,
Лишь к ней рвалась, его душа,
Её он звал, всегда готовый
Принять погибель иль оковы.
Была два раза названа
За голову его цена.
Но власти не нашли Иуды,
Кого прельстили б денег груды.

Не исключено, что под впечатлением столь странной эпитафии самому себе итальянский учёный Чезаре Ломброзо счёл Свифта не просто чудаком и оригиналом, а близким к сумасшествию. В своей книге «Гениальность и помешательство» Ломброзо, упорно стремясь доказать неизбежное соединение этих двух качеств, выискивал признаки безумия едва ли не у всех великих людей.

«Свифт, — писал он, — будучи духовным лицом, издевается над религией и пишет циничную поэму о любовных похождениях Страфона и Хлои; считаясь демагогом, предлагает простолюдинам отдавать своих детей на убой для приготовления из их мяса лакомых блюд аристократам».

Судя по этому высказыванию, Ломброзо был если не чудаком, находившим у всех подряд признаки помешательства, то уж, во всяком случае, был напрочь лишён понимания смысла сатиры. Ведь в современной России, например, олигархи ненасытно накапливают миллионы, миллиарды долларов, тогда как сотни тысяч русских малолеток превращаются в безграмотных бродяжек, наркоманов, проституток. Это ли не пожирание детей бедняков?

Впрочем, у Ломброзо есть и более основательные претензии к английскому сатирику:

«Свифт, отец иронии и юмора, уже в своей молодости предсказал, что его ожидает помешательство; гуляя однажды по саду с Юнгом, он увидел вяз, на вершине своей почти лишённый листвы, и сказал: „Я точно так же начну умирать с головы“.

До крайности гордый в отношениях с высшими, Свифт охотно посещал самые грязные кабаки и там проводил время в обществе картёжников. Будучи священником, он писал книги антирелигиозного содержания… Слабоумный, глухой, бессильный, неблагодарный относительно друзей — так он охарактеризовал сам себя.

Непоследовательность в нём была удивительная: он приходил в страшное отчаяние по поводу смерти своей нежно любимой Стеллы и в то же самое время сочинял комические письма „О слугах“. Через несколько месяцев после этого он лишился памяти, и у него остался только прежний резкий, острый как бритва язык. Потом он впал в мизантропию и целый год провёл один, никого не видя, ни с кем не разговаривая, ничего не читая; по десяти часов в день ходил по своей комнате, ел всегда стоя, отказывался от мяса. Однако после появления у него чирьев (вереда) он стал как будто поправляться и часто говорил о себе: „Я сумасшедший“, но этот светлый промежуток продолжался недолго, и бедный Свифт снова впадал в бессмысленное состояние, хотя проблески иронии, сохранившейся в нём даже и после потери рассудка, ещё вспыхивали порою. Так, когда в 1745 году устроена была в его честь иллюминация, он прервал своё продолжительное молчание со словами: „Пускай бы эти сумасшедшие хотя не сводили других с ума!“»

Справедлив ли диагноз, поставленный Свифту? Вновь отметим: любые высказывания и события Ломброзо толкует на свой лад, с маниакальным упорством стремясь доказать полюбившуюся идею. Он не замечает других вариантов объяснений.

Скажем, если дерево лишается листьев с вершины, то этим его естественно уподобить лысеющему человеку, а не умалишённому. Чувство собственного достоинства проявляет человек именно в общении с высокими чинами, и в этом отношении поведение Свифта совершенно нормально. Глубоко переживая смерть любимой жены, вовсе не обязательно целыми днями рыдать и стенать. Порой именно труд помогает перенести тяжесть потери. А остроумие (не свойственное Ломброзо) указывает на достаточно здравый рассудок, в отличие от зацикленности на одной идее без критического её осмысления.

Прослеживая этапы жизненного пути Свифта, трудно усмотреть в них «зигзаги», свойственные людям с неустойчивой психикой. Родился в семье чиновника в городе Дублине, рано осиротел, воспитывался у дяди, богатого адвоката. Учился в богословском колледже, но успехами не блистал. Находясь на службе секретарём у английского вельможи, получил возможность ознакомиться с политической «кухней».

Свифт защитил магистерскую диссертацию в Оксфордском университете и вернулся в Ирландию, где получил приход. В 1696 году вновь вернулся в Лондон и стал публиковать сатирические произведения, едко высмеивая политиков, церковников, государственных деятелей («Битва книг», «Сказки бочки»). Его выступления пользовались большой популярностью.

С 1714 года он становится настоятелем собора в Дублине и через 6 лет начинает работать над бессмертными «Путешествиями Гулливера» (первое издание — в 1726 году). Книга с иронией и сарказмом раскрывает нелепости общественной жизни, где лилипуты мнят себя великанами, лошади порядочней людей, а мудрецы Лапуты пребывают в состоянии задумчивого идиотизма. «Но, пожалуй, скажете вы, палка метлы лишь символ дерева, повёрнутого вниз головой. Полноте, а что же такое человек, как не существо, стоящее на голове? Его животные наклонности постоянно одерживают верх над разумными, а голова пресмыкается во прахе… И всё же при всех своих недостатках, провозглашает он себя великим преобразователем мира и исправителем зла…» Так считал Свифт.

После смерти Стеллы в начале 1728 года (их отношения всегда были, по-видимому, платоническими), его избирают почётным гражданином Дублина. Он продолжает писать сатирические и публицистические сочинения в стихах и прозе. Ему уже идёт седьмой десяток, но какие-то признаки безумия у него трудно заметить. После семидесятилетия он действительно утратил творческую активность, а в августе 1742 года его признали недееспособным в связи со старческим слабоумием.

Свою эпитафию написал он двумя годами раньше: «Здесь покоится тело Джонатана Свифта, доктора богословия, декана этого кафедрального собора, где суровое негодование не может терзать сердце усопшего. Проходи, путник, и подражай, если сможешь, по мере сил, смелому защитнику свободы».

Его странности разумнее всего объяснить нелёгким трудом сатирика. Он не потешается над пороками, веселя публику, а язвительно бичует их, страдает от несправедливости, смело высмеивает власть имущих, знать и богачей. Это, что называется, смех сквозь слёзы.

Свифт порой не выдерживал, вынужден был приспосабливаться к обстоятельствам. Но несмотря на это выглядел «белой вороной», примерно так, как Гулливер, попавший в круг аристократов дивного летающего острова Лапуты:

«Все разглядывали меня с величайшим удивлением. Но и сам я не оставался в долгу у них: никогда ещё мне не приходилось видеть смертных, которые вызывали бы такое удивление своей фигурой, одеждой и выражением лиц. У всех головы были скошены направо и налево; один глаз косил внутрь, а другой глядел прямо вверх. Их верхняя одежда была украшена изображениями солнца, луны, звёзд вперемежку с изображениями скрипки, флейты, арфы, трубы, гитары…»

Они выставляли себя тонкими ценителями искусств, наук и литературы, изображали чрезвычайную рассеянность и погружённость в глубокие размышления. Это считалось нормой в высшем обществе лапутян. Нормальный человек выглядел среди них ненормальным, подобно тому, как у лилипутов Гулливер был великаном, а у великанов — лилипутом.

О том, какими существами станут в конце концов выродившиеся представители наиболее развитых цивилизаций, он показывает на примере йеху, ведущих происхождение от одичавших англичан. Эти существа находят удовольствие во всяческих мерзостях, чем резко отличаются от разумных обитателей этот страны гуигнгнмов — лошадей. Йеху прожорливы, жадны, завистливы, злобны, жестоки. Они пресмыкаются перед сильными и угнетают слабых…

Перечитывая «Путешествия в некоторые страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей», с грустью убеждаешься, что пороки людей укореняются прочнее, чем добродетели, а разум служит главным образом для оправдания безрассудных поступков.

Роберт Бёрнс

Роберт Бёрнс (1759–1796) — шотландский поэт, судьба которого была тяжела. Сын мелкого шотландского фермера, постаравшегося дать сыну неплохое образование, Роберт рано испытал тяготы подневольного труда в поле, на фабрике. Здоровье его было подорвано. В последние годы он работал акцизным чиновником. Умер он в 37 лет.

Говорят, однажды Роберт Бёрнс был свидетелем такой сценки. Тонувшего в реке местного богача спас батрак. Чтобы отблагодарить спасителя, богач дал ему медный грош.

— Не удивляйся, — сказал поэт батраку, — он ведь знает себе цену.

Знаменит Бёрнс прежде всего проникновенными лирическими и страстными вольнолюбивыми стихами. Но есть у него и замечательные эпиграммы и эпитафии. Вот некоторые примеры (перевод С. Маршака):

Здесь я покоюсь, Джимми Хогг.
Авось грехи простит мне бог,
Как я бы сделал, будь я бог,
А он — покойный Джимми Хогг!

Эпитафия Вильяму Грэхему, эсквайру

Склонясь у гробового входа,
— О Смерть! — воскликнула природа, —
Когда удастся мне опять
Такого олуха создать!

(Но, как известно, возможности природы велики, и после Вильяма Грэхема в разных странах сотворила она избыточно много болванов.)

А вот как припечатал Бёрнс пройдоху духовного звания:

Нет, у него не лживый взгляд,
Его глаза не лгут.
Они правдиво говорят,
Что их владелец — плут.

Вопреки расхожему мнению, будто в аду грешники

бездельничают, Бёрнс высказал гипотезу: тем, кому при жизни своя работа казалась адовой, не следует ждать поблажки и в мире ином:

В кромешный ад сегодня взят
Тот, кто учил детей.
Он будет там из чертенят
Воспитывать чертей.

У нас в России тоже не было недостатка в желающих и умеющих сочинять остроумные надгробные надписи.

Д. И. Хвостов

После катастрофического наводнения на Неве 1824 года, затопившего значительную часть Петербурга и причинившего множество бед, граф Дмитрий Иванович Хвостов опубликовал «Послание о наводнении Петрополя…». Оно было смехотворное. Об этом можно судить по такому описанию:

По стогнам валялось много крав.
Кои лежали там ноги кверху вздрав.

Вскоре последовал ответ Александра Измайлова:

Господь послал на Питер воду,
А граф тотчас скропал нам оду.
Пословица недаром говорит:
Беда беду родит.

Манеру изъясняться в стихотворной форме, свойственную Хвостову, достаточно точно передаёт пародия неизвестного автора второго десятилетия XIX века — в виде подписи к его портрету (а свои портреты граф очень любил и по мере своих сил распространял):

Се — росска Флакка зрак! Се тот, что, как и он
Выспрь быстро, как птиц царь, вспарил на Геликон!
Се — лик од, притч творца, муз чтителя Хаврова,
Кой после упестрил российска красна слова!

Неутомимому графоману Хвостову суждено было стать оселком, на котором оттачивали своё остроумие юмористы.

Внешность он имел непритязательную, а потому, несмотря на немалое богатство, долго не мог обзавестись знатной невестой. Получил согласие от княжны Горчаковой, племянницы князя Александра Суворова. Екатерина II пожаловала ему чин камер-юнкера пятого класса. Кто-то по этому поводу высказал своё недоумение императрице, на что она ответила:

— Что мне делать, я ни в чём не могу отказать Суворову. Если бы он того пожелал, я бы этого человека сделала фрейлиной.

Как-то Хвостов высказался о себе: «Суворов мне родня, и я

стихи пишу». На что Д. Н. Блудов — литератор, министр внутренних дел, а позже президент Академии наук — заметил:

— Полная биография в нескольких словах. Тут в одном стихе всё, чем он гордиться может и стыдиться должен.

Редким сочетанием качеств обладал Хвостов: полным отсутствием поэтического дара и чувства поэзии при необоримом желании сочинять да ещё издавать свои стихи. Эти произведения не прославили, а ославили автора, на что он внимания не обращал.

Лишь один человек был в восторге от его произведений: книгопродавец Иван Сленин. Он получал от графа денег на издание гораздо больше требуемых. А затем ему же поручалось скупать за счёт хозяина все оставшиеся в книжных лавках экземпляры. Сленин их не сжигал, а по недорогой цене за пуд продавал малярам на оклейку стен.

Зимой 1820 года проживал в Петербурге вологодский помещик Павел Межаков. Кропал он стихи с упоминанием луны, лазоревых очей и утраченных наслаждений юности. Он постоянно приглашал на вечера и ужины литературных корифеев столицы, которые у него ели, пили и читали свои произведения. На один из этих литературных вечеров явился граф Хвостов с пуком стихов и со своими чтецами.

На его несчастье явился и стихотворец Милонов, отличавшийся пристрастием к спиртным напиткам. Он уже был навеселе, потребовал себе стакан воды, но вместо неё выпил залпом две рюмки водки, делая вид, что совершил ошибку. За столом уселся против графа и начал неумеренно восхвалять добродетели сиятельного пиита, сравнивая его с великими людьми Древнего мира. Милонов заявлял, что готов стреляться с тем, кто дерзнёт оспорить это мнение.

Сконфуженный Хвостов отвечал, что не любит похвал в свой адрес, сильно смущён и вынужден краснеть.

— Ну, так я удовлетворю скромности Вашего Сиятельства, — воскликнул пьяный стихотворец, — и заставлю вас побледнеть!

И Милонов принялся на чём свет стоит поносить его стихотворения. Он наизусть приводил цитаты и едко их осмеивал с прибавкою множества совершенно непечатных выражений. Хозяин не знал, куда ему деться, был в отчаянии и остался очень доволен, когда граф, ссылаясь на позднюю пору и головную боль, уехал до окончания ужина.

Подобные происшествия не охлаждали писательский пыл Хвостова. Читали его творения в основном пародисты и эпиграммисты, которым он поставлял прекрасные образцы для высмеивания. А он стремился при любой возможности читать

свои стихи слушателям.

Летом 1822 года И. А. Крылов, которого друзья называли Соловьём, со своим товарищем снимал дачу недалеко от города. К ним почти каждый вечер собирались литераторы, преимущественно масоны разных лож, тогда ещё существовавших открыто. Угощались в складчину, читали свои сочинения.

Граф Дмитрий Иванович, пронюхав об этих сборищах, где читали свои произведения, настрочил огромную оду под заглавием «Певцу-Соловью» и поехал на эту дачу. Его пустили в залу собрания после того, как он объявил о своём желании быть членом общества и внёс вступительный взнос — 25 рублей. (Следует обратить внимание на то, как порой становились масонами, чтобы не придавать слишком большого значения этим тайным, но по большей части не очень-то серьёзным обществам.)

Наконец, граф Хвостов попросил позволения прочесть свою оду «Певцу-Соловью». В ней было 20 строф. Только лишь окончил он первую из них, как раздались рукоплескания. Он раскланялся, сияя от удовольствия, и хотел начать вторую, но ему продолжали аплодировать. Граф сконфузился. Один из членов объяснил ему: если при чтении аплодируют, то читающий должен, по уставу, купить бутылку шампанского (их продавали не дешевле 10 рублей ассигнациями за бутылку). Чтение продолжалось до конца, в результате чего Хвостов получил изрядную дозу аплодисментов и потерял немалую сумму: 200 рублей.

После этого случая он закаялся ездить на дачу, где хозяйничал «Певец-Соловей», которого Хвостов тихомолком называл Соловьём-разбойником.

В 1822 году Фёдор Булгарин, издатель и редактор «Северного Архива», попросил графа замолвить за него слово, с передачей записки какому-то влиятельному сенатору. Граф исполнил желание Булгарина и сказал ему, что всегда рад быть для него полезным.

— Пожалуйста, — прибавил он, — по этому поводу не стесняйтесь и не церемоньтесь. Если пришлют к вам какие-нибудь на меня критики, — печатайте; я не буду в претензии.

— А похвалы, Ваше Сиятельство, дозволите также печатать? — спросил вкрадчиво Булгарин.

— Лишь бы справедливые, — заметил граф.

Булгарин в этот день отобедал в гостях, провёл вечер в театре. Дома его ожидал пакет, в котором находился восторженный отзыв на произведения графа Хвостова с собственноручными поправками его сиятельства.

…После чтения у «Соловья-разбойника», Хвостов написал на Ивана Сергеевича пасквиль. Возможно, обида придала ему

вдохновение, ибо получилось нечто не совсем бездарное. Граф выдавал это за сочинение неизвестного ему остряка: мол, есть же люди, которые имеют несчастную склонность язвить выдающиеся таланты вздорными, хотя, впрочем, и очень остроумными эпиграммами. Вот эти стишонки:

Небритый и нечёсаный,
Взвалившись на диван.
Как будто неотёсанный
Какой-нибудь чурбан.
Лежит совсем разбросанный
Зоил Крылов Иван:
Объелся он иль пьян?

Крылов угадал стихокропателя: «В какую хочешь нарядись кожу, мой милый, а ушей не спрячешь», — сказал он. Месть его была добродушной. Под предлогом желания прослушать новые стихи графа Хвостова, он напросился к нему на обед, ел и пил за троих, а когда хозяин, пригласив гостя в кабинет, начал читать стихи свои, Крылов завалился на диван и проспал до позднего вечера.

Преданный порочной страсти к славе и известности, граф Хвостов по дороге к своему поместью в Симбирской губернии дарил свои сочинения станционным смотрителям с непременным условием: вынуть из книги его портрет и украсить им стену, поместив под портретом царствующего императора, находившимся на каждой станции.

Остроумец А. Е. Измайлов весьма нелестно отозвался о творческих потугах графа-графомана:

В Хвостова притчах мы читаем, что петух,
В навозе рояся, нашёл большой жемчуг.
Но клада не найдёшь такова,
Все притчи перерыв Хвостова.

И всё-таки, по словам журналиста и едкого сатирика Л. Ф. Воейкова, у графа встречались строки, которые он выпалил нечаянно, обмолвившись. Например: «Потомства не страшись — его ты не увидишь!» (И впрямь, не страшился сей поэт суда ни современников, ни потомков, которые, впрочем, не забывают над ним потешаться.)

Выкрадывать стихи — не важное искусство.

Увы, подобных краж у классиков сам автор данного совета так и не сумел произвести. Своим творческим примером он убедительно опроверг диалектический закон перехода количества в качество, ибо ужасающее число его стихотворных строк так и остались бездарными.

Однажды в Петербурге граф долго мучил у себя на дому племянника своего Ф. Ф. Кокошкина — драматурга, директора московских театров — чтением ему множества своих виршей. Наконец Кокошкин не вытерпел и сказал:

— Извините, дядюшка, я дал слово обедать, мне пора! Боюсь, что опоздаю, а я пешком!

— Что же ты мне давно не сказан, любезный! У меня всегда готова карета, я тебя подвезу!

Они сели в карету. Хвостов крикнул кучеру:

— Ступай шагом! — а сам вынул из кармана тетрадь и принялся снова истязать чтением несчастного племянника.

…Хвостов нанимал за порядочное жалованье в год, на полном своём содержании, какого-нибудь отставного чиновника, все обязанности которого ограничивались слушанием или чтением вслух стихов графа. Одним из таких чтецов и слушателей был отставной ветеринар, бывший семинарист Иван Георгиевский. Он продержался у графа несколько лет благодаря своему равнодушию к литературе. Другие больше года не выдерживали пытки стихами.

Более всего восторгался граф-графоман своими одами. К таким его виршеизвержениям относится изданная им в 1830 году поэма: «Холера-Морбус». Она была издана в пользу пострадавших от холеры и была поистине ужасающей (вновь можно припомнить: «беда беду родит»). Газета «Северная Пчела» подтрунивала над этим даром его сиятельства и намекала: если автор сам не скупит все экземпляры, продававшиеся по рублю, то пострадавшие от холеры не увидят этих денег как своих ушей.

Обычно сочинения графа покупали его секретные агенты (продавцы книг знали их в лицо). К великому изумлению автора и публики «Холера-Морбус» тиражом 2400 экземпляров дала в пользу благотворения более 2000 рублей. Они поступили в попечительный холерный комитет, возглавляемый генерал-губернатором П. К. Эссеном (о нём русские солдаты говорили: «Эссен умом тесен», и он вполне оправдывал эту характеристику).

Хвостов был восхищён успехом своего творения и препроводил в комитет ещё тысячу рублей. В письме пояснил:

«Бог любит троицу, эта третья тысяча препровождается к господину главно-начальствующему в столице». Но этим он не удовлетворился и снабдил письмо своими стихами. Такой документ поставил Эссена в тупик (что случалось нередко с его превосходительством). Генерал-губернатор, возмущённый стихописным официальным письмом, хотел было отослать обратно и деньги с просьбой прислать документ по форме.

Его отговорил правитель канцелярии: деньги следует принять, ибо, хотя они присланы при стихотворном, по замыслу автора, письме, оно, несмотря на разные рифмы, представляет чистейшую прозу.

Гордый своим писательским успехом, Хвостов непременно спрашивал у тех, с кем встречался:

— Читали ли вы моё стихотворение «Холера-Морбус»?

Он всегда получал лестный отзыв на сие сочинение: ведь каждый знал, что в противном случае граф тотчас же станет читать поэму. Ему льстила всеобщая известность его «Холеры», но огорчало то, что нет слушателя в то время, когда его сильно подмывало читать свои стихи (он всегда утверждал, что рифмы его звучны необычайно). И вот счастье ему улыбнулось в образе семнадцатилетнего юноши Владимира Бурнашева, находившегося на действительной службе. Эта жертва попалась в старческие когти графомана, ответив на стереотипный вопрос, читал ли он знаменитые стихи на холеру: «Ещё не успел». Тотчас граф стал потчевать его отрывками из своего нового сочинения.

Бурнашев был ценной добычей ещё и потому, что юноша сотрудничал в маленькой воскресной газетке на французском языке «Хорёк», где печатал свои заметки о текущей литературе. Это было известно Хвостову. Мучая своими стихами Бурнашева, он не жалел восторгов по поводу его статей. В заключение граф пригласил его к себе в гости.

В ближайшее воскресенье после обедни у дома, где жил Бурнашев, остановилась карета, запряжённая четвёркой цугом с форейтором на передней правой лошади. Два ливрейных лакея в синих сюртуках с золотыми галунами на треугольных шляпах, соскочили с запяток. Один стал у дверец лазоревой кареты, другой вошёл в дом и подал Бурнашеву визитную карточку графа со словами, написанными на ней красными чернилами: «Не откажите, молодой писатель, потешьте старца, поезжайте с ним к нему на дом теперь же. Граф Дм. Хвостов».

Пришлось отбыть в карете вместе с его сиятельством. Дома граф прочёл ему стихотворения, только что написанные им, в чём удостоверяла свежесть чернил. Перед прощанием добрый старичок взял со своего юного слушателя слово, что он будет у

него скоро, и спросил: «А вы, мой юный друг, имеете мою „Холеру-Морбус“?» Получив отрицательный ответ, снабдил гостя экземпляром своей холерной поэмы, сделав дарственную надпись.

На обратном пути Бурнашев зашёл за перчатками в модный магазинчик на Невском проспекте, против Гостиного двора. Направляясь на званый обед, он оставил в магазине хвостовское творение, сказав, что если завтра не зайдёт за этой вещью, то можно сделать с ней всё, что угодно.

Через пять или шесть дней после этого случая он вновь получил от графа Дмитрия Ивановича записку с приглашением на следующий вечер чаю откушать. Забыв о существовании подаренной ему тетради, Бурнашев отправился к Хвостову, где был принят с распростёртыми объятиями.

Граф заговорил о стихах, которые он подарил гостю и спросил, каково его мнение о них. Платя дань вежливости, но не правде, Бурнашев ответил, что эта книга занимает первое место в его библиотеке, а посвящение, начертанное рукою автора, приводит в восхищенье его родных. Но тут граф с любезной усмешкой произнёс:

— Видно, у вас, в Петербурге, возобновились чудеса Калиостро. Вы, молодой человек, говорите, что тетрадь эта у вас на квартире, а между тем она очутилась у меня здесь.

И он подал гостю злополучную тетрадь, вынув её из ящика стола. Владимир был ошеломлён. Оказывается, графиня Татьяна Хвостова купила какую-то материю в том же магазине, где побывал Бурнашев, и товар этот завернули в фрагмент творения её мужа.

Некоторые творения Хвостова обрели в полном смысле убийственную силу. Несколько сот экземпляров своей поэмы о «потопе Петрополя 7-го ноября 1824 года» он подарил Российско-Американской компании. Все эти экземпляры были отправлены на остров Ситху для изготовления патронов.

Князь Александр Суворов часто уговаривал свою племянницу: «Танюша, ты бы силою любви убедила мужа отказаться от его несносного стихоплётства, из-за которого он уже заслужил от весьма многих в столице прозвище Митюхи Стихоплётова!» Обращался он и к Хвостову с увещеваниями. Хвостов обещал исправиться, но сделать этого не мог.

Страсть графа к рифмоплётству была подобна психическому заболеванию, называемому графоманией. В остальном он был вполне вменяемым, неглупым, добродушным и нежадным человеком. Евгений Баратынский высказался о нём совершенно верно:

Поэт Писцов в стихах тяжеловат,
Но я люблю незлобного собрата:
Её-ей! не он пред светом виноват,
А перед ним природа виновата.

В. С. Соловьёв

Владимир Сергеевич Соловьёв (1853–1900) — знаменитый русский философ — писал серьёзные трактаты, развивая идеи всеединства, Богоматерии, высокой духовности. Но, как свидетельствовали очевидцы, он обладал незаурядным чувством юмора и заразительно смеялся. И даже зловещий образ смерти не вызывал у него уныния. Вот его самоэпитафия:

Владимир Соловьёв
Лежит на месте этом.
Сперва был философ,
А нынче стал шкелетом.
Иным любезен был,
Он многим был и враг:
Но, без ума любив,
Сам ввергнулся в овраг.
Он душу потерял,
Не говоря о теле;
Её диавол взял,
Его ж собаки съели.
Прохожий! Научись из этого примера,
Сколь пагубна любовь и сколь полезна вера.

Впрочем, есть у него стихи философские. Но и в них, подчас, «умные» проблемы представлены остроумно:

Во-первых, объявлю вам, друг прелестный,
Что вот теперь уж более ста лет,
Как людям образованным известно,
Что времени с пространством вовсе нет;
Что это только призрак субъективный.
Иль, попросту сказать, один обман.
Сего не знать есть реализм наивный,
Приличный лишь для обезьян…
Сказать по правде: от начала века
Среди толпы бессмысленной земной
Нашлись всего два умных человека —
Философ Кант да прадедушка Ной.
Тот доказал методой априорной,
Что, собственно, на всё нам наплевать,
А этот — эмпирически бесспорно:

Напился пьян и завалился спать.

Одна из его эпиграмм оказалась, увы, пророческой:

Придёт к нам, верно, из Лесбоса
Решенье женского вопроса.

И вот ещё одно его грустное и не теряющее актуальности признание:

Благонамеренный
И грустный анекдот:
Какие мерины
Пасут теперь народ!

Зигмунд Фрейд

Зигмунд Фрейд (1856–1939), австрийский психолог и психиатр, стажировался в парижской клинике, руководимой Ж. Шарко, который использовал для лечения гипноз. Здесь Фрейд узнал, что многие психические болезни связаны с нарушениями в половой сфере. Он вдохновился ещё одной идеей: о громадном значении для человека переживаний, впечатлений, запечатлённых — вне рассудка — в глубинной области бессознательного (о нём много писали философы XIX века).

Его книги, написанные доходчиво и на темы, волнующие многих («Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни», «Остроумие и его отношение к бессознательному» и др.), с необыкновенным интересом читались образованной публикой.

В своей клинике во время интимных беседе пациентами Фрейд старался выяснить причины их недугов, используя свой метод психоанализа, который вскоре взяли на вооружение многочисленные апологеты. Желающих лечиться таким способом среди обеспеченных граждан оказалось множество. Фрейдовский психоанализ приобрёл огромную популярность, принося немалые доходы своим приверженцам-эскулапам.

Казалось бы, время подтвердило истинность данной теории. Будь она ошибочной, бесполезной, от неё давно бы отказались. Впрочем… Вспомним, сколько тысячелетий пользуются успехом заклинатели, колдуны, чародеи (ныне — экстрасенсы). Публика падка до загадочных модных учений. А доверие к психоанализу, вера в него — главнейший фактор его реальных и мнимых успехов.

Другая важная составляющая его успеха: личность, лишённая нормального человеческого общения, одинокая среди толпы разобщённых людей. Для неё чрезвычайно важен сам фактор доверительного общения с доктором и «душевных излияний», возможности выговориться, как бы избавившись тем самым от своих проблем.

Итак, стремясь добраться до подсознательных причин своего душевного недуга, в своих снах Зощенко искал проявление «эдипова комплекса» (одного из центральных понятий фрейдизма), согласно которому в младенчестве возникает бессознательное влечение к матери и такая же ненависть к отцу, позже вытесняемые рассудком и вызывающие скрытое чувство вины. Однако писатель здраво рассудил: всплывший во сне образ материнской груди «увязан с чувством голода, а не эроса».

Этот комплекс чрезвычайно оригинален уже по сути своей, но

вдвойне — потому, что легендарный Эдип, воспетый 2,5 тысячелетия назад Софоклом, не страдал подобным недугом! Отца он убил не из загнанной в подсознание ревности к матери, а на ней женился по воле случая. Ему было неведомо, что они его родители. Узнав об этом, он впал в глубокое отчаяние. Суть мифа проста: от судьбы не уйдёшь!

Очевидная некорректность названия данного комплекса по имени мифологического героя, им не страдавшего, и нелепость самой идеи, претендующей на объяснение основ человеческой психики, не помешали широчайшей популярности данной концепции. Она более всего похожа на закоренелый научный предрассудок.

На личном опыте Зощенко убедился: поиски причин душевного недуга и лечения «по Фрейду» не дают положительного эффекта. Дело в том, что данной гипотезе необоснованно придали универсальный характер, хотя она не раскрыла физиологические основы высшей нервной деятельности. Это сделал Иван Петрович Павлов.

Полвека назад американский философ Г. Уэллс в фундаментальной работе «Павлов и Фрейд» отметил: «Позиция Павлова в отношении психологии и психиатрии состоит в утверждении, что они не могут стать точными науками, если не будут прочно базироваться на физиологии и патофизиологии высшей нервной деятельности. Позиция Фрейда состоит в том, что хотя психическая деятельность и является функцией мозга, она тем не менее представляет собой независимое явление и что научная психология и психиатрия могут быть построены без помощи физиологии мозга».

Сам Павлов высказался по данному вопросу так: «Когда я думаю сейчас о Фрейде и о себе, мне представляются две партии горнорабочих, которые начали копать железнодорожный туннель в подошве большой горы — человеческой психики. Разница состоит, однако, в том, что Фрейд взял немного вниз и зарылся в дебрях бессознательного, а мы добрались уже до света».

Зощенко писал:

«Высший этаж — кора мозга и подкоровые центры. Здесь источники приобретённых навыков, центры условных рефлексов, нашей логики, речи. Здесь — наше сознание. Нижний этаж — источник наследственных рефлексов, источник животных навыков, животных инстинктов…

Высший этаж мыслит словами. Нижний — образами. Можно допустить, что такое образное мышление свойственно животному и в одинаковой мере младенцу».

Позже учёные выяснили, что мозг разделён на левую и

правую половины, которые не только взаимодействуют, но и конфликтуют. Но общая схема, нарисованная Михаилом Зощенко, остаётся верной. Она помогла ему навести порядок в собственном духовном мире. «Почему давние страхи простились с моей особой? Они простились только лишь потому, что свет моего разума осветил нелогичность их существования».

Так нейтрализуются опаснейшие неврозы и стрессы. Важную роль играет сам выход из состояния неопределённости, нервного напряжения и разбалансировки сознания, названного академиком П. В. Симоновым «болезнью неведения». «Моя голова, — констатировал Зощенко, — стала необыкновенно ясной, сердце было раскрыто, воля свободна». И ещё: «Я вспомнил множество историй, разорванных и неразорванных связей. И все они с математической точностью утверждали законы, открытые Павловым. И в норме, и в патологии законы условных рефлексов были непогрешимы».

…Упомянутый выше Г. Уэллс пришёл к выводу: «Павлов сделал очень много для того, чтобы лишить психику таинственности, в то время как Фрейд фактически углублял и осложнял эту таинственность».

Великое множество литераторов и популяризаторов увлеклось психоанализом, расписывая его на все лады и выискивая в глубинах своего сознания образы и символы, которые можно толковать как симптомы подавленной гиперсексуальности. Хотя порой звучали разумные голоса.

В 1923 году проницательный английский писатель Гилберт К. Честертон отметил, что символы в толковании психоаналитиков «символизируют непременно какую-нибудь подспудную гадость… Я ел пышку. Может быть, это означает, что — в пылу эдипова комплекса — я хотел отъесть нос своему отцу; но символ этот не слишком удачен… Меня трогает нечеловеческая наивность фрейдистов, толкующих о научной точности единственного исследования, которое абсолютно невозможно проверить… Если бы Фрейду посчастливилось изложить свои взгляды в таверне, он имел бы очень большой успех».

Энтузиаст психоанализа волен возразить: Честертон, по своему обыкновению, просто высказался неординарно. Ради красного словца. Ведь на вопрос о том, какую книгу он бы взял с собой на необитаемый остров, он ответил: «Такую, где сказано, как можно построить лодку». Что серьёзного можно ожидать от такого чудака?

Однако на мой взгляд, весьма занятным оригиналом был именно Зигмунд Фрейд, психика которого заслуживает

внимательного анализа. Не менее чудаковаты и те, кто ему безоговорочно поверили. Впрочем, слишком многим психоаналитикам такая вера приносит неплохие доходы. «Кто ищет, тот всегда найдёт», — пелось в популярной советской песне «О весёлом ветре» из кинофильма «Дети капитана Гранта». Вот и в поисках червоточин души можно прийти к выводам субъективным и весьма сомнительным. С Фрейдом можно согласиться в том, что у современного человека подавлены многие влечения. Но среди них в первую очередь надо назвать не половое влечение или ревность к отцу, а сострадание к себе подобным, бескорыстие, честность, стремление к свободе, творчеству, познанию правды-истины. Вот что в дефиците у буржуа, бизнесменов, финансистов, партийных боссов, чиновников.

Честертон писал: Фрейд «наделяет Гамлета комплексами, чтобы не наделить совестью». Это совершенно верно. Ведь Гамлет, жертвуя своей жизнью, убивает подлого убийцу своего отца. Совершает акт справедливого возмездия. И Честертон сделал верный вывод: «Когда же нас призывают заменить возмездие состраданием, это значит одно: не решаясь покарать тех, кто достоин кары, современный мир карает тех, кто достоин сострадания».

Фрейдизм с его обращённостью к половым проблемам, запретам и связанных с ними патологий далёк от действительности. Полвека назад свершилась «сексуальная революция». Гомосексуалы обоих полов давно уже пользуются полной свободой. Привело ли это к резкому снижению психопатологий? Нисколько! Эффект получился обратный. Никогда ещё в развитых капиталистических странах, а теперь и у нас не было столько духовно ущербных личностей, маньяков, умственно отсталых и морально убогих.

В самом психоанализе проявился «эдипов комплекс» в полной мере и в соответствии с античным мифом. Произошло невольное «убийство» классической психологии, основанной на философском анализе и научных исследованиях. В результате осуществился столь же невольный (по неведению) союз психоанализа с магией. Именно такое соединение оказалось необычайно привлекательным, завораживающим своей загадочностью и экстравагантностью.

Зигмунд Фрейд, подобно Альберту Эйнштейну, признавался, что ему многое дало чтение Ф. М. Достоевского; назвал его «Братьев Карамазовых» величайшим романом из всех, когда-либо написанных. Однако в анализе идей русского писателя австрийский психиатр продемонстрировал своё

интеллектуальное бессилие. По его словам, Достоевский регрессировал «к подчинению… русскому мелкодушному национализму».

Фрейд усматривал проявление бисексуальности в том, «какое место имела в его жизни дружба с мужчинами». По его словам, «Достоевский так никогда и не освободился от угрызений совести в связи с намерением убить отца». Фрейд навязывает свой надуманный (или себе свойственный?) комплекс и автору великого романа, и его героям подчас с удивительной наивностью и натяжками.

В письме Стефану Цвейгу Фрейд приписал Достоевскому «наследие душевной жизни примитивного человека, сохранившееся, однако, гораздо лучше и в более доступном сознанию, чем у других народов, виде, в русском народе». При этом он сослался на своё изучение одного (!) «подлинно русского пациента».

Представляете? Но одному невротику судить о целом народе! Причём суждение явно негативное, предвзятое, когда даже великий писатель-мыслитель унижен и оболган, поставлен в положение «недочеловека» (термин нациста Гиммлера тут вполне уместен, ибо огульно охаивается весь русский народ).

…Шумный успех психоанализа и возвеличивание Фрейда, на мой взгляд, явления патологии общественной жизни. Они демонстрируют возможности современной пропаганды, печальную интеллектуальную и нравственную деградацию личности, уродливо деформированной современной технической цивилизацией.

Оригинальная идея Фрейда об эдиповом комплексе развенчана в не менее оригинальной повести Зощенко. И хотя художественное произведение должно иметь лишь косвенное отношение к науке, в данном случае вышло наоборот. Принятая многими учёными концепция, основанная на неверно истолкованном греческом мифе, менее убедительна, чем сочинение писателя, углублённого в самоанализ.

А. Н. Кручёных

Перед Первой мировой войной в русской литературе, словно в предчувствии великих потрясений, началось брожение умов. Литературные объединения со своими манифестами появлялись беспрестанно, вскоре лопаясь, как пузыри на воде в дождь.

Это была, отчасти под влиянием западных авангардистов, культурная революция, предвосхитившая революцию социальную, которая в феврале—марте и октябре—ноябре (гоголевское «мартобря») была — в два этапа — не буржуазной и не социалистической, а самой настоящей анархической.

В стремлении ускорить ход времени, до срока ворваться в будущее, революционеры от культуры предлагали «отрешиться от старого мира», а заодно и «сбросить Пушкина с корабля современности». Груз прошлого, как считали эти молодые люди, не даёт рвануться вперёд. Вот и показывали они «Кукиш прошлякам». Так называлось небольшое сочинение одного из них, названного поэтом Геннадием Айги «Неизвестнейшим из знаменитейших». Он был другом и отчасти наставником Владимира Маяковского и Велимира Хлебникова.

Валентин Катаев в книге воспоминаний «Алмазный мой венец» написал о нём:

«Левейший из левых, самый непонятный из всех русских футуристов, вьюн по природе, автор легендарной строчки „Дыр, бул, щыл“. Он питался кашей, сваренной впрок на всю неделю из пайкового риса, хранившейся между двух оконных рам в десятифунтовой стеклянной банке из-под варенья. Он охотно кормил этой холодной кашей своих голодающих знакомых.

Вьюн — так мы его будем называть — промышлял перекупкой книг, мелкой картёжной игрой, собирал автографы никому не известных авторов в надежде, что когда-нибудь они прославятся, внезапно появлялся в квартирах знакомых и незнакомых людей, причастных к искусству, где охотно читал своим пронзительно-крикливым детским голосом свои стихи, притом приплясывал, делал рапирные выпады, вращался вокруг своей оси, кривлялся своим острым лицом мальчика-старичка…

Он весь был как бы заряжён неким отрицательным током антипоэтизма, иногда более сильным, чем положительный заряд общепринятой поэзии.

По сравнению с ним сам великий Будетлянин иногда казался несколько устаревшим, а Командор просто архаичным». (Здесь Будетлянин — Велимир Хлебников, а Командор — Владимир Маяковский.)

…Сейчас, когда я пишу о том времени, начинаю воспринимать себя каким-то ископаемым чудищем, чудесным образом дотянувшим до наших дней. А ведь ещё не стар, хотя был мимолётно знаком и с этим «Неизвестнейшим», и с другом В. И. Вернадского Б. Л. Дичковым. Прошлые эпохи не уходят безвозвратно, а в разных обликах и формах, в памяти людей присутствуют в настоящем.

Итак, автором «Кукиша…» был человек с вполне подходившей ему фамилией: Алексей Елисеевич Кручёных (1886–1968). Он действительно закручивал круто. Писал (уже после революции):

> «Мы дали предельно-резкую словесную гамму. Раньше было так:
>
> По небу полуночи ангел летел
> И тихую песню он пел…
>
> Здесь окраску даёт бескровное пе… пе… Как картины писанные кисилем и молоком, нас не удовлетворяют и стихи, построенные на
>
> па—па—па
> пи—пи—пи
> ти—ти—ти и т. п.
>
> Здоровый человек такой пищей лишь расстроит желудок,
>
> А вот образец иного звуко- и словосочетания:
>
> дыр бул щыл
> убещур
> скум
> вы со бу
> р л эз
>
> (кстати, в этом пятистишии больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина)
>
> не безголосая томная сливочная тянучка поэзии (пасьянс… пастила…) а грозная баячь, будалый будала…».

Здесь приведено всё так, как в его тексте. Такое впечатление, что он, подобно младенцу, пытался говорить на одном ему понятном языке, выпевая причудливые звукосочетания.

Странные бывали у него псевдонимы. Например: «Зудахарь А. Круч.» или «Зудийца А. Круч.». А назудачил он, в частности, зудотворение «Отрава», начинающееся так:

Злюстра зияет над графом заиндивелым
Мороз его задымил,
ВЗ-З-Знуздал!!

Гудит земля, зудит земля…
Зудозем… зудозем…

Ребячий и щенячий пупок дискантно вопит:
У-а-а! У-а-а!.. а!..
Собаки в санях сутулятся
И тысяча беспроволочных зертей
И одна вецьма под забором плачут:
ЗА-ХА-ХА-ХА! а-а!
За-хе-хе-хе! — е!
ПА-ПА-А-ЛСЯ!!!

Читаешь такие стихи, и невольно подумаешь: а не всем ли нам, читателям, показывал Алексей Кручёных кукиш? Не потешался ли над нами? А может быть — над самим Словом?!

Как вспоминал писатель Анатолий Мариенгоф, Сергей Есенин одному из своих друзей «писал дурашливые письма с такими стихами Кручёных:

Утомилась, долго бегая,
Моя вороха пелёнок,
Слышит: кто-то, как цыплёнок.
Тонко, жалобно пищит:
„Пить, пить“.
Прислонивши локоток,
Видит: в небе без порток
Скачет, пляшет мил дружок».

Тем не менее Есенин воспринимал творчество Кручёных с иронией, а то и насмешливо. Действительно, их поэтические дарования несопоставимы. Сергей Есенин писал без выкрутас, которые для подлинной поэзии не только излишни, но и вредны.

…Прошу прощения за личные воспоминания. В конце 1967 года от одной из сотрудниц я случайно узнал, что её сосед по квартире — Алексей Кручёных. Она предложила мне встретиться с ним, предупредив, чтобы я не заводил разговор о творчестве Гоголя, которое он прекрасно знает.

На меня Алексей Елисеевич не произвёл впечатления чудака с безуминкой в глазах. У него было как бы пергаментное лицо с

тонкими чертами, длинные пальцы рук профессионального пианиста или карточного шулера. Он был похож на бывшего учителя гимназии. Несмотря на преклонный возраст, рассуждал просто и здраво, сообщил, что в молодости интересовался детскими рисунками. Высоко оценил недавно вышедшую книжку Юрия Олеши «Ни дня без строчки».

Тут я не выдержал и вставил: мол, это название использовал Гоголь в своей гимназической тетрадке. Кручёных удивился и признался, что не знал этого. (Позже я выяснил, что гимназист Гоголь в данном случае воспользовался выражением времён Античности.)

Кручёных подарил мне свою брошюру: «На борьбу с хулиганством в литературе» (1926). В ней он ополчается на «есененщину» (кстати, попенял Мариенгофу, что приведённый выше стих опубликовал без указания автора; и у Кручёных не «пищит», а «пищить»).

Против «есененщины» выступал он вполне здраво. Что ни говори, а после страшной Гражданской войны, во время НЭПа хулиганство стало не только привычным делом, но и модой. Как писал Кручёных: «Имажинизм тихо и уныло скончался, оставив после себя неприятные следы разбитых носов и пивных бутылок, или выродился в откровенную идеологию поножовщины, чубаровщины и хулиганства».

Владимир Маяковский по-разному отзывался о творчестве Алексея Елисеевича. В статье «Как делать стихи» возмущался «дурно пахнущими книжонками Кручёных, который обучает Есенина политграмоте так, как будто сам Кручёных всю жизнь провёл на каторге, страдая за свободу, и ему большого труда стоит написать шесть (!) книжечек об Есенине рукой, с которой ещё не стёрлась полоса от гремящих кандалов».

Но там же Маяковский отметил: «Стихи Кручёных: аллитерация, диссонанс, целевая установка — помощь грядущим поэтам».

Говорят, Кручёных неплохо играл в карты (естественно, на деньги), обыгрывая, в частности, Маяковского. Некоторые футуристы, которые были не прочь вслед за Кручёных, Давидом Бурлюком, Хлебниковым и Маяковским влепить «Пощёчину общественному вкусу» (название сборника), полагали, что делать это следует не так резко. Особенно сильно раздражал Алексей Кручёных.

Он выдумывал головоломную, одному ему ведомую звукопись «заумного» языка. Утверждал: «Мысль и реч (именно так, без смягчающего знака. — Р.Б.) не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только

общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален), и языком, не имеющим определённого значения (не застывшим) заумным. Общий язык связывает, свободный позволяет выразиться полнее (пример: го оснег кайд и т. д.)».

Выражение «го оснег кайд» — понятно для него, автора. А для читателя? Что в этом выражении заумного? Трудно сказать. Кому-то может показаться по-другому: не за-, а недо- или безумное. Да и при чём тут ум? Сочетание звуков может передать эмоцию, но не мысль. Тут впору вспомнить завершение стихотворения Николая Заболоцкого «Снежный человек»:

Там, наверно, горного оленя
Он свежует около ключа
И из слов одни местоименья
Произносит, громко хохоча.

Надо отдать должное смелости Алексея Елисеевича: он порой рисковал получить от слушателей аплодисменты… по собственным щекам. Вот как описала его выступление газета «Русское слово» от 15 октября 1913 года:

«Кручёных прочёл два доклада. Усевшись на дырявом кресле спиной к публике, он потребовал чаю. Выпил стакан, остатки выплеснул на стену и, заявив: „Так я плюю на низкую чернь“ — удалился. Публика посмеялась. Второй доклад г. Кручёных был, к сожалению, гораздо многословнее. Резюмировать его можно кратко: „Темна вода в облацех?“».

Дело было в Москве на Большой Дмитровке в помещении Общества любителей художеств (не потому ли Кручёных выкинул такое коленце?) на «Первом вечере речетворцев». Выступление Кручёных Лифшиц вспоминал на свой лад: «Только звание безумца, которое из метафоры постепенно превратилось в постоянную графу будетлянского паспорта, могло позволить Кручёных, без риска быть искрошенным на мелкие части… выплеснуть в первый ряд стакан горячего чаю, пропищав, что „наши хвосты расцвечены в жёлтое“ и что он, в противоположность „неузнанным розовым мертвецам, летит к Америкам, так как забыл повеситься“. Публика уже не разбирала, где кончается заумь и начинается безумие».

Насчёт выплеснутого в публику стакана горячего чаю Лифшиц, безусловно, солгал ради красного словца. За такое «художество» тотчас последовала бы расплата. А всё завершилось рукоплесканиями, а не рукоприкладством. Даже кто-то из выступавших (по Лифшицу — Кручёных) огорчился, ибо «сладострастно жаждал быть освистанным».

Алексей Елисеевич в своих неопубликованных воспоминаниях пояснил происходившее вполне резонно: «Конечно, мы били на определённую реакцию аудитории. Мы старались запомниться слушателям».

Поэт Вадим Шершеневич писал (приблизительно в 1935 году):

«Примечательной фигурой в ватаге первых футуристов был Кручёных.

Как странна судьба человека! Кручёных, который отрицал долго и упорно прошлую культуру, отрицал её не тактически, а всем существом, теперь усиленный библиофил. Всегда в его портфеле редкие книги.

Маленький человек с украинским акцентом, Кручёных был всегда очень трезв в жизни и сумасшедш в стихах. Он создал целую теорию заумного языка. Осуществлял её неуклонно и занятно.

Кручёных был крайним „левым флангом“ футуризма. Был неистощим на книги… Это поэт и критик, вернее, публицист, весь жар которого немного остынет, если его писания собрать в толстый том. Книги Кручёных должны быть маленькими, так как каждая из них написана одним росчерком пера.

Говорят, что во время империалистической войны, не желая быть мобилизованным. Кручёных пару лет провёл в вагоне железных дорог, не желая нигде осесть.

В поэзии Кручёных фигура занятная и недостаточно освоенная».

Что значит «недостаточно освоенная»? Можно ли вообще осваивать А. Кручёных? Кому? Зачем? Как?

На эти вопросы ответило время. Вот небольшой сборник «Трое»: В. Хлебников, А. Кручёных, Е. Гуро, оформление К. Малевича. Из них два имени сохранились (Хлебников, Малевич), а два оставшихся известны лишь узкому кругу специалистов. Так распорядилась судьба.

М. М. Зощенко

К известному ленинградскому врачу явился пациент с жалобой на отсутствие аппетита, апатию, приступы безотчётной тоски, меланхолии. Врач, не обнаружив у него признаков психической болезни и узнав, что химические лекарства не помогают, посоветовал:

— Рекомендую три раза в день, перед завтраком, обедом и ужином читать по одному рассказу Михаила Зощенко.

— Увы, мне это не поможет, — ответил пациент. — Я и есть Зощенко.

Этот анекдот похож на правду. Действительно, у замечательного писателя, которого публика воспринимала как весельчака и смехотворца, со временем стали проявляться признаки нервного расстройства.

«Чем ближе я знакомился с Михаилом Михайловичем, — вспоминал Е. Л. Шварц, — тем больше уважал его, но вместе с тем отчётливо видел в нём нечто неожиданное, даже чудаческое. Рассуждения его очень уж не походили на сочинения. В них начисто отсутствовало чувство юмора. Они отвечали строгой и суровой, и, как бы точнее сказать, болезненной стороне его существа».

О преодолении своего недуга Зощенко написал в оригинальном научно-художественном исследовании «Перед восходом солнца» (подзаголовком могло бы стать признание автора: «Как я избавился от многих ненужных огорчений и стал счастливым»). Оно было опубликовано в журнале «Звезда» в 1943 году и заслуживает внимания, потому что явилось оригинальным даже для этого оригинального писателя.

Зощенко признался, что ещё с юности испытывал приступы хандры и тоски («Я был несчастен, не зная почему»). В Первую мировую войну на фронте он почувствовал облегчение, но затем душевный недуг стал накатываться с новой силой. По совету врачей писатель лечился пилюлями, водами, разными процедурами. Не помогли курорты и санатории. Причина болезни крылась в каких-то событиях собственной жизни. Михаил Михайлович вспоминал случаи, вызвавшие у него сильные переживания. Но пёстрая мозаика историй не складывалась в единую картину.

Обратившись к трудам учёных, он пытался понять тайны глубин сознания, куда не проникает свет разума. Узнал, что существует рефлекс — «своеобразный ответ организма на любое раздражение, которое ребёнок получает извне. Эта реакция, этот

ответ и является защитой организма от опасностей… Стало быть, не хаос, а строжайший порядок, освящённый тысячелетиями, охраняет маленькое существо».

От первого знакомства с окружающим миром, когда у ребёнка складываются и закрепляются рефлекторные связи, во многом зависят особенности психики взрослого человека. А проникнуть в далёкий забытый мир детства помогают сновидения.

Однажды писатель увидел во сне тигров и руку, тянущуюся из стены. Рассказал о кошмаре врачу. И услышал ответ: «Это более чем ясно. Ваши родители слишком рано повели вас в зоологический сад. Там вы видели слона. Он напугал вас своим хоботом. Рука — это хобот. Хобот — это фаллос. У вас сексуальная травма». Таково было толкование сновидения по Зигмунду Фрейду, и врач следовал именно ему: «В каждом поступке ребёнка и взрослого он видел сексуальное. Каждый сон расшифровывал как сон эротомана».

Михаилу Михайловичу подобный подход к психике здорового человека показался сомнительным. Фрейд видел источник нервных страданий в столкновении атавистических влечений с чувством культурного человека. Вытесненные в глубины подсознания, они прорываются в сферу разума, вызывая душевные болезни.

Н. А. Заболоцкий

Николай Заболоцкий (1903–1958) был человеком странным, но не чудаковатым. Никогда он не изображал себя «поэтической натурой» или мыслителем, утомлённым многознанием. Полагал: «каждое слово… является носителем определённого смысла… „Дыр бул щыл“ — слова порядка зауми, они смысла не имеют».

Александр Введенский — один из ленинградских «заумников», любивших эпатаж, — написал на него эпиграмму:

Скажи, зачем ты, дьявол,
Живёшь, как готтентот.
Ужель не знаешь правил,
Как жить наоборот.

Он вместе с Заболоцким вошёл в литературную группу ОБЭРИУ (Объединение Реального Искусства), призывавшую к культурной революции, подрывающей «старое искусство до самых корней». Этот «подрыв» они выражали, в частности, чисто внешне, стараясь оригинальничать в одежде, поступках. Этого Заболоцкий не одобрял и «жить наоборот» не старался. А не чудить там, где чудачества поощряются, — явная оригинальность.

Впрочем, по свидетельству драматурга Евгения Шварца, когда обэриуты постриглись под машинку, Заболоцкий отчитал их за столь нелепый поступок. Мол, стрижка портит волосы. Священники и женщины не стригутся, а лысеют редко. Стрижка — школьный предрассудок… Но через несколько дней сам пришёл в редакцию стриженный наголо.

Как вспоминал Шварц: «Он имел отчётливо сформулированные убеждения о стихах, о женщинах, о том, как следует жить». И был исполнен «не то жреческой, не то чудаческой надменности, вещал». Одно из его загадочных утверждений: «Женщины не могут любить цветы».

Как это понимать? Желание поразить парадоксом? Ведь известно, с какой радостью принимают женщины цветы, как восхищаются их формой, ароматом… Хотя, если подумать, почти всегда это относится к сорванным, а значит, лишённым жизни цветам, а не к растущим на свободе. Значит, сказывается не столько любовь к цветам, сколько — к украшениям, своим удовольствиям, прихотям.

В апреле 1941 года Заболоцкий писал жене: «Чем старше я становлюсь, тем ближе мне делается природа». А ещё через три

года: «Когда после работы выходишь из этих прокуренных комнат и когда сладкий воздух весны пахнёт в лицо — так захочется жить, работать, писать, общаться с культурными людьми. И уже ничего не страшно: у ног природы и счастье, и покой, и мысль».

Самое удивительное: написано это — из «исправительно-трудового лагеря», из заключения, к тому же несправедливого, по лживому и подлому доносу.

Многие ли из нынешних, на кажущейся свободе, могут сказать так? Прочувствовать своё кровное родство с природой? Она теперь превращена в безликую «окружающую среду», которую предпочитают наблюдать из автомобиля или на фешенебельных курортах.

А ведь только природа способна одарить нас новыми мыслями и впечатлениями, радостью жизни и надеждой на бессмертие. Обо всём этом писал поэт в замечательных стихах.

У него проявлялся чудесный дар проникать мыслью в душу зверя или растения. Это было ошеломительно ново. Немногие смогли понять и по достоинству оценить его поэмы «Торжество земледелия», «Безумный волк», «Деревья». Представьте, к примеру, такую картину:

Там кони, химии друзья,
Хлебали щи из ста молекул,
Иные, в воздухе вися,
Смотрели, кто с небес приехал.
Корова в формулах и лентах
Пекла пирог из элементов,
И перед нею в банке рос
Большой химический овёс.

Наглотавшись этой самой «химизации», мы не умиляемся её чудесам. Но для поэта сельское хозяйство — не способ изъятия силой у природы её богатств, а сотрудничество человека с животными и растениями, духовное единство и даже единомыслие. В его иронии — бездна потаённой мудрости:

Здесь учат бабочек труду,
Ужу дают урок науки —
Как делать пряжу и слюду,
Как шить перчатки или брюки.
Здесь волк с железным микроскопом
Звезду вечернюю поёт.
Здесь конь с редиской и укропом
Беседы длинные ведёт.

В его стихах — поразительное сочетание науки и поэзии. Такого сплава достигали очень немногие. А когда попытаешься проникнуть мысленно в глубинную суть предметов и явлений, постичь сокровенную тайну жизни и смерти, смысл своего пребывания в этом мире, то вновь придут на память слова поэта:

И боюсь я подумать,
Что где-то у края природы
Я такой же слепец
С опрокинутым в небо лицом.
Лишь во мраке души
Наблюдаю я вешние воды.
Собеседую с ними
Только в горестном сердце моём.

Человек разумом своим, волей, действием способен преодолевать ограничения, предусмотренные природой, вырываться на волю. Как? Благодаря фантазии, мечтаниям, поэтическому воображению. А ещё — с помощью знаний и труда, используя законы мироздания для своих целей, покоряя земные стихии: «Мы, люди — хозяева этого мира, / Его мудрецы и его педагоги».

Он восхищался творческой мощью человека. Есть у него стихотворение «Творцы дорог». Сразу не поймёшь, что рассказано здесь о заключённом, о том времени, когда Заболоцкий как «политически неблагонадёжный», отбывал трудовую повинность, прежде испытав пытки, издевательства следователей и их пособников. Он едва не лишился рассудка. Но выдержал всё, не стал клеветником и доносчиком. Человек, не теряющий человеческого достоинства, — свободен, и свободу отнять у него можно только вместе с жизнью.

Истинная свобода — духовная. Её никогда не терял Заболоцкий. Она пронизывает его произведения. Подневольный — по воле судьбы — рабочий с лопатой, рядовой строитель дороги видит и слышит то, что недоступно «вольным» бездельникам:

Есть хор цветов, не уловимый ухом.
Концерт тюльпанов и квартет лилей.
Быть может, только бабочкам и мухам
Он слышен ночью посреди полей.
В такую ночь соперница лазурей,

Вся сопка дышит, звуками полна,
И тварь земная музыкальной бурей
До глубины души потрясена.

Это не прелестная идиллия. Сюда, в тайгу, врубились люди с аммоналом, экскаваторами, кирками:

Нас ветер бил с Амура и Амгуни,
Трубил нам лось, и волк нам выл вослед,
Но всё, что здесь до нас лежало втуне,
Мы подняли и вынесли на свет.
В стране, где кедрам светят метеоры,
Где молится берёзам бурундук,
Мы отворили заступами горы
И на восток пробились и на юг.

Да, много человек «наломал дров», много нанёс незаживающих ран природе, искалечил и замусорил мир вокруг себя. И всё-таки он — великий творец (хотя, увы, творящий слишком много неразумного). А тому, кто приучен, как мышка, отсиживаться в норке или шмыгать только по хоженым-ухоженным тропкам:

Не дорогой ты шёл, а обочиной,
Не нашёл ты пути своего,
Осторожный, всю жизнь озабоченный.
Неизвестно, во имя чего.

Автор был профессионально знаком с медициной. В 1920 году 17-летним юношей он прибыл из Уржума в Москву и поступил на медицинский факультет университета. Выбор был определён соображениями физиологическими: медикам давали паёк с ежедневным фунтом хлеба.

По душевной склонности Николай Заболоцкий учился ещё и на историко-филологическом факультете. Вернее, пытался посещать два учебных заведения. Однако паёк приходилось отрабатывать всерьёз… Впрочем, трудности жизни никогда не пугали и даже, вроде бы, не огорчали поэта — он был выше этого.

Как вспоминал друг его юности М. Касьянов, Москва стала для Заболоцкого первым поэтическим университетом. Они по вечерам посещали театры, Политехнический музей, где проходили поэтические вечера, частенько сиживали в кафе

поэтов. Однажды спускались в толпе по ступеням Политехнического. Рядом с ними двигался Маяковский, с триумфом прочитавший свою поэму «150 000 000». В толчее Владимир Владимирович наступил на ногу Касьянову. Николай воскликнул: «Миша, береги свою стопу! На ней печать гения! А ещё лучше, сдай её в музей».

Как знать, возможно, московская буйная, полуголодная, бесшабашная юность раскрепостила в Николае Заболоцком задатки юмориста и сатирика. Ведь по складу своего строгого характера и обстоятельного ума он более всего склонен был к философским размышлениям. А тут — и озорство, и философизмы, доведённые до абсурда. Так, обращаясь к своему другу, Николаю Степанову, он пишет «Похвальное слово о Колином телосложении», где буддийский «пуп мудрости», предмет созерцания, превращается в нечто грандиозное:

Наконец, в средине чрева,
Если скинешь ты тулуп,
Обнаружить может дева
Колоссально мощный пуп.
Это чудо мирозданья
У тебя, как котлован.
Там построить можно зданье —
Кафетерий и чулан.
Приказав служанке Софе
Торговать в твоём кафе,
Ты там будешь кушать кофе,
Развалившись на софе.
Мы к тебе туда на святки
Будем ездить из Москвы
И играть с тобою в прятки,
Прячась в заросли и рвы.
Будем баловаться с Софой,
У балкона сеять рожь…
Коля, будет катастрофой,
Коль постройки не начнёшь!

Подобные сочинения Заболоцкий в собрание своих стихотворений не включал. А ведь остроумие нередко является одним из проявлений мудрости — но без мудрёностей. Да и какая развёртывается фантасмагория: оказывается, в собственном пупе можно построить для себя здание, и откушивать там кофе, и в прятки играть с друзьями…

Как бы отнёсся Заболоцкий к нынешнему времени? К нашему

обществу, перешедшему к реализации призыва «Обогащайтесь!»? На эти вопросы он ответил загодя. Поэт пережил подобный скоротечный этап истории СССР под названием НЭП — торжество буржуазных идеалов, спекуляции, алчности, безнравственности.

В глуши бутылочного рая,
Где пальмы высохли давно,
Под электричеством играя
В бокале плавало окно…

Он показал картину «Вечерний бар», где «бедлам с цветами пополам», «рыдает пьяный толстопузик, / Другой кричит: Я — Иисусик / …К нему сирена подходила, / И вот, тарелки оседлав, / Бокалов бешеный конклав / Зажёгся, как паникадило». А после «жирные автомобили… легко откатывали прочь…»

И как бы яростью объятый,
Через туман, тоску, бензин,
Над башней рвался шар крылатый
И имя «Зингер» возносил.

Но тут же иная картина:

Калеки выстроились в ряд.
Один играет на гитаре.
Ноги обрубок, брат утрат,
Его кормилец на базаре…
Вон бабка с неподвижным оком
Сидит на стуле одиноком…

И вновь — «отрепья масла, жир любви», а там в пьяном угаре вдруг пустятся в пляс безрукий и «слепая ведьма», исполнив «танец-козерог, / Да так, что затрещат стропила / И брызнут искры из-под ног!»

Бредовый мир: ополоумевшие люди, алкогольный дурман, истеричное веселье, скотское житьё… Но в этой круговерти есть и недвижная опора. «Стоят чиновные деревья… Они в решётках, под замком». И подстать им — ряды одеревенелых чиновников, подлинных хозяев этой нелепой жизни:

На службу вышли Ивановы
В своих штанах и башмаках…

О мир, свернись одним кварталом,
Одной разбитой мостовой,
Одним проплеванным амбаром,
Одной мышиною норой,
Но будь к оружию готов:
Целует девку — Иванов!

Вот оно, неистребимое чиновное племя. Оно превращает мир в одну мышиную нору, оно требует себе всевозможных благ, оно плодится и размножается. Что делать? Ведь чиновник существует не сам по себе, он паразитирует в определённой благоприятной среде.

Заболоцкий, как натуралист, вглядывается в копошение этих существ, выясняя их экологию. Изучает новый быт, новый «народный дом», новую свадьбу. И видит во всём этом слишком много старого, замшелого, низменно-мещанского. Здесь царят самые непотребные материальные потребности, включающие непременно хмельное веселье:

И под железный гром гитары
Подняв последний свой бокал,
Несутся бешеные пары
В нагие пропасти зеркал.
И вслед за ними по засадам,
Ополоумев от вытья,
Огромный дом, виляя задом,
Летит в пространство бытия.

…Кто из нас не испытал на себе топотанье бешеных пар, гремящую музыку, от которой весь дом будто ходит ходуном. И люди нынче не те, и музыка другая, а что-то давнее неистребимо.

Эту безысходность прочувствовал и выразил Заболоцкий и на склоне дней, незадолго до смерти, в 1957 году. Ему довелось уже испытать годы лагеря и ссылки, возвращение в Москву, известность, лицемерное ниспровержение «культа личности», обещание скорого пришествия коммунизма… Но вновь и вновь с тревогой видел он всё ту же жажду власти и материальных благ, наглую суету новых хозяев жизни.

Свои мысли и чувства выразил он в небольшом стихотворении «Птичий двор». Тут радостно копошатся крикливые петухи, писклявые цыплята, визгливые индейки, важные утки, преисполненные гордости гуси. И не ведают, что имеют крылья и способны взвиться ввысь. Над ними бескрайнее

небо…

А они, не веря в чудо,
Вечной заняты едой,
Ждут, безумные, покуда
Распростятся с головой.
Вечный гам и вечный топот,
Вечно глупый, важный вид.
Им, как видно, жизни опыт
Ничего не говорит.
Их сердца послушно бьются
По желанию людей,
И в душе не отдаются
Крики вольных лебедей.

Словно написано это для нас, нынешних. Но отметим и не сразу видимый подтекст. В сущности, каждый человек обязательно попадёт под нож или, если угодно, под косу смерти. Вот и надо бы задуматься о смысле жизни (или её бессмыслице?), о сути смерти, а главное о том, как жить?

…Казалось бы, пройдя трудный жизненный путь, Заболоцкий должен был или сетовать на судьбу, или желать покоя. Однако и то и другое было ему чуждо. Он жил в героическую и трагическую эпоху России. И не отделял свою личную судьбу от судьбы родины и народа. Именно это помогало ему достигать вершин не только поэтического ремесла (чему можно выучиться), но и высокой поэзии, одухотворённой вдохновением и озарённой разумом.

ЭНТУЗИАСТЫ

Чудом называют то, что трудно или невозможно понять. Сюда относят различные объекты и явления. Для любознательных людей они — предмет изучения. Ради этого энтузиасты отправляются в далёкие опасные путешествия, проводят замысловатые опыты, просматривают горы книг.

Тот, кто не склонен напрягать свой ум и волю, поступает просто: верит в нечто сверхъестественное, находящееся вне природы. Или бездумно принимает мнение авторитетных личностей или книг.

Как писал святой Августин: «Вера в авторитет весьма сокращает дело и не требует большого труда»; она необходима «для пользы простейших… более тупоумных или занятых житейскими заботами»; «если они слишком ленивы или привязаны к иным занятиям, или уже неспособны к науке, пусть они верят».

Существуют реальные чудеса техники, которых в XX веке было так много, что люди перестали их воспринимать как нечто необыкновенное. Мол, ну и что, если удалось запрячь распадающиеся невидимки-атомы в полезную работу? Ну и что, если человек поднялся в космическое пространство, ступил на лунную поверхность? Ну и что, если созданы «разумные» машины, самостоятельно действующие и даже соображающие автоматы?

Всё это — очевидное, которое быстро становится привычным. А людям хочется этакого, особенного, неочевидного, но вероятного.

* * *

Великие географические события произошли на исходе Средневековья. Это время было двойственным. С одной стороны — замкнутые феодальные владения, города, монастыри, цеха, гильдии, строгая общественная иерархия. С другой — масса странствующих монахов, торговцев, артистов, рыцарей, бродяг.

Можно было бы считать великим чудаком Христофора Колумба: направил свои корабли на запад, чтобы достичь далёкой восточной страны! Для тех, кто истово верил в плоскую Землю, по канонам Священного Писания, такая акция выглядела безумной. Но он был образован, умён и не суеверен; знал о том, что живёт на земном шаре, а не диске или блине.

Труднее понять странников, которые задолго до эпохи Великих географических открытий посещали различные страны не ради корысти, а из любви к познанию. Их было немало, представителей разных племён и народов. Из них упомянем двух.

Ибн-Баттута

Ибн-Баттута, уроженец Танжера (Северо-Западная Африка) — едва ли не самый выдающийся путешественник Средневековья. Он был торговцем, но преобладал у него интерес к познанию мира, а не только к получению наибольших барышей.

В 1325 году, когда ему минуло двадцать лет, он отправился с караваном в Египет, поднялся по Нилу до первого порога, пересёк Сирию, посетил святые места в Западной Аравии, Ираке. После двухлетнего пребывания в Мекке прошёл до Йемена, по морю достиг Мозамбикского пролива, через Занзибар достиг Ормуза, посетил Бахрейнские острова и побережье Ирана, после чего вернулся в Египет.

На этом он не успокоился. Через Сирию вновь достиг Малой Азии, побывал в Крыму и добрался в 1333 году до Сарая-Берке, столицы Золотой Орды, расположенной в низовьях Волги. Торговые дела путешественника складывались успешно, и он отважился двинуться к верховьям Волги, рассчитывая приобрести пушнину. Но севернее города Болгар (район Жигулей) находилась, как он полагал, Страна тьмы. Туда он не рискнул пройти: «Я уклонился от этого предприятия из-за большой опасности, а также из-за того, что там нельзя было ожидать серьёзных барышей».

Побывав с татарским посольством в Константинополе, вернулся в Сарай-Берке и затем через Прикаспийскую низменность и плато Устюрт достиг Ургенча, Бухары, Самарканда. Отправившись на юг, пересёк хребет Гиндукуш и по долине Инда прибыл в Дели. Прожив там несколько лет, по поручению султана направился в Китай.

Однако по дороге его ограбили. Некоторое время он бедствовал, служил мусульманскому правителю Мальдивских островов. Перебравшись на Цейлон, поплыл оттуда в Китай. Там при содействии торговцев-арабов побывал в Ханбалыке (Пекине), обратным путём вернулся на Цейлон, вдоль северного берега Индийского океана доплыл до Аравии, придя через Сирию и Египет на родину в 1349 году.

Казалось бы, пора остепениться. Но после поездки в Испанию (Гранаду) Ибн-Баттута с посольством султана города Феса пересёк Западную Сахару и достиг Тимбукту на реке Нигер. (Отметим: путь через величайшую пустыню мира был в те времена не слишком труден: встречались не только оазисы, но ещё оставались и участки саванн.)

Пройдя с караваном Центральную Сахару (нагорье Ахаггар),

он в 1354 году завершил странствия в Фесе. Здесь продиктовал историю своих необычайных путешествий, во время которых за четверть века преодолел по суше и морю около 120 тысяч километров. Вот фрагменты его отчёта:

«Я был один, без спутника, на которого мог бы положиться, без каравана, к которому мог бы присоединиться. Но меня подгоняли твёрдая решимость и страстное желание увидеть глубокочтимые святыни. Поэтому я решил расстаться со своими близкими… Мне тогда было 22 года.

…В Кулуа мы сели на судно, направлявшееся к городу Зафар (Джаухари)… Он находится на окраине Йемена у Индийского океана; оттуда вывозят лошадей в Индию. При попутном ветре плавание длится целый месяц.

…Малабар простирается на расстоянии двух месяцев пути от Синдапура до Каулема. Дорога проходит всё время в тени деревьев. Через каждые полмили стоит деревянный дом с нарами; их занимают все странники — как неверные, так и мусульмане… Вдоль этой дороги… нет даже малых клочков невозделанной земли.

…Я решил предпринять путешествие на Мальдивские острова, о которых много слышал. Мы достигли острова Дибат-ал-Хахаль спустя 10 дней после того, как сели на корабль в Каликуте.

…Всё побережье страны Цейлон покрыто стволами коричного дерева, которое приносят сюда горные реки… На лбу белого слона я видел семь рубинов, из которых каждый был больше куриного яйца, а у султана Аири Сакарвати — ложку из драгоценного камня величиной с ладонь, в которой находилось масло алоэ.

…Когда мы остановились у маленького острова (Пиджин)… на нас напали язычники (пираты). Они яростно сражались с нами и одержали победу. Они отняли у меня всё, что у меня было.

В море мы провели 43 ночи, а затем прибыли в Бенгалию — обширную страну богатую рисом…

…Китай мне не понравился, хотя в нём есть много прекрасного. Наоборот, я был очень опечален, что там царит неверие… Старики в Китае пользуются большим почётом».

Арабский купец благодаря своей неуёмной охоте к перемене мест вошёл в историю мировых географических открытий. Научных открытий он не сделал, но расширил представления соотечественников о дальних странах.

То же относится и к нашему знаменитому соотечественнику.

Афанасий Никитин

Афанасий Никитин, тверской купец, снарядил в 1466 году два судна с товаром, взятым в долг, и отправился вниз по Волге, примкнув к послам ширванского шаха (страны в Западном Прикаспии), которые возвращались от московского великого князя Ивана III.

В устье Волги на этот караван судов напали астраханские татары. Афанасий лишился товаров, за которые был в ответе. Возвращаться домой не было резона: посадят в долговую яму. Прижиться где-нибудь он не пожелал. Пошёл в Дербент, оттуда — в Баку, по морю добрался до южного берега Каспия. Путешествовал неспешно, продвигаясь к югу без определённой цели, главным образом из любознательности. Возможно, и дома в Твери ему спокойно не сиделось: влекли неведомые земли. Дойдя до Бендер-Аббаса, он переправился на островной порт Ормуз, у выхода из Персидского залива в Индийский океан. Дождавшись оказии, отправился морем-океаном в неведомую Индию, имея с собой живой товар — жеребца.

«И есть тут Индийская страна, и люди ходят все нагие: головы не покрыты, груди голы, волосы в одну косу сплетены. Все ходят брюхаты, детей родят каждый год и детей у них много. Мужи и жёны все нагие и все чёрные. Я куда хожу, так за мной людей много и дивуются белому человеку».

Его описания иноземных государств просты, деловиты и подробно повествуют о быте и нравах народов, растительном и животном мире. Приглядывался к незнакомым краям и людям пристально и доброжелательно, без высокомерия, но и без подобострастия.

Афанасий обезьян очеловечивал, выставляя как братьев меньших: «Обезьяны же живут в лесу, и есть у них князь обезьянский, ходит со своей ратью. И если их кто тронет, тогда они жалуются князю своему, и они, напав на город, дворы разрушают и людей побивают. А рать у них, говорят, весьма большая, и язык у них есть свой». (Нет ли тут отголосков индийского эпоса «Рамаяна», где одно из действующих лиц — царь обезьян?)

Одна из постоянных тем Афанасия — о справедливости: «Земля весьма многолюдна и богата, сельские люди очень бедны, а бояре всесильны и утопают в роскоши; носят их на серебряных носилках и перед ними водят до 20 коней в золотой сбруе; и на конях за ними 300 человек, да пеших 500 человек, да трубников 10, да литаврщиков 10 человек, да свирельников 10 человек».

Есть ещё одна особенность путешественника Афанасия Никитина. Обычно посетители экзотических стран не жалеют для их описания красноречия и фантазии, зачарованные новизной природы, нравов и быта местных жителей. А Никитин воспринимает дальние страны вполне обыденно. Только родина вызывает у него восхищение, представляется самой чудесной страной на свете.

Он отдаёт должное разным краям («…и в Грузинской земле на всё большое обилие. И Турецкая земля очень обильна. В Волошской земле обильно и дёшево…»). Но тут же, точно вспомнив самое дорогое и любимое, восклицает: «Русская земля да будет Богом хранима! Боже, сохрани её! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя бояре Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость».

Вот ведь как у него: родной край привычен, с властью несправедливой, без особых благ, ожидают там купца кредиторы, а всё-таки, пройдя за три моря в тридесятое царство, не найдёшь земли краше и милее, чем Русь.

Умел Афанасий быстро осваивать чужеземные языки, притерпеться к непривычному климату, прилаживаться к чужим обычаям. Его принимали неплохо, и даже предлагали в веру «бусурманскую» перейти. А он «устремился умом пойти на Русь». Бед и опасностей испытал на обратном пути немало, но достиг родины.

Свойственна Афанасию одна распространённая русская черта: спокойное, рассудительное, благожелательное отношение к представителям других народов — пусть даже они непривычно черны телом, или обычаи имеют странные, или иную веру исповедуют. Для него все они прежде всего — люди, по сути своей такие же, как он.

Афанасий Никитин — предшественник русских землепроходцев, которым довелось осуществить дерзновенный подвиг, начав освоение Сибири. Приглядываясь к его характеру и складу ума, начинаешь лучше понимать, почему так стремительно и основательно продвигались русские по великим таёжным просторам земли сибирской.

Книга Афанасия Никитина свидетельствует о том, что средневековая Русь была государством высокой культуры. Ведь его «Хождению за три моря» предшествует приписка в так называемой Львовской летописи (1475), где сказано, что он, «Смоленска не дойдя, умер. А писание то своею рукою написал, и его рукописные тетради привезли гости (купцы) к Мамыреву Василию, дьяку великого князя».

В последующем книга Афанасия неоднократно переписывалась и способствовала распространению на Руси знаний о дальних южных странах. Однако желающих посетить их не оказалось, потому что Никитин честно признался: «Мне солгали псы-бусурмане: говорили, что много всяких нужных нам товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли… Перец и краска дёшевы. Но возят товар морем, иные же не платят за него пошлины, а нам они не дадут провезти без пошлины. А пошлины высокие, и на море разбойников много».

Яков Брюс

В 1875 году в Харькове был переиздан, как значилось на титуле, «Первобытный Брюсов календарь». Имелось в виду точное повторение труда этого автора, предложившего прогноз астрономических, экономических и политических, а также климатических явлений на 200 лет вперёд, начиная с 1800 года.

Яков Вилимович Брюс (1670–1735) — сподвижник Петра I, доблестный военный инженер — был образован и обладал сугубо рациональным умом. Потомок выходцев из Шотландии, он родился в Москве, поступил на военную службу в 1688 году, во время Азовских походов был за храбрость произведён в полковники. Через два года сопровождал императора Петра I при посещении Голландии и Англии. Губернаторствовал в Новгороде. Руководил артиллерией при взятии Нарвы и Ивангорода. Отличившись в Полтавском сражении, был удостоен ордена Андрея Первозванного.

И хотя есть версия, будто он происходил из рода шотландских королей, князем он не был, а получил «только» титул графа. В царствование Екатерины I вышел в отставку в звании генерал-фельдмаршала. Удалившись от дел в своём подмосковном имении, он увлёкся алхимией и астрологией. Странное его поведение и таинственные занятия порождали много слухов. В народе Яков Брюс прослыл колдуном и чернокнижником.

Судя по всему он, в отличие от Сведенборга, не утратил здравого рассудка и по-прежнему мыслил, как положено человеку, осведомлённому в артиллерийском искусстве, а следовательно, хорошо знающего математику физику и химию (по меркам того времени).

Однако издатели астрономических таблиц Брюса в 1875 году решили дополнить их данными астрологии, предсказывающими различные события, которые ожидают Россию. Обратим внимание на некоторые прогнозы безымянного отечественного Нострадамуса. Вот что сказано о 1998 годе, прошедшем под знаком Сатурна:

«Весна — холодная; дерева расцветают поздно; трава растёт нескоро и бывают грады.

Лето — холодное с ветрами и дождями, но июнь тёплый.

Осень — холодная с дождями, в ноябре тепло…»

Ничего не сбылось: весна была ранняя и жаркая; осень началась с необычайного потепления, а в ноябре обрушились снега и морозы. Предусмотрительный Брюс дал прогноз

обобщённый, приблизительный, нечёткий. Совпадение могло быть случайным, но и этого не произошло.

То же самое относится в той или иной степени практически ко всем его климатическим прогнозам. Возможно, если бы он просто выдумывал их, совпадений с действительностью было бы больше.

Ничего удивительного. Надежды на то, что погода на Земле определяется исключительно космическими силами, а все остальные не играют существенной роли, не оправдались. Но может быть, такое влияние испытывают исторические события?

На этот счёт были в «Первобытном календаре» предсказания частные. На 1998 год предполагалось по астрологическим таблицам: «Великая перемена в некотором знаменитом государстве; новый образ правления в некоей республике; славное побоище; великий государь воцарится».

И на этот раз ничего подобного не произошло. Можно для проверки обратиться к некоторым другим годам.

На 1812 год: «Воцарится великий государь и процветут художества и торги во всех державах. Рождение знаменитого принца в некотором государстве». М-да… Как же ему не подсказали звёзды, что начнётся и закончится нашествие Наполеона на Россию?

На 1917 год: «Кровопролитная война между просвещёнными народами; счастливое побоище; рождение принца, любезного своему отечеству; заключение союза между некоторыми областями».

На 1941 год: «Вступил на престол государь, подражатель храбрости Юлию Цезарю, Александру Македонскому; царствование его будет славно».

Нетрудно убедиться, что всё это не оправдалось ни в малейшей степени, а главнейшие события тех лет не упомянуты вовсе.

Имеются и предсказания для тех, кто родился под знаком той или иной планеты. Например: «Планета Венера наиболее имеет участия в красоте и счастии женщин в лице и во всех членах…» О родившихся под знаком Марса: «Лживы, ссорливы, красноглазы, широколицы, с великим лбом, остропамятны, сильны, здоровы, имеют широкую грудь и проживают до 85 лет».

Впрочем, есть в «Первобытном календаре» прогнозы, которые сбылись. Они были вычислены Брюсом и относятся к небесным явлениям: восходу и заходу Солнца, длине дня и ночи, солнечным и лунным затмениям. Но это уже не астрология, а наука астрономия.

Сделаем вывод. Все события, происходящие в природе (а

отчасти и в обществе), можно разделить на три основные группы: предсказуемые; предсказуемые с определённой вероятностью и непредсказуемые. К первым относятся астрономические явления, поддающиеся математическим расчётам. Иное дело — погода, общественная и частная жизнь. Туг столько всего переплетено, так много постоянно изменчивых факторов и событий, что многое не поддаётся прогнозу не только на год, но и на месяц вперёд.

Франц Йозеф Галль

Энтузиасты познания — едва ли не самые оригинальные люди, а их чудачества не только забавны, но и поучительны.

…На одном из парижских кладбищ в августе 1828 года прошли странные похороны. Гроб был заколочен наглухо: у покойника отсутствовала голова. Так проводили в последний путь знаменитого австрийского врача и большого оригинала профессора Франца Йозефа Галля.

Отсутствие головы у его тела было прямым следствием научных взглядов, которые в ней родились. Кратко теорию Галля можно свести к афоризму: череп — зеркало души.

По форме головы ещё древние греки и римляне пытались определить качества человека. С той поры укоренилось выражение «лоб Сократа». Крутизна и шишковатость сократовского лба, как предполагалось, отражали великие философские способности. Низкий и широкий лоб считался признаком твёрдости характера (львиные качества), а высокий и узкий — трусости и хитрости.

Франц Галль обследовал сотни голов самых разных людей, собрав коллекцию черепов. Увлечённость этими исследованиями побудила его завещать собственный череп для её пополнения. Таким было незаурядное рождение новой науки — френологии.

В этом названии соединились два понятия: душа, ум (по-гречески «френ») и наука, знание, учение («логос»). Пожалуй, вернее было бы — френокраниология («кранион» — череп), ибо свойства души изучались именно по форме черепа.

Галль полагал, что рельеф черепа не может быть случайным. По его форме, выпуклостям и впадинам на его поверхности он пытался судить о том, какие части мозга развиты или ослаблены. Исходил из предположения: «Собрание всех нервов составляется из многих особых систем». В те же годы сходные мысли высказывал Жорж Кювье. Он сравнивал нервную систему с магнитом, обломки которого сохраняют магнитные свойства.

По мнению Галля, умственная деятельность связана главным образом с серым веществом мозговой ткани, смятым в складки. А количество складок и серого вещества в мозге животных увеличивается пропорционально их умственным способностям — от рыб и земноводных до копытных, кошачьих, обезьян.

Логично предположить, что под выпуклостями черепа находятся скопления нервных клеток отдела, отвечающего за то или иное свойство личности. Оставалось только выяснить эти соответствия, обследуя черепа и собирая фактический материал.

Сначала Галль вёл исследования один, затем с учениками и последователями. Удалось составить «глобус полушарий головного мозга», где отмечены области, отражающие свойства разума и души человека.

Умственные способности связывались со строением лба. В центре — область памяти, над ней — сообразительности, чуть в стороне — любознательности, а затем — остроумия. На темени — центры благоволения, почтительности, благоговения, твёрдости, упорства. В затылочной области — отзывчивости, осторожности, домовитости, дружелюбия, любви к детям.

Об отрицательных качествах свидетельствовали шишки, окружающие правое ухо: центры разрушительных наклонностей, гневливости; драчливости; скрытности, хитрости; жадности, накопительства. По одним данным, выпуклость перед ухом предопределяла обжорство, по другим — инстинкт самосохранения.

Наиболее оперативно воспользовались френологическими материалами писатели. Появилась возможность по внешности характеризовать персонаж произведения. Например, Бальзак в философской повести «Луи Ламбер» так описал главного героя: «Всем бросалась в глаза его крупная голова. Очень кудрявые волосы красивого чёрного цвета придавали невыразимое очарование его лбу, который казался огромным даже и нам, совершенно не интересовавшимся объяснениями френологии — науки, находившейся тогда ещё в колыбели. Красота лба была необыкновенной, пророческой, главным образом благодаря чистой линии надбровных дуг».

Принципиальные положения Галля в значительной мере подтвердились. Например, в 1861 году французский анатом П. Брока, исследуя мозг больного с нарушениями речи, обнаружил дефект задней трети нижней лобной извилины левого полушария. Через десятилетие немецкий психолог К. Вернике определил, что поражение задней трети первой височной извилины левого полушария резко ухудшает понимание речи.

Немецкий анатом К. Клейст составил карту полушарий мозга с указанием очагов счёта, чтения, ощущения боли, движений рук… Но данные, полученные опытным путём, не соответствовали предположениям френологов.

Сейчас установлено: основной отдел слуха находится в височных долях, а зрения — в области затылка. Лобные доли действительно отвечают за рассудочную деятельность, но и тут не всё согласуется с данными френологии. Допустим, у женщин более крутые лбы, чем у мужчин. Но это вряд ли свидетельствует о заметных преимуществах слабого пола перед сильным в

остроумии или философии.

Мозг — сложная система, способная «на ходу» исправлять неполадки в своей работе. В то же время отдельные качества и способности связаны с определёнными отделами мозга, о чём первыми догадались френологи.

Русский анатом и физиолог XIX века Матвей Волков писал из Парижа московскому издателю А. И. Баландину, что изучение черепа не может дать точных данных о человеке. Он сравнил работу мозга с музыкальным произведением, где чередуются сложные аккорды. Эта идея, как выяснилось через сто лет, была правильной: при умственной деятельности возбуждаются целые серии очагов коры головного мозга. Появилась эпиграмма (возможно, автор её А. И. Баландин):

> У Галля логика хромала.
> Его беда, а не вина:
> Хотел по форме он бокала
> Судить о качестве вина.

И всё-таки для изучения работы мозга френология оказалась полезной. Она поставила перед исследователями ряд интересных проблем. Матвею Волкову изучение черепа представлялось, помимо всего прочего, мощным стимулом самопознания: «что если бы каждый человек посвящал ежедневно по нескольку минут одинокой беседе со слепком своей головы, держа в руках курс френологии? Какое бы влияние имел этот обычай на нравственное улучшение человечества!»

Научная критика френологии убедительна. Но ведь неизвестно, что будет обнаружено при дальнейших исследованиях. Какие ещё проблемы припас для учёных самый таинственный орган — головной мозг человека?

Известна связь между строением тела человека и его темпераментом и психикой. Наша физическая и духовная жизнь образуют единство. Они находятся в каких-то неявных соответствиях между собой. Но это лишь самые общие соображения. А для науки требуются более конкретные сведения.

Интересные данные о развитии отделов головного мозга были получены в результате изучения слепков черепов наших давних предков. Оказалось, что наиболее активно развивались отделы, связанные с движениями правой руки, речью, а также высшей умственной деятельностью.

Идеи френологии могут в неожиданных формах возродиться в науке. Как писал известный советский учёный А. Р. Лурия: «Мы ещё очень мало знаем о внутренней природе и мозговой

структуре тех сложных форм сознательной деятельности, протекание которых теперь нам достаточно хорошо известно». И ещё одно его признание: «Вопрос о функциональной организации лобных долей мозга изучен ещё совершенно недостаточно». Подобные ссылки на незнание открывают простор для самых смелых гипотез.

…Существует наука геоморфология, исследующая рельеф местности и его происхождение. Специалист, «читая» рельеф, мысленно восстанавливает события далёкого прошлого, динамику геологических процессов, особенности развития земной коры в данном районе. Не научатся ли когда-нибудь «читатели рельефа черепа» выяснять потаённые свойства личности?

Ещё сравнительно недавно такое предположение мне казалось невероятным. Однако на собственном опыте убедился, сколь удивительными бывают соотношения физических и духовных особенностей человека.

По канонам хиромантии (гадания по руке) левая ладонь отражает наследственные свойства, правая — приобретённые. В XX веке нечто подобное доказала наука: правое полушарие головного мозга, которое управляет левой половиной тела, ответственно преимущественно за эмоции, интуицию, врождённые качества, а левое — преимущественно за рассудочную деятельность и приобретённые навыки.

Правда, на этом научные основания хиромантии заканчиваются. Всё остальное — домыслы и выдумки, не имеющие доказательств. Но и тут не так просто, как кажется на первый взгляд.

Оказывается, узоры на пальцах отражают ряд психических и физических качеств. Они могут служить для определения возможностей спортсмена экстра-класса. Используется так называемый дельта-индекс. Он показывает степень сложности кожных узоров на пальцах. Наиболее простой узор — в виде дуги — оценивается нулём, более сложный (петля) — единицей, а завиток или двойная петля — двойкой. В общей сумме для обеих рук можно набрать от 0 до 20 баллов.

В Лаборатории спортивной антропологии и генетики Всероссийского НИИ физической культуры многие годы изучали эти показатели наших выдающихся спортсменов. Результаты оказались такими. Низкие значения индекса свидетельствуют о незаурядных скоростно-силовых качествах, необходимых для спринтеров (велотрек, лёгкая атлетика, коньки), средние — о выносливости (лыжное двоеборье, шоссейные велогонки, стайерские дистанции), а высокие — о способности к сложнокоординированной деятельности (бокс, штанга).

Для представителей игровых видов спорта важно учитывать их конкретную роль в команде. В футболе, баскетболе, волейболе «высокие баллы» присущи защитникам, низкие — нападающим. Конечно, тут нет ничего общего со школьными отметками: чем выше, тем лучше. Просто, для классного нападающего первостепенное значение имеют скорость, сила и взрывная реакция, тогда как для вратаря, например, главное — умение принимать быстрые решения в сложных ситуациях, обладать отличной координацией движений.

Таковы статистические данные, из которых могут быть исключения. Но их бывает немного.

Я решил проверить на себе эти выводы. Пальцевый индекс получился 16. Он характерен для защитников в баскетболе, вратарей, боксёров. И это в точности совпало с моей спортивной судьбой! Выдающихся успехов в спорте достичь не удалось, но с детства предпочитал играть в футбол вратарём и защитником; поступив в волейбольную секцию, вскоре перешёл на баскетбол, играя защитником (поднялся до первого разряда) и увлекался боксом, несмотря на то, что даже от несильных ударов из носа шла кровь. Выходит, моим выбором в спорте руководили… узоры на пальцах!

Изучению отпечатков пальцев посвящена область криминалистики — дактилоскопия. Ещё во второй половине XIX века была высказана мысль, что тип пальцевого узора индивидуален и не меняется в течение жизни. Выдающийся чешский физиолог Ян Пуркине опубликовал книгу, в которой дал первую классификацию пальцевых узоров. Претворил теорию в практику человек оригинальнейший — англичанин Фрэнсис Гальтон.

Можно ли по отпечаткам пальцев, также как по форме черепа, судить заранее о преступных наклонностях человека? Нет. Хотя некоторые результаты интересны сами по себе. Скажем, средний пальцевый индекс европейцев ниже, чем у чукчей. Получается, что у чукчей (как у вратарей, защитников в баскетболе) должно быть развитым «многовариантное» мышление, умение принимать верные решения в экстремальных ситуациях, в отличие от самодовольных европейцев.

Пока ещё трудно судить, как связана психика людей с отпечатками их пальцев. Но то, что такая связь имеется, можно предполагать. С этих позиций по-новому приходится осмысливать принципы хиромантии. Ведь если кончики пальцев могут немало сказать о возможностях и способностях человека, то ладони — тем более.

Однако форма черепа, узор пальцев или ладоней не

предопределяют судьбу человека. Она зависит от многих факторов, среди которых врождённые качества имеют второстепенное значение.

Фрэнсис Гальтон

Фрэнсис Гальтон (1822–1911) — антрополог, изобретатель, генетик, психолог, географ, путешественник, метеоролог, криминолог, создатель дактилоскопии. Как писал К. А. Тимирязев, это был «один из оригинальнейших учёных, исследователей и мыслителей современной Англии».

Он всегда много читал, а ещё больше размышлял. Свобода от «научной рутины» содействовала его творческим успехам, но не гарантировала от ошибок. Он был, в сущности, учёным-любителем, а не преподавателем или профессионалом, выполняющим определённую работу в ограниченной области. Для независимости у него были подходящие условия. Родился в состоятельной семье; с младенческих лет поражал смышлёностью и памятью: в полтора года знал буквы, через год научился читать, в три года писал своё имя, а в пять лет писал грамотно.

Поступил Фрэнсис в знаменитый Кембриджский университет, изучал медицину, но не пожелал стать врачом. До двадцати пяти лет увлекался охотой и стрельбой (посетил даже Гебридские острова, охотясь на тюленей), много путешествовал; объездил Европу, затем Африку; побывал на Ближнем Востоке, собрав интересные сведения по географии и этнографии.

В 1849 году он изобрёл печатающий телеграф (телетайп); ограничился публикацией его описания. На следующий год, став членом Географического общества, отправился как исследователь в Южную Африку. За два года прошёл около 1700 миль. Вернувшись, в 1853 году опубликовал книгу «Рассказ исследователя тропической Южной Африки». Географическое общество наградило его золотой медалью. В 34 года он стал членом Королевского общества (академии).

Когда английские войска вместе с союзниками высадились в Крыму, воюя с Россией на стороне Турции, Гальтон изобрёл «алтископ», позволяющий смотреть из укрытия, не высовываясь (типа созданных позже перископов подводных лодок).

В 1855 году вышли его «Заметки о современной географии» и работа для облегчения топографической съёмки «Таблица для грубой триангуляции без употребления инструментов и расчётов», а в 1863 году — «Метеорографика, или метод нанесения погоды на карту». Он придумал ряд приборов для создания чертежей и карт, а также машину для использования энергии морских волн.

Он сделал важное открытие: наряду с известными тогда циклонами установил существование центров с высоким

давлением воздуха (антициклонов), где воздушные потоки идут по часовой стрелке.

Увлёкшись антропологией, Гальтон основал биометрию, изобрёл приборы для изучения параметров организма; разработал биостатистику, открыв путь к количественному изучению изменчивости и наследственности (генетики). Стал основоположником «психометрии», используя метод тестов и «типового портрета» для выяснения характеристик личности. Создал дактилоскопию — учение о кожных узорах и отпечатках пальцев.

Когда весной 1905 года на окраине Лондона были обнаружены два окровавленных трупа владельцев лавки, пожилых супругов, этот метод был впервые опробован на практике.

Сыщикам удалось выявить двух подозреваемых, братьев, против которых были лишь косвенные улики. Эти громилы смеялись, как от щекотки, когда у них стали брать отпечатки пальцев. Но вскоре им стало не до смеха. Оттиск большого пальца одного из братьев точно соответствовал оттиску на окровавленной шкатулке. Судья приговорил преступников к повешению. Они, потеряв самообладание, стали упрекать друг друга, чем подтвердили справедливость приговора.

Огромный интерес вызвала книга Гальтона «Наследственный гений, его законы и последствия» (1869). Он исходил из того, что таланты так же наследуются, как физические особенности. Сделал вывод: «Подобно тому, как с помощью тщательного отбора нетрудно получить такую породу лошадей или собак, у которой быстрота бега представляла бы качество не случайное, а постоянное, или добиться какого-либо иного результата, в таком же роде, — точно так же было бы делом вполне осуществимым произвести высокодаровитую расу людей посредством разумных браков в течение нескольких поколений».

Он основал научное направление, которое до середины XX века имело немало приверженцев даже среди крупных биологов, назвав его евгеникой — наукой об улучшении рода человеческого. На эту тему писал, в частности, выдающийся советский генетик Н. К. Кольцов (за что был раскритикован). Принципы евгеники вошли в идеологию нацизма, утверждавшего преимущества арийской расы и возможность на её основе создания сверхчеловека.

Первые крупные военные победы фашистов, казалось бы, подтверждали миф о высшей арийской расе. Но зверства на оккупированной территории, а затем и полное поражение Третьего рейха от СССР показало, что советский «сверхчеловек» морально выше и духовно сильней «арийской белокурой бестии».

Впрочем, не борьбой идеологий и государств доказывается верность или ошибочность научной теории, относящейся к биологии. Как показали исследования, идея борьбы с наследственными дефектами имеет смысл и значение. На этом основана медицинская генетика. А вот в отношении наследственности гениальности или выведения улучшенных «пород» людей ситуация прямо противоположная.

Мне довелось собирать материалы о детстве гениальных людей. Выяснилось, что, в отличие от Гальтона, почти все они были обыкновенными детьми (а наследственные качества проявляются с младенчества). Точнее, они были столь же необыкновенны, как все дети.

В одной из книг, уже давно, я написал, что гениями рождаются почти все, а не гениями становятся. При случае спросил, не без робости, об этом утверждении специалиста по генетике человека А. А. Малиновского (сына выдающегося учёного и философа А. А. Богданова). Он поддержал эту мысль и добавил, что в начале тридцатых годов написал в научной статье нечто подобное.

Законы генетики оказались не столь примитивными, как предполагал Гальтон. А в отношении гениальности…

У него, человека безусловно талантливого, троюродным братом был великий Чарлз Дарвин. Их общий дед Эразм Дарвин — замечательный мыслитель, написавший философскую поэму «Храм природы», где, между прочим, написал о естественном отборе. Вообще, в роду Дарвинов было немало талантливых учёных.

Доказывает ли это их особенные наследственные качества? Нет. Просто у них в роду традиционно уважали интеллектуальный труд, интерес к познанию природы. Вот что передал им Эразм Дарвин, — но только не в виде мифических «генов гениальности», а воспитанием и образованием.

Гальтон писал: «Доводы, которыми я пытаюсь доказать, что талант наследственен, состоят в том, что я показываю, насколько велико количество случаев, в которых более или менее знаменитые личности имеют родственниками людей, выдающихся из общего уровня».

Но ведь у близких родственников знаменитых личностей больше, чем у других, возможностей добиться успеха. Есть потомственные кузнецы, плотники, пекари, краснодеревщики, слесари, стеклодувы, так же как лётчики, моряки, чиновники… Значит ли это, что у них передаются по наследству какие-то особенные способности кузнецов, пекарей, слесарей, моряков, чиновников?

То же относится и к умственной деятельности.

У Михаила Ломоносова не было деда — выдающегося мыслителя, как у Чарлза Дарвина или Фрэнсиса Гальтона. Это не помешало ему стать величайшим учёным своего времени. Если бы гениальность зависела от генетики, то среди многочисленных потомков Ломоносова, Пушкина, Менделеева проявились бы великие таланты. Этого нет.

Человек становится человеком в результате воспитания и обучения. То же и у всех высших животных.

В результате одомашнивания, искусственного отбора можно получить продуктивные породы скота, потомственных скакунов, разновидности кошек и собак. Однако их интеллект не возрастает, а обычно деградирует по сравнению с дикими родственниками.

…Одарённый незаурядными умственными способностями Гальтон не стал великим учёным, подобно своему троюродному брату. Почему? (Кстати, в своей автобиографии Чарлз Дарвин отказал себе в каких-либо выдающихся способностях.) Главная причина: он не вполне корректно работал с фактами. Научный метод требует не подбирать факты для доказательства какой-то идеи, а делать обобщения с учётом всей их совокупности.

Об этом забывают многие учёные-любители. Один из наиболее выдающихся из них — Гальтон — по этой причине не сделал великих научных открытий. Хотя его достижения в ряде областей знаний и техники заслуживают уважения.

Но почему же тогда за последние десятилетия, когда профессиональные учёные исчисляются миллионами (!), крупных научных теоретических открытий нет? В технических дисциплинах они безусловны и удивительны. Но в том, что касается познания природы и человека, ничего подобного не наблюдается. Скажем, расшифровка генетического кода человека или клонирование животных в теоретическом плане ничего особенного не дали, хотя технически это великолепные достижения.

В наше время для серьёзных исследований необходимо сложное оборудование, хорошо подготовленные экспедиции, дорогостоящие эксперименты. Желательно создание коллектива из представителей разных специальностей, разрабатывающих трудную проблему.

На всё это требуются немалые средства. Учёные ими обычно не располагают. А в обществе, где преобладают экономические интересы, стремление к прибыли, максимальному и скорейшему обогащению, почти невозможно отыскать чудака-миллиардера, желающего потратить свой капитал во имя духовных, а не

материальных ценностей без надежды на доход в обозримом будущем.

Ещё одно обстоятельство. Современный учёный вынужден пройти немалый путь ученичества с защитой диссертаций. Требуется строго следовать указаниям наставников, руководителей и учитывать мнения рецензентов и оппонентов. Поступив на работу, приходится выполнять задания заказчиков и научных руководителей. В наиболее активные годы, когда бурлит энергия и фантазия, молодой учёный имеет очень ограниченные возможности для самостоятельного творчества, для проявления своей индивидуальности и оригинальности.

В XIX столетии было иначе. Выдающиеся исследователи, у кого творческий путь или хотя бы молодые годы пришлись на тот век, видели своей целью искание истины, познание природы, человека, общества. Это трудно, а то и невозможно совместить со стремлением сделать карьеру, обогащаться, а уж, тем более, угодить начальству или бизнесмену.

Своё величайшее достижение — учение о биосфере, области жизни на планете, В. И. Вернадский создал как синтез комплекса наук, а не только минералогии, кристаллографии, геохимии, в которых он был специалистом. Вдобавок он был одним из крупнейших историков и философов науки. Правда, в этом нет ничего оригинального. Обычное гениальное прозрение учёного-мыслителя. Результат упорного труда, жажды познания, честности, высокого профессионализма. Такое сочетание качеств встречается нечасто.

Неужели интеллектуальный потенциал современных учёных резко снизился по сравнению с их предшественниками? Нет, конечно. Среди них немало интересных мыслителей. Но за последние десятилетия их становится всё меньше, а проявить свои способности им всё труднее.

Ещё одна особенность, присущая энтузиастам: выход за пределы собственной жизни, чувство единства с прошлым и будущим. Таким был, например, Джордано Бруно. Он считал: «Лучше достойная и героическая смерть, чем недостойный и подлый триумф». Решил погибнуть во имя чести, чувства собственного достоинства. «И смерть в одном столетии дарует жизнь во всех веках грядущих!»

Вспомним Николая Ивановича Кибальчича. Ему было 28 лет, когда его в 1881 году приговорили к смертной казни через повешение за участие в покушении на жизнь царя. Перед смертью он не раскаивался, не молил о пощаде, а создал «Проект воздухоплавательного прибора», став основоположником освоения космического пространства ракетной техникой. Он

писал: «Если же моя идея после тщательного обсуждения учёными-специалистами будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу Родине и человечеству».

Таковы пределы личности тех, кто способен на подвиг, великие свершения: Родина и человечество.

А. Л. Чижевский

В XX веке Александр Леонидович Чижевский (1897–1964) опубликовал ряд работ, объединённых названием его статьи: «Астрология наших дней». Восторженные последователи называли его новым Леонардо да Винчи. А по мнению его противников, он возрождал средневековое мракобесие.

Чижевский был личностью незаурядной. Родился в семье кадрового военного, детство провёл в родовом имении Александровке Брянского уезда у бабушки и тётушек, заменивших рано умершую мать. Обучался в школе живописи в Париже, получил музыкальное образование. В 1913 году его семья переехала в Калугу, что стало знаменательным событием в судьбе Чижевского. Он интересовался астрономией, а весной 1914 года познакомился с преподавателем калужской гимназии К. Э. Циолковским. Поэтическое воображение Чижевского, уносившее его в космическую бездну получило научно-философский импульс. Его увлекла тема космических влияний на земные процессы.

К тому времени данную проблему четверть века изучали географы и пришли к отрицательному выводу. Чижевского это не остановило. Скорее всего, он не был знаком с этими работами: учился в Коммерческом и Археологическом институтах, посещая отдельные лекции на медицинском и естественно-математическом факультетах Московского университета. В 1918 году защитил диссертацию «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса» на историко-филологическом факультете. На гуманитариев произвели большое впечатление таблицы и графики, представленные диссертантом.

Себя он называл «солнцепоклонником», решив найти доказательства зависимости от солнечной активности поведения людей и судеб общества. Посвятил этому книгу «Физические факторы исторического прогресса» (1924) с подзаголовком: «Влияние космических факторов на поведение организованных человеческих масс и на течение всемирно-исторического процесса, начиная с V века до Р. Хр. и по сие время».

Он искал подтверждений этим влияниям и, естественно, их нашёл. Ведь природа и история предоставляют необъятнейшие материалы, из которых можно выбрать факты, подтверждающие ту или иную концепцию. А требуется обращать внимание прежде всего на возможность опровержения гипотезы или теории. Тысячи отобранных фактов, её подтверждающих, менее весомы, чем один, убедительно опровергающий. Таковы правила науки, с которыми

Чижевский не считался.

Александр Леонидович смело заявил: «В свете современного научного мировоззрения судьбы человечества, без сомнения, находятся в зависимости от судеб вселенной. И это есть не только поэтическая мысль, могущая вдохновлять художника к творчеству, но истина, признания которой настоятельно требуют итоги современной научной мысли». Он развивал взгляды своего учителя К. Э. Циолковского. Разум Вселенной, утверждал Циолковский, регулирует жизнь Мироздания, все части которого находятся в тонких взаимосвязях, чутко реагируя на внешние воздействия.

Обработав сведения о важнейших исторических событиях на Земле с V по XX век, Чижевский сопоставил их с данными о динамике солнечных пятен. Наиболее детальные графики охватывали период «революционной деятельности народных масс России за период с 1 октября 1905 год по 1 апреля 1906 год (митинги и забастовки; взрывы бомб и покушения; немедленные репрессии)». Он выделил систему циклов активности человечества, вполне синхроничную, по его словам, с периодами максимальной деятельности Солнца. Например, были приведены годы выдвижения вождей, реформаторов, полководцев, государственных деятелей (…441 — Аттила… 1605 — Лжедмитрий и В. Шуйский… 1839 — Шамиль… 1917 — Керенский, Ленин).

Свой метод он назвал историометрией. Основной её закон: «Течение всемирно-исторического процесса составляется из непрерывного ряда циклов, занимающих промежуток времени, равный, в среднем арифметическом, 11 годам, и синхроничных в степени своей активности периодической пятно-образовательной активности Солнца» (перечислены «историко-психологические особенности» каждого цикла). Следовательно, «исторические и общественные явления… подчиняются физическим законам», что возвышает историю «до степени точных дисциплин».

По его мнению, необходимо во всех государствах создать научные институты, анализирующие общественные движения, социально-политические и военные конфликты, сопоставляя эти данные с астрономическими и метеорологическими показателями.

Следующий этап — предсказание общественных бурь и предотвращение их вредных последствий. Тогда в человеке проявятся «те качества и побуждения, которые иногда и теперь светятся на его челе, но которые будут светиться всё ярче и сильнее и, наконец, вполне озарят светом, подобным свету Солнца, пути совершенства и благополучия человеческого рода. И

тогда будет оправдано и провозглашено: чем ближе к Солнцу, тем ближе к истине».

Такова была его вера. Но можно ли назвать его концепцию научной теорией? Вряд ли.

Сугубо статистический подход к общественным явлениям искажает саму суть истории человечества. В отличие от скопища атомов газа или жидкости взаимодействие людей происходит не механически, а прежде всего духовно. Люди живут как своевольные и противоречивые существа, на которых или в которых бесплотная мысль действует значительно сильнее, чем импульсы, идущие от Солнца, или магнитные бури.

Историометрия предоставляет слишком большие возможности для произвола исследователя. В жизни разных народов, этносов, государств земного шара ежегодно совершается так много событий, что объективный выбор из них самых важных, так же как выбор исторических личностей, невозможен.

Сомнителен и философский подтекст историометрии. Александр Леонидович исходил из несвободы воли человека. По его словам, «вера в метафизический догмат о свободе воли являлась одною из главных причин, тормозящих объективное исследование истории». Но в том-то и отличие жизни: она преодолевает механическое действие законов косной природы.

Росток пробивает слой почвы и вопреки гравитации, великому закону всемирного тяготения, тянется к Солнцу. Человек взбирается в гору, повинуясь своему желанию, тогда как камню суждено катиться под уклон… В жизни организмов проявляются самые разнообразные законы природы, в том числе и статистические. Однако смысл истории заключается прежде всего в реализации духовного потенциала, в творчестве, в постоянном выборе между добром и злом, гармонией и хаосом, истиной и ложью. Вектор этого выбора вовсе не указывает направление к неизбежному прогрессу.

Чижевский заявил: «В свете современного научного мировоззрения судьба человечества, без сомнения, находится в зависимости от судеб вселенной». Очень сомнительный тезис! Ни природа, ни Бог не определяют это. Человек творит окружающий мир по своему образу и подобию. Его духовная суть определяет и внутренние общественные конфликты, и глобальный экологический кризис. Даже замечательные достижения науки и техники лишь всё контрастней выявляют это обстоятельство.

Чижевский прямо-таки мистически воспринимал появление пятен на Солнце:

И вновь, и вновь взошли на Солнце пятна,

И омрачились трезвые умы,
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы.
И вал морской вскипел от колебаний,
И норд сверкал, и двигались смерчи,
И родились на ниве состязаний
Фанатики, герои, палачи.
И жизни лик подёрнулся гримасой:
Метался компас — буйствовал народ,
И над землёй, и над людскою массой
Свершало Солнце свой законный ход…

Как тут не вспомнить слова Пушкина об одной из сур Корана: «Плохая физика, но зато какая смелая поэзия!»

У Чижевского — исследователя и изобретателя были немалые достижения. Он был личностью богато одарённой и творческой. Но его историософия не подтверждается фактами. Такую проверку некогда провёл и я, пытаясь установить ритмы земных природных процессов. В некоторых случаях проявлялся так называемый «11-летний цикл». Но и он колебался в широких пределах — от 7-ми до 17-ти лет, к тому же с исключениями. Прямой связи с колебаниями солнечной активности выявить не удалось (сошлюсь на свою книгу «Пульс земных стихий»).

Открытие радиационных поясов Земли, исследования её магнитосферы показали: биосфера надёжно защищает земные организмы от вспышек солнечной активности. Колебания атмосферного давления действуют на живые организмы сильней, чем вспышки на Солнце или так называемый «парад планет» (когда они выстраиваются в одной плоскости). Чижевский предполагал, что «парад планет» вызывает на Земле всяческие катастрофы. Ничего этого не произошло, хотя «парады» происходили неоднократно.

Нередко упоминают имя Чижевского в одном ряду с Вернадским, в связи с учением о биосфере. Это недоразумение. Вернадский никогда не упоминал идей Чижевского, хотя они были современниками. Вряд ли книгу Чижевского «Земное эхо солнечных бурь» оставил без внимания Вернадский. Она вышла в Париже в 1937 году, а Владимир Иванович хорошо знал французский язык, и ряд его работ был опубликован сначала во Франции.

Создатель учения о биосфере не придавал серьёзного значения научно-философским разработкам Чижевского, который предполагал существование особых лучей, способных влиять на

психику людей, вызывая бунты, революции, войны. Такие лучи не обнаружены. Сомнительны и его философские установки, метод подбора фактов. При их обилии всегда можно выбрать те, которые подтвердят существование любого ритма.

Солнце безусловно оказывает воздействие на биосферу и людей. Как сказал ещё Джордано Бруно, все мы — дети отца-Солнца и матери-Земли. Мы насыщены, пронизаны, заряжены энергией Солнца. Но она действует на нас опосредованно, через биосферу. Люди — не марионетки, поведение которых регулирует великое светило. Несравненно сильней, чем солнечные вспышки, действуют на нас родные и близкие, руководители или вожди, журналисты, радио- и телепередачи.

Да, мы — дети Солнца. Но слишком часто бываем недостойны такого родства, а в своём стремлении к истине с огромным трудом отыскиваем верные пути.

Н. Н. Миклухо-Маклай

С давних пор, совершая географические открытия, люди искали драгоценные камни и металлы, лес и пушнину, пряности и благовония, — но только не ЧЕЛОВЕКА. Лишь после эпохи Великих географических открытий учёные стали обращать внимание на разнообразие не только природы, но также разновидностей людей и типов культуры.

Под влиянием известий о диких племенах философы и учёные XVII–XVIII веков разделились на два противоположных лагеря. Одни утверждали, что дикари имеют зверские наклонности и дикие нравы. Другие полагали, что вольный сын природы благороден и добр, имея ровно столько ума и умения, сколько необходимо для спокойной жизни. По этому вопросу даже взгляды просветителей-гуманистов порой расходились основательно.

Так, Клод Адриан Гельвеций писал о «нелюдимом дикаре», язык которого «ограничивается пятью или шестью звуками или криками». Если такое существо «освобождается от страха перед законами или наказаниями, то его несправедливость не знает никаких пределов».

А по мнению Жан-Жака Руссо, люди жили свободными и счастливыми, добрыми и здоровыми до тех пор, пока довольствовались немногим, самым необходимым. Потребность в избытке благ породила рабство, жестокость, алчность, зависть, лицемерие, а научно-технический прогресс лишь увеличивает неравенство между богатыми и бедными.

Подобные представления основывались отчасти на сведениях, доставляемых путешественниками. Одни писали о свирепых дикарях-людоедах (приводя соответствующие факты), другие — о наивных и добродушных туземцах. Оформились антропология, изучающая разновидности людей, расы, и этнография (народоведение), посвящённая культуре, быту и нравам народов.

Однако всё, что связано с познанием человека, зависит от политических, социальных, экономических факторов. Быстрое развитие капитализма сопровождалось активной эксплуатацией трудящихся и ограблением зависимых стран, из которых вывозили среди прочих товаров людей, превращённых либо в рабов, либо в бесправных наёмников. Великобритания к середине XIX века стала крупнейшей колониальной державой. В США южные штаты были рабовладельческими (здесь трудилось около четырёх миллионов рабов-негров).

Американские антропологи Нотт и Глиддон опубликовали в

1854 году монографию «Типы человечества», где утверждалось полное отсутствие родства между белыми и приближёнными к человекообразным обезьянам неграми. Французский аристократ Гобино издал свой «Трактат о неравенстве человеческих рас», утверждая существование высшего расового типа — арийского, призванного господствовать над всеми другими.

«Не есть ли такое воззрение, — писал великий русский учёный Карл Бэр, — столь мало соответствующее принципам естествознания, измышлением части англо-американцев, необходимое для успокоения их собственной совести? Они оттеснили первобытных обитателей Америки с бесчеловечной жестокостью, с эгоистической целью ввозили и порабощали африканское племя. По отношению к этим людям, говорили они, не может быть никаких обязательств, потому что они принадлежат к другому, худшему виду человечества. Я ссылаюсь на опыт всех стран и всех времён: как скоро одна народность считает себя правою и несправедливо поступает относительно другой, она в то же время старается изобразить эту последнюю дурною и неспособною…»

В противовес расизму во Франции была опубликована книга Катрфаржа «Единство рода человеческого». В 1865 году северные штаты победили южан и добились юридического равенства прав белых и чёрных. Но суть проблемы оставалась спорной, и всё меньше было шансов решить её на опыте: на Земле к этому времени почти не осталось племён, не испытавших на себе влияния агрессивной технической цивилизации.

Показательна судьба тасманийцев. Лишь в конце XVIII века был открыт пролив, отделяющий Тасманию от Австралии. И хотя планомерного физического истребления островитян не было, число их начато быстро сокращаться. От 3–5 тысяч в 1824 году осталось менее 500, в 1860 году — 60 и вскоре тасманийцы вымерли. Другим племенам, находившимся на первобытном уровне развития техники (каменный век!), оставалось либо перерождаться, либо вымирать, либо бороться за свободу и самобытность.

Каждая культура, каждое племя или народ, каждая человеческая личность имеет право на самостоятельность. Взаимодействуя, общаясь, они должны исходить из обоюдного уважения, не стремясь силой насаждать свои порядки, свой образ жизни и не навязывая свои мысли.

Эти принципы были близки Николаю Николаевичу Миклухо-Маклаю, который воспитывайся в интеллигентной российской семье во время расцвета русской культуры, прежде всего литературы, пронизанной идеями свободы, гуманизма, добра и

поисков правды. Изучив биологию и медицину в Германии, совершив несколько научных экспедиций (он был ассистентом известного биолога и эколога Э. Геккеля), он вернулся в Россию и затем решил отправиться на Новую Гвинею. К. М. Бэр рекомендовал ему наблюдать людей «без предвзятого мнения относительно количества и распространения человеческих племён и рас».

Решение Миклухо-Маклая избрать местом пребывания и исследований остров, где обитали племена людоедов, о которых рассказывали ужасные истории, выглядело безумной авантюрой, чудачеством. Кто-то предположил, что русское правительство желает обзавестись заморскими колониями. Но эта версия не получила подтверждения.

Новая Гвинея оставалась в стороне от экономических интересов европейских держав. На ней не было найдено месторождений драгоценных металлов. Впрочем, серьёзных изысканий не проводили. Причиной тому — слухи о тамошних дикарях-людоедах. К тому же тропическая растительность препятствовала освоению этих территорий. Изучение Новой Гвинеи началось в 1871–1872 годах: итальянские учёные Луиджи Альбертис и Одоардо Беккари исследовали северо-западную часть острова.

Миклухо-Маклаю надо было застать папуасов в их естественном состоянии. Поэтому он избрал практически неизученный юго-восточный берег Новой Гвинеи, высадился там в сентябре 1871 года и более года жил среди «дикарей», общаясь с ними, завоевав их уважение и доверие.

«Меня приятно поразили, — писал он, — хорошие и вежливые отношения, которые существуют между туземцами, их дружелюбное отношение с жёнами и детьми. Во всё моё пребывание на „Берегу Маклая“ мне не случалось видеть ни одной грубой ссоры или драки между туземцами; я также не слышал ни об одной краже или убийстве между жителями одной и той же деревни. В этой общине не было начальников, не было ни богатых, ни бедных, почему не было ни зависти, ни воровства, ни насилия. Лёгкость добывания средств к существованию не заставляла их много трудиться, почему выражения злобы, ожесточения, досады не имели места».

Оказалось, что представители совершенно разных культур могут жить вместе в дружбе и согласии на основе универсального морального принципа: не делай другому того, чего не желаешь, чтобы делали тебе. Миклухо-Маклай поставил уникальный эксперимент — с немалым риском для жизни, доказав на опыте не только единство человеческих рас, но и глубокое родство

людей, относящихся к разным культурам.

Это стало замечательным открытием. Ведь познание земной природы для нас имеет смысл не столько абстрактно-теоретический, сколько реально-практический в связи с познанием человеческой природы и нашего места и значения в окружающей среде. Для того чтобы достойно существовать на планете, нам необходимо прежде всего научиться жить в согласии между собой, а всем вместе — с окружающей природной средой.

Л. Н. Толстой писал Миклухо-Маклаю: «Мне хочется сказать вам следующее: если ваши коллекции очень важны, важнее всего, что собрано до сих пор во всём мире, то и в этом случае все коллекции ваши и все наблюдения научные ничто в сравнении с тем наблюдением о свойствах человека, которые вы сделали, поселившись среди диких и войдя в общение с ними и воздействуя на них одним разумом… Ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, — в науке о том, как жить людям друг с другом».

Мореплавателям и путешественникам приходилось оставаться среди племён, находящихся на стадии неолитической культуры. При этом приходилось приспосабливаться к нравам, принятым среди «дикарей». Другая крайность — миссионеры, внедряющие свои религиозные принципы и правила поведения (не говоря уж о колонизаторах, разрушающих весь уклад жизни этих племён).

У Миклухо-Маклая был опыт сосуществования на основе взаимного уважения и равенства. Кстати, в те же годы в России пользовалась огромной популярностью книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», в которой утверждался принцип разнообразия культур, их взаимного дополнения. В то же время в Западной Европе, а потом и в нашей стране получила широкую популярность идея единообразия «общечеловеческой» культуры, можно сказать, единого индустриального общества.

К сожалению, именно последняя идея восторжествовала в конце XX века. А в конце XIX века осуществлялась экспансия западноевропейской «индустриальной культуры», перемалывающей в своих экономических жерновах другие народы и племена. В частности, на Новой Гвинее уже при Миклухо-Маклае появились колонизаторы, порой уничтожавшие посёлки аборигенов.

В XX веке две кровопролитнейшие мировые войны и крах СССР из-за поражения в идеологической борьбе (после третьей всемирной холодной войны) показали, что техническая цивилизация обрела глобальные масштабы и подчиняет своей железной поступи все страны и народы. Столь же закономерно

углубляется мировой экологический кризис, ведущий к деградации биосферы и тех, кто в ней обитает. Единая массовая техногенная культура оборачивается торжеством примитивного «техногенного человека», создаваемого по образу и подобию машины, о чём ещё семь десятилетий назад проницательно писал русский философ Н. А. Бердяев.

Миклухо-Маклай сумел открыть человека в человеке иного рода-племени, иной культуры. Хотелось бы надеяться, что его достижение будет заново осмыслено, усвоено и принято во внимание человеческим сообществом. Ибо теперь — уже в XXI веке — приходится заботиться о том, чтобы сохранить многообразие культур и человеческое — в человеке.

Е. М. Короленко

Расскажу об одном русском чудаке и оригинале, которому суждено было активно содействовать становлению интеллекта величайшего учёного-мыслителя XX века. В. И. Вернадский свидетельствовал: «В моём детстве огромное влияние на моё умственное развитие имели два человека: во-первых, мой отец… во-вторых, его двоюродный брат по моей бабушке Е. М. Короленко, оригинальный, своеобразно образованный человек — Евграф Максимович Короленко (1810–1880)».

Е. М. Короленко был хорошим другом Ивана Васильевича Вернадского, человека незаурядного и тоже весьма оригинального. Став профессором экономики и статистики, он занимался публицистикой, издавал «Экономический указатель» (у него начинал работать наш замечательный писатель Николай Лесков).

Образ Евграфа Максимовича сохранился в воспоминаниях его племянника писателя В. Г. Короленко: копна седых волос и белая борода обрамляли полнокровное нервное лицо Евграфа Максимовича с живыми, блестящими глазами. Служил он на Кавказе, воевал, заболел и вышел в отставку. Декабристы его восхищали. Бездарный император-буржуа Наполеон III возмущал до глубины души.

На любого ребёнка воздействуют не столько умные слова, сколько чувства, взволнованность, энергия, с которой эти слова произносятся. Впечатлительного Владимира Вернадского сильно волновали и увлекали речи Евграфа Максимовича, так не похожие на спокойные суждения отца.

Взрослые вряд ли разделяли восторга гимназиста: Евграф Максимович был неуёмным спорщиком. В минуты возбуждения усы его топорщились, лицо багровело, глаза метали молнии, седая шевелюра лохматилась, а голос становился сбивчивым и невнятным. Окружающие начинали беспокоиться, как бы старика не хватил удар.

Евграф Максимович нравился Владимиру своей искренностью, силой чувств. Старик и ребёнок подружились. Дружба эта напоминала взаимосвязь планеты со звездой. Евграф Максимович, наделённый избыточной энергией, излучал свои чувства и оригинальные идеи. Владимир впитывал их жадно, перерабатывая своим юным умом, по-своему переиначивая их и переосмысливая.

Владимир наблюдал за дядей со стороны, тихо присутствуя на его диспутах с другими гостями. Евграф Максимович

высказывался чаще всего на политические и моральные темы. Горячность, пылкость, с которой он говорил, убедительнее всего свидетельствовали о том, насколько важны подобные вопросы. Они касались любого гражданина страны. Каждый должен заботиться о благе государства и переживать его беды, ощущать личную ответственность за судьбу своей родины.

Критикуя государственный строй России, Евграф Максимович оставался ярым патриотом. Однажды кто-то рассказал о том, как в лондонском ресторане клоун-англичанин, оскорблённый одним из русских офицеров, устроил потасовку, во время которой сильно избил одного офицера, а другому оторвал ухо. Историю восприняли с некоторым ехидством — очень уж раздражали заносчивость и ухарство офицеров.

Вдруг Короленко, побагровев и распушив седые усы, обрушился на весельчаков:

— Позвольте, господа. Как смеете вы радоваться позору русского военного мундира?! Стыдно!

Чудачества двоюродного дяди вряд ли были понятны маленькому гимназисту. Но значительно позже Владимир Иванович будет примерно так же совмещать критику политического и государственного устройства России с горячим патриотизмом. В гражданскую войну и последующую разруху он останется на родине, несмотря на предложения эмигрировать за рубеж, чтобы в спокойствии и довольстве заниматься научным творчеством.

Гуляя вечерами с тринадцатилетним Володей, Евграф Максимович преображался. Иногда он говорил словно сам с собой, оспаривая собственные суждения, переходя от одной темы к другой. В такие минуты Володе казалось, что мысли дяди передаются ему не только словами, но и незримыми флюидами, из души в душу.

Евграф Максимович, публиковавший время от времени статьи в «Экономическом указателе» и охотно споривший на политические и экономические темы, наедине с Владимиром рассуждал обо всём на свете: о Земле и звёздах, о жизни растений и людей, о происхождении и назначении человека, давая волю своей фантазии.

Володя вряд ли знал, что Е. М. Короленко пишет — не столько для печати, сколько для самого себя — научные трактаты, точнее, заметки и размышления на самые разные темы. (После смерти Е. М. Короленко В. И. Вернадский соберёт и сохранит его рукописное наследие.)

Примечательны названия трудов: «Доисторическое человечество как деятель цивилизации, опыт естественной

истории человечества». Или: «Теория зарождения и жизни человеческого общества. Историко-философский трактат». Или: «Против равенства людей по рождению». Среди многочисленных глав этих трактатов встречаются такие: «Земля есть живой организм», «Поцелуй, его происхождение и значение», «Перемещение материалов Земли», «Бог естествоиспытателя»… Е. М. Короленко не ограничивал область своих интересов.

«Человек, — писал он, — находясь на Земле, придаёт ей искусственным образом силы, которые она не имеет вследствие одних лишь естественных законов: может быть, он увеличит или уменьшит скорость её вращения или будет противодействовать предполагаемому астрономами стремлению планеты упасть на Солнце». Он верил в невероятные возможности разума и труда людей.

Разнообразны, а то и неожиданны были вопросы, о которых рассуждал он с Владимиром Вернадским.

Можно представить себе, как по тёмной и тихой вечерней улице (без электрических фонарей и автомобилей) прохаживаются плотный, осанистый старик с молочно-белой бородой и маленький гимназист. Старик спрашивает:

— Скажи, Владимир, ты задумывался о происхождении рода человеческого?

— Вы имеете в виду теорию Дарвина о происхождении человека от обезьяны?

— Предположение, гипотеза — и только… Одна из попыток проникнуть сквозь тёмную завесу минувших тысячелетий. Попытка натуралиста, но не философа, дающая пищу для ума и не согревающая сердце… Когда приходишь к самому краю жизни, то дьявольски хочется знать, кто ты был, откуда пришёл и куда всё-таки уходишь. И вдруг пришёл от папашеньки-обезьяны, уходишь в грязь… Не хочу! Протестую!.. Оскорбительно для человечества!

Следует долгая пауза. Воображение гимназиста сопоставляет шимпанзе из зверинца и отца, облекает мохнатую обезьяну во фрак и в таком виде помещает на пальму… Да, весьма сомнительный родственник, пускай и дальний…

— Вы предполагаете, — нетвёрдо говорит Владимир, — верность догмата церкви о божественном творении?

— Забудь догматы церкви, когда речь заходит о природе! Церковное понятие божества — это язычество, суеверие, достойное дикарей, но не цивилизованного человека!

Поистине замечательна способность Евграфа Максимовича удивлять парадоксами! Священное Писание отвергает идею Дарвина, Дарвин опровергает Священное Писание. Ни то ни

другое не устраивает Евграфа Максимовича. Как тут разобраться?

— Нет! — продолжает старик, воодушевляясь. — Я не смею отречься от своего давнего волосатого четырёхрукого предка. Не только признаю его, но и почитаю; не стыжусь его, а преклоняюсь перед ним и с чувством сыновьей любви готов смыть с его мученического чела кровь своими слезами!

Воображение мальчика создаёт картину, которая привела бы в ужас не только учителя Закона Божьего: обезьяна с печальными и мудрыми человеческими глазами, в терновом венце мученика…

— Им приходилось много страдать, ибо нет лёгкого пути к человеку. И я представляю отчётливо, как первый оранг подобрал с земли палку и попытался выпрямиться, опираясь на неё. Ему было неловко, трудно, больно, однако он поднимался и стоял. И остальные глядели на него снизу вверх, с трудом задирая головы. Вот ещё один и ещё берут палки. Они пробуют двигаться вертикально, ходить. Может ли такая дерзость поправиться седым вожакам стада? В одну из ночей — в первую Варфоломеевскую ночь на Земле! — вожаки напали на тех, кто осмелился гордо поднять голову, жестоко избили их и прогнали прочь. Много испытаний пришлось перенести несчастным, прежде чем они научились ходить вертикально, а палки стали употреблять не для хождения, а для охоты и копания земли…

Яркие картины рождал этот рассказ. И всё-таки трудно было удержаться от вопроса:

— Евграф Максимович, стало быть, вы утверждаете естественное творение…

— Мой юный друг, подними глаза вверх и взгляни на звёзды… Я не могу взирать на эту чудесную Вселенную, как и на судьбу человеческую, и довольствоваться заключением, что всё это — результат случайной игры неразумных сил… Чаще смотри на звёзды, мой друг, и ты ощутишь безмерность мироздания и своё присутствие в нём — не случайное, не мимолётное, а вечное…

По чёрному, густо усеянному звёздами небу чиркнула у горизонта падающая звезда.

— Нет, мы не падающие звёздочки. Мы принадлежим этим звёздным мирам, составляем с ними единое целое. В этой вечности есть одна лишь абсолютная жизнь и нет абсолютной смерти… Быть может, ты усомнишься? Что ж, я поясню… Человек есть колония клеточек — так говорит естествоиспытатель. Микроскопические клеточки, сочетаясь, составляют разумное существо, управляющее не только собою, но и отчасти судьбами мира, которого оно составляет лишь часть… А теперь обратимся вновь к звёздам. Эти едва заметные бесчисленные точки —

отдельные миры. Каждое солнце с его планетами плавает в страшно глубоких пространствах, их отделяющих. И все эти мириады точек, сочетаясь вместе, составляют органическое целое, разум которого настолько выше разума каждого мира, насколько разум человека выше разума клеточки. Такой высший разум есть бог, управляющий мирами, то есть частями самого себя. Эта звёздная величественная бездна пространства есть органическое разумное целое, сложившееся в беспредельности времени!

…Вернувшись домой, лёжа в постели, Владимир долго не мог успокоиться. Воображение уносило его в мировое пространство, и над серебряной луной роились неведомые существа, и звёзды вместе с планетами оживлялись, и мириадами мерцающих глаз таинственный мир смотрел на него и размышлял о нём, о человеке, летящем в его пределах…

Так ли было всё в действительности? Можно ли восстановить и счесть действительностью прошлое, отстоящее от нас более чем на сто лет?

Не было свидетелей этих разговоров (не считая, конечно, звёздного неба), а люди, участвовавшие в них, давно умерли. Осталось только письмо Владимира Ивановича (от 6 июня 1886 года), где он вспоминает звёздные вечера, прогулки с Евграфом Максимовичем и свои фантазии после них. Сохранились рукописи Евграфа Максимовича, отрывки из которых почти дословно приведены выше.

Старик, фантазирующий, как ребёнок; ребёнок, мудрствующий, как старик… Вполне обычная ситуация.

О разуме звёздных миров допустимо слагать стихи, а не писать научные трактаты (кстати, на эту тему писал в прошлом веке К. Э. Циолковский). Нигде в научных трудах В. И. Вернадского нет упоминания о мировом разуме. О происхождении человека он тоже не писал. Выходит, от его прогулок с Евграфом Максимовичем, как говорится, не осталось и следа. Приятное воспоминание детства — и только…

Нет, не так. Вот свидетельство самого В. И. Вернадского: «Такое огромное влияние имели эти простые рассказы на меня, что мне кажется, что и ныне я не свободен от них».

Наука — это не только факты, описания, обобщения, логические рассуждения. Такие операции способны производить компьютеры. Тут требуются только знания и систематичность. Человек, обладающий хорошей памятью, способен собирать факты, делать описания, обобщать и логически мыслить. Всему этому можно обучить.

Одно из слагаемых научного гения — фантазия, воображение, смелость мысли. Обычного фантазёра выдумки только увлекают и

развлекают. Учёный-фантазёр умеет отделять выдумку никчёмную или беспочвенную от выдумки полезной, правдоподобной. Сопоставив такую выдумку с фактами, учёный обнаруживает новые закономерности и приходит к выводам, которые не делал до него никто.

В беседах с Евграфом Максимовичем Владимир Вернадский не только упражнялся в фантазировании. Он учился видеть в привычном неведомое, размышлять о космосе, о беспредельных далях пространства и бесконечных безднах времени. Пытался постичь сущность жизни и смерти, смысл своего существования и бытия всего человечества. Он не находил ответы на загадки бытия, не мог удовлетвориться своими ответами. Ему не хватало знаний. Но он учился размышлять. Ведь едва ли не самое важное в науке умение задавать умные вопросы и настойчивость в поисках ответов.

Некоторые афоризмы Е. М. Короленко могли заметно подействовать на Владимира Вернадского, ясно выражая то, что он сам неявно ощущал. Например, такое утверждение: «Трус не может быть нравственным человеком». Или: «Чрезвычайно вредно должно действовать на умственное развитие человека чтение без критики. Научиться читать вовсе не так легко, как кажется».

Некоторые мысли Евграфа Максимовича удивительно созвучны с теми научными идеями, которые три десятилетия спустя начнёт развивать В. И. Вернадский. Вряд ли это случайное совпадение.

Так, Е. М. Короленко писал о двух мирах на Земле: живом и мёртвом, органическом и неорганическом. О великой работе органического мира Земли над перемещением материалов неорганического мира. О деятельности чудесных лабораторий — живых организмов, — в которых перемещение земного вещества совершается посредством питания и размножения. Участвует в этой работе всё живое — от мельчайших существ до человека включительно.

Он ссылался на такие сведения: три мухи, по Линнею, способны съесть лошадь столь же быстро, как и лев; по Левенгуку, одна муха в три месяца производит 746 496 особей; по Р. Оуэну, одна травяная вошь в десятом колене производит миллиард миллиардов детёнышей. Эти факты Короленко отметил и, очевидно, поведал о них Владимиру Вернадскому. Пройдут годы, и в работах академика Вернадского — бывшего маленького гимназиста с пытливыми, ясными глазами — вновь будут упомянуты подобные сведения, ставшие одной из опор его замечательной научной теории.

Сходная судьба будет ожидать и другие идеи

Е. М. Короленко. Он высказался против гипотезы первоначально жидкой огненной Земли и действия вулканизма в результате внутренней энергии, вырывающейся из огненного ядра планеты. По его мнению, вода, проникая в недра, растворяет минеральные вещества и производит газы, которые под гнётом страшной тяжести лежащих выше слоёв Земли повышают давление и температуру, в результате чего вырываются на поверхность.

В. И. Вернадский первым выдвинет научные положения о выдающейся роли газового дыхания Земли и деятельности природных вод в формировании земной коры, вулканической деятельности и во многих других планетных геологических явлениях.

Была у Евграфа Максимовича заветная мечта: постичь гармонию природных процессов, всего мироздания, разума Вселенной. Ощущая бессилие человеческой мысли, он обращайся к музыке, брался за скрипку и подолгу упражнялся в игре на ней.

Как обычно бывает, мечта его, воплощаясь в жизни, приобретала вовсе не те формы, к которым он стремился. Играл на скрипке он неплохо. Но его упражнения надоедали окружающим. Чтобы не досаждать им, он уходил в дальнее помещение и там отдавался во власть музыкальной гармонии. Как вспоминал Владимир Иванович, вскоре появились у Евграфа Максимовича внимательные, молчаливые и миниатюрные слушатели — мышки. Они рассаживались кругом, как истинные ценители искусства, и замирали, поблёскивая глазками и пошевеливая усиками…

Были, конечно, и другие следствия музыкальных занятий Евграфа Максимовича. Настраивая скрипку, он думал: «Не так ли происходит в природе? Человек не оставляет её в покое, вмешивается в её жизнь, пытается управлять её процессами. Человек искусственным образом придаёт Земле те силы и свойства, которых она не имеет вследствие одних лишь естественных законов. Безмерны возможности человека разумного. Он способен осушать морское дно, обнажая плодородные земли, и затоплять бесплодные части Азии и Африки; он, если нужно, выровняет горы и спрямит реки…»

В то время, о котором сейчас идёт речь, в начале семидесятых годов позапрошлого века, неуёмный фантазёр и мыслитель Евграф Максимович Короленко вряд ли догадывался, что суждена ему роль сеятеля, бросающего семена в благодатную почву.

«Мне иногда кажется, — писал В. И. Вернадский, — что не только за себя, но и за него я должен работать, что не только моя, но и его жизнь останется даром прожитой, если я ничего не сделаю».

МЕЦЕНАТЫ И СУМАСБРОДЫ

Подобные субъекты не сумасшедшие, а безрассудные, поступающие в ряде случаев по своей прихоти, не так, как принято в обществе. Называют их, в зависимости от характера чудачеств, — чудиками, самодурами, чудилами, а то и чудовищами. Но именно благодаря своим сумасбродствам они сохраняются в памяти потомков. Нередко это личности незаурядные, буйные, возможно, талантливые, но так и не нашедшие достойного применения своим недюжинным возможностям.

К этой категории можно отнести едва ли не любых оригиналов. Мол, одним из них удалось найти своё призвание, проявить незаурядность натуры, а другим просто не повезло. Но, всё-таки, по сути своей данное понятие имеет негативный оттенок. Как пояснял Владимир Даль, самодур — это человек «безумный, безрассудный, дикий, бестолковый, ни с чем несообразный, противный здравому смыслу». Несколько мягче в словаре Д. Н. Ушакова: «Человек, поступающий безрассудно, противно здравому смыслу, по случайной прихоти».

Но вопреки привычным представлениям, а то и здравому смыслу совершались научные открытия. Солнце всходит и заходит, говорим мы, хотя это объясняется не движением светила, а вращением Земли. Мы воспринимаем земную твердь недвижной, а наша планета, вращаясь, несётся в космическом пространстве и вокруг Солнца, падая вместе с Галактикой в космическую бездну…

«Безумству храбрых поём мы песню!» — восклицал Максим Горький. Действительно, человек, жертвующий, казалось бы, самым дорогим, что у него есть — собственной жизнью — иному покажется сошедшим с ума сумасбродом. Однако он герой, если приносит жертву во имя чести и справедливости, любви к людям и Родине.

В нашем случае речь пойдёт главным образом о тех героях, которых следует считать сумасбродами преимущественно в негативном смысле. Хотя и среди них были люди, достойные уважения. А бывало и так, что странная и даже сумасбродная на первый взгляд затея оборачивалась выдающимся результатом.

Чаще всего люди сохраняют дурные наклонности, приобретённые в детстве, когда их баловали и развращали, позволяя помыкать няньками и дядьками, слугами и прислугой. Царевичи и принцы в этом отношении отличались в лучшую сторону от детей многих знатных господ благодаря своему более

высокому воспитанию.

Например, разбалованный донельзя маленький маркиз де Сад (будущая знаменитость, именем которого назовут одно из психических извращений — садизм) воспитывался вместе с принцем де Конде. И хотя принц был значительно старше его и крупней, «маркизик» де Сад порой с такой яростью набрасывался на него по пустяковым поводам, что принц вынужден был звать на помощь. Именно из таких несдержанных, злых, болезненно самолюбивых и самодовольных детей вырастают настоящие самодуры, а то и маньяки-преступники.

Герострат

В обширном списке сумасбродов и самодуров одно имя повторяется на разных языках вот уже почти 24 столетия. В этом отношении с ним могут соперничать немногие, скажем, правитель и полководец Александр Македонский или мыслитель Сократ.

Говорят, в 356 году до н. э. мечтавший о славе житель Эфеса Герострат поджёг храм Артемиды, считавшийся одним из чудес света. Суд приговорит преступника к смерти, запретив упоминать его имя. Но греческий историк Феопомп упомянул об этом событии, припомнив Герострата.

Римский географ Страбон тоже счёл нужным сделать то же самое, хотя, вроде бы, мог бы и промолчать. Он писал:

«Первым строителем храма Артемиды был Херсифрон, затем другое лицо его расширило. После того как некий Герострат сжёг храм, граждане воздвигли другой, более красивый, собрав для этого женские украшения, пожертвовав своё собственное имущество и продав колонны прежнего храма. Свидетельством этого являются изданные тогда постановления».

С тех пор имя поджигателя святыни присутствует не только во всех энциклопедиях, но и в кратких энциклопедических словарях. Поступок Герострата стал хрестоматийной иллюстрацией непомерного честолюбия, жажды славы любыми средствами, а также склонности людей к сенсационным сообщениям, какими бы отвратительными они ни были.

Кто помнит о Херсифроне — создателе храма Артемиды в Эфесе? Кого интересует дальнейшая после пожара судьба храма? А вот о преступнике Герострате слышали едва ли не все. Он прославлен, словно совершил героический поступок. Такие люди, как считал философ Мишель Монтень, «жаждали скорее громкого, чем доброго имени… Этот порок, впрочем, обычен: мы заботимся больше о том, чтобы о нас говорили, чем о том, что именно о нас говорят: с нас довольно того, что наше имя у всех на устах».

Монтень признавался:

«Я не столько забочусь о том, каков я в глазах другого, сколько о том, каков я сам по себе. Я хочу быть богат собственным, а не заёмным богатством». И пояснял: «Надо быть доблестным ради себя самого и ради того преимущества, которое состоит в душевной твёрдости, уверенно противостоящей всяким ударам судьбы…

Совсем не для того, чтобы выставлять себя напоказ, наша

душа должна быть стойкой и добродетельной: нет, она должна быть такою для нас, в нас самих, куда не проникает ничей взор, кроме нашего собственного».

Однако поучительный пример Герострата и прочих прославляемых недостойных людей показывает, что в общественной жизни, увы, слишком часто торжествует пошлая или подлая слава, и она порой не менее громка и долговечна, чем подлинная.

Но быть может, именно это и желал показать и доказать своим поступком Герострат! В таком случае, имя его следует помнить и впредь.

Маркиз де Сад

Донасьен Альфонс Франсуа де Сад (1740–1814) стал одним из символов нашего времени. Садизм отражает суть тысяч преступлений, совершаемых ежедневно в мире с особой жестокостью и половыми извращениями. Одно уже это заставляет присмотреться к данной личности и обдумать явление, которое она воплощает.

Садизмом принято называть патологическое стремление к жестокости, наслаждение чужими страданиями. В более узком смысле — получение сексуального удовлетворения, причиняя боль половому партнёру. Но было бы большим упрощением сводить это явление к психическим или сексуальным патологиям.

Маркиз де Сад занимает далеко не последнее место в истории мировой литературы. По проторённому им творческому пути следуют тысячи писателей, пользующихся популярностью, и несчётное число журналистов, газетчиков. В солидной работе П. С. Таранова «Анатомия мудрости. 120 философов» основоположник садизма как явления культуры представлен и незаурядным мыслителем.

В то же время авторы непритязательной книги «Величайшие в мире злодеи» Б. Джонс и Н. Блендфорд завершили главу «Жажда крови» очерком о де Саде. Там сказано: «Философия Гитлера посвящена политике, теория де Сада — человеческой сексуальности, но обе опасны в равной степени, потому что способны превращать обыкновенных мужчин и женщин в монстров».

Таково чудовищное заблуждение тех, кто полагает, будто все беды людей от идей, которые они вычитывают из книг. Можно подумать, что до Гитлера не было на свете великих и жестоких диктаторов, а до маркиза де Сада — сексуальных патологий. Как будто миллионы людей живут по принципу: прочитал — сделал. В таком случае в мире давно наступила бы тишь, гладь да Божья благодать, ибо книг, взывающих к добру и состраданию, больше, чем пробуждающих зло и садизм.

В определённом смысле мы должны быть благодарны таким писателям, как маркиз де Сад и Адольф Гитлер за откровенный рассказ о том, что в той или иной степени характерно для многих людей. Высказанная прямо и честно идеология или психопатология, какими бы ужасными они ни казались, предоставляют возможность для анализа этих явлений и противодействия им.

Выходит, де Сада следовало бы причислить не к величайшим

злодеям, как это сделали упомянутые соавторы, а к исследователям и едва ли не благодетелям человечества. Феномен Гитлера тоже не так прост, как часто его представляют, и весьма поучителен.

Писатель-садист родился в знатной и богатой семье графа де Сада (бывшего некоторое время послом в России) и фрейлины принцессы де Конде. С матерью у него с детства сложились неприязненные отношения. Возможно, виной тому был его сверстник, принц, с которым ему поневоле приходилось играть по настоянию матери, несмотря на его высокомерие.

Учился Франсуа де Сад в привилегированном иезуитском коллеже Людовика Великого. Закончив школу лёгкой кавалерии, в 15 лет стал младшим лейтенантом Королевского пехотного полка. Участвовал в Семилетней войне и дослужился до звания капитана кавалерии. Выйдя в 1763 году в отставку, с благословения короля Людовика XV женился на дочери президента налоговой палаты.

Однако тихая семейная жизнь с тайными интрижками на стороне его не устраивала. Маркиза обуревали жестокие страсти. Почему? Можно предположить, что на его психику наложила тяжёлую печать война. Он столкнулся с жестокостью, убийством людей. Не исключено, что доводилось ему и насиловать женщин. Это половое возбуждение было усилено и извращено целым букетом чувств: своевластия, вины, опасности, близости смерти, сатанинской гордости от попрания нравственного закона…

Подобное сочетание личного наслаждения с унижением и страданием сексуальной жертвы обычно не свойственно «простым натурам», тупым и злобным преступникам. Это — привилегия изощрённых, а то и художественных натур. Поэтому так часто сексуальных маньяков трудно распознать.

Могла сказаться и слабая способность к сексуальному возбуждению, частичная импотенция. Поэтому приходилось прибегать к изощрённым злодейским приёмам.

Так или иначе, а маркиз де Сад не мог удовлетворить свои нездоровые страсти в постели с молодой женой. Не прошло и полгода, как за жестокое обращение с девицей лёгкого поведения в доме свиданий он был на 15 суток заточён в башню тюремного замка. Вскоре он получил место королевского генерального наместника в нескольких провинциях Бургундии, а после смерти отца стал владельцем богатых поместий.

Возможно, де Саду доставляло особое удовольствие святотатство в церковные праздники. Так произошло на Пасху 3 апреля 1768 года. Ранним утром на площади Виктуар в Париже маркиз пригласил в свой фиакр Розу Келлер, девицу

неопределённых занятий, отвёз в свою виллу, предложил раздеться и начал избивать плёткой-семихвосткой, чередуя пытку с половыми утехами. Смазав раны женщины мазью, он угостил её завтраком и запер в комнате.

Жертва извращенца-сладострастника выпрыгнула в окно и с криками побежала в полицейский участок. На маркиза завели уголовное дело, суд наказал его штрафом и лишением свободы, но через месяц его помиловал король. В 1770 году де Сад вернулся на военную службу, получил чин полковника и вскоре окончательно вышел в отставку. Теперь он увлёкся литературой и театром, ставя в родовом поместье Лакост собственные пьесы.

В портовом городе Марселе он со слугой Латуром посещал девиц лёгкого поведения, занимаясь сексом вперемежку с бичеванием. Однажды четыре проститутки обратились в полицию с жалобами на рези в желудке, обвиняя в отравлении маркиза де Сада и его слугу, которые, помимо всего прочего, потчевали их «возбуждающими конфетами».

По городу поползли зловещие слухи о маньяке, истязающем и убивающем своих любовниц, выпивающем их кровь и поедающем плоть. Якобы в его поместьях раскопаны кости его многочисленных жертв.

Всё это плохо вязалось с внешностью злодея. Вот как описан он в полицейском протоколе: «Человек прекрасно сложённый, с решительным выражением лица, одетый в серо-голубой фрак, жилет и розовые панталоны, со шпагой, охотничьим ножом и тростью в руке». Позже портрет был дополнен уже парижской полицией: «Рост 5 футов 2 дюйма (156 см), нос средних размеров, рот небольшой, подбородок круглый, волосы пепельные, лицо овальное, глаза светло-голубые».

Не дожидаясь ареста и суда, обвиняемые скрылись. Королевский прокурор Марселя присудил маркиза де Сада и его слугу к публичному покаянию на паперти кафедрального собора. После этого маркизу следовало отрубить голову на эшафоте, а Латура повесить. Пожалуй, необычайная строгость приговора объяснялась заочностью наказания. Было устроено торжественное представление: на глазах многочисленных зрителей казнили, затем сожгли чучела обоих преступников.

И на этот раз смертный приговор был отменён. Но и под угрозой сурового наказания маркиз де Сад продолжал свои преступные чудачества. В феврале 1777 года его вновь заточили в Венсенский замок, а позже перевели в Бастилию. В заточении он написал роман «120 дней Содома, или Школа разврата» (1785), повесть «Несчастная судьба добродетели» (1787), новеллу «Эжени де Франваль» (1788)…

«Революция освобождает де Сада, — пишет литературовед Г. В. Якушева. — В 1791 году он публикует роман „Жюстина, или Несчастная судьба добродетели“ (2-я редакция), осенью того же года в „Театре Мольера“ ставится его драма „Граф Окстиен, или Последствия распутства“, с восторгом встреченная публикой, — ведь речь идёт о развращённости высших слоёв общества, ненавидимых и презираемых революционным народом.

Гражданин Сад (а как же иначе! В духе времени он уже отказался от титула) продолжает выступать с чтением или постановками своих пьес, публикацией повестей, романов, сказок, разоблачающих аморализм аристократов. Самый аморальный из них выступает в роли обличителя! Более того, с конца 1790 года он состоит в якобинской секции Пик (Вандомская площадь), назначается комиссаром по формированию кавалерии, затем — членом административной Больничной ассамблеи, проверяющей состояние медицинских стационаров, пишет политические труды (отчёты, предложения, доклады). Наконец, 13 апреля 1793 года Сад становится присяжным революционного трибунала, а затем председателем секции Пик — и есть свидетельства о том, что ему претила жестокость робеспьеровского террора».

В конце 1793 года он вновь попадает в тюрьму. Ему вернул свободу очередной революционный переворот (термидорианский). Он бедствует, ютясь на мансардах, участвуя за мизерную плату в театральных представлениях. Летом 1800 года издаёт памфлет, осмеивая Наполеона, его жену и окружение. Писателя по приказу императора берут под негласный надзор, а в следующем году арестовывают как автора «самого ужасного из всех непристойных романов».

Из тюрьмы его переводят в клинику для душевнобольных. Здесь он ставил свои пьесы и участвовал в них. А главный врач просил перевести его в тюрьму, называя «циником и пьяницей», «предметом всеобщего презрения» и порочным до глубины души.

Перед смертью в конце 1814 года гражданин Сад раскаялся и завещал закопать своё тело в лесу, чтобы следы могилы затерялись так же, как его имя в памяти людей. Его похоронили на парижском кладбище по католическому обряду, а имя и труды его со временем стали пользоваться скандальной популярностью.

Г. В. Якушева пишет:

«Современный читатель находит в романах, повестях, эссе, трактатах, пьесах Сада прежде всего самую яростную критику просветительских идей… Сад утверждал не только наличие, но и необходимость торжества зла во имя наслаждения жизнью наиболее сильных, прекрасных и безжалостных представителей людской породы… И в результате романы Сада, в которых так

тяжеловесно, болезненно, причудливо и неправдоподобно смешались кровь, ужас, эротические фантазии, предсмертные стоны, человеческие экскременты и сладострастие, превратились в своеобразную антиутопию господства „сильных“ людей, презирающих условности человеческого общежития, жалость и сострадание…

Трудно не заметить при этом, что все злодеи Сада — люди богатые или властные: денежные мешки, дорогие проститутки, церковные иерархи, вельможи, монархи…

Чудовищно гротескные образы Сада имели, однако, источником не только порочную фантазию их автора, но и вполне реальные, легко узнаваемые и даже изысканные прототипы в аристократическом обществе Франции XVIII столетия».

Если бы Сад был только теоретиком, писателем-философом, обличителем развратного французского общества предреволюционной поры, то его личность была бы более понятной. Но ведь он был обуян порочными (с позиций принятой нравственности) страстями и терпел от этого немало страданий. Даже перед угрозой сурового наказания он не мог отказать себе в садистических удовольствиях.

Странно, что имя Сада вошло в научный обиход и стало звучать в названии одной из психопатологий. Словно он был первооткрывателем и наиболее ярким представителем этой аномалии. За многие века до него тираны и злодеи проявляли свои садистические наклонности в большей степени. Любой деспот, которому доставляет удовольствие то, что перед ним унижаются, склоняются в низких поклонах, падают на колени, уничижаются — безусловный садист, хотя и не обязательно сексуальный. То же относится и к тем, кто радуется мучениям другого человека.

По сравнению со многими злодеями маркиз де Сад — просто жестокий ребёнок, не более того. А в своём воображении, в литературных трудах он давал волю причудливой фантазии, смакуя всё то, что принято считать непристойностями, пороками. До сих пор не вполне понятно, можно ли считать де Сада злодеем, преступником или душевнобольным.

Скажем, судя по сведениям, приведённым в справочнике «Сексопатология» (1990), те «вольности», которые позволял себе маркиз в отношениях с женщинами, можно отнести к элементам «полового тиранизма (садизма)», не переходящим «крайних вариантов нормы». Хотя в отдельных случаях он преступал, по-видимому, этот порог. Но и это понятно: стоит только дать себе волю, начать унижать сексуальных партнёров, как со временем это может обрести болезненный характер. Но в случаях с де

Садом до серьёзных увечий и, тем более, убийств дело не доходило.

Психиатры склонны считать наиболее распространённой причиной агрессивного поведения при садизме отсутствие в детстве у ребёнка, лишённого материнской любви, чувства привязанности к матери, кормилице или няньке. К феномену де Сада это явно подходит. Тем более что и от сверстника-принца ему приходилось терпеть унижения. Чувство любви у него было приглушено ещё в детстве.

Не исключено, что желание подчинять, унижать других, ощущать своё превосходство и власть проявлялось в нём ещё и в связи с маленьким ростом и внешней женственностью. Таким людям свойственно активное стремление к самоутверждению, порой любой ценой.

Немецкий психолог и психиатр Эрих Фромм (перешедший от иудаизма к буддизму, но не чуждый вульгарной политологии) в книге «Анатомия человеческой деструктивности» сделал такой вывод:

«Садизм (и мазохизм) как сексуальные извращения представляют собой только малую долю той огромной сферы, где эти явления никак не связаны с сексом. Несексуальное садистское поведение проявляется в том, чтобы найти беспомощное и беззащитное существо (человека или животное) и доставить ему физические страдания вплоть до лишения его жизни. Военнопленные, рабы, побеждённые враги, дети, больные (особенно умалишённые), те, кто сидит в тюрьмах, беззащитные цветные, собаки — все они были предметом физического садизма, часто включая жесточайшие пытки. Начиная от жестоких зрелищ в Риме и до практики современных полицейских команд, пытки всегда применялись под прикрытием осуществления религиозных или политических целей, иногда же — совершенно открыто ради увеселения толпы. Римский Колизей — это на самом деле один из величайших памятников человеческого садизма».

Здесь садизм представлен как синоним жестокости, злодейства. А если уже говорить о начальных формах такого явления, то можно было бы вспомнить библейского царя Давида, применявшего специальные механизмы для массового уничтожения пленных, или распятие Иисуса Христа, когда страдания невинного человека доставляли радость толпе.

Странно даже, что Фромм в данном случае не упомянул о популярных в США, а теперь и в РФ жестоких «боёв без правил» и подобных увеселений почтеннейшей публики. Хотя удовольствие от этих зрелищ вряд ли следовало бы относить к садизму. Ведь зрители являются болельщиками или сделавшими ставки, а вовсе

не участниками. А то ведь придётся считать садистами всех многомиллионных телезрителей, которых развлекают кровавыми зрелищами в художественной или документальной форме. Здесь перед нами массовое явление, которое ближе, пожалуй, к сатанизму.

Де Сада следовало бы считать глашатаем так называемой сексуальной революции. Он выставил напоказ пороки, свойственные в половой сфере значительному числу людей, но в потаённом виде. Садизм — проявление крайнего индивидуализма, эгоизма, характерного для буржуазного общества. И не случайно маркиз де Сад жил и творил во времена Великой французской буржуазной революции. Принципы — «преумножайте свои капиталы, подавляйте конкурентов!» — вполне отвечают высказываниям Сада. Вот некоторые из них:

«Делайте только то, что вам нравится и приносит наслаждение, всё прочее ерунда». «Эгоизм является первым законом человеческой природы, и прежде всего ему подчинены все непристойные наслаждения». «Мы должны думать только о себе, но ни о ком другом. Человек никоим образом не связан с другими людьми. Тот, кто хочет быть счастлив в этом мире, должен, не раздумывая, отшвырнуть всё, всё абсолютно, что стоит на его пути, и обязан приветствовать всё, что служит или угождает его страстям».

Страсть к обогащению и власти — одна из наиболее пагубных, разрушающих не только душу человека, но и окружающий мир природы. В этом смысле садизм — в толковании Сада — служит философской основой буржуазного индивидуализма. А его основатель был реалистом и откровенным человеком. Понимал, что в обществе господствуют вовсе не самые добродетельные: «Разве мы не видим ежедневно, как люди, лишённые напрочь и чести, и славы, поживают преспокойно роскошной жизнью, недоступной слабым и глупым, несмотря на их рьяную приверженность добродетели?»

Он отвергал принципы морали, принятой в обществе — преимущественно лицемерно или из боязни наказания. Более того, выступал как воинствующий атеист:

«Только слепой не увидит, что любой бог — это скопище противоречий, нелепостей и несоответствующих действительности атрибутов». И ещё: «Ах, как он добр, этот бог моих оппонентов, который творит зло и допускает, чтобы его творили другие, бог, символ высшей справедливости, с чьего благословения невинные всегда угнетены, совершенный бог, который творит только неправедные дела! Согласитесь, что существование такого бога скорее вредно, нежели полезно для

человечества и что самое разумное — устранить его навсегда».

Выступил он и как аморалист. По его словам: «Злодейство — великолепное средство разжигания похоти; и чем невиннее жертва, тем большее наслаждение и даже блаженство оно доставляет». Конечно, таковы слова его, а не дела. Человеку свойственно бравировать смелостью своих высказываний. Тем более, когда писатель стремится шокировать публику. Однако эти мысли выражают нечто более серьёзное, чем браваду. Они являются обоснованием сатанизма, служения низменным чувствам, признания ненависти, жестокости и личной воли проявлением духовного могущества.

Спустя полвека после маркиза де Сада французский поэт Шарль Бодлер вознёс такую молитву:

> Славен будь, Сатана, славен будь в вышине
> Тех небес, где царил ты, и там, в глубине
> Преисподней, где, свергнутый, грезишь в молчанье.
> Упокой мою душу под древом познанья,
> Близ тебя, когда свежей одето листвой —
> Новый Храм — заблистает оно над тобой.

Пожалуй, в таком образе искусителя, предлагающего срывать всё новые плоды с древа познания, сатанизм присутствует в отдельных высказываниях де Сада, раскрывающего глубокую, тёмную преисподнюю, подсознательную основу некоторых человеческих чувств и поступков.

Г. С. Шумаев

Среди московских реликвий есть одна необычайная и, странным образом, малоизвестная. Современный искусствовед может отнести её в разряд инсталляций. Для человека религиозного она — иконостас. Это произведение заслуживает того, чтобы попасть в реестр нетрадиционных чудес света.

Речь идёт о творении Григория Шумаева: грандиозном киоте «Голгофа», включающем сцены из Евангелия, Деяний Апостолов и Апокалипсиса. Ангелы и херувимы, святые и обыватели, дома и храмы, животные и растения, ад и рай, начало и конец света — целый мир вознамерился воссоздать дерзновенный москвич. Принялся он за дело, благословясь, и продолжал его несколько десятилетий!

Труд был подвижнический, молитвенный. Он не отнимал, а добавлял годы жизни. Недаром Григорий Шумаев прожил более девяноста лет.

Работал он в своём доме. Слухи о великолепном киоте ходили по столице. Высказывались опасения, что сей «животворящий крест весьма с куриозным украшением, который почти в совершенство приведён» пропадёт или сгорит при пожаре.

Комиссия Сенатской конторы осмотрела произведение искусства, высоко оценила его достоинства и предложила перенести в соборную церковь Сретенского монастыря. Дело это поручили архитектору князю Д. В. Ухтомскому. В разборке, перевозке и монтаже реликвии принимал участие юный Василий Баженов. Не тогда ли он впервые почувствовал потребность в творческих исканиях?

Григорий Шумаев умер, а народ всё шёл и шёл в Сретенский монастырь, чтобы подивиться на его творение…

С тех пор прошло без малого 250 лет. Несмотря на все трагедии и несуразности XX века, «Образ Мира», исполненный Шумаевым, сохранился в виде больших и малых фрагментов. Ничего подобного не создавал — единолично! — ни один скульптор на свете, включая титанов итальянского Возрождения. Творение русского мастера выполнено преимущественно из дерева, имеет более 7,5 м в высоту, более 4 м в ширину и 1,2 м в глубину. Но главное, конечно, содержание. В центре композиции — распятие. Справа от Иисуса Христа стоит Богоматерь, слева — Иоанн Богослов.

Эти вечные образы пребывают на фоне многочисленных разноцветных и разнообразных строений града земного с фигурками сотен, если не тысяч людей. А над ними вознесён

Горний Иерусалим с высокими зеркальными стенами, стеклянными главками церквей. Окружают его гранёные хрусталики на цветной фольге, производящие впечатление драгоценных камней.

Фундаментом для земного града являются три храма-монастыря. Они воплощают опору на Церковь. Здесь же находятся фигуры евангелистов.

По обеим сторонам в нишах показаны мучения душ в аду. Каждая деталь грандиозной композиции, в частности фигурки святых, вырезаны тщательно, так же, как храмы, башенки, дома, украшения, мебель. В некоторых случаях использовано бронзовое и свинцовое литьё.

В соответствии с православной традицией мастер показал «Образ Мира» как соединение Горнего и земного под сенью Животворного Креста. Всё это отображено наглядно, ярко и понятно. Таково духовное наставление, требующее сосредоточенного внимания и стремления осмыслить мир видимый и невидимый.

Трудно представить себе колоссальный объём работы, выполненной почти за шесть десятилетий москвичом-подвижником. Аналогов этому трудно подыскать в истории человечества.

Григорий Семёнович Шумаев родился в московской купеческой семье в 60-е годы XVII века. Работал в юности на Монетном дворе, хорошо знал резное и литейное дело. Собственный дом Шумаева находился в Мещанской слободе, недалеко от Сухаревой башни. Здесь на верхнем этаже и начал он работу над «Образом Мира».

Принимаясь за такой труд, Мастер должен был рассчитывать на долгие годы жизни и труда. И это было не чудачество в обыденном понимании, а подлинное подвижничество. Не потому ли суждена ему была долгая жизнь. Только к 1754 году он завершил киот, предназначив его Сретенскому монастырю — тому самому, который был выстроен на месте, где москвичи встречали в 1395 году чудотворную икону Владимирской Богоматери (в тот день татарские войска отошли от Москвы).

Судьба «Образа Мира» необычайна и потому, что работа над ним велась вопреки запрету императора на подобного рода творчество. Указ Петра I от 1722 года квалифицировал изготовление резных скульптур, ставших популярными с конца XVII века, «яко благочестивой нашей вере несогласным». Единственное исключение было сделано для Григория Шумаева. По-видимому, к тому времени значительная часть его киота была изготовлена и произвела сильное впечатление на тех, кому

следовало решить её судьбу. Мастеру позволили продолжить свой подвижнический труд.

Несмотря на то, что Крест создан из недорогих обычных материалов (основные элементы деревянные, украшенные кусочками зеркал, цветной смальтой, недрагоценными камнями, стразами), он поражает праздничной пышностью, затейливостью, неисчерпаемостью воплощённых в нём идей.

Около 1926 года Сретенский монастырь в Москве был закрыт. «Животворящий Крест чудес и страстей Господних» — как называли прежде «Образ Мира» — был разобран и перенесён в Большой собор Донского монастыря. Ныне он реставрируется.

…Когда всматриваешься в персонажи, созданные Григорием Шумаевым и оглядываешь всю его композицию, возникает ощущение, что на тебя из глубины веков глазами своих рукотворных образов смотрит сам Мастер. Он не использовал каких-то особенных приёмов или материалов. Впрочем, светоносность Небесного Града передана с помощью новых по тем временам художественных средств.

Шумаев постарался по мере возможностей представить нечто, соответствующее описанию Горнего Иерусалима в «Откровении Иоанна Богослова»: «И стогны града злато чистое, ако стекло сквозь цветающее; не имат град потребы солнца, ни луны, ни свящи, ни света солнечного, но светом в нём слава Божия священный Агнец». Кроме того, из стекла и хрусталя исполнены чудесные главки многих церквей, имитации драгоценных камней в венцах Христа, Богоматери и апостола Иоанна…

Мудро использовал Мастер зеркальца. Их много, а расположены они так, что в них отражаются главным образом представители запредельного Горнего мира. В результате Небесные Силы — святые покровители живущих — умножаются в числе. Зритель, подойдя к киоту, видит, помимо всего, и своё отражение в зеркалах Небесного Мира, как бы естественно входящее в состав обитателей Царства Небесного…

Во Владимирском соборе «Животворящий Крест чудес и страстей Господних» находился напротив иконостаса, отражая все действия внутри храма. Перед иконами горело множество свечей. Каждая из них отражалась в зеркальцах. Богослужение сопровождалось сиянием, озарявшим храм чудесными бликами.

В канонической композиции Распятия под крестом располагается череп первого человека Адама, чьи грехи искупает Иисус. У Шумаева на этом месте оказывается предстоящий перед киотом человек. Появляется новый смысл: жертва Иисуса искупает грехи предстоящего в данный момент перед крестом.

На многие размышления наводит творение одного из

наиболее возвышенных оригиналов — москвича Григория Шумаева. Он выглядит как религиозный фанатик, чудак, сумасброд, потративший многие годы своей жизни на одно лишь произведение, да и то предназначенное не для всеобщего обозрения и восхищения, а для храма, где люди молятся, стараются преодолеть горести и страдания, взывают к Царству Божьему, находящемуся, как сказано было Иисусом Христом, внутри нас.

Но разве Григорий Шумаев растратил свои годы, трудясь над своим произведением? Нет, он их приобретал. Потому что не причудой было его подвижничество, а проявлением глубокой веры в то высшее и светлое, что присутствует не только в окружающем и воображаемом мире, но и в душе человеческой.

Ф. И. Толстой

О нём писали или списывали с него своих героев Жуковский, Пушкин, Грибоедов, Тургенев, Лев Толстой. В «Горе от ума» дана краткая его характеристика устами Репетилова:

Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету.
Ночной разбойник, дуэлист.
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист.
Но умный человек не может быть не плутом.
Когда ж о честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.

Таков был граф Фёдор Иванович Толстой (1782–1846).

Родился он в Костромской губернии, в родовом поместье генерал-майора Ивана Андреевича Толстого. Военное образование получил в Морском корпусе. Его определили в гвардейский Преображенский полк. Здесь он надолго не задержался: кутила, скандалист, дуэлянт, азартный картёжник, да порой и нечистый на руку… В общем, из молодых, да ранних. Его перевели в Вязьминский гарнизон.

Довелось ему побывать в Новом Свете, после чего получил прозвище Американец. На Камчатку его не ссылали, но среди алеутов он сумел стать «своим». Портрет его в зрелые годы оставил Александр Иванович Герцен:

«Я лично знал Толстого в именно ту эпоху, когда он лишился своей дочери Сарры, необыкновенной девушки, с высоким поэтическим даром. Один взгляд на наружность старика, на его лоб, покрытый седыми кудрями, на его сверкающие глаза и атлетическое тело показывал, сколько энергии и силы было ему дано от природы…»

Надо пояснить. Сарра умерла в 17 лет, через год после смерти Пушкина. Следовательно, речь идёт не о старике — в нашем нынешнем понимании, — а о пожилом человеке, не достигшем шестидесятилетия. Но продолжим цитирование:

«Он развил одни буйные страсти, одни дурные наклонности, и это неудивительно: всему порочному позволяют у нас развиваться долгое время беспрепятственно, а за страсти

человеческие посылают в гарнизон или в Сибирь при первом шаге… Он буйствовал, обыгрывал, дрался, уродовал людей, разорял семейства лет двадцать сряду, пока, наконец, был сослан в Сибирь… пробрался через Камчатку в Америку и оттуда выпросил дозволения возвратиться в Россию. Александр его простил — и он, на другой день после приезда, продолжал прежнюю жизнь. Женатый на цыганке, известной своим голосом и принадлежащей к московскому табору, он превратил свой дом в игорный, проводил всё время в оргиях, все ночи за картами, и дикие сцены алчности и пьянства совершались возле колыбели маленькой Сарры. Говорят, что он раз, в доказательство меткости своего глаза, велел жене стать на стол и прострелил ей каблук башмака».

В сравнении с его прочими проделками, эта выглядит невинной шалостью. И хотя сумасбродов в царской России времён крепостничества было немало, Фёдор Толстой выделялся среди них. Точнее, в его характере обычные, в общем-то, черты принимали преувеличенные формы.

«Человек эксцентричный, — писал о нём журналист и беллетрист Фаддей Булгарин, — то есть имел особый характер, выходивший из обыкновенных светских форм, и во всём любил одни крайности. Всё, что делали другие, он делал вдесятеро сильнее. Тогда в моде было молодечество, а граф Толстой довёл его до отчаянности. Он поднимался на воздушном шаре вместе с Гарнером и волонтёром пустился в путешествие вокруг света вместе с Крузенштерном».

С этой экспедиции начались его необычайные приключения. Отправился в кругосветку на фрегате «Надежда» он по своей воле вместо двоюродного брата, отказавшегося от плавания, сославшись на нездоровье. Не имея никакого настоящего дела, увлекавшего его, Фёдор Иванович принялся чудачить.

Во время стоянки на Маркизских островах подружился с местным правителем, весело проводя с ним досуг. Обзавёлся роскошной татуировкой: на груди и на руках. Говорят, на одном из островов ему предложили стать королём. Не исключено, что он потчевал туземцев «огненной водой», а по-русски — водкой, да и сам был, как говорится, выпить не дурак. Во всяком случае, быстро находил общие интересы с аборигенами.

Пожалуй, капитан «Надежды» Крузенштерн был бы не прочь оставить беспокойного подчинённого на Маркизских островах в качестве короля. Фёдор Толстой позволял себе во время плавания непозволительные шалости.

Немолодой корабельный священник был не прочь выпить. Толстой напоил его, что называется, до сложения риз и уложил

на палубу, припечатав его бороду сургучом казённой печатью, украденной у капитана. Когда священник проснулся, проказник крикнул ему: «Лежи! Видишь, казённая печать!» Но и без того отодрать бороду не было возможности; пришлось её срезать.

Списали Фёдора Ивановича на берег за совокупность серьёзных провинностей. Одну из них можно трактовать как служебное преступление. Этот бедокур подружился с корабельной обезьяной, молодым орангутаном. Каким-то образом это животное (имеется в виду обезьяна) облила чернилами важные бортовые записи капитана. Есть сведения, что окончательно лопнуло терпение Крузенштерна, когда Фёдор Толстой стал зачинщиком дуэли. В наказание его высадили на остров Алеутского архипелага, принадлежащий русско-американской колонии.

Он и тут проявил своп недюжинный характер: пожил на Алеутских островах, сумел добраться до Камчатки, а там и до Петербурга. За свои проделки был сослан в гарнизон Нейшлотской крепости. В августе 1808 года началась русско-шведская война (после которой Финляндия вошла в состав России на правах великого княжества и, между прочим, со своим парламентом — сеймом). Граф Фёдор Толстой проявил храбрость в сражениях и был возвращён в Преображенский полк.

Вместе с отрядом казаков он проделал лихой разведочный рейд по тылам шведов, помог верно избрать направление главного удара и подготовил победу Барклаю де Толли. Казалось бы, ему обеспечена блестящая военная карьера. Но подвёл буйный нрав. На дуэли он убил прапорщика Александра Нарышкина и был разжалован в солдаты. Вскоре началась война с французами, и он вновь отличился, заслужил Георгия 4-й степени, а после разгрома наполеоновской армии получил чин полковника.

Обосновавшись в Москве, он устроил из своего дома нечто подобное притона картёжников, гуляк, пьянчуг и баламутов. По некоторым данным, число убитых им на дуэлях достигло 11.

Он стал героем многочисленных анекдотов. Вот некоторые из них.

Однажды после сытного обеда с немалыми возлияниями хозяин предложил ему напиток:

— Возьми, Толстой, тотчас отобьёт весь хмель.

— Боже мой! — воскликнул тот, перекрестясь, — да за что я тогда два часа трудился? Нет, хочу остаться при своём.

…В Английском клубе невдалеке от Толстого-Американца сидел барин с отменным красно-сизым носом. Фёдор Иванович посматривал с уважением на столь откровенное украшение лица,

обличающее, как принято считать, незаурядного пьяницу. Однако вскоре выяснилось, что этот барин пьёт одну только чистую воду.

— Да это самозванец! — возмутился Толстой. — Как смеет он носить на лице своём признаки, им не заслуженные!

…Возможно, после очередного убийства противника на дуэли или какой-нибудь бессовестной пьяной выходки Фёдор Иванович наложил на себя епитимью: полгода не брать в рот спиртного. Несколько месяцев он терпел эту муку. И даже долгие — неделю или две — проводы приятеля в дальнюю дорогу с бесчисленными тостами не смутили его.

Когда товарищ отбыл, он, трезвый, возвращался в кибитке вместе с Денисом Давыдовым. После долгого мрачного молчания Толстой обратился к своему попутчику:

— Денис, голубчик, дохни на меня!

За некоторые проделки граф Толстой мог угодить в сибирскую ссылку. Так, рассердившись на какого-то мещанина, он позвал его к себе домой, там велел связать по рукам и ногам и вырвал у него зуб.

Преступление было, как говорится, налицо. Пострадавший обратился с жалобой в полицию и суд. С помощью взяток Толстой доказал, что это клевета, и мещанин угодил в острог.

В то время в тюремном комитете служил известный в то время литератор Н. Ф. Павлов — сын дворового слуги, окончивший театральное училище, а затем и словесное отделение Московского университета. Мещанин обратился к нему в поисках справедливости. Павлов, как подлинный демократ, решил завести дело на графа Толстого. Тот, испугавшись, задействовал свои связи в высших кругах.

В результате один из вельмож написал другому секретное отношение, советуя дело закрыть, дабы «не дать такого прямого торжества низшему сословию над высшим».

Так и было сделано. Как показывает данный пример, проявлению самодурства способствуют не столько определённые черты характера, сколько социальные условия, позволяющие одним людям издеваться над другими.

…Некий князь задолжал Фёдор Ивановичу по векселю значительную сумму. После нескольких отсрочек, так и не дождавшись долга, Толстой написал ему: «Если Вы к назначенному числу не выплатите долг свой сполна, то не пойду я искать правосудия в судебных местах, а отнесусь прямо к лицу Вашего Сиятельства». Долг был выплачен.

Во время одного из скандалов, как рассказывают, Фёдор Толстой после игры несправедливо приписал Павлу Нащокину долг в 20 тысяч рублей. Услышав отказ платить, гостеприимный

хозяин вытащил пистолет и, разыгрывая роль оскорблённой невинности, пригрозил застрелить гостя. Тот оказался не робкого десятка. Он положил на стол свой кошелёк, где оставалось 25 рублей, и часы:

— Это достанется вам после моей смерти. Зато в суде и полиции вам придётся заплатить не одну тысячу, чтобы скрыть преступление. Стреляйте!

— Молодец! — воскликнул Фёдор Толстой. Они остались друзьями. (Не напоминает ли это поведение бессмертного Ноздрёва из «Мёртвых душ»?)

Фёдор Толстой удостоился эпиграммы от Александра Пушкина:

> В жизни мрачной и презренной
> Был он долго погружён.
> Долго все концы вселенной
> Осквернял развратом он.
> Но, исправясь понемногу,
> Он загладил свой позор,
> И теперь он — слава богу —
> Только что картёжный вор.

Может показаться странным, что в такого субъекта была выпущена лишь эта единственная сатирическая стрела. Однако приходится помнить, что граф Фёдор Толстой не только порой плутовал, играя в карты, но и отменно стрелял, по малейшему поводу вызывая обидчика на дуэль.

У него было 12 детей; брак с цыганкой, не освящённый в церкви, оказался прочным. Но, как часто бывало в те времена, дети его долго не жили. Говорят, после смерти каждого ребёнка он вычёркивал одного из списка людей, убитых им на дуэли. Когда умер одиннадцатый ребёнок, он зачеркнул последнее имя и облегчённо вздохнул. Действительно, только одна его дочь Прасковья намного пережила своего отца.

П. П. Свиньин

Под таким заглавием Пушкин написал сатирическую сказочку про одного своего доброго знакомого:

> «Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик, но имел большой порок. Он не мог сказать трёх слов, чтобы не солгать. Папенька его в его именины подарил ему деревянную лошадку. Павлуша уверял, что эта лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой он ускакал из Полтавского сражения. Павлуша уверял, что в доме его родителей находится поварёнок-астроном, форейтор-историк и что птичник Прошка сочиняет стихи лучше Ломоносова. Сначала все товарищи ему верили, но скоро догадались, и никто ему не хотел верить даже тогда, когда случалось ему сказать правду».

Павел Петрович Свиньин (1787–1839) — герой этого дружеского шаржа. Он был одарён немалыми способностями. Но так уж сложилась его судьба, таким уж был его отчасти ветреный, легкомысленный характер, что ни одна из них не развернулась в полноценный талант. Его можно отнести к неугомонному племени авантюристов, искателей приключений, но не из числа злодеев.

Писатель Валентин Пикуль высказался о нём так:

> «Этого человека, казалось, собирали по кусочкам, словно мозаику из различных узоров смальты: окончил Благородный пансион в Москве, Академию художеств в Петербурге, плавал переводчиком на эскадре Сенявина, побывал в плену у англичан, занимался матросской самодеятельностью, стал академиком за картину „Отдых после боя князя Италийского графа Суворова“, он же писатель, дипломат, хороший литограф, и на все руки мастер… Всё это в двадцать четыре года!»

Родился он в усадьбе Ефремово Костромской губернии в семье отставного лейтенанта флота Петра Никитича Свиньина. Обучался сначала дома, затем был отдан в Московский университетский благородный пансион, где в разные годы учились многие знаменитые люди России. Участвовал в литературном обществе и печатался в пансионском литературном

журнале.

Поступив в Петербургскую Академию художеств, Павел Свиньин проявил себя неплохим рисовальщиком. Однако занятие живописью его не привлекало. Прекрасное знание иностранных языков позволило ему поступить на службу по ведомству иностранных дел. Его назначили переводчиком на боевой корабль «Рафаил», который в 1806 году из Балтики был направлен для пополнения средиземноморской эскадры адмирала Д. Н. Сенявина, ведущей совместно с англичанами боевые действия против французов и турок.

Во время длительного морского перехода на стоянках в иностранных портах он имел возможность наблюдать жизнь и нравы цивилизованных западноевропейцев. Действительно, внешние впечатления были самые благоприятные. Довелось любоваться опрятными домиками и двориками английских селян, отменными дорогами. Картина идиллическая, если бы не попадались порой у дороги виселицы с телами повешенных (в России тогда смертных казней не было более полувека).

Участвовал он в сражении за крепость Тенедос 12 марта 1807 года. «Рафаил», несмотря на полученные 20 пробоин, нанёс большой урон туркам, прозвавшим корабль «ужасным чёрным». Побывал он и в Дарданелльской баталии 10 мая 1807 года, когда в результате стремительной атаки русских судов турки потеряли до 2000 убитыми, а через месяц — в сражении у острова Лемнос, где вражеским ядром был разорван командир корабля Д. А. Лукин — легендарный «русский Геркулес».

Однако в порту Лиссабона эскадру адмирала Сенявина блокировали англичане. Они превратились в противников после того, как в Тильзите (Восточная Пруссия) 25–27 июня Россия заключила мирный договор с Францией.

Свиньина отправили в Петербург с донесениями. В столице он пробыл недолго: был прикомандирован к русской дипломатической миссии в Североамериканских Соединённых Штатах. Там он издал на английском языке «Очерки о Москве и Санкт-Петербурге» со своими иллюстрациями. (Столетие спустя в США издали его акварели американского цикла, а ещё через полвека ленинградский Русский музей приобрёл два альбома его рисунков с видами Америки.)

В Филадельфии Свиньин подружился с высланным в Америку французским генералом Моро — идейным противником Наполеона Бонапарта и соперником его боевой славы. В 1813 году император Александр I пригласил Моро принять участие в совместной борьбе с Наполеоном. Свиньин организовал тайный отъезд генерала из Америки в Европу на быстроходном бриге

«Ганнибал» и сопровождал его в пути. Был он рядом с французским генералом во время сражения под Дрезденом в августе того же года, когда Моро был ранен в ногу, которую пришлось ампутировать. Свиньин находился с генералом до самой его смерти 2 сентября в чешской деревеньке Лауны.

Павел Петрович побывал в большинстве столиц послевоенной Европы. В 1815 году издал «Опыт живописного путешествия по Северной Америке», а через год «Ежедневные записки из Лондона». Возвратившись в Россию, он вышел в отставку и по представлению адмирала Сенявина был награждён орденом Св. Владимира с бантом.

Деятельная натура Свиньина не терпела пустого времяпрепровождения. В 1819 году он основал журнал «Отечественные записки». Эпиграф избрал патриотический:

> Любить Отечество велит природа. Бог,
> А знать его — вот честь, достоинство и долг.

(Не только тогда просвещённые русские люди плохо знали Россию. За последние полвека значительная часть наших интеллектуалов утратила чувство Родины; мнящие себя патриотами толкуют о «России, которую мы потеряли» с балами, юнкерами под «хруст французской булки».)

Обращаясь к читателям журнала, Свиньин писал: «Только зная своё Отечество, россиянин может в полной мере чувствовать своё достоинство, убеждаясь опытами, что благословенное его Отечество изобилует всеми сокровищами мира, всеми прелестями природы, что в Отечестве его есть люди с необыкновенными способностями и добродетелями, достойные просвещённейших наций, и некоторые из оных доведены до столь высокой степени совершенства и в столь огромном объёме, что не существуют нигде им подобные. Только узнав всё что, можно отвыкнуть от страсти удивляться чужеземному; можно излечиться от слепого пристрастия к иностранцам и, наконец, можно с пользой и приятностью путешествовать по обширной России».

Как тут не вспомнить приведённую выше сказочку Пушкина, где с иронией упомянуты российские феномены, пребывающие в поварах, форейторах, птичниках. Но разве не был прав Свиньин, предполагая высокий творческий потенциал в русском народе? Он объективно оценивал и полезную деятельность некоторых иностранцев в России.

Ему довелось посетить собор Св. Павла в Лондоне. Там рядом с надгробьем адмирала Нельсона находится памятник выдающемуся английскому гуманисту и филантропу,

реформатору тюремного дела Джону Говарду, организатору борьбы с чумой и другими заразными болезнями, в том числе и в России. Свиньин отметил:

«Нельзя русскому не поклониться памятнику Говарда, сего друга человечества, которому и наше Отечество обязано признательностью… Когда после взятия Очакова большая часть наших войск была соединена в Крыму, кровавый понос распространился между ними. В сие время случился Говард в Херсоне, познаниями своими и пожертвованиями он прекратил заразу, но сам захворал горячкою и умер посреди тысяч оплакивающих его в чуждом государстве. Он представлен в мраморе, подающим руку помощи страждущим и несчастным».

Особо пропагандировал Свиньин благотворительность и гуманность. Отметил он пермского врача Фёдора Христофоровича Граля, который бесплатно принимал больных с 5 до 6 часов утра, а затем целый день разъезжал по городским больницам. В двух номерах журнала за 1821 год была описана уникальная операция, совершённая Николаем Фёдоровичем Арендтом (в последующем лейб-медиком императора Николая I). Подчёркивалось, что она «нам, русским, даёт право гордиться таковым соотечественником, потому что г. Арендт получил начальное и окончательное образование своё в российских учебных заведениях — в Москве и С.-Петербурге. Подобной операции, столь благополучно совершённой, не было ещё примера в истории хирургии».

Павел Петрович не только призывал к познанию России, но и сам подавал в этом пример. Он совершил путешествие по Волге, Каспийскому морю, Уралу, Западной Сибири, северо-восточной части России. Ещё раньше побывал на Кавказе, в Крыму, в Молдавии. Итогом странствий, наблюдений и зарисовок стала книга «Картины России и быт разноплемённых её народов» с иллюстрациями автора. Писал он также исторические романы: «Шемякин суд», «Ермак, или Покорение Сибири» и другие.

В 1830 году издание «Отечественных записок» прекратилось из-за недостатка средств. Свиньин поселился в своём галичском поместье и занялся изучением истории Петра I. Он собрал музей русской культуры: произведения живописи и скульпторы, миниатюрные портреты царствующих особ и вельмож, старинное серебро, монеты, медали и жетоны, минералы (415 наименований), древние рукописные документы, около 200 иностранных книг, «до России относящихся», и 1200 книг на русском языке.

Писатели-западники недолюбливали Свиньина. Поэт П. Вяземский назвал его в эпиграмме расчётливым любителем чинов, восклицающим: «Я не поэт, а дворянин!» Другую

эпиграмму сочинил на него литератор А. Н. Измайлов:

Пусть Павлушка — медный лоб
Дураков морочит,
Лжёт бездельник, как холоп,
Обмануть всех хочет… (и т. д.)

Он же посвятил Свиньину басню «Лгун», впрочем, тоже не блещущую остроумием и умом. Гоголь объявлял Свиньина прототипом Хлестакова (недаром Хлестаков хвалился: «С Пушкиным на дружеской ноге»).

Судя по всему, «прогрессивисты» западники считали его сумасбродом и невеждой; не может же здравомыслящий человек, побывавший в Америке и Западной Европе, отстаивать самобытность России и утверждать, будто она в чём-то не уступает цивилизованным государствам!

Говорят, в Пажеском корпусе один паж пожурил другого за непочтительное высказывание в адрес России:

— Какой же вы после этого сын отечества!

И услышал в ответ название двух периодических изданий:

— Я не «Сын Отечества», я «Вестник Европы».

Однако прошло несколько десятилетий, и русские писатели, учёные, художники, композиторы получили мировое признание. Прав оказался Свиньин. Увы, ему не довелось убедиться в этом.

…Много воды утекло с той поры, грандиозные изменения происходили в государстве Российском, а в прошлом веке и вовсе преобразился общественный уклад, обновилась вся социальная структура империи, преобразованной в СССР. Но в памяти поколений Свиньин остался странной и нелепой фигурой безудержного враля, квасного патриота, помещика-ретрограда и реакционера.

Автор знаменитого в XIX веке памфлета «Дом сумасшедших» литератор Л. Ф. Воейков выразился о нём так:

Вот чужих статей писатель
И маляр чужих картин,
Книг безграмотный издатель,
Северный орёл — Свиньин.
Он фальшивою монетой
Целый век перебивал
И, оплёванный всем светом,
На цепи приют сыскал.

Вот уж поистине «злые языки страшнее пистолета». По странной прихоти судьбы чаще всего именно демократы и либералы клеветали на своих политических оппонентов. И если его допустимо называть «маленьким лгуном», то они не гнушались и большой ложью. Ведь писал-то свои статьи Свиньин сам, так же как рисовал картины.

Когда знакомишься с его биографией и трудами, то всё более отчётливо возникает в сознании образ образованного, мужественного, много испытавшего и повидавшего русского человека, не обделённого талантами.

Возможно, он был слишком увлекающейся, отчасти авантюрной и чудаковатой натурой. Порой старался ошеломить слушателей небылицами. Но не гонялся за выгодой или славой, подобно большинству авантюристов, и не стремился достичь высот на каком-то одном, как тогда говорили, поприще. Но и того, что он создал, достаточно, чтобы имя его — не слишком благозвучное — произносили с уважением.

М. М. Долгоруков

Михаил Михайлович Долгоруков (1790–1841), дальний потомок князя Московского, наглядно демонстрировал вырождение знатных родов и прославился как отменный самодур.

А. И. Герцен писал: «Князь Долгоруков принадлежал к аристократическим повесам в дурном роде, которые уже редко встречаются в наше время. Он делал всякие проказы в Петербурге, проказы в Москве, проказы в Париже. На это тратилась его жизнь. Это был… избалованный, дерзкий, отвратительный забавник, барин и шут вместе. Когда его проделки перешли все границы, ему велели отправиться на житьё в Пермь».

Местное «высшее общество» было обрадовано прибытием из столицы столь важной персоны. Приехал он на двух каретах: в одной сам с собакой Гарди, в другой повар с попугаями. Он устраивал роскошные приёмы, был хлебосолен, хотя порой позволял себе сумасбродные выходки. Появилась у него и премилая любовница из местных барышень. Однако она имела неосторожность из ревности наведать его утром без предупреждения и застала его в постели с горничной.

На гневные упрёки обманутой любовницы он встал, накинул на плечи халат и снял со стены арапник. Поняв его намерения, она бросилась бежать, он — за ней. Сцена завершилась на улице при свидетелях. Нагнав её, он хлестнул несколько раз свою обидчицу и, успокоившись, вернулся домой.

«Подобные милые шутки, — писал Герцен, — навлекли на него гонение пермских друзей, и начальство решилось сорокалетнего шалуна отослать в Верхотурье. Он дал накануне отъезда богатый обед, и чиновники, несмотря на разлад, всё-таки приехали: Долгорукий обещал их накормить каким-то неслыханным пирогом.

Пирог был действительно превосходен и исчезал с невероятной быстротой. Когда остались одни корки, Долгорукий патетически обратился к гостям и сказал:

— Не будет же сказано, что я, расставаясь с вами, что-нибудь пожалел. Я велел вчера убить моего дорогого Гарди для пирога.

Чиновники с ужасом взглянули друг на друга и искали глазами знакомую всем датскую собаку: её не было. Князь догадался и велел слуге принести бренные остатки Гарди, его шкуру; внутренность была в пермских желудках».

После столь отменной шутки Долгорукий весело и торжественно отбыл в Верхотурье, отрядив специальную повозку

курятнику. Делая остановки на почтовых станциях, он собирал приходные книги, перепутывал их, подправив даты отъезда и приезда, после чего возвратил, приведя в замешательство всё почтовое ведомство.

Подобные шутейства демонстрируют не столько барские причуды, сколько наглость самодура, уверенного в своей безнаказанности по причине своего привилегированного положения и возможности откупиться от «слуг закона». Причуды такого рода сошли на нет после отмены крепостного права и общей либерализации российского общества. А во времена Фёдора Толстого или упомянутого Долгорукова была возможность проявлять свои дурные наклонности.

На них не оказывало благотворного влияния учение Иисуса Христа. Это лишний раз доказывает важность не формальной принадлежности к той или иной религии, а внутреннего убеждения, веры в высокие идеалы и следование им по мере собственных сил. Даже в том случае, когда самодур проявлял необычайную набожность, она выглядела не столько подлинной верой, сколько суеверием, формальным исполнением обрядов.

В. В. Головин

Один из примеров такого рода привёл писатель С. Н. Шубинский, подробно изложивший историю помещика XVIII века Василия Васильевича Головина. Она показывает, в частности, некоторые нравы патриархальной России, о которой в наше время имеются весьма искажённые представления.

Василий Васильевич оставил после себя «Записки бедной и суетной жизни человеческой». Следовательно, имел в виду оставить назидание потомкам. Ему в молодые годы трудно давалось учение в недавно учреждённой Морской академии. По болезни он получил годичный отпуск и успел за это время жениться — в 21 год — на богатой вдове княгине Евдокии Кольцовой-Масальской, урождённой Хитрово.

Жизнь его складывалась непросто. Довелось ему пережить гнев царицы Екатерины Алексеевны, при которой он был в должности камер-юнкера, арест и ссылку. Позже, при «бироновщине» его по какой-то причине арестовали, жестоко пытали и посадили в темницу. Он был освобождён благодаря огромной сумме, потраченной его супругой ради этой цели.

Несчастья, испытанные Василием Васильевичем сделали его подозрительным, замкнутым, чудаковатым и набожным до суеверия. Большую часть года он проводил в своём Новоспасском имении. Вставал ещё до восхода солнца, прочитывал полунощницу и утреню вместе с дьячком своим Яковом Дмитриевым. Затем являлись к нему с докладами и рапортами дворецкий, ключник, выборный и староста — по команде горничной девушки испытанной честности, Пелагеи Петровны Воробьёвой.

Она произносила: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Предстоящие отзывались: «Аминь!» Потом она напоминала: «Входите, смотрите, тихо, смирно, бережно и опасно, с чистотою и молитвою, с докладами и за приказами к барину нашему, государю: кланяйтесь низко его боярской милости и помните же, смотрите, накрепко!» Все разом отвечали: «Слышим, матушка!»

Войдя в кабинет к барину, они кланялись ему до земли со словами:

— Здравия желаем, государь наш!

— Здравствуйте, — отвечал он, — друзья мои, не пытанные и не мученные, не опытные и не наказанные (такова была его поговорка). Ну что? Всё ли здорово, ребята, и благополучно у нас?

— В церкви святой и ризнице честной, — произносил,

кланяясь, дворецкий, — в доме вашем господском, на конном и скотном, в павлятнике и журавлятнике, везде в садах, на птичьих прудах и во всех местах, милостию Спасовою, всё обстоит, государь наш, Богом хранимо, благополучно и здорово.

— В барских ваших погребах, — начинал своё донесение ключник, — амбарах и кладовых, сараях и овинах, улишниках и птичниках, на витчинницах и сушильницах, милостию Господнею, находится, государь наш, всё в целости и сохранности; свежую воду ключевую из святого Григоровского колодца, по приказанию вашему господскому, на пегой лошади привезли, в стеклянную бутыль налили, в деревянную кадку поставили, вокруг льдом обложили, изнутри кругом призакрыли и сверху камень наложили.

Выборный доносил так:

— Во всю ночь, государь наш, вокруг боярского вашего дома ходили, в колотушки стучали, в ясак звенели и в доску гремели, в рожок, государь, по очереди трубили, и все четверо между собою громогласно говорили; ношные птицы не летали, странным голосом не кричали, молодых господ не пугали и барской замазки не клевали, на крыши не садились и на чердаке не возились.

Заключительное слово произносил староста:

— Во всех четырёх деревнях, милостию Божию, всё обстоит благополучно и здорово: крестьяне ваши господские богатеют, скотина их здоровеет, четвероногие животные их пасутся, домашние птицы несутся; на земле трясения не слыхали и небесного явления не видали. Кот Ванька и баба-зажигалка в Ртищеве проживают, и, по приказу вашему боярскому, невейку ежемесячно получают, о преступлении своём ежедневно воздыхают и вас, государь, слёзно умоляют, чтобы вы гнев боярский на милость положили и их бы, виновных рабов своих, простили.

(Требуется пояснение. Бабой-зажигалкой велено было называть женщину, учинившую по неосторожности пожар. Кот Ванька был любимцем Василия Васильевича. Однажды он забрался в сетку, где хранилась живая рыба для барского стола, наелся, но запутался в сети, удавился. Слуги доложили хозяину о преступлении кота, умолчав о его смерти, после чего было приказано отправить Ваньку в ссылку.)

Выслушав донесения, Василий Васильевич отпускал докладчиков. Ему приносили чай. Впереди шёл один служитель с большим медным чайником с кипятком, за ним другой нёс большую железную жаровню с горячими угольями; шествие заключал выборный с веником, насаженным на палку для

обмахивания золы и пыли. Поставив на железный лист жаровню, а на неё медный чайник и сотворив молитву Иисусову, слуги тихо выходили. Барин посылал за своим старшим сыном, которого поднимали с постели. После чаепития барин отправлялся к литургии и становился в церкви на своём особенном месте.

Спать он ложился засветло после сытного обеда. По приказу и после молитвы захлопывались со страшным стуком ставни и закреплялись железными болтами. Дворецкий входил в кабинет барина и получал наказ для передачи всем остальным (дворовых было около трёхсот человек):

— Слушайте приказ боярский. Смотрите, всю ночь не спите, кругом барского дома ходите, колотушками громче стучите, в рожок трубите, в ясак ударяйте, по сторонам не зевайте, и помните накрепко: чтобы птицы не летали, страшным голосом не кричали, малых детей не пугали, барской замазки не клевали, на крыши бы не садились и по чердакам не возились; смотрите ж, ребята, помните накрепко!

Подобный наказ давался старосте, а девица Воробьёва перечисляла ключнику его обязанности. Не забыты были и семь кошек, которые на ночь привязывались к семиножному столу в гостиной. За каждой кошкой следила особая девка.

Прочитав вечернее правило, Василий Васильевич ложился в постель и, крестясь, произносил: «Раб Божий ложится спать, на нём печать Христова и утверждение, Богородицына нерушимая стена и защищение, Крестителева благословенная десница, хранителя моего ангела всесильный и всемошный животворящий крест, бесплотных сил лики и всех святых молитвы; крестом ограждаюсь, демона прогоняю и всю силу его вражью искореняю, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь!»

С вечера и всю ночь в Новоспасском раздавался гром, звон, стук, свист, гам и крик, трещанье и беганье четырёх чередовых и стольких же караульных, призванных охранять барский дом от нечистой силы, которая, как известно, присутствует едва ли не всюду, закрадываясь даже в душу человеческую.

Зимовать Василий Васильевич отправлялся в Москву, для чего снаряжали около двадцати различных экипажей и до семидесяти лошадей. Впереди везли Владимирскую чудотворную икону Божьей Матери в золочёной карете и в сопровождении священника. Сопровождали процессию двадцать богато одетых верховых егерей.

К счастью для крепостных, причуды барина были безобидными, а сам он, хотя и строг, но не зол. Внешность Василия Васильевича была заурядной: невысок, сухощав, темноволос, с карими глазами, широким носом. Даже в

восемьдесят лет он не употреблял очков и не потерял ни одного зуба; любил грызть орехи, которые для него мочили в кадках на целый год. Он постоянно носил на голове стёганую зелёную шапочку, сшитую в виде креста, так что одна полоса обходила вокруг головы, а две другие перекрещивались вверху. Согласно его завещанию, он был положен в этой шапочке в гроб, скончавшись весной 1781 года.

Его старший сын отслужил в Семёновском полку, а затем судьёй в калужском надворном суде. Выйдя в отставку и обосновавшись в Новоспасском, стал он причудником, но, в отличие от отца, не религиозного толка, а самого, что ни на есть, светского. Ему нравилось удивлять окружающих роскошью своего двора (усадебного) и разнаряженной дворни, среди которой были шуты и шутихи, дуры и дураки — как созданные таковыми природой, так и притворные.

Выезд барина происходил торжественно, словно царской особы, с гайдуками и скороходами, а в свите его состояли арабы, башкиры, татарки и калмычки. Гостям своим Головин задавал великолепные обеды и ужины, устраивал балы и причудливые маскарады. Были у него собственные оркестр, хор, цыганский ансамбль, который ему особенно нравился. Сопровождались празднества стрельбой из пушек и блистательными фейерверками.

А. Б. Голицын

В конце XVIII века среди россиян был популярен стишок:

Появились в России фармазоны,
И творят они всяческие резоны.

Под именем «фармазонов» имелись в виду вольнодумцы и безбожники (так поясняется в толковом словаре В. И. Даля). Слово это — искажённое франкмасоны, что в переводе с французского означает «вольные каменщики». Короче говоря — масоны.

Кто были эти люди? Какие же резоны они творили в нашей стране?

Среди них были личности от ничтожных до выдающихся, от чудаков до героев. Их влияние на российское общество было неоднозначным. В этой среде зародилось революционное движение декабристов.

В книге зарубежной исследовательницы масонства Т. А. Бакуниной «Знаменитые русские масоны» упомянуто много славных имён: Суворов, Кутузов, Карамзин, Александр I, Грибоедов, Пушкин. По её мнению, высказанному в другой работе: «Масонство, занесённое в Россию, по преданию, Петром Великим, почти одновременно с его возникновением на Западе, чрезвычайно быстро привилось и распространилось. Объясняется это тем, что появление масонства в России совпало с пробуждением общества, с первыми исканиями освобождавшейся мысли».

Она призналась, что «хотела обратить внимание на огромную массу русских вольных каменщиков, для которой масонство было настоящим светлым лучом, направлявшим их мысль на пути к достижению тайн бытия и развитию человеческого духа».

Впрочем, первые свободные искания истины на Руси относятся к значительно более ранним временам. А у масонов проявилось явное влияние западной мистики и философии, а также мистификации. Не случайно международный авантюрист Калиостро торжественно вошёл в среду российских масонов (о нём — особый разговор).

В тайные ложи часто вступали из карьерных соображений. Один из масонов объяснял: «Желание иметь связи, как тогда уверяли, что без связей ничего не добьёмся по службе и что большею частью либо масонством, либо другим каким

мистическим обществом; люди, помогая друг другу на пути каждого пособиями, рекомендацией и прочее, взаимно поддерживали себя и достигали известных степеней в государстве преимущественно перед прочими». То есть, складывались коррупционные связи.

Были среди масонов экзальтированные мистики. Их завораживала, приводила в экстаз и умиление обстановка тайной ложи с её загадочными торжественными ритуалами. Примерно то же происходит с истово верующими. Некоторые масоны, склонные к размышлениям на возвышенные темы, стремились посредством символов и сочинений мистиков постичь сокровенные тайны мироздания.

Но были и те, кто был ориентирован на Запад, состоял в английских или французских ложах. Для них Россия представлялась варварской страной с дремучим населением, которую следует перекроить на западный манер.

Среди масонов России было много иностранцев; в некоторых ложах они составляли большинство. Логично предположить, что часть этих людей шпионила в пользу западных государств или скрытно отстаивала их интересы (как теперь говорят, были агентами влияния). Но даже те из масонов, которые искренне верили в идеалы Просвещения, вызывали подозрение как вольнодумцы, подобные смутьянам, учинившим революцию во Франции.

Дворян среди масонов было абсолютное большинство. Военных насчитывалось более тысячи, чиновников — около 350-ти. В процентном отношении наибольшее количество масонов приходилось на верхние слои социальной пирамиды. Членов царствовавших домов было 6, придворных сановников 34, высших должностных лиц 110. Литераторов, деятелей искусств насчитывалось около 280-ти.

Представители масонских лож могли воздействовать на решения, принимаемые на самом высоком уровне и влиять на духовную жизнь общества. Но было бы несправедливо полагать, будто такое влияние было сугубо отрицательным. Те, кто стремятся представить масонов как страшную таинственную силу, как местное или глобальное пугало, не только делают им рекламу, но и отвлекают публику от более опасных для общества социальных групп, организаций.

Итак, среди российских масонов, по-видимому, были иностранные агенты. Но вряд ли кто-либо из них стремился разжечь в стране революционный пожар. Самое большее, на что они могли рассчитывать, это — устроить дворцовый переворот. Революция была бы не в их интересах.

…В начале 1831 года на имя Николая I поступил секретный доклад от генерал-майора князя Андрея Борисовича Голицына. Там, в частности, говорилось: «…Совесть моя и долг священной присяги не позволили мне удалиться, не открывши перед Вашим Императорским Величеством весь ужасный, тайный, злоумышленный 25-летний заговор против Престола, Самодержавия и Славы России, заговор тем опаснее, что он имеет свои корни и отрасли не в России… и, к несчастью, много русских из первых сановников находится в сём обществе…»

Голицын признавался, что ещё в 1812 году был принят в масонские ложи и узнал «все ужасы» наиболее тайного ордена иллюминатов. Именно из этого опаснейшего гнезда и следует ожидать действий, направленных против самодержавия и России:

«Я всего испытал — сначала был в жестоком неверии, кощунствовал над святынею; обращён был чудом к вере в 1820 году. Наука древнего масонства подвела меня к истине, устроила в моей голове все отношения человека к Богу, к человеку и природе; если я две мысли умею вместе соединить, если я верю Христу воплощённому и постигнул глубину семи таинств нашей церкви с таинственным их значением, я обязан сему учению; люди только в моих глазах не соответствовали оному, я сделал то же самое признание покойному Государю, которое и найдётся в моих письмах, где также усмотрится, что я настаивал в 1823 году, чтобы ложи были закрыты, потому что иллюминатство везде пролезло».

О сверхтайном ордене иллюминатов ходили в Европе самые зловещие слухи. Он был основан 50 лет назад в Баварии для борьбы с влиянием иезуитов с помощью их же принципа — цель оправдывает средства. Он был вскоре разгромлен и запрещён властями. Но, как считалось, с тех пор он ушёл в глубокое подполье, затаился и сеял смуту, стремясь сокрушить мировой общественный порядок. Например, он якобы осуществил Великую французскую революцию. (Как позже писал русский историк В. И. Семевский: «Орден иллюминатов… одною из своих задач ставил противодействие всякого рода деспотизму».)

Здравомыслящий Николай I в другое время мог бы и не обратить внимания на донос Голицына, известного своими неординарными поступками, граничащими с умопомрачением, пусть даже и временным. Но время было слишком тревожным. Не прошло и шести лет после восстания декабристов, а в России вновь складывалась критическая ситуация.

В отчёте за 1830 год о положении дел в империи шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения граф Александр Христофорович Бенкендорф сообщал: «Стечение

печальных обстоятельств: эпидемия, плохой урожай, застой в торговле, бедность, революция — все эти бедствия создали всеобщее тяжёлое настроение, которым пользуются злонамеренные люди и интриганы для того, чтобы посеять сомнения относительно будущего и предсказывать репрессии».

Речь идёт об эпидемии холеры, подступавшей к Петербургу. Но главное, конечно, другое. 27 июля 1830 года в Париже произошло вооружённое восстание в ответ на ущемление правительством гражданских свобод. Вечером того же дня глава кабинета де Полиньяк успокоил короля: «В сущности, всё сводится лишь к простому волнению». Но уже на следующий день командующий войсками в Париже доложил иначе: «Это уже не волнение, это — революция». Была свергнута царствующая династия Бурбонов. Монархия сохранилась (корона перешла к герцогу Орлеанскому, ставшему Луи-Филиппом I), но при обновлённой буржуазно-демократической конституции.

Возможно, точнее было бы назвать это вооружённым переворотом. Власть потомственной аристократии сменилась господством олигархов, банковской и торгово-промышленной буржуазии. В августе грянула революция в Нидерландах, завершившаяся созданием независимого королевства Бельгии. В ноябре — восстание в Польше. Оно началось с покушения (неудавшегося) на великого князя Константина Павловича, наместника Царства Польского. В декабре было организовано национальное правительство, а 25 января 1831 года сейм объявил о свержении императора Николая I с польского престола.

Эпидемия революций в Европе должна была серьёзно озадачить русского царя. Письмо-донос князя Андрея Голицына о масонском заговоре упал на благодатную почву. Однако Николай I, зная странности автора данного сочинения — с обилием слов при минимуме доказательств, — не стал торопиться с выводами.

Масонские тайны и оккультная литература серьёзно потрясли психику князя и отчасти помутили его рассудок. Он штудировал шведского мистика Сведенборга, всерьёз воспринимая его откровения о беседах с духами умерших (некромантия), о телепатии. Без тени сомнения Сведенборг утверждал: «Что человек по внутренним началам своим дух, ясно доказывается тем, что по отрешении своём от тела, или после смерти, он продолжает жить как человек. Мне дано было убедиться в этом беседою с иными в продолжение нескольких часов, с другими — в течение недели или месяцев и даже многих лет».

На примере А. Б. Голицына можно видеть, как воздействовали сначала эпоха Просвещения, затем мистика и

масонские идеи на некоторых экзальтированных членов тайных обществ. Вот его признание:

«Моё воспитание, — пишет князь, — делалось невидимою рукою в разные времена; Криднерша (баронесса Крюденер) разбудила мой дух и обратила моё знание в деятельную веру, — научила меня практической молитве, везде позволялось мне по неслыханной благодати Божией заимствовать хорошее и не допускать до меня вредное. Я кинулся в герметическую работу, она научила меня некоторым правилам и силам в природе: я всё стремился выше и выше, в 1824 году я готов был вступить в магию и Бог меня от этого спас; я видел чудеса неимоверные и от нечистой силы и устрашился их; они мне были нужны для суждения. Я видел и самую высочайшую степень магнитного просветления у девицы Ушаковой, и сам занимался магнетизмом и отстал! В то же самое время в Курске делались другие чудеса иного рода над ямскою бабою Матрёною; Палладия о том можно спросить, он был личным свидетелем; стремление моё ко всем тайным наукам ежедневно делалось сильнее, я начал учить некромантию, влияние планет, составление пантоклов и талисманов, имена духов от Архангелов до последних гномов подземельных: я углубился в науку числ халдейских и познание имён Божиих, определяющих сигнатуру вещей; какие были плоды моей учёности? Я приобрёл большую кичливость ума, надутость, и вселилась во мне гордость самая титаническая; я погибал без ведома моего; Всемилосердный Бог приставил мне видимого Ангела-хранителя в лице моей Нины; чем более я углублялся в премудрости Соломона, которые помрачали мой ум, тем более её сердце и разум проникались благостью и светом евангелической простоты; ей открывались вещи высочайшие, и я чувствовал превосходство её веры против моей. Перед отъездом моим в армию на Дунай в 1828 году она мне сказала: „Друг мой! Ты едешь в армию, Бог один знает, где и когда мы опять увидимся, не откажи твоему другу в одной милости — дай мне все твои драгоценные книги, все твои рукописи, все твои таблицы, исчисления, призывания духов, все твои старинные вещи, которые меня так приводят в смущение, отдай мне все твои пантаксы, кружки на пергаменте и позволь нам с отцом Палладием всё это сжечь“. Я согласился с чистым сердцем, и собравши книги мои, сжигаху пред всеми. Вся моя книжная наука, вся моя премудрость обратилась в пять минут в пепел и развеялась по ветру. Палладий надел на меня образ Богородицы, а друг мой дала мне в руки Евангелие и сказала: „Вот тебе премудрость! Ищи её здесь…“ Нина моя перешла в жизнь вечную, но дух её продолжает охранять меня; дух отца её Николая

Исаевича также имеет великое значение».

Приобщение к тайным масонским знаниям не прошло для него бесследно, хотя он и раскаялся, вернувшись к православию. «Но одно несомненно, — пишет Я. А. Гордин в книге „Мистики и охранители“, — князь Андрей Борисович был натурой искренне мятущейся, взыскующей смысла вещей, не довольствующейся обыденным течением жизни. Ему мало было придворной и военной карьеры, которые шли вовсе недурно, ему хотелось — и хотелось сильно — деятельности необычайной и высшей».

Прервём цитату. Здесь высказана мысль, помогающая понять психологию немалого числа членов тайных и, в частности, революционных обществ. Эти люди стремились преодолеть тяжкое тяготение обыденной жизни, обрести высшую цель бытия, несравненно превосходящую любые личные низменные устремления.

«Почему же он, — продолжает Гордин, — так далеко ушёл от преддекабристских увлечений своей молодости? От идеалов Ордена русских рыцарей?

Во-первых, кто знает, отчего меняется политическая позиция человека? Тут может быть великое множество причин — иногда самого неожиданного личного свойства. Неукротимый и безжалостный Пестель в 1825 году стал религиозен, толковал об уходе в монастырь, о том, что надо открыться императору, чтобы убедить его начать реформы. А незадолго перед тем Пестель готов был полностью уничтожить августейшее семейство — с женщинами и детьми…

Во-вторых, скорее всего, в князе Андрее Борисовиче масонство, которое для декабристов и близких к ним людей было лишь формой организации, победило политический либерализм. Мистическое мировосприятие заполнило его душу…

В-третьих, вполне возможно, он искренне уверовал в гибельность радикального реформаторства в конкретных российских условиях и считал, что оно может вызвать лавину народного мятежа. В подобных опасениях он был отнюдь не одинок».

Этот частный пример демонстрирует важную особенность тайных обществ. Идеи и ритуалы, характерные для них, могут завораживающе воздействовать на людей определённого склада ума и характера. В психологии это называется внушением установки, укореняющейся в подсознании. В дальнейшем она может руководить поведением человека вне его рассудка, управляя его эмоциями.

В тайных революционных обществах ситуация усугубляется дополнительным духовным напряжением, вызванным постоянной

опасностью. Для некоторых людей это служит источником своеобразного вдохновения, энтузиазма. Как провозгласил герой трагедии Пушкина:

Есть упоение в бою,
У бездны страшной на краю…

Итак, по донесению А. Б. Голицына о заговоре ужасных иллюминатов, соответствующее расследование провели военный министр граф А. Чернышёв и генерал-адъютант граф А. Орлов. Ознакомились с имевшимися материалами, побеседовали с Андреем Борисовичем и доложили Николаю I: «Окончательное объяснение князя Голицына, от которого, по словам его, мы ожидали больших открытий и доказательства, не соответствовали нашему ожиданию, и нимало не сомневаясь в добрых его намерениях, должны признаться, что способы его собственных понятий со всем его рвением не могут без помощи других обнять и раскрыть столь обширное по существу своему, столь великое дело, каково существование и продолжение в России зловредных действий иллюминатской секты».

Подозрения Голицына оказались голословными, внушёнными его неуёмной фантазией. Но в его путанных и пространных рассуждениях порой проскальзывала верная мысль: «Россия стоит, как великан, на которого натянули насильственно с трудом немецкую столь узкую куртку, что он не может владеть руками, скрутили его по всем суставам, перетянули жилы, остановили в них кровообращение, дразнят, колют, терзают, изнуряют, полагая повалить его на землю и дать на съедение разнородным налётным псам!» (Удивительно актуально звучит.)

Андрей Борисович, побывавший в тайных обществах и знавший, как много в них состоит влиятельных людей, решил, что корень зла — в коварных происках иллюминатов. Но ведь иноземное влияние на Россию началось наиболее активно ещё при Петре I. Оно не было во всём отрицательным. Трудности экономического роста России определялись комплексом причин вне связи с «немецкой узкой курткой». Другое дело — духовное подавление и унижение русского народа и его самобытной культуры. Но в этом повинны были не только иностранцы.

Победа в Отечественной войне 1812 года не улучшила положение русских крестьян. Дворянство цепко держалось за свои привилегии. Бюрократия и коррупция пронизали всю государственную систему. Справиться с такой напастью было чрезвычайно трудно. Легко свалить всю вину на самодержавие или мифических иллюминатов. На состоянии страны сказывается

весь предыдущий путь её развития в материальных и духовных связях с другими странами и культурами.

В. С. Печерин

Нередко замечательный человек остаётся незамеченным. Один — из-за излишней скромности. Другого не оценили по достоинству. Третий не совершил выдающихся дел. Они не стали прославленными или ославленными историческими личностями. Но судьба их бывает необычной. Каков человек, такова и судьба.

Владимир Сергеевич Печерин (1807–1885) был отщепенцем, «белой вороной». Судьба его во многом зависела от событий и впечатлений детства.

Родился он в семье мелкопоместного дворянина, офицера — гуляки, игрока, выпивохи, который с женой и малолетним сыном был груб и жесток. Особенно тяжело приходилось матери. Она страдала от постоянных унижений и оскорблений. Мальчик сопереживал ей и не любил отца.

После азбуки его учебным пособием стала книга, пересказывающая евангельские предания. Складывая буквы в слова, а слова во фразы, мальчику вдруг представилась каменистая гора, три деревянных креста на вершине. Распятый Спаситель, истекающий кровью, вскрикнул, взмолился Господу и замер бездыханный. Померкло солнце, сотряслась земля, мёртвые встали из гробов и разодралась надвое завеса в синагоге…

Трепет пробежал по телу мальчика, мурашки по спине, волосы на голове зашевелились. Он почувствовал, что такова высшая жертва и высокое счастье: умереть во имя Бога и правды. Служение Христу стало его затаённой мечтой.

Незадолго до смерти Печерин признался: «Какая-нибудь книжонка, стихи, два-три подслушанных мной слова делали на меня живейшее впечатление и определяли иногда целые периоды моей жизни!»

Он мечтал о справедливости. В альбоме изображал царя на престоле, освобождающего рабов. Этим царём воображал себя. Откуда появились такие фантазии? Его возмущали жестокости отца, который сурово наказывал слуг: их пороли на конюшне. Вопли несчастных слышали они с матерью, переживая до слёз. Мать посылала сына просить за провинившихся. Володя умолял отца, целуя ему руки и порой смягчал его гнев.

Однажды вечером мать за руку подвела сына к образу святого Николая, встала на колени:

— Молись вместе со мной… О святой Николай! Помоги нам. Ты видишь, как несправедливо с нами поступают!

Она плакала. Он тоже плакал. Из бессвязного шёпота молящейся матери понял, что вся её боль там, в соседней

комнате. Оттуда доносились пьяные восклицания, весёлое пение отца и его друзей. Там шла гулянка Царицей вечера была жена полковника, любовница отца.

Почему же не помогают молитвы? Почему так жесток отец с ними, не сделавшими ему ничего дурного? Как отомстить за это оскорбление?

Он был в отчаянии. Ощутил жгучую ненависть к родному отцу… Надо бежать куда-нибудь далеко, в другую страну, во Францию! В тёмной варварской азиатской державе всё ему опостылело, причиняло страдания: порки, пьянство, глумление над матерью…

Ему было 12 лет. Он хорошо знал французский язык, зачитывался французскими книгами. В России чувствовал себя пасынком. Отечество, как отец, как отчий дом, было для него чем-то чуждым. В день Рождества Христова, когда торжественно праздновали седьмую годовщину изгнания наполеоновских войск из России, Володя тайно молился за французов, просил Бога простить им грехи и заблуждения.

Он разочаровался в православной церкви. Полковой священник и многие приходские попы там, где приходилось бывать их семье, не отличались благолепием, кротостью. Были среди них пьяницы, сквернословы, гуляки. В Бога он верил, а вот попам не доверял.

Другое дело — домашний учитель Вильгельм Кессман. Красивый молодой человек, поклонник Бонапарта, вольнодумец и революционер, немножко франт (аккуратные усики, эспаньолка, благородные манеры). Володя страстно полюбил своего наставника. Этот немецкий француз был для него представителем далёкой манящей великолепной Европы.

Кессман научил мальчика вести дневник — искренно и кратко. Так воспитывалась внутренняя свобода, честность и правдивость. А ещё была устремлённость к свержению деспотизма, самодержавия. Эти идеи шли не только от любимого учителя. Они обсуждались в кругах офицеров. Ведь соседом Печериных был полковник Пестель, прославленный своим свободомыслием и благородством.

У Печерина начался духовный разлад, который он не осознал до конца своей жизни. В своих воспоминаниях он подчёркивал плодотворность метода Кессмана записывать реальные события текущего дня и свои впечатления. Но характерный штрих: дневник он писал по-немецки. Юноша знал о русской культуре вряд ли больше, чем о немецкой или французской. К тому же детство и отрочество Печерина прошло до расцвета русской литературы.

Безусловно, следует учиться говорить и писать правду. Но прежде надо уметь отыскивать её. Слишком часто человек только воображает, будто постиг истину, тогда как она внедрена в его сознание извне, исподволь или путём хитрых манипуляций лгунов.

Наиболее верный путь к правде не пройдёшь только с помощью книг, не постигнешь наедине с собой или даже с умным учителем. Этот путь каждый проходит собственной жизнью, поступками, личным опытом, который вырабатывается общением с людьми, природой и культурой. Причём надо научиться жить вместе со всеми. Недаром в русском языке слово «сознание» предполагает совместное (со-) знание.

С детских лет Печерин, подобно многим сверстникам-дворянам, глядел на родной народ и русскую культуру как бы со стороны, примерно так, как поглядывают на бедных родственников. Им отдают должное, их жалеют, но истинное уважение питают к другим — просвещённым и знаменитым.

Он был диссидентом (от латинского слова, означающего несогласный, противоречащий). Обычно так называют человека, отрицающего официальную религию или политику. Пользуясь благами, предоставляемыми данным обществом, он не любит, не понимает и презирает эту страну, не признаёт своего сыновьего долга перед ней. Он — эмигрант в собственной стране. Для него честный выход — покинуть постылую отчизну, став эмигрантом явным.

Чувство чужеродности не покидало Печерина с детства. Оно воспитывалось и кастовостью феодальной системы. Дворяне и крепостные жили как бы в разных странах, говорили преимущественно на разных языках. Печерин не имел представления о том, как живёт и, добавим, переживает, русский крестьянин, да и вообще русский человек.

Рассуждая о том, что бы он сделал, став революционером, он спрашивает себя: «Остался бы верным дружбе до конца? — или, может быть, по русской натуре я сподличал бы в решительную минуту, предал бы друзей и постоял бы за начальство? Ей-богу, не знаю!»

Откровенность похвальная. Но зачем списывать свою возможную подлость на некий национальный порок? Значит, если бы не предал, то поступил бы как… ну скажем, джентльмен. А уж коли сподличал — то настоящая русская свинья, хам и холоп.

Но разве предательство — непременная принадлежность русского национального характера? Почему же наполеоновские армии не разгромили такой народ? По личному опыту Печерин сделал вывод: слуга его, мальчик Ониська; солдаты, козырявшие

ему, майорскому сынку; камердинер полковника Афонька, сокрушавшийся, что барчук Владимир Сергеевич учтив с прислугой, — все имеют рабские наклонности. А когда он перед мужиками произнёс пламенную речь о свободе и человеческом достоинстве, они выслушали, почтительно сняв шапки, и тотчас донесли обо всём отцу. Подлый народец!

Разочаровавшись в попах, солдатах, слугах, мужиках, он ещё питал радужные иллюзии относительно просвещённых студентов, гимназистов, преподавателей. Он попал в эту среду. Маменька направила Володеньку в Киевскую гимназию, где учились дети именитых семей южного дворянства. И тут… «Уж чего я не наслышался между офицерами и солдатами; но, признаюсь, никогда в армии я не слышал подобных мерзостей, как в этом благородном пансионе».

Правда, обличительные примеры, которые он приводит, не слишком впечатляющи. Скажем, какой-то учитель рассказывал им анекдоты о любовных похождениях Екатерины II и любил петь развесёлую французскую песенку о том, что лучшая философия — это любить и наслаждаться.

Печерин вынес приговор всей системе образования: «Чего уж не преподавали в этой пресловутой гимназии! Даже психологию и римское право! Но всё — ужасно поверхностно! Никто и ничему не учил и не учился основательно. Это была фразеология, фантасмагория, пыливглазабросание — словом, умственный разврат! Если не ошибаюсь, таков был дух всех лицеев, школ, гимназий того времени. Невольно подумаешь со Скалозубом, что лучше было бы учить там по-нашему: раз-два, а „книги сберечь для важных лишь оказий“».

Он не выдержал и года пребывания в лучшей киевской гимназии. Запросился домой. За ним прислали поводу с сопровождающим.

Было ему 16 лет. Из его романтических мечтаний лишь одно сохранилось в чистоте: любовь. Она обещала быть неземной. Случай представился самый благоприятный. Недалеко от их имения на крутом берегу Буга у руин старинной крепости стоял дом управляющего одним имением. У него, отставного полковника, была дочь 12–13 лет, по словам Печерина, «очень умненькая и очень недурная собою: роскошные каштановые волосы упадали на её плечи, голубые глаза, греческий нос, розовые щёчки. Её обыкновенно звали Бетти, а официально Елизаветою Михайловною».

Более подходящего объекта для романтической любви представить трудно! «Всё делалось буквально по Руссо, по его роману „Новая Элоиза“», — признавался Печерин. Встречи

организовывал Кессман, который был и её учителем. Весна, садовая калитка, старый сад, деревянный мостик, роща, невинный поцелуй, письмецо с локоном её волос… «План жизни моей был готов. Я еду в университет, оканчиваю курс, получаю диплом, возвращаюсь в Хмельник и женюсь на ней».

Вдруг — жестокое столкновение с гнусной реальностью. Об их встречах узнали её родители. Разразился скандал. Кессмана уволили и предложили в ближайшее время убираться вон. Он стал готовиться к отъезду.

«Вот тут влияние гимназии отозвалось на мне, — писал Печерин. — Место бескорыстной самопожертвованной дружбы заступил какой-то холодный расчётливый эгоизм. Как скоро я узнал, что Кессман впал в немилость, я охладел к нему. Я хотел быть порядочным человеком и стоять хорошо в глазах начальства. Я равнодушно смотрел на его приготовления к отъезду. Вот это-то равнодушие нанесло ему смертельный удар. Бедный Кессман! Не первый ты и не последний, что обманулся в русском юноше! Да где нам! Какого благородства от нас ожидать? Рабами мы родились, рабами мы живём, рабами и умрём».

В ночь перед отъездом Кессман, выпив бутылку вина, зарядил пистолет и выстрелил себе в сердце. «Я ходил после на его могилу не то чтобы плакать, а так, чтобы совершить сентиментальный долг и покончить роман». Такой вот хороший мальчик Володенька Печерин. Если сподличает, тут же и оправдание: все мы, русские, — жалкие рабы.

И это пишет он, не сумевший жить нормально ни в каких кругах русского общества, привыкший быть возле маменьки, отгороженный от русских и от России, пребывающий в своём иллюзорном мире книжной романтики, но не имеющий сил и желания воплотить свои идеалы в жизнь. Он менее русский, чем немец Кессман, а вспоминает о своей национальной принадлежности только для самооправдания.

На его примере видно, как формируется диссидент, которому чужды данный народ, данная культура, данная страна. Ему надо, чтобы всё это было переделано на его лад, приспособлено к его идеалам и потребностям. В отличие от революционеров-реалистов, учитывающих состояние общества, индивидуумы типа Печерина оставались прожектёрами-западниками, подобно советским диссидентам. Ориентировались на цивилизацию Западной Европы книжную, рекламную, вожделенную.

У него была вполне нерусская черта: умение оправдываться, а не каяться. Даже трагедия Кессмана его ничему не научила. «После смерти Кессмана отец мой почти меня возненавидел. Он считал меня способным ко всему дурному» (отметим: он был в

этом прав!). Да и любящая мама сделала всё, чтобы укрепить в отце это мнение, а в сыне — дурные наклонности. Она перехватила любовные письма одной женщины, адресованные мужу, и заставила сына переписывать их набело. Возможно, полагала, что так покажет сыну, какие душевные муки она переживает, и он проникнется сочувствием и любовью к ней. Но послушный сынок испытал неприязнь и к родительнице, а отец, узнав о его поступке, вознегодовал.

«Я остался один, без дружбы и любви, — констатировал Владимир. — Мой ум принял серьёзное направление». Добавим: как ему казалось. Он перечитал несколько раз собрание изречений знаменитых мыслителей древности. Пришёл к заключению: «Внутренняя доблесть и независимость духа прекраснее всего на свете… и я сделался стоическим философом». Вот ведь как просто: прочитал несколько мудрых изречений — и тотчас сделался стоиком! В зрелые годы Печерин только добавил: «Я и теперь думаю, что это единственная философская система, возможная в деспотической стране».

Очень характерное отношение к философским убеждениям! Это для него не принципы жизни, не основания поступков, не руководство к действиям, а игра ума, способ приспособления к реальности, находясь к ней в тайной оппозиции.

Он прочёл статью Вольтера о добродетельных квакерах (протестантской секте) и послал письмо Филадельфийскому обществу квакеров, прося принять его. «Не было ни семейной жизни, ни приятных родных воспоминаний; родина была для меня просто тюрьмою, без малейшего отверстия, чтобы дышать свежим воздухом». Нет, отверстие было: западноевропейская литература, возбуждавшая в нём мечты об иной жизни и отвращение к России.

Отец хотел записать его на военную службу. Маменька желала дать сыну наилучшее образование. Сам он панически боялся служить, полагая, что это его погубит физически и нравственно.

Однажды отец позвал его к себе, протянул пакет и сказал:

— Даю тебе 500 рублей. Поезжай в Харьков и купи себе диплом.

Владимир едва сдержался и постарался ответить с достоинством:

— Благодарю, но я ищу не диплома, а научных знаний.

Приведя этот эпизод, Печерин подчеркнул: «Но как же это рисует русские нравы, русский взгляд на вещи! В других странах стараются развить человека, а у нас об одном хлопочут — как бы сделать чиновника, а после этого хоть трава не расти».

Из частного случая — хула на все русские нравы и хвала другим странам. Словно там никто никогда не покупает дипломы, а у нас — все и всегда. Словно там стараются развить человека, а тут — унизить до состояния чиновника и холуя.

Спору нет, в русском обществе, как в любом другом, присутствовало стремление к званиям и чинам, добываемым с помощью денег и знакомств. Было пресмыкательство перед властью, приспособленчество (и поныне так). Позже Печерину довелось убедиться, что и на любезном его сердцу Западе дела обстоят так же, хотя и лицемерней.

Итак, пользуясь — незаслуженно — благами своей страны, он презирал её. Его не беспокоил собственный паразитический образ жизни, а возмущало, что он, «молодой человек 18 лет, с дарованиями, с высокими отрешениями, с жаждою знания» вынужден прозябать «без наставника, без книг, без образованного общества, без семейных радостей, без друзей и развлечений юности, без цели в жизни… Ужасное положение!»

Этот привилегированный диссидент менее всего заботится о том, чтобы дать что-то хорошее Отечеству и народу, чтобы преодолевать трудности. О своих обязанностях перед обществом он не думал. Вновь и вновь восхищался иноземными нравами:

«В Англии, в Америке — молодой человек 18 лет, преждевременно возмужалый под закалом свободы, уже занимает значительное место среди своих сограждан. Родися он хоть в какой-нибудь Калифорнии или Орегоне — всё ж у него под рукою, все подспорья цивилизации. Все пути ему открыты: наука, искусство, промышленность, торговля, земледелие и, наконец, политическая жизнь с её славными борьбами и высокими наградами, — выбирай, что хочешь! Нет преграды. Даже самый ленивый и бездарный юноша не может не развиваться, когда кипучая деятельность целого народа беспрестанно ему кричит: вперёд! Он начинает дровосеком в своей деревушке и оканчивает президентом в Вашингтоне! А я — в 18 лет едва-едва прозябал, как былинка, — кое-как пробивался из тьмы на божий свет; но и тут, едва я поднимал голову, меня ошелошивали русскою дубиною».

Тут немало несообразностей. Именно у Печерина были прекрасные возможности для любой деятельности. Ему не надо было идти из глухой деревни в Москву, как Ломоносову, служить солдатом, как Державину, или офицером, как Лермонтову. Глупа история о том, как «самый ленивый и бездарный юноша» благодаря кипучей активности народа становится президентом. Забывает он о том, как много юношей, в особенности с чёрным цветом кожи, трагически гибнут при «демократии» (в середине

XIX века в Америке процветало рабовладение), а богатство Британии основано на порабощении и ограблении колоний.

Он зачитывается Байроном, из революционной поэзии которого черпает не идеи о подлости буржуазного общества или о мировой дисгармонии, а лишь дополнительную толику ненависти к России. Пишет:

Как сладостно отчизну ненавидеть,
И жадно ждать её уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирною десницу возрожденья!

(Это вполне согласуется с убеждённостью «перестройщиков и реформаторов», разрушавших Великую Россию и самосознание народа.)

Судьба Печерина показывает, как много в нашей жизни значат идеалы и как можно не себя возвышать до них, а их приспосабливать к личным потребностям. Этот человек получил в России высшее образование, окончил Петербургский университет с отличием, два года стажировался в Германии. Вернувшись в Россию, преподавал в гимназии и университете, писал научные статьи, переводил Шиллера и античных авторов.

В одну из поездок за границу он решил не возвращаться. Четыре года скитался по Западной Европе, увлекался учениями республиканцев, социалистов, анархистов. Это не внесло успокоения в его душу, да и привык он более мечтать, чем действовать. Принял католичество, стал монахом, а затем и священником. Жил в Швейцарии, Германии, Франции, Англии, Ирландии. Прославился как проповедник.

В нём никогда не угасала жажда познания. Он изучил ряд языков, был хорошим переводчиком, интересовался естествознанием. Его можно считать одним из наиболее просвещённых, оригинальных и одарённых людей своего времени.

Скончался он в Дублине. Главный его труд — исповедь, написанная на закате дней: «Замогильные записки». Завершаются они так: «Ах, как бы мне хотелось, как бы мне хотелось оставить по себе хоть какую-нибудь память на земле русской!»

Не сбылось! Он пытался убежать от деспотичного отца, из деспотичного Отечества. Хотя более всего ему вредил затаённый, а потому и наиболее опасный деспотизм маменьки и заёмных идей. Он лишился главной опоры в жизни: родимой земли, родного народа, русской культуры. Возможно, несмотря на свои шаткие убеждения и юношески-наивные мечтания о заморских

странах, в глубине души он всё-таки оставался русским.

Пример Печерина поучителен. Оригинальная, незаурядная личность, не лишённая дарований, — он так и не проявил себя в творчестве. А его современник Михаил Лермонтов достиг великих высот в поэзии и прозе, да и художником был хорошим, прожив сознательной жизнью всего 20 лет, тогда как Печерин — почти 70!

Н. А. Бугров

Бугров Николай Александрович (1839–1911) был самым влиятельным лицом в Нижнем Новгороде и всей губернии. «Миллионер, крупный торговец хлебом, владелец паровых мельниц, десятка пароходов, флотилии барж, огромных лесов». Так характеризовал его М. Горький. На примере этого купца и предпринимателя видно, что с конца XIX века в царской России власть капитала была решающей.

Бугров открыто поддерживал старообрядцев, «беспоповцев» и тайные сектантские скиты. По словам Горького: «Глава государственной церкви, нигилист и циник Константин Победоносцев писал… доклад царю о враждебной, антицерковной деятельности Бугрова, но это не мешало миллионеру упрямо делать своё дело. Он говорил „ты“ взбалмошному губернатору Баранову, и я видел, как он в 96 году на всероссийской выставке дружески хлопал по животу Витте и, топая ногою, кричал на министра двора Воронцова».

Прочитав повесть Максима Горького «Фома Гордеев», Бугров, как сообщили автору, отозвался резко: «Это — вредный сочинитель, книжка против нашего сословия написана. Таких — в Сибирь сослать, подальше, на самый край». Повесть задела Бугрова за живое, и он пожелал встретиться с её автором. Но Максим Горький, наслышанный не только о добрых, но и скверных делах «миллионщика», отказался от встречи.

Тем временем к писателю обратилась женщина, желавшая уехать к своему другу, заболевшему в ссылке у Полярного круга. Ей требовалась крупная сумма, которой у Горького не было. После неудачных попыток занять деньги у знакомых, он вынужден был обратиться к Бугрову.

«С лица, измятого старостью, — вспоминал писатель, — на меня недоверчиво и скользко взглянули маленькие усталые глазки, веко одного из них было парализовано и отвисло, обнажая белок, расписанный красными жилками, из угла глаза, от переносицы, непрерывно текла слеза. Зрачки показались мне мутными, но вдруг в них вспыхнули зелёненькие искры, осветив на секунду это мордовское лицо умильной усмешкой. И пожимая руку мою пухлой, но крепкой рукою. Бугров сказал:

— Честь городу нашему… Чайку попить не желаете ли со мною?»

За столом Бугров вёл беседу основательно. Удивился, что Горький, побывав в ночлежке, смог выбиться в люди, стал писателем и смог изобразить русского купца, да ещё с поучением.

Узнав, зачем требуются Горькому деньги, Бугров их дал. От расписки отказался, но всё-таки её получил по настоянию Горького. Прощаясь, сказал:

— Иной раз позвольте лошадь прислать за вами, — вы далеко живёте. Весьма прошу посетить меня.

…Странным образом в российской смуте конца XX века появились, будто вынырнув из бездны небытия, люди, всерьёз, вроде бы, уповающие на бывшие и давно рухнувшие опоры Российской империи: «Самодержавие—православие—народность». Мол, тут-то и заключена формула возрождения постсоветской России.

А умный, немало повидавший и продумавший купец-миллионщик Бугров более ста лет назад (!) убедился в бессилии такого магического заклятья, выдуманного человеком, далёким от жизни народа, чиновником, привычным к службе, а не труду. В беседах с молодым писателем Бугров порой высказывал мысли крамольные. О Николае II отзывался с пренебрежением:

— Не горяч уголёк. Десяток слов скажет — семь не нужны, а три — не его. Отец тоже не великого ума был, а всё-таки — мужик солидный, крепкого замеса, хозяин. А этот — ласков, глаза бабьи.

Он прибавил зазорное слово и вздохнул, говоря:

— Не по земле они ходят, цари, не знают они, как на улице живут. Живут, скворцы в скворечнях, во дворцах своих, но даже тараканов клевать не умеют — и выходят из моды. Не страшны стали. А царь — до той минуты владыка, покуда страшен.

По словам Бугрова, даже его дворник Михайло, служивший прежде в охране Александра III, высказался о новом царе без всякого уважения: «Не велик у нас царь! И лицом неказист, и роста недостойного для столь большого государства».

Как сторонник старой веры, не признающей «никонианства», Бугров без уважения отзывался о православной церкви. Вера в Бога, по его наблюдениям и разумению, сильно пошатнулась в народе. Он привёл такой случай.

В глухое село Заволжья школьный учитель привёз фонограф и решил показать его мужикам. Когда из небольшого деревянного ящика раздался голос человека, запевшего русскую песню, мужики обомлели и насупились, а старик крикнул:

— Заткни его, так распротак!

Учитель попытался объяснить действие машинки, но мужики решили: «Сжечь дьяволову игрушку!»

Тогда учитель поставил валик с церковным песнопением. Потрясённые мужики ушли. Старик, придя домой, сказал: «Собирайте меня, умереть хочу». Надел смертную рубаху, лёг под

образа и через неделю помер. А по селу пошёл слух о скором конце света, о чертях в ящике, которые молитвы поют. Иные пьянствовать начали. Разладилась жизнь.

— Даже у нас в лесах покачнулся бог, — говорил Бугров. — Величие его будто бы сократилось. Любовности нет к нему, и как бы в забвение облекается. Отходит от людей. Фокусы везде. Фокусами заслоняют чудо жизни, созданной им.

Философия жизни у Бугрова была трудовая:

— В человеке одна годность — к работе. Любит, умеет работать — годен. Не умеет? Прочь его… Я бы кресты и ордена за работу давал — столярам, машинистам, трудовым чёрным людям. Успел в своём деле — вот тебе честь и слава. Соревнуй дальше. Когда всю землю поднимем, да в работу толкнём, тогда жить просторнее будет. Народ у нас хороший…

У этого богатейшего купца сохранялось, как у всякого неглупого и не утратившего совести человека, убеждение в несправедливости существующего общественного уклада и бессмысленности жизни, посвящённой мании обогащения… Ради комфорта? Бугров не был столь мелок и жалок, чтоб находить в этом удовлетворение. Его увлекало своё дело само по себе. Возможно, в этом он находил смысл жизни. А более вероятно — возможность не задумываться глубоко о сути скоротечности бытия и неизбежной смерти. Вот слова Бугрова (в пересказе Горького) во время беседы с другим богачом и умником Саввой Морозовым:

— Рабочий у нас плохо живёт, а — рабочий хороший… Народ у нас хороший. С огнём в душе. Его дёшево не купишь, пустяками не соблазнишь. У него, брат, есть девичья мечта о хорошей жизни, о правде…

Прервём цитату. Учтём: говорил он о том старом русском народе, совершившем революцию, победившем в Гражданской войне, создавшем Советский Союз и отстоявшем его. Новые обуржуазенные русские — иные. Продолжим:

— Я вот иной раз у себя на даче беседую с ними по вечерам в праздники. Спросишь: «Что, ребята, трудно жить?» — «Трудновато». — «Ну а как, по-вашему, легче-то можно?» И я тебе скажу — очень умно понимают они жизнь. Может, не своим умом, а — научены, книжки у них появились, листочки из Сормова… Вот — Горький хорошо знает эти дела. Деньги берёт у меня на листочки. Я — даю… Против меня это, но я — даю! Конечно — гроши. Но если и ничтожные цифры в этом деле заметны, — что было бы, если мы с тобой все капиталы пустили в дело это?..

— Конечно — озорство, когда человек отказывается от себя самого, это я понимаю. Но — ведь отказываются, полагая, что тут

святость, праведность. Я таких знаю… Вот Горький рассказывал, что даже князь один, Кропоткин, что ли…

— Ты сам знаешь — богатство не велика сладость, а больше — обуза и плен. Все мы — рабы дела нашего. Я трачу душу, чтоб нажить три тысячи в день, а рабочий — тридцати копейкам рад. Мелет нас машина в пыль, мелет до смерти. Все — работают. На кого же? Для чего? Вот это непонятно — на кого работаем. Я работу люблю. А иной раз вздумаешь, как спичку в темноте ночи зажигаешь, — какой всё-таки смысл в работе? Ну — я богат. Покорно благодарю. А — ещё что? И на душе отвратно…

Были у него и другие чудачества. Он не имел конторы, бухгалтерии. Его уговорили завести контору. Он снял для неё помещение, солидно его обустроил, выписал из Москвы квалифицированного бухгалтера. Тот для начала хотел произвести инвентаризацию. Но Бугров не предоставил ему никаких документов, сказав:

— Это — большое дело. Имущества у меня много, считать его — долго.

Просидев в конторе без дела месяца три, бухгалтер попросил увольнения, не желая получать деньги даром.

— Извини, брат, — сказал Бугров, — Нету меня времени конторой заниматься, лишняя она обуза мне. У меня контора тут.

Он хлопнул себя по карману и по лбу.

Одно из его чудачеств было скверного толка. Он брал у бедняков родителей дочь, жил с ней, пока не надоест, и выдавал её замуж за какого-нибудь своего служащего или рабочего с приданым 3–5 тысяч рублей и домиком в три окна. В Сейме, где у него были дача и большая паровая мельница, таких домиков было немало, хотя далеко не все их обитатели жили в любви и согласии; бывали у них и трагедии.

Крупный капитал получил Бугров от отца и преумножил его: например, нажил миллионы в голодные годы.

«Был он щедрым филантропом, — писал Горький, — выстроил в Нижнем хороший ночлежный дом; огромное, на 300 квартир, здание для вдов и сирот, прекрасно оборудовал в нём школу; устроил городской водопровод, выстроил и подарил городу здание для городской думы, делал земству подарки лесом для сельских школ и вообще не жалел денег на дела благотворения».

Такой вот богач-оригинал, который любит работу, думает о её смысле и даёт деньги на поддержку рабочего революционного движения. Этим он не задабривал будущих возможных победителей в классовой борьбе, ибо не верил в возможность революционного переворота при своей жизни. Да и понимал он,

что в случае победы пролетариата никакого снисхождения таким, как он, ожидать не приходится.

Чем объяснить его столь странное меценатство? Ответить на вопрос в некоторой степени поможет пример другого известного миллионера.

С. Т. Морозов

Савва Тимофеевич Морозов (1862–1905) по характеру, интеллекту и образу жизни не был похож на Н. А. Бугрова. Тем более показательно их сходство в понимании непрочности царской России и не только неизбежности революции, но и о её пользе для страны и народа.

В отличие от Бугрова, который основывался на личных впечатлениях, здравом рассудке и главным образом на интуиции, Морозов был рационален, образован, читал Карла Маркса и ценил его учение за «волевое (деятельное — Р.Б.) и организационное основание». Максим Горький воспроизвёл свой разговор с Саввой Тимофеевичем о будущем перевороте в России. Морозов говорил:

— Наверное, будет так, что, когда у нас вспыхнет революция, она застанет всех неподготовленными к ней и примет характер анархии. А буржуазия не найдёт в себе сил для сопротивления, и её сметут, как мусор… Не вижу оснований думать иначе, я знаю свою среду.

— Вы считаете революцию неизбежной?

— Конечно! Только таким путём и достижима европеизация России, пробуждение её сил. Необходимо всей стране перешагнуть из будничных драм к трагедии. Это сделает нас другими людьми.

По мнению Саввы Морозова, «богатый русский — глупее, чем вообще богатый человек», потому что ослеплён богатством своей страны, сырьём и рабочими руками, а также надеется на тупость крестьян и неорганизованность рабочих. Можно лишь удивиться прозорливости промышленника-миллионера, предугадавшего анархический характер революций 1917 года. В феврале-марте царь и его брат в результате стихийных выступлений масс «добровольно-принудительно» отказались от престола. Ленин был тогда в Швейцарии, известие о революции стало для него неожиданностью. Буржуазия, взяв власть, не смогла её удержать и остановить анархию.

Савва Морозов был незаурядным мыслителем. Он умел не только увеличивать свой капитал, на что, по его словам, у нас способен и глупый человек («легко в России богатеть, а жить — трудно», — говорил он). Подобно Бугрову, он был заложником своего дела, своего состояния. Но для него Родина и русский народ оставались высшей ценностью.

Морозов был уверен, что только революция «может освободить личность из тяжёлой позиции между властью и

народом, между капиталом и трудом»:

— Я не Дон-Кихот и, конечно, не способен заниматься пропагандой социализма у себя на фабрике, но я понимаю, что только социалистически организованный рабочий может противостоять анархизму крестьянства.

Умелый предприниматель, богатый собственник Савва Тимофеевич не скупился на материальную помощь социал-демократам, революционерам, а то и конкретно большевикам вопреки личной своей выгоде или интересам своего сословия, «эксплуататорского класса». У него был государственный ум и стремление принести пользу Родине. На своей фабрике он учредил стипендии для наиболее способных рабочих, а двух отправил учиться за границей.

«Личные его потребности, — писал Горький, — были весьма скромные, можно даже сказать, что по отношению к себе он был скуп, дома ходил в стоптанных туфлях, на улице я видел его в заплатанных ботинках».

Возможно, в такой скромности была некоторая нарочитость, желание показать, что не ради личного обогащения, не ради комфорта и роскоши он живёт и работает. «Миллионов лично у Саввы не было, — полагал Горький, — его годовой доход — по его словам — не достигал ста тысяч. Он давал на издание „Искры“, кажется, двадцать четыре тысячи в год. Вообще же он был щедр, много давал денег… на устройство побегов из ссылки, на литературу для местных организаций и в помощь разным лицам, причастным к партийной работе социал-демократов, большевиков».

Не раз Морозов рисковал попасть под суд (он прятал революционера Николая Баумана в своём имении «Горки», перевозил нелегальную литературу). Он был убеждён, что России, чтобы догнать развитые страны, нужна не парламентская буржуазная республика, а революция. По его мнению, в мире творчески работают три силы: наука, техника, труд. А в России техника отсталая, наука под сомнением в её пользе, а труд поставлен в каторжные условия.

Кровавые события 9 января 1905 года произвели на Савву Морозова гнетущее впечатление. Он видел, как с ведома царя солдаты стреляли в толпу мирных демонстрантов, где были женщины и дети, где многие несли иконы и портреты Николая II. Драгуны рубили шашками безоружных людей.

— Царь — болван, — говорил Морозов… — Стоило ему сегодня выйти на балкон и сказать толпе несколько ласковых слов, дать ей два-три обещания, — исполнить их необязательно, — и эти люди снова пропели ему «Боже, царя

храни»… Это затянуло бы агонию монархии на некоторое время… Революция обеспечена! Годы пропаганды не дали бы того, что достигнуто в один день… Позволив убивать себя сегодня, люди приобрели право убивать завтра. Они, конечно, воспользуются этим правом. Я не знаю, когда жизнь перестанут строить на крови, но в наших условиях гуманность — ложь! Чепуха… Дело Романовых и монархии — дохлое дело! Дохлое…

Савва Морозов боялся сойти с ума. У него бывали приступы меланхолии, а то и тревоги. Уехав в заграничный санаторий, он у себя в номере, лёжа в постели, выстрелил себе в сердце. (Не исключено, на мой взгляд, убийство по мотивам политическим или финансовым.)

Как меценат Морозов с особенной любовью и энтузиазмом помогал становлению и подъёму Московского Художественного общедоступного театра. В письме А. П. Чехову Максим Горький признался: «Когда я вижу Морозова за кулисами театра в пыли и в трепете за успех пьесы, — я ему готов простить все его фабрики, — в чём он, впрочем, не нуждается, — я его люблю, ибо он — бескорыстно любит искусство, что я почти осязаю в его мужицкой, купеческой, стяжательной душе».

Странным «стяжателем» был Савва. Когда Горький, ещё едва с ним знакомый, попросил у него ситцу на тысячу детей нижегородских окраин, купец и промышленник отозвался охотно, уточнив:

— Четыре тысячи аршин — довольно? А — сластей надо? Можно и сласти дать!

Нет, стяжатель так не поступает. И уже никогда, разве что под угрозой смерти, не даст он денег на социальный переворот, который сметёт его самого как богатея и весь его класс. Не знаю, были ли в других странах меценаты, подобные русским Бугрову и Морозову, помогавшим революционерам, социал-демократам, большевикам.

А пермский владелец пароходов Николай Васильевич Мешков снабжал деньгами партию социал-революционеров, эсеров, с их лозунгом «Земля — крестьянам!»

Эти богачи выглядели «белыми воронами» в серо-чёрных стаях своих «коллег». Они были явными чудаками, оригиналами только потому, что не утратили совести, здравого смысла и любви к Родине и народу, для которых желали лучшей судьбы и процветания. А это могла предоставить (и дала, в конце концов) только социальная и культурная революция.

Билл Хейни

За последние десятилетия приобрела популярность специфическая разновидность изобразительного искусства под названием инсталляция. Устраивают композиции из различных предметов, включая унитазы и писсуары, ставят муляжи животных.

Когда-то подобные произведения шокировали, считались причудой, извращением хорошего вкуса, издевательством над публикой, пошлостью и тому подобным. Однако со временем к подобным творениям привыкли, их выставляют в модных галереях, о них пишут солидные критики.

Однако не всегда можно определить, где кончается инсталляция и начинается причуда оригинала, способная озадачить своей экстравагантностью.

Например, в северном пригороде Оксфорда на одном из домов можно увидеть необычайное зрелище: огромная косатка пробила черепичную крышу дома и застряла между стропилами. Полное впечатление, что она совсем недавно в полном смысле слова свалилась с неба. Туша морского гиганта лоснится, словно ещё не успела высохнуть, а значительная часть туловища и хвост устремлены вверх. На земле разбросаны куски черепицы.

Случайный прохожий невольно остановится в недоумении. Что тут произошло? Каким образом косатка попала на крышу? Возможно, её перевозили на вертолёте и она сорвалась, но почему-то не разбилась вдребезги. Или она заброшена сюда невиданным смерчем? Да разве бывает такое? Только после всемирного потопа…

После подобных размышлений нетрудно догадаться, что это — инсталляция. Но зачем она сделана? Билетов не продают, местные жители к столь удивительному зрелищу привыкли. Какая корысть хозяину дома — Биллу Хейни — от того, что какой-то зевака уставится на крышу дома в глубокой задумчивости, а поняв, что это шутка, подберёт на память кусок черепицы?

Но на то и чудак, чтобы не думать о корысти. По-видимому, ему доставляет удовольствие лицезреть прохожего, остолбеневшего перед его домом со взором, устремлённым вверх и с недоумением на лице. Может быть, ему приятно слыть чудаком и оригиналом. Или таким образом он отстаивает своё право на эксцентричные поступки.

Кстати, ему стоило немало хлопот это произведение. Для реализации своей идеи он заказал муляж морского гиганта из стекловолокна, покрытого блестящим лаком, имитирующим

влажную поверхность. Чтобы водрузить это создание на крышу, пришлось обратиться в строительную фирму. Однако после того как работа была завершена при немалом стечении зрителей, чиновники потребовали убрать «нечто шокирующее, возведённое без согласия городских властей».

Началась юридическая борьба за то, что хозяин дома называл скульптурой, а члены городского совета — шокирующим зрелищем. Хейни ходил по инстанциям, обращался в суд, заплатил немалый штраф и в конце концов отстоял своё право на причуду. Ему приходится время от времени обновлять разбросанные куски черепицы, число которых убывает.

Оригинал Билл Хейни добился, можно сказать, мирового признания: его произведение попало в Книгу рекордов Гиннеса. Впрочем, там можно найти некоторые другие значительно более грандиозные инсталляции. К ним, пожалуй, можно отнести и причудливые узоры на полях, которые в тот период в немалом числе появились в Англии, а затем и в других странах.

Сначала это были большие круги правильной формы. Тогда были в моде сообщения о летающих тарелках и прилётах на Землю засланцев из других звёздных миров. Тотчас распространилась версия: круги оставлены неопознанными летающими объектами. В неё охотно поверили миллионы граждан, подверженных внушению или чрезмерно наивных. (Не исключено, что и Билл Хейни придумал свой аттракцион под впечатлением подобных сообщений.)

В СССР тоже нашлось немало сторонников идеи прилёта на нашу планету или даже пребывания на ней до сих пор космических пришельцев. Многие представители интеллигенции, в том числе и серьёзные учёные были убеждены, что ничего невероятного в такой гипотезе нет.

Мне не раз приходилось встречать таких людей. Например, профессор геологии В. В. Брангулеев, знаток русской культуры «серебряного века», в частности, жизни и творчества поэта Николая Гумилёва, удивлялся, что я не склонен верить в инопланетных пришельцев. «Скучный вы человек, не романтик», — говорил он. У него была собрана объёмистая папка сообщений отечественной и зарубежной печати об НЛО.

Подобные материалы видел я и у известной лётчицы-испытательницы Марины Попович, с которой беседовал по заданию журнала «Техника—молодёжи». Меня они всерьёз интересовали: а вдруг действительно прилетали на Землю посланцы других миров или даже находятся где-то рядом с нами?

Меня ждало разочарование. Никаких веских свидетельств о них не оказалось. Ссылки на статьи журналистов и энтузиастов,

невразумительные фотографии — только и всего. Ну а что оригинального в этой идее? Вполне логичное предположение. Вот если бы его удалось убедительно доказать — другое дело.

Наука требует доказательств на достоверных фактах, а не со слов каких-то людей, которые могут или заблуждаться, или ошибаться, или шутить, или обманывать. А журналисты падки на сенсации, умея не только их преподносить, но и организовывать.

Да, существует принципиальная возможность визита инопланетян. Однако приходится различать ничтожную вероятность и реальность. Это не одно и то же. Не исключено, что Солнце завтра вспыхнет, испепеляя всё живое на Земле. Есть вероятность того, что в нашу планету врежется астероид, учинив для землян конец света. Многое возможно. Но от возможного до реального — «дистанция огромного размера».

АВАНТЮРИСТЫ, БУНТАРИ

Этой разновидности оригиналов можно было бы посвятить объёмистое сочинение на криминальной основе. Но нас будут интересовать не пройдохи, искатели лёгкой наживы, не отчаянные и жестокие пираты или конкистадоры. Обратим внимание прежде всего на трёх, имена которых остались в мировой истории.

Наиболее примитивные авантюристы — мошенники, желающие обогатиться. Этим они не отличаются, в принципе, от других искателей нетрудовых доходов и лёгкой наживы.

Выдающихся мыслителей, путешественников, учёных тоже можно считать авантюристами. Их увлекают приключения разума в мирах воображаемых, доселе неведомых. В. И. Вернадский писал:

«Учёные — те же фантазёры и художники; они не вольны над своими идеями; они могут хорошо работать, долго работать только над тем, к чему лежит их мысль, к чему влечёт их чувство. У них идеи сменяются; появляются самые невозможные, часто сумасбродные; они роятся, кружатся, сливаются, переливаются. И среди таких идей они живут и для таких идей они работают».

Правда, иные научные авантюристы совершают подлоги, выдают желаемое за действительное, упорствуют в заблуждениях, а то и становятся настоящими мошенниками, желая продать своё мнимое изобретение. Большой оригинал и замечательный физик-экспериментатор американец Роберт Вуд хитроумными способами разоблачал подобных субъектов (а также экстрасенсов, медиумов). В начале XX века он совершил научное «закрытие» открытия французским учёным Р. Блондо таинственных N-лучей.

В данном случае искренним чудаком — в трагической роли — оказался Р. Блондо. Он обманывал сам себя, проводя некорректные опыты, уверовал в своё открытие и даже получил за него от Французской Академии премию и золотую медаль. О том, что он не жульничал, а ошибался, свидетельствует финал истории: разоблачённый, он сошёл с ума окончательно и вскоре умер или совершил самоубийство.

Марко Поло

У известного советского писателя-публициста Виктора Шкловского есть малоизвестная повесть для детей: «Марко Поло разведчик» (1931). Странное название для работы о великом путешественнике, которого по справедливости считают венецианским купцом.

В пользу кого он (не Шкловский, а Поло) шпионил?

Секретным работником он стал не сразу, и даже не в Европе. Начинал свою деятельность, не подозревая, чем всё обернётся.

Разведка в те времена означала не совсем то, что теперь. Она во многом была сопряжена с географическими описаниями, а то и открытиями. В Средневековье сугубо военные или производственные секреты не имели большой цены уже потому, что отсутствовали порой самые общие сведения о странах не только дальних, но и близких.

Кстати, задайте себе вопрос: что я знаю о государствах, окружающих Россию и граничащих с ней? Об их природных условиях, экономическом положении, социально-политической структуре? В лучшем случае — нечто очень общее и неопределённое. А ведь к нам постоянно поступает информация по радио, телевидению, из газет, по интернету. В далёком прошлом даже послания между крупными государствами могли курсировать неделями, а то и месяцами. Порой о своей собственной державе, если она была обширна, властитель многое узнавал задним числом…

Впрочем, перейдём к рассказу о Марко Поло (1254–1324).

Его отец Пикколо и дядя Матфео были богатыми купцами, освоившими маршрут на восток. Морем они через Константинополь попали в Крым, оттуда — в ставку хана Золотой Орды, в устье Волги, прошли в Бухару и с посольством монгольского хана Хубилая, властелина огромной империи, добрались до Пекина. Здесь они получили от хана послание папе римскому и вернулись восвояси.

Через два года снова снарядили торгово-дипломатическую экспедицию. С ней отправился юный Марко. После долгих странствий они пересекли почти всю Евразию. Марко состоял семнадцать лет на службе у великого хана в Китае, а затем, обогнув морем Юго-Восточную Азию, вернулся на родину.

Как военнопленный он попал в генуэзскую тюрьму. Здесь возобновил свои путешествия — но уже мысленно. Его рассказы записал другой узник — Рустичано. Трудно сказать, насколько подверглись литературной обработке устные истории, но

изложение получилось живое, насыщенное различными, преимущественно географическими сведениями.

Так возникла «Книга о разнообразии мира». Она несколько веков пользовалась большой популярностью у читателей. Из неё следует, между прочим, что вывод Шкловского о Марко-разведчике правдоподобен.

Рассказывая о первой встрече с великим ханом Кубилаем (Хубилаем), Марко Поло отметил, что произвёл на того хорошее впечатление и был назначен в почётную свиту. Скорее всего, проницательный и хитрый хан смекнул, что юноша-иноземец может быть для него полезным, и поручил своим приближённым внимательно к нему присмотреться.

«В короткое время он, — Марко Поло говорил о себе в третьем лице, — ознакомился с нравами татар, сумел усвоить их и узнал разные татарские наречия, так что не только понимал их, но и мог читать и писать. Нашедши его таким даровитым, государь хотел испытать, как он покажет себя в делах, и отправил его по одному важному государственному делу в город по имени Каразан, расстоянием на шесть месяцев пути от царского местопребывания. При этом случае Марко вёл себя так умно и осторожно, что милость к нему царя стала ещё более.

Заметив со своей стороны, что великий хан обнаруживал большое удовольствие, слушал его известия обо всём новом для него относительно народных нравов и обычаев, также о разных особенностях отдалённых стран, он старайся, куда ни приходил, собирать точные сведения об этих предметах и составлял для себя записи обо всём, что видел и слышал, для удовлетворения живого любопытства царя.

Ему поручались самые доверенные посольства во все пределы царства; иногда он ездил и по своим собственным делам, но всегда с согласия и разрешения великого хана».

Юный европеец, находящийся далеко от родины, не мог вызвать подозрений, а его записи, сделанные на непонятном для местных грамотеев языке, никто не смог бы прочесть. Именно служба в качестве разведчика-наблюдателя в конце концов сделала Марко Поло не просто одним из великих путешественников прошлого, но и первооткрывателем.

Он внимательно приглядывался к тому, что видел, осмысливал это и делал заметки. Они не сохранились, но зато многое из написанного закрепилось в памяти молодого разведчика на долгие годы.

Его отец и дядя тоже, пожалуй, дважды пересекали Евразию не только для того, чтобы доставлять дипломатические послания и/или вести торги. Огромные просторы крупнейшего материка не

позволяли перевозить по суше много товаров. Экономические результаты подобных маршрутов изначально были очень сомнительны. Не так много шансов вернуться на родину живым и здоровым, а большие барыши слишком проблематичны.

Другое дело — налаживание связей между государствами и сбор информации о потенциальных врагах или союзниках. Для этого сухопутные путешественники были особенно полезны. Купцам было выгодно не только установить дипломатические отношения между двумя державами, но и наладить экономические связи, организовать торговлю. К тому времени купцы из Венеции и Генуи наладили морское сообщение с городами Черноморского побережья Кавказа и Крыма. Однако у них был и дальний прицел: владения великой Монгольской империи, прежде всего — загадочный, богатый, овеянный легендами Китай.

Рассказывая о своём посещении хана, Марко Поло упоминает о некоторых чудесах: «Когда великий хан живёт в своём дворце и пойдёт дождь или туман падёт, или погода испортится, мудрые его звездочёты и знахари колдовством да заговором разгоняют тучи и дурную погоду вокруг дворца; повсюду дурная погода, а у дворца её нет».

Впрочем, начиная своё повествование, он оговорился: сообщу не только о том, что видел, но и перескажу слышанное от людей, заслуживающих доверия. Пожалуй, это они сообщили ему о чудесах, творимых буддийскими колдунами: «Сидит великий хан в своём главном покое, за столом; стол тот повыше осьми локтей, а чаши расставлены в покое, по полу, шагах в десяти от стола; разливают по ним вино, молоко и другие хорошие питья. По наговорам да по колдовству этих ловких знахарей-бакши полные чаши сами собою поднимаются с полу, где они стояли, и несутся к великому хану, а никто к тем чашам не притрагивался. Десять тысяч людей видели это: истинная то правда, без всякой лжи».

Ссылка на десять тысяч зрителей, конечно, поражает, но ещё не убеждает в правдивости рассказа. Скорее — наоборот.

В послании римскому папе великий хан предложил прислать к нему из Европы сто христианских праведников и чудотворцев, которые могли бы соревноваться с буддийскими магами в совершении таинств. Мол, кто будет более силён в колдовстве, та вера надёжней. Папа римский не решился на такое испытание, хотя и послал вместе с братьями Поло к хану двух монахов, которые сбежали уже в начале пути.

Судя по всему, тема чудотворства и колдовства не раз обсуждалась Марко Поло с монгольскими вельможами и мудрецами; каждый старался рассказать нечто необычайное,

утверждая величие своей веры.

Интересно описан дворец великого хана, похожий на сказочные хоромы, где крыши разноцветные и блестят, словно усыпанные хрусталём; в стенах дворца — луга и деревья, антилопы и олени; озеро с разнообразными рыбами. А ещё есть в отдалении от дворца Зелёный холм, куда по приказу хана свозят все замечательные деревья разных пород. На вершине холма — зелёный дворец, откуда хан, отдыхая, любуется чудесными деревьями.

На три зимних месяца эта территория, входящая в город Ханбалык (Пекин), становится резиденцией великого хана. По словам Марко Поло, ни в какой другой город на свете не свозится столько дорогих и богатых вещей. Ежедневно сюда прибывает тысяча телег с шёлком; из Индии привозят драгоценные камни, жемчуг, дорогие изделия.

Но самым удивительным было другое. Великий хан умудрился, как хитроумный алхимик, делать золото из бумажных денег. (Это изобретение пережило много эпох. Ставшие «всемирным жандармом» США напечатали огромное количество бумажных долларов, не обеспеченных реальным богатством страны. А великий хан был честен: его бумажные деньги соответствовали запасам драгоценностей, накопленных в казне.)

Подробно описал Марко Поло систему коммуникации Монгольской империи. От Ханбалыка (Пекина) проложено много дорог в разных направлениях, и вдоль них стоят указатели. Через каждые 25 миль устроены прекрасно оборудованные станции; на каждой по 400 лошадей. Здесь меняют лошадей, а гонцы отдыхают. В безлюдной местности перегоны больше. Восторженно сообщает он о городах Китая, восхищаясь причудливыми мостами, мощёными дорогами, великолепными дворцами.

Некоторые его рассказы вызывали снисходительную улыбку. Как поверить в то, что бывают горючие камни? А Марко Поло писал: «По всей стране Катай есть чёрные камни; выкапывают их в горах, как руду, и горят они, как дрова. Огонь от них сильнее, нежели от дров. Если вечером, скажу вам, развести хорошенько огонь, он продержится всю ночь, до утра. Жгут эти камни, знайте, по всей стране Катай. Дров у них много, но жгут они камни, потому что и дешевле, да и деревья сберегаются».

Через некоторое время европейцы на собственном опыте убедились, что рассказ оказался совершенно верным. В Европе уголь открыли с опозданием, а потому здесь сильно пострадали леса — деревья не сберегли.

Марко Поло рассказывал и о диковинных животных. На юге Китая, по его словам, водятся «большие ужи и превеликие змеи.

Всякий, глядя на них, дивится, и препротивно на них смотреть. Вот они какие, толстые да жирные; иной, поистине, в длину десять шагов, а в обхват десять пядей; то самые большие. Спереди, у головы, у них две ноги, лапы нет, а есть только когти, как у сокола или как у льва. Голова превеликая, а глаза побольше булки. Пасть такая большая, сразу человека может проглотить. Зубы у него большие, и так они велики да крепки, нет ни человека, ни зверя, чтобы их не боялся».

Что это за зверь? Фантастический китайский дракон? Нет, речь идёт, по-видимому, о крокодиле. Некоторые преувеличения и художественные образы — не в счёт. Хотя создаётся впечатление, что всё-таки не обошлось без влияния на воображение Марко Поло изображений китайских драконов.

А вот описание грифа, заставляющее вспомнить арабские сказки: «Те, кто его видел, рассказывают, что он совсем как орёл, но только, говорят, чрезвычайно большой… Схватит слона и высоко-высоко унесёт его вверх на воздух, а потом бросит его на землю, и слон разобьётся; гриф тут клюёт его, жрёт и упитывается им».

Однако и в этом случае в фантастике Марко Поло есть доля истины. Дело в том, что на Мадагаскаре (а речь идёт об этом острове, о котором Марко слышал, по-видимому, от арабских купцов) существовала гигантская нелетающая птица, родственная страусу, но больше его — эпиорнис. Их застали люди, охотились на них и полностью истребили. Слухи об этих птицах, а также иногда находимые их яйца послужили основой легенды о летающем гиганте грифе (птице Рух арабских сказок).

Рассказы Марко Поло дают яркие картины жизни Китая, а также приводят некоторые сведения о Японии, Индонезии, Индии, Аравии. О великом хане венецианец отзывался с большим уважением. По его словам, порядок в стране обеспечивается разумным руководством и малыми материальными потребностями народа. В урожайные годы Хубилай скупает излишки зерна, храня в специальных амбарах, а в неурожайные годы продаёт их за четверть цены.

Вернуться Марко на родину помог случай. Персидский царь (из рода монголов) попросил у великого хана в жёны одну из его дочерей. Принцессу решили отправить морем: путь по суше был слишком опасен. Венецианцы, опытные мореходы, предложили свои услуги, и хан включил их в делегацию. В 1292 году 13 больших джонок вышли из Зайтуна в море, имея тысячу воинов на борту — необходимое средство против пиратов. Экспедиция обогнула азиатский материк, побывали на острове Суматра, который, как отметил Марко, «простирается так далеко на юг, что

Полярная звезда совсем невидима, ни мало, ни много». И тут он не солгал, ибо побывал у самого экватора.

О возвращении венецианцев на родину после 24 лет отсутствия есть такой рассказ. Когда три путника в татарских одеждах, обветренные и загорелые, говорившие с непонятным акцентом подошли к родовому дому Поло, их поначалу отказались принять. Считалось, что они давно погибли.

Через несколько дней прибывшие устроили многолюдный пир. Они вышли к гостям в роскошных шёлковых одеждах, достойных королей, и торжественно распороли свои татарские лохмотья, из которых посыпались драгоценные самоцветы.

Рассказы Марко Поло о дальних странах сограждане считали небылицами. Его прозвали «мессир Миллионе» за то, что он слишком часто употреблял это слово (обычно означавшее много тысяч). Действительно, почти во всём земли, где он побывал, в особенности великая Монгольская империя, были невообразимо велики для европейцев, а достижения китайской цивилизации — неправдоподобно грандиозны.

Так бы и осталась за Марко Поло слава предшественника барона Мюнхгаузена, если бы не одно печальное для него и счастливое для его посмертной славы обстоятельство. Он участвовал в морском сражении с генуэзцами при Корчуле в сентябре 1298 года. Венецианцы были разбиты, Марко Поло, командовавший кораблём, раненым попал в плен. Его держали в тюрьме, но чаще, по-видимому, приглашали в дома знатных горожан, желавших послушать его рассказы. Их он продиктовал, как мы уже знаем, пизанцу Рустичано. В следующем году великого путешественника отпустили на свободу. Он вернулся в Венецию, обзавёлся семьёй. Дальнейшая его судьба точно неизвестна.

«Книга о разнообразии мира» Марко Поло, выходившая под разными названиями, обессмертила его имя. Она широко раздвинула горизонты познания Земли у европейцев и привлекла интерес многих правителей и богатых купцов к дальним азиатским странам, прежде всего к Японии, Китаю и островам пряностей. Любопытную приписку после текста его книги сделал в конце XIV века во Флоренции некто Амельо Бонагуизи:

«То, что рассказывается в этой книге, кажется мне немыслимым; утверждения автора кажутся мне не ложью, а скорее чудесами. Вполне может быть, что всё, о чём он говорит, и правда, но я не верю этому, хотя на белом свете есть много весьма разных вещей в той или другой стране. Но мне кажется, что она, поскольку я переписал её для своего удовольствия, полна таких вещей, которым верить никак нельзя. Я утверждаю это по

крайней мере для себя».

И всё-таки были чудаки, поверившие в необычайное разнообразие мира, в богатые цивилизованные государства на краю Земли, у которой вообще-то нет никакого края. Надо было только проложить морские пути к тем далёким странам. Не случайно португальский принц Генрих, по прозвищу Мореплаватель (не совершавший дальних плаваний), благодаря сообщениям Марко Поло, организовывал экспедиции вокруг Африки в Индию и Китай.

Книга Марко Поло была среди первых напечатанных в Европе изданий, а её экземпляр хранился у генуэзского моряка Христофора Колумба. Вместе с ним книга совершила плавание через Атлантику в Новый Свет, так и оставшийся для Колумба чудесными островами пряностей в далёком восточном море, о которых так восторженно поведал венецианский купец-разведчик Марко Поло.

Уолтер Рэли

Одним из организаторов английских колоний в Новом Свете был фаворит Елизаветы I сэр Уолтер Рэли (1552–1618) или Ралей, Рали, Рэйли, Рели — пишут по-разному: герой и авантюрист, злодей и жертва козней, благородный рыцарь и проходимец, государственный деятель и разбойник, поэт и предприниматель, мыслитель и лжец.

Рэли привёз из Америки на родину картофель, ввёл в моду его цветы и экзотические — по тем временам — съедобные клубни. Говорят, именно он своим примером способствовал распространению в Британии курения табака, также вывезенного из Нового Света.

Однажды королева, видя его раскуривающим трубку, сказала в шутку: «Даже вы, при всём своём уме, не сможете узнать, сколько весит этот дым». Рэли, подумав, ответил: «Смогу». Он взвесил трубку с табаком до и после того, как в ней осталась только зола; разность двух чисел и была весом дыма.

Рэли учился в университете, но стал солдатом и несколько лет воевал во Франции на стороне гугенотов. Сражался за освобождение Нидерландов от испанского владычества. Овладев профессией моряка, был назначен сначала морским офицером, а затем капитаном корабля. Славился он как оратор, умел слагать стихи, блистать в салонах и лихо сражаться на дуэлях. Он очаровал королеву Елизавету, был удостоен высоких чинов и наград, возведён в рыцари.

Уолтер Рэли мечтал о великих свершениях. Единственное, чего он боялся, — это обыденное заурядное существование. В 1585 году он отправился в Северную Америку для освоения земель для британской короны. Эту колонию он назвал Виргинией в честь королевы-девы («вирго» — «дева» по-латыни). Он вложил в это дело большой капитал и получил от королевы права на владение обширной территорией.

Быть колонизатором в необжитой стране — дело тяжёлое, хлопотное и невыгодное. Да и переселенцы, преимущественно бедные горожане и разорившиеся дворяне, не имели навыков «робинзонов». Раздобыть золото у индейцев им не удалось, так же как обнаружить его россыпи. Когда разладились отношения с местными жителями, англичанам стала грозить смерть. Они радостно встретили флотилию Рэли, зашедшего к ним в бухту после очередной пиратской вылазки, и отбыли на родину. Следующая (в 1587 году) попытка освоения Виргинии также завершилась крахом.

В войне с Испанией Рэли руководил обороной западного побережья Англии. После разгрома Непобедимой армады он тайно женился на фрейлине Елизаветы. Узнав об этом, королева приказала посадить его в Тауэр. Вскоре, однако, повелела освободить своего верного рыцаря, но неверного любовника.

Возможно ещё в заключении он стал обдумывать план поисков Эльдорадо. Свою веру в успех предприятия обосновал более своеобразно, чем убедительно: «Малый успех, который сопутствовал многим испанцам в их попытках его завоевать, объясняется, я полагаю, только тем, что самим Богом эта империя уготована для Её Величества и английской нации».

Необходимые средства он получил. Нашлись влиятельные покровители помимо королевы. Снарядив два корабля и собрав отчаянных головорезов, Рэли отправился на юго-запад, пересёк океан и в начале апреля 1595 года подошёл к острову Тринидад. В этих краях бывал солдат Хуан Мартинес, попавший в плен к индейцам и побывавший, по его словам, «в столице Эльдорадо великом Маноа». Губернаторствовал на Тринидаде Антонио де Беррио, муж племянницы и единственной наследницы Гонсало Хименеса де Кесады — самого знаменитого искателя Эльдорадо.

Взяв Беррио в плен, Рэли подружился с ним и выведал всё, что мог, об этой вожделенной стране. Решено было двигаться вверх по реке Ориноко. С большим трудом отряд Рэли продвигался, а порой прорубался в чаще тропического леса. Подошли к правому крупному притоку Ориноко — Каронш. Где-то здесь, как им говорили, у крупного озера расположена столица Эльдорадо. Но озера не было, а трудности возрастали. Лес становился всё гуще; следов дорог или городов не было; не прекращались ливни. Солдаты стали роптать. Рэли благоразумно решил вернуться…

На следующий год лондонское издательство Робинсона выпустило книгу, вызвавшую сенсацию. Тираж повторили, и вновь он тотчас разошёлся. Книгу вскоре перевели во Франции, Германии, Голландии. Называлась она «Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвианской империи с прибавлением рассказа о великом и золотом городе Маноа (который испанцы называют Эль Дорадо) и о провинциях Эмерия, Арромая, Амапая и других странах с их реками, совершённое в 1595 году сэром У. Рэли, капитаном стражи Её Величества, лордом-управителем оловянных рудников и Её Величества наместником графства Корнуэля».

Автор сетовал, что только отсутствие материального обеспечения заставило его, вступившего в «зиму жизни», отправиться в дальний путь. А было ему сорок три года, и на

«белую зиму» этот возраст не тянул. Судя по титулам и должностям, в бедности такого вельможу трудно заподозрить. Уже по столь странному прологу можно предположить, что автор в правдивости поспорит с достославным бароном Мюнхгаузеном.

Впрочем, Рэли в своей книге продемонстрировал немалые познания в минералогии и географии. В частности, отметил, что нередко английские колонисты принимают пирит за кристаллы золота. Свою пиратскую акцию по захвату Тринидада он описал просто: завязал дружеские отношения с испанцами, напал врасплох, перебил караул, захватил город, сжёг.

Поведал он о том, как завоёвывали испанцы империю инков и какие захватывали золотые изделия, а заодно пересказал небылицы о людях без голов, с глазами на плечах; о великой империи с великолепными городами… Так писал он о загадочной и заманчивой стране. Ему надо было оправдать свою неудачу и заинтересовать в очередной экспедиции людей влиятельных и богатых.

«Гвианская империя, — писал он, не смущаясь того, что её нет, — лежит прямо на восток от Перу по направлению к морю, на экваторе, и изобилует золотом более, нежели любая иная часть Перу, и в ней столько же или даже больше великих городов, чем было в Перу когда страна процветала… Как заверяли меня испанцы, видевшие Маноа, город императора Гвианы, который испанцы зовут Эль Дорадо, по величине, по богатствам и по превосходному расположению великолепнее любого города на свете, по крайней мере в той части мира, которая известна испанской нации; он расположен на солёном озере в 200 лиг длиною, подобно Каспийскому морю…

В дни торжественных празднеств, когда император пьёт со своими вассалами и губернаторами, соблюдается такой обычай: все пьющие за его здоровье сперва раздеваются донага и смазывают тела белым бальзамом. Особые служители императора, превратив золото в мелкий порошок, выдувают его через полый тростник на их умащённые тела, пока все они не засияют с ног до головы, и так они сидят десятками и сотнями, и пьют, и проводят в пьянстве иногда по шесть или семь дней подряд».

Интересна ссылка на Каспийское море, о котором у Рэли были достаточно смутные представления. Он демонстрировал своё знание географии с тем, чтобы его текст выглядел убедительно. Странное решение сжечь посёлок на острове Тринидад Рэли объяснил просьбой индейцев. Трудно этому поверить. Разумней предположить, что так Рэли заставил несговорчивого Беррио сообщить о местонахождении Эльдорадо.

Он привёл карту озера Парима, которого не видел, и златообильного города, затерянного в дебрях, куда он так и не добрался. Могли он по наивности или глупости выдать местонахождение сокровищ? Вывод: карта, приведённая им, фальшивка. Рэли, пройдя по правому притоку Ориноко, убедился в бесперспективности такого маршрута. А на другой стороне речной долины, значительно западнее или северо-западнее, можно сказать на другой стороне континента, действительно имелась возможность добраться до золота инков.

Елизавета I не решилась на авантюру поисков и захвата Эльдорадо. После её смерти в 1603 году король Яков I по доносу (пожалуй, ложному) приговорил Рэли к смертной казни за государственную измену. Исполнение приговора отложили на неопределённый срок. Осуждённый смог написать несколько трактатов, в том числе о кораблях и «Историю мира».

Яков I всё-таки надеялся добраться до сокровищ Эльдорадо. Он разрешил Рэли в 1618 году отправиться в экспедицию. Но её с самого начала преследовали неудачи. Корабли были потрёпаны штормами. На побережье британцы встречали враждебно настроенных индейцев и вступали с ними в схватки. Жили впроголодь. Участники экспедиции всё чаще выказывали своё недовольство. В одной из схваток погиб старший сын сэра Уолтера. Даже не войдя в Ориноко, его корабли повернули назад.

Вспомнив свою пиратскую молодость, Рэли ограбил несколько испанских судов, с лихвой восполнив убытки экспедиции. Не учёл только того, что времена изменились: между Британией и Испанией был заключён мирный договор. Теперь имелись все основания казнить Рэли как государственного преступника (добычу его Яков I прибрал в свою казну).

На эшафоте сэр Уолтер держался с достоинством. Он отказался завязывать глаза, сам поторопил палача с ударом. Когда его голова была отделена от туловища, палач поднял её за волосы, показывая зрителям. Ему следовало провозгласить: «Смотрите на голову предателя». Но он молчал. Раздался голос из толпы:

— В Англии уже не у кого отрубить такую голову!

Джон Ло

Именно он открыл и запустил в общество «психический вирус», вызывающий жажду быстрого обогащения и надежду её утолить. Поначалу эта зараза распространилась на десятки тысяч человек. Однако со временем — и до сих пор — она стала поражать огромные массы людей в разных странах.

Джон Ло родился в Шотландии в семье золотых дел мастера и ростовщика. В отличие от бережливого отца Джон был мотом, бретёром и азартным игроком. В лондонских салонах его называли «Красавчик Ло».

В 1694 году он убил на дуэли противника и был приговорён к смертной казни. Король Вильгельм III смягчил приговор: Ло заточили в тюрьму. Он бежал, спрыгнув с девятиметровой стены, повредил ногу, но смог скрыться. Объявился в Голландии, втёрся в круг банкиров. Побывав в Париже, обосновался в Шотландии, тогда ещё не входившей в состав Великобритании. Здесь в 1705 году написал книгу «Деньги и торговля, рассмотренные в связи с предложением об обеспечении нации деньгами».

Основной тезис: «Ключ к процветанию — изобилие денег». Автор критиковал концепцию металлических монет и золотого обеспечения валюты. Необходимы и достаточны кредитные билеты и другие ценные бумаги, выпускаемые банками в соответствии с нуждами рынка.

«Внутренняя торговля зависит от денег, — писал он. — Большее их количество даёт занятие большему числу людей, чем меньшее… Хорошие законы могут довести денежное обращение до той активности, к которой оно способно, и направить деньги в те отрасли, которые выгодны для страны».

Бумажные деньги он считал подобием крови, регулирующей обмен веществ общественного организма, а «денежнотворным» органом должен стать государственный банк. Джон Ло придавал огромное значение банковскому капиталу — в некоем даже мистическом смысле, вне материальных ценностей. Банк должен иметь право предоставлять ссуды и оперировать ценными бумагами без ограничений!

Теория была придумана. Оставалось только найти страну, готовую осуществить грандиозный финансовый эксперимент.

После смерти в сентябре 1715 года французского короля Людовика XIV регентом стал его племянник, герцог Филипп Орлеанский. Экономическое состояние страны было плачевным. Государственный долг достиг астрономических цифр. Правителям приходилось уповать на чудо или на чрезвычайные

меры.

Тут и возник респектабельный Джон Ло, разбогатевший на спекуляциях ценными бумагами, драгоценностями и антиквариатом. При отсутствии французского государственного банка он основал частный акционерный под покровительством самого герцога Орлеанского. Регент был заворожён перспективами скорого процветания страны, которые развернул перед ним вдохновенный прожектёр Джон Ло.

В мае 1716 года созданный Всеобщий банк выпустил банкноты. Вскоре они оказались «дороже денег»: их стоимость повышалась в связи с тем, что банк предоставлял ссуды под значительно меньшие проценты, чем ростовщики. Началось некоторое оживление народного хозяйства, ибо кредитная политика банка была направлена на развитие промышленности и торговли.

Джон Ло, благодетель Франции, стал её подданным и принял католичество. Расширяя свою деятельность, основал Миссисипскую компанию. С этого момента начался знаменательный этап в истории ценных бумаг. Многое из того, что происходило позже в экономике многих государств — вариации на ту же «капиталистическую тему», которую первым разыграл Джон Ло.

Всеобщий банк с 1719 года стал Королевским. Его гласным попечителем был герцог Орлеанский, в честь которого основанный французами город в Америке назвали Новым Орлеаном. Ло не скупился на рекламу. Он печатал сообщения о несметных богатствах Миссисипского края, где дикие аборигены радостно дарят французам золото и драгоценности в обмен на безделушки; просвещённые иезуиты обращают дикарей в истинную веру; мощный торговый флот приступил к перевозке в Европу из Нового Света благородных металлов, пряностей и табака…

Миссисипская компания укрепила свои позиции, поглотив несколько мелких конкурентов. Продолжая выплачивать невысокие дивиденды, она приобрела авторитет за счёт стабильности и рекламы. Имя герцога Орлеанского и название «Королевский» внушали доверие. С весны 1719 года спрос на акции Миссисипской компании стал быстро расти. Соответственно увеличивалась их стоимость.

Чем активнее раскупались акции, тем богаче становилась компания, тем больше средств она могла тратить на рекламу и тем значительней был спрос на акции… Банк печатал и выбрасывал на рынок всё новые и новые партии своих ценных бумаг. В сентябре акции номиналом в 500 ливров продавались

вдесятеро дороже. И все желали их приобретать.

Тысячные толпы осаждали пункты продажи акций. Попасть на приём к Джону Ло было трудней, чем к регенту Франции. Графы и бароны выстаивали многочасовые очереди. Кто-то попытался проникнуть к нему в кабинет через каминную трубу, но застрял в ней. Знатная дама имитировала аварию своего экипажа перед его крыльцом в надежде обратить на себя внимание хоть таким образом. Предприимчивый секретарь президента в считанные дни сколотил себе солидный капитал… нет, не банковскими сделками, а взятками за внеочередной допуск на приём к шефу.

Бедный сапожник, живший в каморке на улице, где разместилось правление Миссисипской компании, превратился в состоятельного буржуа, сдавая помещение под брокерские операции. Ещё изобретательнее оказался горбун, подставлявший свой горб в качестве конторки для оформления документов. Биржа на улице Кемкампуа, принадлежавшая Миссисипской компании, превратилась в мощный магнит, притягивавший всех, кто желал быстро разбогатеть, не трудясь. Теперь акции ценой в 500 ливров стали продаваться за 15 и даже 20 тысяч. Золото померкло в сиянии банкнот. Десять акций-бумажек соответствовали 15 центнерам серебра!

Январь 1720 стал триумфальным для Джона Ло. Его утвердили генеральным контролёром финансов Франции. Он сотворил экономическое чудо! Государственная казна наполнилась золотом, добровольно внесённым гражданами. Благодаря такой подпитке заметно оживились некоторые промышленные и торговые организации. Идеи Ло побеждали!

В ту пору никто не задумывался о том, что вся эта бурная финансовая активность зиждилась только на доверчивости масс. Загипнотизированные перспективами быстрого обогащения, подкреплёнными несколькими положительными примерами, люди отдавали золото за бумажки, провозглашённые «ценными бумагами».

Капиталы Миссисипской компании росли, пока вкладчики верили в волшебную способность этих «бумаг» постоянно дорожать. Однако противоречие между желанием вкладчиков быстро обогатиться и возможностями оборота крупного капитала, медленно нарабатывающего значительную прибыль лишь при условии производства конкретных материальных ценностей или ограбления, скажем, колоний, оказалось непреодолимым. Реальные богатства создаются физическим и интеллектуальным трудом, а не бездельем.

Процветала Миссисипская компания до тех пор, пока вкладчики не начали требовать обещанные доходы.

Удовлетворить эти претензии было нечем. От банкнотства до банкротства оказался всего один шаг! Он был неизбежен для банка, который построил Джон.

Осенью 1720 года во Франции при изобилии ценных бумаг Миссисипской компании стал ощущаться недостаток в товарах первой необходимости. Промышленные и сельскохозяйственные производства, получившие ссуды, не давали больших прибылей. На берегах Миссисипи шумели дремучие леса да прозябали убогие посёлки. В тот край надо было десятки лет вкладывать труд и капиталы, чтобы получить от этого выгоду.

Акционеры компании начали распродавать свои бумаги. Тысячи акций хлынули на рынок. Их стоимость стала падать с катастрофической быстротой. Доверие к банку было подорвано. Клиенты спешили избавиться от его бумаг. В ноябре банкноты Миссисипской компании перестали принимать как платёжное средство. Полное банкротство!

Вновь за Ло охотились толпы людей. Теперь они требовали оплатить бумаги компании. А затем, отрезвев и поняв, что их разорили, акционеры вознамерились растерзать своего недавнего кумира. Он скрылся во дворце у регента, который благополучно нажил на спекуляциях акциями огромный капитал и успел вложить его в драгоценности и недвижимость.

Парламент потребовал вздёрнуть генерального контролёра финансов на виселице или на худой конец заточить в Бастилию. Перспектива суда над Ло никак не устраивала герцога-регента. Джону Ло устроили тайный отъезд из Франции только с сыном, но без жены, дочери и брата; его имущество конфисковали…

В социальном плане великая афера Миссисипской компании содействовала становлению капитализма, подрывая доверие к высшим представителям королевской власти, разорив небогатых феодалов и дворян, пополнив армию обездоленных. В долговременной перспективе эта первая вспышка «акциомании» привела, отчасти, к социальному катаклизму — Великой французской революции.

Джон Ло преподал человечеству суровый урок, показав, что финансовые эпидемии, подобно массовым заболеваниям тифом, холерой и прочими болезнями, поражают общество, испытывающее духовный, социальный и экономический кризисы. В подобных случаях выздоровление приходит обычно после тяжёлых испытаний.

В то же время монетарист Джон Ло стимулировал развитие экономической мысли. Не случайно Адам Смит начал своё классическое «Исследование о природе и причине богатства народа» с анализа трудовой деятельности и специализации. Он

отчётливо осознал: богатство народов (а не отдельных людей, которые могут нажиться за счёт разбоя, войны, спекуляций, воровства, казнокрадства) зависит в первую очередь от труда. А раньше Адам Смит уделил серьёзное внимание проблемам нравственности и установил: общество, отрешённое от высоких нравственных идеалов, обречено на деградацию.

…Наш великий поэт представил просвещённого Онегина так:

Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живёт, и почему
Не нужно золота ему
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

Показательно: в капиталистической нынешней России по методу Джона Ло в массовых масштабах было возобновлено строительство финансовых пирамид. И до сих пор, как это ни печально, в стране пребывают в забвении простые принципы экономики, основанной на создании простого продукта, на использовании труда и знаний, и следуют дурному примеру отца Евгения Онегина… Впрочем, кому-то такое расхищение природных богатств принесло и приносит огромные прибыли.

Осенью 2008 года мировой финансовый кризис потряс едва ли не все страны. Главная причина: США по принципу Джона Ло, напечатали непомерное количество фактически фальшивых долларов, ибо они не обеспечены всем государственным и частным достоянием. Они десятилетиями наживались на этой спекуляции, создавая иллюзию «общества изобилия»… за чужой счёт, в частности, и за счёт нашей страны.

Калиостро

Приблизительно в 1760 году в монастыре святого Бенедикта, возле городка Картаджироне, появился юный Джузеппе — коренастый, широколицый, с крупными блестящими глазами. Он сбежал из семинарии святого Роха и по настоянию отца по фамилии Бальзамо, торговца тканями в Палермо, был помещён в монастырь.

Он прислуживал в подвале, где один из монахов готовил целебные снадобья и заодно проводил алхимические таинства, пытаясь раскрыть тайну превращения простых металлов в золото. Через пару лет Джузеппе покинул монастырь, прихватив золото, которое хранилось у его учителя. После нескольких лет скитаний он вернулся в Палермо. Оставались у него шёлковый камзол и туфли с серебряными застёжками — экипировка, необходимая для того, кто не привык добывать деньги честным трудом.

Поселился он недалеко от родимого дома. Посещая мать, оставлял ей одну-две золотые монеты, громко рассказывая о своих успехах в излечении безнадёжных больных. Он хотел, чтобы о его способностях знало как можно больше людей. Но Джузеппе Бальзамо в Палермо знали многие, а потому в его таланты не верили.

Он познакомился с золотых дел мастером Морано — глупым и жадным, убедив его, что за городской башней скрыт клад. Стерегут сокровища исчадия ада. Но есть заклятье, против которого они бессильны. Необходимо не менее шестидесяти унций золота, чтобы умилостивить их.

В полночь Морано вышел за южные ворота. От скалы отделилась фигура в плаще. У ювелира подкосились ноги. Плащ взметнулся, как крылья огромной птицы, и возник Бальзамо. Глаза его сверкали. Откуда-то свыше — о чудо! — зазвучал нежный голос, а Бальзамо стоял, не раскрывая рта. Голос вещал о могущественных демонах.

Морано узрел их, выползающих из расселин скал. Он грохнулся лицом вниз. Нечистая сила насела на него, замотала плащом, вырвала мешочек с золотом и глумилась над бедным Морано, волоча по камням и пиная копытами…

Его мешочек с золотом пропал, да и Бальзамо тоже. Зато появился в Мессине молодой и богатый граф Калиостро, смахивающий на пропавшего (родная тётка Бальзамо носила фамилию Калиостро). Новоявленный граф рассказывал о тайных знаниях Востока, ибо был воспитан мудрецом и ясновидцем Муфти Салагаимом, открывшим ему пути в мир духов. Его

вторым наставником стал тысячелетний маг армянин Алтатос. Они совершили путешествие в Мемфис и Каир, общаясь с египетскими жрецами.

Вера в знания была велика. Век Просвещения! Мало кто сомневался в необычайных возможностях алхимии, в умении укрощать духов природы магическими формулами, в ясновидение, заколдованные клады. Граф соблазнил хорошенькую служанку Лоренцу Филичиано. Порой не гнушался маг и алхимик подделкой деловых бумаг, рекомендательных писем, векселей. А чтобы не искушать судьбу, в одно прекрасное утро он исчез из Рима вместе с Лоренцей. Они материализовались в Венеции, проделали несколько сеансов магии, реализовали парочку фальшивых векселей и пропали.

Через некоторое время в Мадрид вошли два пилигрима граф и графиня Феникс. Они торговали священными каменными скарабеями, эликсирами любви, бальзамами и мазями, возвращающими молодость. И столь бесценные снадобья — за ничтожную цену. По совету Феникса-Калиостро один отменно усатый и носатый гранд купил у ювелира россыпь мелких рубинов, топазов, изумрудов. Маг и чудодей согласился вырастить их до необычайных размеров. Но вдруг неведомая сила вырвала графа-алхимика из Испании, забросив его вместе с графиней неведомо куда. И остался гранд с носом, хотя и без драгоценностей.

В начале августа 1771 года в Лондоне объявились Бальзамо с Лоренцей. Дабы улучшить своё финансовое положение, он назначил деловое свидание достопочтенному клерку в своей квартире. В назначенный срок застал клерк одну лишь хозяйку. Она извинилась за отсутствие супруга, срочно отбывшего в Ливерпуль, а также за то, что принимает гостя, едва прикрыв свою наготу халатом. Опешивший клерк не знал, что предпринять в столь интимной диспозиции.

Вдруг распахнулась дверь, и возник Бальзамо в сопровождении мрачного субъекта. Извергая смесь итальянских слов с английскими ругательствами, хозяин вытащил клинок и, дико выкатив глаза, рвался к обомлевшему клерку, а мрачный субъект старался предотвратить убийство. Сцена ревности завершилась по-деловому: субъект предложил клерку выплатить пятьдесят гиней за покушение на честь невинной супруги Бальзамо. Клерк имел с собой только сорок гиней. Оскорблённый супруг с презрением забрал их.

Добытой суммы хватило только на то, чтобы рассчитаться лишь с немногими кредиторами. Бальзамо угодил в тюрьму. Лоренца нашла приют в доме знатного англичанина. По её

просьбе он выкупил Бальзамо из темницы. И вскоре в Париже возникли граф и графиня Феникс. Он продал банкиру, потерявшему способность наслаждаться женщинами, эликсир молодости. Под действием снадобья банкир на два дня обрёл необычайную прыть, правда, вызванную активностью живота, а не иного органа, а на третьи сутки едва не отдал богу душу.

А чета Фениксов перебралась в Испанию, побывала на Мальте и объявилась в Лондоне, где вошли в моду лото и лотереи. Тут и возник слух, что появился Некто, способный вычислить выигрышные номера лотерей. Мистер Скотт и мисс Фрей, в благородном стремлении умножить свои состояния, отыскали этого Некто, щеголявшего в алом тюрбане, выведав у него — за немалую мзду — предстоящие счастливые номера. В беседе Некто проговорился, что умеет выращивать драгоценные камни. Мисс упросила его взять для выращивания её бриллианты…

В Брюсселе вскоре вынырнул Некто, оказавшийся вновь графом Калиостро. Он прошёл обряд посвящения в вольные каменщики — масоны. На третье собрание явился в ярко-синем восточном халате, расшитом красными иероглифами; на голове красовалась алая повязка с ниспадающими концами из золотой парчи. Через плечо была переброшена изумрудная лента с изображениями чёрных скарабеев. По мановению руки мага из складок его плаща стали высовываться мерзкие рожи. Запахло гарью и серой. Граф, держа рыцарский меч за остриё наподобие креста, возглашал:

— Я великий Кофта, ученик Илии и Еноха, основателей египетского масонства. Незримо витают здесь мои служебные духи Ассоратон и Пантоссафатон. И ты, могучий Итуриель, приветствую тебя! Посвящённым в таинство египетской магии открывается путь бессмертия. Пять тысяч пятьсот пятьдесят семь лет продолжается жизнь моя, с той самой поры, когда воды всемирного потопа очистили землю от нечестивых. Духи зла бессильны предо мной. Вас научу я достигать совершенства и властвовать над своими страстями, ибо только так можно подчинить себе духов природы!..

Так началась ловля душ (а заодно и средств) Великим Кофтой. Он говорил о таинствах каббалы; о сочетаниях мистического треугольника, креста и круга, дающих власть над духами; о вызывании мёртвых и превращениях людей в животных; о достижении высшего совершенства — физического и морального — после сорокадневного поста, начиная с майского полнолуния: постепенно сползёт кожа, обновятся зубы и волосы… Чем больше вещал он о небывалом, тем безоглядней верили ему. Сказывалась вечная мечта людей о сверхъестественном. Родилось

тайное мистическое общество, родственное иллюминатам и розенкрейцерам, с пророком — Великим Кофтой.

Калиостро продвигался на восток, где в гигантской империи глухие леса кишели медведями, лешими, ведьмами, оборотнями; где высшие сановники обладали несметными богатствами, а царствовала просвещённая царица Екатерина II. В Митаве Великий Кофта — по документам испанский офицер — представил градоправителю фон дер Хевену рекомендательные письма и получил доступ в высшее общество. Он ошеломил своими пылкими речами курляндцев. На правах гроссмейстера ордена основал масонскую ложу, в которую был открыт доступ женщинам. Среди его восторженных последователей оказались графиня Кейзерлинг, графиня фон дер Рекке, урождённая Медем… Последняя стала и первой отступницей.

Вступительные взносы позволили пышно обставить собрания ложи и личную жизнь гроссмейстера. Немалый успех имели его сеансы магии. Шестилетний мальчик, повинуясь воле мага и каббалистическим знакам, рассказывал о событиях, происходящих вдали от Митавы. Однажды мальчику явился светлый ангел, пожелавший открыть тайну клада, спрятанного в имении Медемов. Появились и демоны зла, Калиостро вынужден был вступить с ними в бой, рассекая воздух шпагой и яростно восклицая: «Гелион! Мелион! Тетраграмматион!» Демоны сгинули.

Кладом всерьёз заинтересовался граф Медем. Судя по рассказам крестьян, в его владениях некогда трудился кузнец-чародей в золотой кузнице: да скрылся он под землю с грудами золота. Страшными заклятьями сковал Великий Кофта демонов. Требовалось ждать ещё тринадцать дней, после которых пропадут чары Зороастра. Над кладом в полночь расцветут и вспыхнут сотнями огоньков цветы неопалимой купины…

До исчезновения колдовских чар оставалось четыре дня. Граф Медем готов был овладеть кладом. И вдруг Великий Кофта исчез. Его спешно затребовали в Санкт-Петербург. Видно, демоны возопили о помощи и были услышаны в Санкт-Петербурге, где неведомый чиновник настрочил указ, превозмогающий заклятья каббалы и со страшной силой увлёкший Великого Кофту прочь от Митавы.

В столицу увёз граф Калиостро, помимо жены, восемьсот червонцев и бриллиантовый перстень, подаренный фон дер Хавеном. Была и потеря: графиня фон дер Рекке отказалась сопровождать Калиостро, хотя сначала намеревалась лично ввести его в круг столичной знати. В одной из бесед Калиостро, вдохновляясь присутствием милой графини, упомянул о своём

умении воспламенить любую женщину, привязать её к себе магией.

В Санкт-Петербурге он бесплатно лечил больных снадобьями, заклятьями, прикосновением рук. Некоторым помогало. Бедным помимо лечения давал деньги, что весьма содействовало славе чудесного доктора. Увеличивала его популярность и прелестная супруга, ставшая к тому времени принцессой Санта-Кроче. Она одаривала желающих молодящей водой. Была представлена блестящему и щедрому князю Потёмкину. По рассеянности, свойственной важным вельможам, он навещал дом Калиостро в скромной закрытой карете и в то время, когда хозяин отсутствовал.

Профессия лекаря входила в моду. Газеты восторженно писали о замечательных исцелениях десятков страждущих разом господином Месмером посредством магнетизма. Люди надеялись на лекарей, как на магов, а на магов, как на лекарей.

К Калиостро обратилась супружеская пара с мольбой о помощи: их единственный мальчик умирал. За его излечение обещали тысячу империалов. Калиостро отказался. Ему пообещали пять тысяч. Он сказал:

— Я его вылечу. Оплату отвергаю. Привезите мальчика ко мне и две недели не посещайте его.

Две недели спустя родители получили малыша — запелёнутого, вымазанного густо розовым бальзамом и вполне здорового. Благодарный отец оставил на столе в кабинете Калиостро пакет с пятью тысячами империалов.

На следующий день отец ребёнка ворвался в комнату Калиостро и потребовал ответа: где их сын? что с ним? У мальчика были более тёмные волосы, он умел говорить отдельные слова, имел родинку на шее. Убедившись в подмене дитяти, мать лишилась чувств, ей пустили кровь, а он, отец, требует разъяснений!

Калиостро признался: духи тьмы оказались сильнее в борьбе за дитя. Они вырвали его из объятий Калиостро. Грозными заклятьями удалось их остановить. Явился ангел и увлёк душу ребёнка в райские сферы. В утешение родителям пришлось найти другого мальчика, вполне здорового.

Родитель вызвал графа на дуэль как лжеца и душегубца. Пришли два офицера с просьбой назначить срок дуэли и вид оружия. Калиостро ответствовал: «Пользуясь правом выбора, я приготовлю щепотку яда, мы разделим её поровну и проглотим. Пусть решает Бог, кому из нас умереть».

Секунданты ретировались. Дуэль не состоялась. И всё-таки граф-чародей был сражён.

Оставалась надежда на статс-секретаря императрицы Елагина, которому давно были обещаны опыты по алхимическому превращению свинца и ртути в золото. Но Елагин уже имел беседу с императрицей, пожелавшей узнать, что за принцесса пожаловала в столицу в обществе гишпанского полковника? Догадавшись о причине любознательности государыни, Елагин признал, что имеет знакомство с Калиостросом, а принцессу более знает князь Потёмкин.

«Однако сомнителен сей полковник, выдаёт себя за чудотворца и алхимика. Сулит малые драгоценные камни делать большими. Весьма берёт под это перстни, браслеты и прочее. Премудрости свои объясняет премудрёно: „качества суть количества, аки девято число в исчислении через тройку“. Сие похоже на обман. Благо, в государстве Российском не всеми и здравый рассудок утерян, а потому сей граф имеет более червонцев через свою принцессу, нежели благодаря чародейству».

Раздосадованная императрица (ах, ветреный князь Потёмкин!) поинтересовалась, чем вызвано охлаждение Елагина, известного тайного масона к собрату своему масону египетскому Калиостросу? Иван Перфильевич отвечал без обиняков (недаром был удостоен от государыни словесной награды: «хорош без пристрастия»): «В сочинении Сен-Мартена масонству определены поиски мудрости и высшей тайны, тогда как ищет Калиострос более всего выгод и простаков».

На том и закончилась беседа. Чтобы впредь неповадно было обманщикам дурачить не только россиян, но и более просвещённых, да оттого не поумневших иноземцев, государыня известила другие дворы о проделках Калиостроса. Управляющему театрами Елагину для назидания людям показать пристало комедию, сочинённую императрицей, где осмеянию подвергнут сей маг.

Калиостро получил официальную депешу, предписывающую незамедлительно покинуть Санкт-Петербург, а затем и пределы России. Переезд до границы империи оплачивался за счёт казны. Имя Калиостро оказалось неведомым маркизу Нормандесу, испанскому посланнику при дворе императрицы. Запрос о графе был срочно отправлен в Мадрид.

По установленному распорядку выбытия, в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось сообщение: «Граф Калиостро, гишпанский полковник, живущий на Дворцовой набережной в доме г. генерал-поручика Миллера…» и прочее в надлежащем стиле. Оно оказалось в унизительной компании: между известиями о выезде мясника Иоганна Готлиба Бунта и башмачника Габриеля Шмита.

Из Санкт-Петербурга Великий Кофта, минуя Митаву, приехал в Варшаву. Устроил сеансы некромантии, вызывая души покойников, и хрестомологии, возбуждая ясновидение у детей. Неудачи преследовали его. Хитрые паны выведали у ясновидящих детей, каким образом подготавливал их Калиостро к сеансам, что учил говорить, как платил за послушание.

Конфуз приключился с показом верховного учителя тысячелетнего Великого Кофты. На подмостках при неверном свете двух свечей возник старик с длинной белой бородой, в алом тюрбане. Учитель спросил утробно: «Кого зрите пред собой?» Кто-то из присутствующих бойко ответил: «Калиостро в маске!» Во гневе взмахнул старик плащом и пропал при погасших свечах.

Начались метания Калиостро по Европе в поисках благодатного края: Франкфурт-на-Майне, Страсбург, Неаполь… В Бордо цеховые лекари запретили ему торговать бальзамами. А в гостиную одного приличного дома, где Калиостро готовил хозяйку к посвящению в таинства масонства, ворвался хозяин и тростью так отделал графа, что пришлось чародею неделю провести в постели, объясняя своё состояние магической дрёмой с посещением иных планет. Затем срочно выбыл в Лион с пятью тысячами франков, полученных от другой знатной дамы для поисков клада в её имении.

В Лионе за немалую мзду приобщал избранных к египетскому масонству, вручая листки: «Честь, мудрость, единение. Благотворительность, благоденствие! Мы, Великий Кофта во всех восточных и западных частях земли…» и так далее. Окантовки этих патентов выполнил сам Калиостро: треугольники, молотки, циркули, лопаты, отвесы, компас, глобус, храм, череп, птица Феникс, крест. Получив рекомендательное письмо от одного из своих масонов кардиналу Рогану, он отбыл в Париж, бредивший сеансами животного магнетизма. В беседе с Роганом Калиостро признался, что ему более двух тысяч лет. Кардинал, заворожённый магическим кристаллом, вознёсся духом к сияющим сферам, где трубный глас возвестил о пришествии пророка — Великого Кофты в облике графа Калиостро.

Словно могучая волна вскинула мага на вершину славы и могущества. На улице Сен-Клод он приобрёл особняк, обставил его роскошно, давал блестящие балы и обеды, держал слуг в розовых ливреях, обшитых золотыми галунами…

А утром 22 августа 1785 года чету Калиостро препроводили в Бастилию по обвинению в похищении бриллиантового ожерелья стоимостью в 1,6 миллиона франков. Роган через графиню де Ламмот приобрёл его для королевы Франции. Ожерелье исчезло, деньги не были выплачены. В доме де Ламмот нашли оправу

ожерелья без бриллиантов. Графиня утверждала, что они отданы графу Калиостро для выращивания.

1 июня 1786 года Калиостро выпустили из Бастилии (жену освободили раньше). Две недели спустя он отбыл в Лондон, где опубликован брошюру, клеймя правительство Франции и предвещая его скорое падение: на престол взойдёт славный принц, будут запрещены тайные доносы, Бастилия будет разрушена и на её месте появится площадь для гуляний. Вдобавок он предсказал возможность освещения Лондона с помощью масла, полученного из моря. (Не сбылось ли это во второй половине XX века, когда плавучие буровые установки стали качать из недр Северного моря «растительное масло» земли — нефть?)

Не пошли ему впрок эти откровения. Начались насмешки и гонения. Особенно усердствовал журналист — о гнусное племя! — Моранд. Он даже припомнил Бальзамо, предшественника графа Калиостро. Оставаться в Лондоне было опасно. Граф-маг исчез без остатка, чуть позже материализовавшись в Швейцарии.

Вскоре для него наступили годы неудач. Савойя, Турин, Генуя, Верона, Вена, Тироль, Берн… Он старался не посещать тех мест, где бывал прежде. Не помогло. Уже прошли с успехом пьесы Екатерины II. Опубликована разоблачительная книга графини фон дер Рекке. Жалят, как москиты, брошюры и статейки.

В Берне он, вдохновясь, предложил уксусом и селитрой растопить альпийские ледники, чтобы получить доступ к открытым в горах золотоносным жилам. Кто-то неожиданно воскликнул:

— Однако таяние льдов вызовет настоящий потоп!

— Ах, нет-нет, — растерялся Калиостро, — так не будет, не будет…

Три дня провёл он в Триесте. Приобрёл несколько поклонников и поклонниц. Но заторопился с отъездом. Его умоляли остаться. «Нет, — отвечал он, — малые города не для великих людей».

Что оставалось делать и говорить? Не признаться же, что приказом Иосифа II он выдворяется из австрийских владений. Замыкался жизненный круг: судьба влекла, оттесняла его в Италию. Ослепительный граф Калиостро роковым образом развоплощался в Бальзамо. Обнищал. Подделывал драгоценности и векселя. В Риме вынужден был покаяться в масонских грехах (инквизиция запретила тайные спиритические общества). Потёртое платье, стоптанные башмаки, фальшивые перстни, урчащий от голода — а не от чревовещания — желудок…

Предложил нескольким богатым горожанам вступить в тайное общество египетских магов. Прогадал, назначив крупный вступительный взнос. Вручать ему деньги никто не спешил. Зато кто-то настрочил на него донос в святую инквизицию. 27 декабря 1789 года Джузеппе Бальзамо был арестован и заточён в замок Святого Ангела, где и канул в Лету.

Сен-Жермен

…В век Просвещения, веры в науку и чудеса оккультизма авантюристов появилось множество. Из них граф Сен-Жермен был знаменит не менее, чем Калиостро.

Сен-Жермен (ок. 1710–1784) — он же князь Ракоци, граф Зароги, генерал граф Салтыков, маркиз Монферат, граф Беллами, граф Вельден, граф Сармонт… В отличие от Калиостро, он был немногословен, отличался безупречными манерами, отлично владел несколькими языками, был отменным музыкантом, умел поразить собеседников знанием наук, в особенности оккультных, каббалы, и неожиданными суждениями.

«Всё в нём таинственно и необычайно для глаз легковерного общества: и происхождение, и жизнь, и смерть, — писал историк масонства А. М. Васютинский. — Португалец ли он, испанец, еврей, француз или русский — никто не мог сказать с уверенностью. Ему дают несколько отцов и одну мать: вдову Карла II испанского, королеву Марию. Сам он уверял принца Карла Гессенского, что родился от первой жены венгерского принца Ракоци.

Всегда изысканно одетый, ни в чём не нуждающийся, с благородной осанкой, он был хорошо принят при французском дворе, пользовался благоволением Людовика XV, считался большим вольнодумцем и чародеем. Знаток истории, он хорошо умел использовать страшное впечатление, которое создавалось у его знакомых, слушавших его точные описания жизни и мыслей давно умерших исторических деятелей. Легковерные считали его пятисотлетним старцем… несколько удачных советов медицинского характера создали ему славу великого лекаря, которую он искусно поддерживал, продавая особый целебный чай Сен-Жермена».

Когда его спросили, верны ли слухи о его пятисотлетнем возрасте, он усмехнулся: «Многие наивные люди этому верят. А я, помнится, при встрече с Иисусом Христом… Мы дружили, он был лучшим из людей, большим идеалистом. Я предупреждал его, что ему грозит смерть».

Говорили, что граф Сен-Жермен обладает эликсиром бессмертия или даже философским камнем. Всё это способствовало популярности Сен-Жермена в высшем обществе и спросу на его целебный чай.

Впервые появился он в 1740 году и очаровал местную знать. Благодаря отличным рекомендациям он был принят при дворе Людовика XV, стал пользоваться покровительством

влиятельнейшей маркизы де Помпадур, вступил в масонский орден Святого Послушания. В 1760 году уехал в Лондон, то ли из-за ссоры с герцогом де Шуазель, то ли выполняя тайное поручение короля Франции.

Летом 1762 года Сен-Жермен посетил Санкт-Петербург и был гостем Григория Орлова, фаворита императрицы Екатерины II. Загадочному графу приписывали активное участие в воцарении её на престол, а также в Великой французской революции. Это показывает, что многие действительно принимали его за всемогущего мага.

Скончался Сен-Жермен, по словам А. Васютинского, «на руках принца Гессенского, сумевши до самой смерти поддерживать в своём сиятельном гостеприимном хозяине чувство почтительной доверчивости и благоговейного преклонения». Однако по слухам, Сен-Жермена в последующие годы встречали то в одном, то в другом городе Европы.

Что и говорить, профессия авантюриста бессмертна.

С. Г. Нечаев

Нечаев Сергей Геннадьевич (1847–1882) среди русских заговорщиков, создателей тайных организаций и террористов наиболее парадоксальный. Именно он нанёс наиболее сильный удар по… революционерам (невольно).

Происходил он из мещан Владимирской губернии. С 14 лет служил рассыльным в фабричной конторе. Подрабатывал, рисуя вывески для ивановских купцов. Отличался сообразительностью. Сдав учительский экзамен, стал преподавателем в училище. Осенью 1867 года поступил вольнослушателем в Петербургский университет. Лекций почти не посещал. Его привлекали студенческие кружки, где он познакомился с трудами Луи Блана, Карлейля, Руссо, Робеспьера.

Он принимал активное участие в студенческих волнениях. Спасаясь от репрессий, уехал в Швейцарию. Встретился с Бакуниным и Огарёвым, произведя на них сильное впечатление своей энергией, энтузиазмом, самоотверженностью. Он выдавал себя за представителя влиятельного в России революционного комитета, готового поднять восстание. Об этом рассказывал увлечённо и убедительно. Анархические взгляды Бакунина Нечаев довёл до крайности, а то и до абсурда в своём «Катехизисе революционера».

В борьбе против государства он предлагал объединиться с уголовниками: «Соединимся с диким разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России». Нечаев стал глашатаем террора и разрушения. Ради такой цели, считал он, допустимы обман, грабёж, подлость, убийства. Люди были для него только средством для достижения тех или иных целей.

12 мая 1869 года Нечаев получил от Бакунина мандат, где говорилось: «Податель сего есть один из доверенных представителей русского отдела Всемирного революционного союза». На печати по-французски было выгравировано: «Союз революционеров Европы. Генеральный комитет».

Все эти организации были мифическими. Но то, что о них никому не известно, можно было объяснить конспирацией. Вернувшись в Россию, Нечаев стал создавать организацию «Народная расправа». Его мандат и рассказы о сотрудничестве с вождями русской эмиграции в Женеве производили сильное впечатление на молодёжь. Вербовал он преимущественно студентов Петровской земледельческой академии.

От подчинённых он требовал беспрекословного повиновения, а сам не оглашал свои планы. Верил ли он в возможность

осуществить революцию в России? Вряд ли. Он был заговорщиком, упоённым своей властью над людьми.

…26 ноября 1869 года в газете «Московские ведомости» появилось сообщение: в отдалённом месте сада Петровской академии по кровавым следам в пруду подо льдом обнаружено тело молодого человека. Через два дня последовало дополнение: «Убитый оказался слушателем Петровской академии, по имени Иван Иванович Иванов… деньги и часы, бывшие при покойном, найдены в целости… Ноги покойного связаны башлыком, как говорят, взятым у одного из слушателей Академии, М-ва; шея обмотана шарфом, в край которого завёрнут кирпич; лоб прошиблен, как должно думать, острым орудием».

Через месяц в газете появилось имя С. Г. Нечаева как организатора убийства Иванова. Но он уже скрылся в Швейцарию. Состоялся суд над пятью участниками «Народной расправы» (вовсе не людьми из народа). Выяснилось: Иванова, желавшего уйти из его организации, Нечаев приказал казнить как предателя, превратив образованных и незлобных молодых людей в убийц своего товарища.

Выданный швейцарской полицией, Нечаев был заключён в Алексеевский равелин. Бакунин написал Огарёву что Нечаев «на этот раз вызовет из глубины своего существа, запутавшегося, загрязнившегося, но далеко не пошлого, всю свою первобытную энергию и доблесть. Он погибнет героем, и на этот раз ничему и никому не изменит».

Так и вышло. Нечаева держали на жестоком тюремном режиме, доведя до смерти. Но он никого не выдал и даже заслужил уважение охранников.

В прессе его называли то Хлестаковым, то дьяволом, хотя был он фигурой не комической, а трагической. Он был целеустремлён, смел, умён, хитёр, обладая сильной волей, верил в себя и свою правоту, не имел душевных привязанностей и материальных ценностей, умел подчинить себе одних и добиться расположения других. Недостатки: самоуверенность, презрение к людям, деспотизм, жестокость. Его гневно осуждали и реакционеры, и революционеры.

«Нечаевское дело» знаменито ещё и тем, что подвигло Ф. М. Достоевского на создание романа «Бесы». Писатель в молодости был осуждён на смертную казнь за причастность к революционному кружку и был помилован в последние минуты перед исполнением приговора. Но террористом он не был. А роман его, как писал религиозный философ Сергий Булгаков, «имеет не только политическое, временное, преходящее значение, но содержит в себе зерно бессмертной жизни, луч немеркнущей

истины, как все великие и подлинные трагедии, тоже берущие себе форму из исторически ограниченной среды, в определённой эпохе».

…Вообще-то, тайное общество заговорщиков может добиться успеха лишь в том случае, если оно находится близ вершины общественной пирамиды. Тогда есть возможность захватить власть. А для революционного выступления, охватывающего народные массы, требуется достаточно многочисленная партия. Этого Нечаев не учёл. Его следовало бы отнести к категории революционеров-авантюристов.

* * *

Говоря о Великой французской буржуазной революции, историк Жюль Мишле обоснованно утверждал: «Вопреки бытующей вздорной версии, вожаки эпохи Террора вовсе не были людьми из народа: это были буржуа или дворяне, образованные, утончённые, своеобычные, софисты и схоластики».

Да, подлинные бунтари, отвергающие не только существующий строй, но и государство вообще и даже бытие Бога были, чаще всего, интеллектуалами и/или представителями аристократии.

Джордж Байрон

Джордж Ноэл Гордон Байрон (1788–1824) с младенчества был хром. Сначала по этой причине предпочитал одиночество. Узнал, что падший ангел света Люцифер, свергнутый с небес на землю, повредил ногу, счёл себя тоже отмеченным печатью проклятья свыше. И стал бунтарём.

Он происходил из знатного обедневшего рода. Детство провёл в городе Абердине (Шотландия). Унаследовал от двоюродного деда титул лорда и поместье. После закрытой аристократической школы, где начал сочинять стихи, учился в Кембриджском университете. Окончив его, путешествовал по Ближнему Востоку и Южной Европе. Вернулся в Англию анархистом, сторонником освобождения народов и человеческой личности — вплоть до восстания против Бога. Свои чувства и мысли воплотил в поэмах «Гяур», «Паломничество Чайльд Гарольда», «Лара», «Корсар», «Осада Коринфа»… Создал образ бунтаря, разочарованного в цивилизации и буржуазных ценностях.

В 1809 году в сатире на английских бардов и шотландских обывателей он признавался, словно умудрённый опытом старец, а не молодой человек чуть за двадцать лет:

Я зачерствел… теперь не тот уж я,
Бесследно юность канула моя;
Я научился думать справедливо
И говорить хоть резко, но правдиво…

Сатира получилась слишком резкой, а потому не всегда справедливой. Он постарался скупить как можно больше экземпляров этой книги, предваряя которую, высказал верную мысль: «Злоупотребление талантом для низких целей заслуживает самого решительного порицания».

Некоторые его чудачества граничили с безрассудством. Бросив вызов судьбе, рискуя жизнью, в 1810 году он в одиночестве переплыл пролив Дарданеллы. По тем временам это был рекордный заплыв. Он доказывал свою физическую полноценность самому себе.

Как член палаты лордов Байрон выступил в поддержку луддитов, протестовавших против внедрения машин в производство и безработицы. В Швейцарии написал героические поэмы «Манфред», «Каин». Но был он героем не только на словах.

В Италии присоединился к национально-освободительному движению карбонариев. Когда заговор был раскрыт, переехал в Грецию. Создал сатирическую поэму «Бронзовый век» и эпический роман в стихах «Дон Жуан» (оставшийся незаконченным).

В Греции он активно участвовал в борьбе против турецкого владычества. Посмертно он был удостоен высокой почести: тело его перевезли в Англию и похоронили в Вестминстерском аббатстве, где находятся могилы великих деятелей культуры.

Творчество и образ Байрона воздействовали на современников и последующее поколение. Вошло в обиход понятие «байронизм». Однако подражали частенько недостаткам поэта, не осмыслив его достоинств. А по мнению писателя Гилберта Честертона, «Байрон и байронизм были куда лучше, чем нам кажется. Прежде всего, мы ошибаемся, когда зовём Байрона пессимистом. Правда, он и сам так думал, но мало-мальски знакомый с Байроном критик знает, что, пожалуй, никто из умных людей не ошибался так на свой счёт, как он…

Вряд ли можно серьёзно считать, что байроническая страсть к пустынным местам и диким силам природы говорит о скепсисе и упадке духа. Если человек гуляет один на берегу бушующего моря, если он любит горы, ветер и печаль диких мест, мы можем с уверенностью сказать, что он очень молод и очень счастлив».

Парадоксально: Байрон не был байронистом (как не был дарвинистом Дарвин, марксистом — Маркс). Подлинный гений не укладывается в прокрустово ложе узкого направления. Байрон не часто бродил средь суровых скал и наслаждался гордым одиночеством в пустыне. В одном из писем он утверждал, что великие творения архитектуры «не уступают по красоте ни Монблану, ни Этне, да, пожалуй, и превосходят их, будучи непосредственными воплощениями ума… они заключают в себе некие свойства самой жизни, неведомые неодушевлённой природе, если, конечно, не принять систему Спинозы, согласно которой мир есть божество».

Или такой пассаж: «Но уберите пирамиды — и что останется от пустыни?» Как творцу культуры поэту близки и дороги великие создания людей. Вот пример «небайронизма» Джорджа Ноэля Гордона:

В полночь месяц чуть колышет
Воды в глубине;
Лоно моря еле дышит,
Как дитя во сне.
Так душа, полна мечтою,
Чутко дышит красотою;

Нежно в ней растёт прибой,
Зачарованный тобой.

Спору нет, огромное значение имеет искусство переводчика (в данном случае — Константина Бальмонта). Но и без того очевидно, что гениальный поэт создаёт многообразный, одухотворённый сильными чувствами и неожиданными мыслями воображаемый мир. И мир этот должен просветлять человечную душу. «По моему убеждению, — писал Байрон, — нет выше поэзии, чем поэзия, проникнутая этическим началом; как нет на земле ничего достойнее правды, в основе которой лежат высокие нравственные принципы».

И ещё: «Если смысл поэзии сведётся ко лжи, останется только швырнуть такую поэзию собакам или изгнать её за пределы республики, как это сделал бы Платон. Лишь тот, кто способен внести в поэзию правду и осмысленность, является „поэтом“ в истинном значении этого слова, „создателем“, „творцом“, — разведанные понятия означают „лгун“, „притворщик“, „выдумщик“? Человек способен на большее». По его словам, «в наши дни стало модным превозносить то, что зовётся „воображением“ и „фантазией“ и, по сути, является даром вполне заурядным; любой ирландский крестьянин, хлебнув немного виски, сочинит и нафантазирует вам куда больше, чем какой-нибудь современный поэт».

Он стремился к правде, искренности, осмысленности, а салонный «байронизм» быстро выродился в нечто прямо противоположное. В этом, конечно, не вина поэта, а беда общества.

…Далеко не всё в этом мире устраивало поэта. И он не только возмущается — мужественно вступает в ряды борцов за свободу. Если восстание против несовершенства Мира обречено на провал, то остаётся бунт личности, отстаивающей своё достоинство, духовную свободу, право на бунт. А ещё присутствует сознание непостижимости бытия. Оно даёт надежду на то, что все наши труды и страдания не напрасны, и есть скрытый смысл в этом мире и в нашем скоротечном существовании:

Меж двух миров, на грани смутной тайны
Мерцает жизни странная звезда.
Как наши знанья бедны и случайны!
Как многое сокрыто навсегда!

Но, пожалуй, самые знаменитые бунтовщики-анархисты были в России: Бакунин и Кропоткин.

М. А. Бакунин

Михаил Александрович Бакунин (1814–1876) родился и воспитывался в имении Прямухино Тверской губернии, в состоятельной культурной семье. Его отец, одно время примыкавший к декабристам, пытался освободить своих крестьян. Детей воспитывал в европейском духе.

Михаил окончил Артиллерийское училище в Петербурге, недолго служил офицером и вышел в 1835 году в отставку. В Москве познакомился с Герценом, Станкевичем, Белинским. Логичность и чёткость мысли, ясность изложения отличали его первую статью «О философии» (1840). За границей он изучал философию в Берлинском университете, где преподавал Шеллинг. Бакунина увлекла мечта о героических свершениях, освобождении личности от власти государства и церкви, от экономического рабства.

За участие в революционных восстаниях 1848–1849 годов его дважды приговорили к смертной казни суды Саксонии и Австрии. Выданный русскому правительству, после длительного заключения был сослан в Сибирь, откуда в 1861 году бежал через Японию и Америку в Англию. Написал: «Федерализм, социализм и антителеологизм» (1867) и «Государственность и анархия» (1873). Стал работать в I Интернационале. Выступал против подчинения личности коллективу и создания социалистического государства, в чём идейно разошёлся с Марксом и Энгельсом. Принял участие в Лионском восстании (1870) и выступлениях итальянских анархистов (1874). Умер в Швейцарии. В России его идеи оказали воздействие на движение революционеров-террористов, народников, коммунистов, анархистов.

Всё зло, считал он, проистекает из несвободы человека — духовной и материальной. Механизм подавления личности государство. Надо его уничтожить. Уже в первой своей заграничной статье «Реакция в Германии» (под псевдонимом Жюль Элизар) он провозгласил: «Радость разрушения есть творческая радость». Но он предполагал разрушение для последующего творчества, уничтожения отжившего, угнетающего человека.

Под влиянием идей Фихте он написал: «Цель жизни — Бог, но не тот бог, которому молятся в церквах, но тот, который живёт в человечестве, который возвышается с возвышением человечества». «Личность Бога, бессмертие и достоинство человека могут быть поняты только практически, только путём свободного дела», которое «утверждает Бога внутри самого себя».

Из частного письма: «Я чувствую в себе Бога, я ощущаю рай в душе».

А через несколько лет активной, опасной и благородной практической деятельности он же утверждает: «Если Бог существует, то у человека нет свободы, он — раб». «Я ищу Бога в людях, в их свободе, а теперь я ищу Бога в революции» (то есть, бунте, разрушении существующего порядка). «Всякий, кто хочет поклониться Богу, должен отказаться от свободы и достоинства человека». «Бог — это абсолютная абстракция, собственный продукт человеческой мысли».

Бакунин учил самым честным способом — своей жизнью, делом, а не только словом. Недаром Христос учил узнавать лжепророков «по делам их». Ведь большинство мыслителей ограничиваются поучениями и призывами. Бакунин выразился резко: «Долой все религиозные и философские теории! Истина не теория, но дело, сама жизнь… Познать истину не значит только мыслить, но жить, и жизнь есть больше, чем мышление… жизнь есть чудотворное осуществление идеи».

Его противоречивые суждения о Боге обретают цельность в духе пантеизма: «Природа — это всемогущество, по отношению к которому не может быть никакой независимости или автономии, это высшее сущее, которое охватывает и пронизывает своим непреодолимым действием бытие всех сущих, и среди живых существ нет ни одного, которое бы не несло в себе, конечно, в более или менее развитом состоянии, чувство или ощущение этого высшего влияния и этой абсолютной зависимости. Так вот, это ощущение и это чувство и составляют основу всякой религии».

Значит, человек обречён на вечное рабство у Природы, с её непреложными законами, не подлежащими обжалованию? Бакунин возражал: «Подчиняясь законам природы, человек ни в коей мере раб, так как он подчиняется только тем законам, которые присущи его собственной природе».

Ну а как быть с условиями социально-экономическими? Разве они не столь же неукоснительны и присущи природе человека? Ведь они складывались объективно, стихийно…

Нет, не вполне объективно, — по мнению Бакунина. Система подавления личности возникла в результате стремления части общества к господству, сопряжённому с материальным благоденствием. Они-то и делают из государства орудие подавления большинства. Противодействовать этому можно только бунтом.

«Три элемента или, если угодно, три основных принципа составляют существенно условия всякого человеческого, как

индивидуального, так и коллективного проявления в истории: 1) человеческая животность, 2) мысль, 3) бунт. Первой соответствует собственно социальная и частная экономика; второй — знание; третьему — свобода».

Развитие интеллекта и взаимное общение определили создание человечества и второй, изменённой природы. Инстинкт взаимосвязи превратился в сознание, а оно породило понятие справедливости. Возник труд, побеждающий и покоряющий мир. Организуя общество, «основанное на разуме, справедливости и праве, человек создаёт свою свободу!» Так рассуждал Бакунин.

Казалось бы, логично завершить, упомянув о научном социализме, позволяющем обустроить общество наилучшим образом. И тогда человеку останется, как иронизировал Достоевский, только есть, пить, да заботиться о продолжении всемирной истории.

Бакунин возражал против идеи Маркса о завершении человеческой истории: «Горе было бы человечеству, если бы когда-нибудь мысль сделалась источником и единственным руководителем жизни, если бы наука и учение стали во главе общественного управления. Жизнь иссякла бы, а человеческое общество обратилось бы в бессловесное и рабское стадо. Управление жизни наукою не могло бы иметь другого результата, кроме оглупления всего человечества».

При этом Бакунин не был противником науки, расширения горизонтов познания. Напротив, это он считал подлинным предназначением разумного существа. «Если человек не хочет отказаться от своей человечности, он должен знать. Он должен пронизывать своей мыслью весь видимый мир…»

Но почему бы не организовать жизнь общества на научных основах, если «знание — сила»? (Бакунин приводил этот афоризм Ф. Бэкона.) Только потому, что диктат науки засушит и погубит живую жизнь, в которой должно оставаться место таким «ненаучным» категориям как вера, надежда, любовь, свобода, красота, добро. «То, что я проповедую, — пояснял Бакунин, — есть, следовательно, до известной степени бунт жизни против науки или, скорее, против правления науки. Не разрушение науки — это было бы преступлением против человечества, — но водворение науки на её настоящее место».

Установление диктатуры пролетариата Бакунин считал возвращением после революции новой жёсткой государственной системы. Поначалу она может быть народной, но со временем бывшие рабочие «лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной…

Мнимое народное государство будет не что иное, как весьма деспотичное управление народных масс новою и весьма немногочисленною аристократиею…»

Предвидение Бакунина было пророческим. Его идеи отражали некие особенности духовной и материальной жизни общества и человеческой личности. Любое государство, как утверждал он, «есть зло, но зло, исторически необходимое». Только вот не оправдалась вера Бакунина в непрерывную поступь прогресса, который есть «длительный и постепенный переход от рабства к свободе, к величию, к совершенству, к действительной свободе, — вот в чём весь смысл истории».

Но может быть в истории человечества, как в судьбе каждого из нас, есть изрядная доля бессмыслицы? И не столько разумом живут люди, сколько неразумием? Или при любых условиях, даже наилучших, неизбежно проявится мятежная сущность человека? Максимилиан Волошин писал:

В начале был мятеж,
Мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.
И всё, что есть, началось чрез мятеж.

Артур Бенни

Артур Бенни (1840–1867) был одним из тех, кто поверил в скорую русскую революцию. Этим определялись его приключения в России, а также трагическая кончина. Н. С. Лесков посвятил ему очерк «Загадочный человек. Истинное событие», выступив в защиту Бенни, которого называли то английским шпионом, то борцом за свободу Польши, то агентом царской охранки, то эмиссаром Герцена.

Лесков, познакомившись с Бенни, подивился его детской наивности, вере не только в замечательные качества русского народа, но и в утверждение Герцена, что на Руси создано «поколение безоговорочно социалистическое».

Первое убеждение Бенни сложилось прежде всего под влиянием детских впечатлений. Родился он в царстве Польском Российской империи. Его отец Иоганн был пастором евангелического прихода (по одной версии он был евреем), мать — англичанкой. Учась в гимназии с польскими юными шляхтичами, Артур, по его словам, «услыхал от этих детей ложь, хвастовство и льстивость», а также «высокомерие и презрительное отношение к простолюдинам, слугам».

Во дворе гимназии больной русский солдат грелся на солнце, а мальчишки, будто нарочно, кидали в него мячом.

— Это не по-рыцарски, — сказал им Артур.

— Поляк не должен поступать по-рыцарски с москалями, — был ответ.

— Если, будучи поляком, нельзя быть рыцарем, то я лучше не буду поляком.

С тех пор он заинтересовался историей России, стал изучать русский язык, беседовал с солдатами. Узнал, что есть общинное владение землёй, артели, круговая порука.

Закончив образование в Лондоне, Бенни работал инженером. Но жизнь обывателя, работа на хозяина его не устраивала, хотя получал он деньги немалые: 500 фунтов или около 5000 рублей серебром.

Он увлёкся социалистическим учением, познакомился с Герценом, Огарёвым, Бакуниным. Встретился в этом кругу приехавший из Сибири купец, говоривший, что готов перепечатывать и распространять «Колокол», да нет подходящего человека.

Бенни согласился поехать с ним (за свой счёт) в качестве инженера и распространителя запрещённого издания. Политический эмигрант В. И. Кельсиев посоветовал ему

установить в Петербурге связь с демократами-революционерами, дав адрес одного из них — Андрея Ничипоренко.

Но по пути на родину, начиная с Парижа, купец вёл развесёлую жизнь с попойками и оргиями, вызывая у Бенни отвращение. В Берлине, после очередного загула, купец сказал, что в России выдаст его полиции.

Артур один приехал в Петербург. Познакомился с журналистами демократических убеждений (его приняли за агента Герцена). Против злобных нападок М. Н. Каткова на издателя «Колокола» опубликовал в «Северной пчеле» под инициалами А.Б. свою статью — «Поскребите русского англомана и вы найдёте татарина». Тогда ему было 22 года.

Ничипоренко утверждал, что всё готово для выступлений против самодержавия. Бенни предложил устроить «манёвры», собрав на площади хотя бы часть этих людей. Пришло 5 человек, да и те постарались поскорее исчезнуть.

Бенни решил отправиться в Нижний Новгород, познакомиться с жизнью в стране. Ничипоренко его сопровождал. Развязные манеры спутника доставляли Бенни немало огорчений. После того как в трактире Ничипоренко толкнул и обругал мальчика-слугу, Бенни заставил его извиниться. В Нижнем «революционер» в патриархальной семье выступил против брачных цепей за свободную любовь, приведя в негодование хозяйку дома. Неопрятный, вульгарный, наглый и самодовольный спутник доставлял Бенни только огорчения и неприятности (да и опустошал его кошелёк).

На ярмарке увидел Бенни знакомого купца-гуляку, который погрозил ему издали кулаком. А в темноте, когда они с Ничипоренко возвращались из харчевни, им встретился обворованный и побитый пьяный мужик. Бенни стал его поднимать, а тот вдруг заорал: «Грабят!». На крик прибежали казаки-охранники (они-то, пожалуй, и ограбили мужика), схватили Бенни. Он смог вырваться и убежать.

С перепугу Ничипоренко сжёг ночью все листы «Колокола», которые им надлежало распространять. Бенни уехал в Москву, чтобы избавиться от прилипчивого спутника. А тот в Питере пустил слух, что Бенни вовсе не революционер, а правительственный шпион. Затем съездил в Лондон, где произвёл хорошее впечатление на Герцена. При возвращении, боясь полиции, оставил запрещённую литературу на границе. Её передали русской полиции. Ничипоренко арестовали. Он оговорил многих людей, в том числе Бенни и Лескова. Последний, писал Ничипоренко, «имел вредные влияния на мои понятия».

В Питере Бенни попытался устроить женскую рабочую коммуну; тайно влюбился в одну из коммунарок. В его квартире поселились четыре субъекта, назвавшиеся социалистами. Они не работали, жили на его иждивении, выпивали. Насмехаясь над целомудренным хозяином, пели похабные песни, рассказывали грязные анекдоты, матерились. От нервного стресса на него порой находил столбняк. Когда он заболел, квартиранты растащили многие его вещи; служанка Прасковья едва отбила у них часть тёплого белья.

А заболел Бенни потому, что однажды вечером к нему явилась знакомая дама, разругавшаяся с мужем, и он две ночи провёл на берегу, наблюдая рыбную ловлю и замерзая от сырого холодного ветра. После болезни он, ослабев, не мог работать, страдал от безнадёжной любви, молился и плакал, впал в бедность. За долги его упекли в тюрьму, а затем выслали из страны за политическую неблагонадёжность.

По некоторым сведениям, он поселился в Швейцарии, где вступил в церковный брак с девушкой, которую полюбил в Питере. Писал в английские газеты. Даже прочитав «Мёртвые души», не разуверился в возможности русской революции. Корреспондентом поехал к гарибальдийцам.

В сражении при Монтане он был в обозе и предложил свою телегу раненым. Пешего и безоружного его настиг французский кавалерист и рубанул саблей, поранив руку. Как пленного его поместили в лазарет без надлежащего ухода. У него началась гангрена. О встрече с ним написала в воспоминаниях Александра Якоби. Он был рад, что может беседовать на русском языке, и надеялся вернуться в Россию. Вскоре его не стало.

В. И. Засулич

Засулич Вера Ивановна (1849–1919) начала свою революционную деятельность в конце 60-х годов в Москве, где познакомилась с членами кружка Н. А. Ишутина. У неё стали складываться социалистические убеждения.

В Петербурге она сблизилась со студенческими народническими кружками. Её приметил С. Нечаев и попытался вовлечь в свою организацию. Засулич согласилась только дать свой адрес для пересылки писем Нечаева из-за границы. Это послужило причиной её ареста в мае 1869 года. Её продержали в тюрьме 2 года, но оснований для привлечения к суду так и не нашли. Её отправляют в административную ссылку в Харьков под надзором полиции.

Решив перейти на нелегальное положение, она вошла в киевский кружок «бунтарей». Осенью 1877 года, когда большинство членов кружка арестовали, Засулич приехала в Петербург с планами организации освобождения из тюрем ряда политических заключённых. Но она изменила свои планы после того, как по приказу петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова был наказан розгами политический заключённый А. Емельянов (Боголюбов).

24 января 1878 года Вера Засулич пришла на приём к Трепову (он вышел с целой свитой). Когда он подошёл к ней, она вынула револьвер и нажала курок. Осечка! Опять нажала — выстрел! Она бросила револьвер на пол. На неё кинулись охранники, свалили на пол, стали избивать. Перевели в комнату, усадили на стул, связав сзади руки полотенцем. Поставили по бокам двух солдат со штыками на винтовках.

Когда жандармы ушли, один солдат шепнул ей:

— Где это ты стрелять выучилась?

— Невелика наука, — ответила она.

— Училась, да недоучилась, — сказал другой солдат. — Плохо попала-то!

— Не скажи, — возразил первый, — слыхать, хорошо попала, будет ли ещё жив.

Трепов, раненный в живот, выжил. Москвичи его не любили: он позволял себе самоуправство в делах города и был нечист на руку.

Суд присяжных оправдал Веру Засулич. Спасаясь от нового ареста, выехала за границу. Вернулась она в 1879 году убеждённой противницей индивидуального террора, примкнула к организации «Чёрный передел», а позже — к плехановской

марксистской группе «Освобождение труда». В Петербурге в феврале 1900 года она познакомилась с Лениным (он характеризовал её в беседе с Крупской как «кристально-чистого человека»).

После II съезда РСДРП она оказалась вместе с Плехановым в лагере меньшевиков. Во время Первой мировой войны оба они занимали оборонческую позицию, за что подверглись ленинской критике. Октябрьскую революцию Засулич считала преждевременной.

Вообще большой роли в партийной жизни после 1903 г. В. И. Засулич не играла, в печати с новыми статьями выступала редко; после 1917 года совсем отошла от политической деятельности. На её смерть «Правда» откликнулась некрологом, который заканчивался следующими словами: «За последние годы В. И. Засулич разошлась с революционным пролетариатом. Но в её прошлом пролетариат ценит великие заслуги. Имя её он никогда не забудет».

С. С. Синегуб

Синегуб Сергей Силович (1851–1907) был оригинальной личностью в среде русских революционеров. Впрочем, из них едва ли не большинство следовало бы отнести к личностям незаурядным. Если выше мы упомянули склонных к терроризму, то о нём этого сказать нельзя.

Студент Медико-хирургической академии, он с 1871 года вошёл в кружок «чайковцев» (был вместе с Перовской, Кропоткиным) и одним из первых начал пропаганду среди рабочих Петербурга. Его товарищ по кружку Л. Э. Шишко считал С. Синегуба одним «из талантливейших наших пропагандистов, пропагандиста по натуре, пользовавшегося огромным успехом среди фабричных рабочих…»

Он умел заводить знакомства с рабочими, умел говорить с ними увлекательно и задушевно. Он мог живо и с интересом спорить с рабочими по целым часам о самых разнообразных предметах… и располагал их к себе своею прямотою и искренностью. Рабочие любили его и ценили как учителя; вместе с тем он был поэт и написал для них получившие потом большое распространение «Думы ткача».

Пришлось Синегубу выполнить оригинальное партийное поручение: заключить фиктивный брак с Соней Чемодановой, дочерью состоятельного священника. Она желала избавиться от властной опеки родителей, чтобы учиться и работать. Молодые люди не знали друг друга. Пришлось Сергею сыграть роль состоятельного тайного возлюбленного Сони. Она оказалось непростой и отчасти комической. Впервые встретившись, они в присутствии её родителей обнялись и поцеловались! Ошарашенный священник и его жена едва не лишились чувств.

После непростых испытаний (отец знал, что дочь готова была на фиктивный брак) жениха признали настоящим. Состоялось венчание и свадьба. Молодые три ночи провели в одной комнате: она на двуспальной кровати, он — на сундуке. Сергей увёз её в Петербург, передав в женскую коммуну. Её стали называть Ларисой. Он испытывал немалые страдания: фиктивная жена пробила брешь в его сердце.

Новое партийное поручение — вести пропаганду в Тверской губернии — они решили выполнять вместе. И хотя жили в одной квартире, обращались к друг другу холодно на «вы»; она звала его — Силыч. А через некоторое время его формальная жена призналась, что полюбила его. «Я чуть с ума не сошёл от счастья в тот вечер, — вспоминал он. — Никогда бы у меня не повернулся

язык заявить Ларе о том, что я в неё влюблён до безумия: это было бы преступлением, посягательством на её свободу, так как я был её законный муж!»

Такие вот бывали странные отношения, мысли, чувства и убеждения у русских революционеров-народников 60-х годов XIX века.

Он посвятил ей большое стихотворение. (При жизни С. Синегуб печатался очень мало. В 1877 году в Женеве был издан сборник стихов русских политзаключённых «Из-за решётки» с 15 его стихотворениями за подписью «Вербовчанин».)

В конце лета 1873 года супруги вернулись в Петербург. Сергей Силыч не остепенился и вновь занялся пропагандой среди рабочих. 12 ноября во время обыска в квартире Синегуба жандармы нашли черновик его стихотворения, начинавшегося словами:

Гей, работники! несите
Топоры, ножи с собой,
Смело, дружно выходите
Вы на волю в честный бой.
Мы, под звуки вольных песен,
Уничтожим подлецов, —
Палача царя повесим,
С ним дворянство и купцов!..

Он был арестован и около четырёх лет содержался в тюрьме в ожидании суда. Его приговорили к 9 годам каторги, которую отбывал на Каре; потом сослали на поселение в Читу. Последние годы жизни он провёл в Благовещенске и Томске. Его жена добровольно последовала за мужем на каторгу.

Надо заметить, что в середине XIX века ситуация в России была вовсе не такой «предреволюционной», как предполагал, скажем, А. И. Герцен. Его призывы поднять народ на борьбу с самодержавием были услышаны сравнительно немногими интеллигентными молодыми людьми, тогда как крестьяне были готовы не более чем на отдельные бунты против конкретных злоупотреблений господ. Пропагандисты-революционеры выглядели в глазах большинства крестьян смутьянами и сумасбродами, о которых следует донести властям.

П. А. Кропоткин

Пётр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) родился в Москве, в семье генерала, потомка Рюриковичей; был камер-пажом Александра II, окончил Пажеский корпус с отличием.

Его ждала блестящая карьера. А он выбрал службу в Амурском казачьем войске, совершил ряд тяжелейших экспедиций, открыл неведомые ранее горные гряды, вулканические области, Патомское нагорье в Забайкалье; уточнил сведения о географии и геологии Сибири, Дальнего Востока. Вернувшись в 1867 году в Петербург, работал в Русском географическом обществе, совершал маршруты в Швеции, Финляндии. Учился на физико-математическом факультете Петербургского университета, зарабатывал на жизнь публицистикой.

И вот произошло нечто невероятное: князь Рюрикович стал народником! У него было словно три разных жизни одновременно: он работал в Русском географическом обществе, встречался с людьми из высшего общества (бывал в Зимнем дворце, например) и вёл революционную пропаганду среди рабочих. Его выследили, арестовали, заточили в Петропавловскую крепость. Там он постоянно болел и… написал классический труд «Исследования о ледниковом периоде»! Нечто небывалое в истории науки.

Совершив дерзкий побег из тюремной больницы, он 40 лет провёл в эмиграции. Сотрудничал в «Британской энциклопедии», публиковал научные труды: «Взаимопомощь как фактор эволюции», «Великая французская революция», «Хлеб и воля», «Современная революция и анархия», «Идеалы и действительность в русской литературе», «Этика», а также биографические «Записки революционера». После Февральской революции 1917 года он вернулся в Россию. Отверг предложение Керенского стать министром Временного правительства; Октябрьский переворот не признал; резко выступал против белого и красного террора, диктатуры большевиков. Умер в городе Дмитрове.

На его похороны в Москве пришли тысячи людей. Из тюрем на этот день были выпущены под честное слово анархисты.

У Кропоткина не было расхождений между словом и делом, идеалами и поведением, образом жизни и образом мысли. О нём Оскар Уайльд сказал: «Человек с душой того прекрасного Христа, который, кажется, идёт из России», считая его одним из двух по-настоящему счастливых людей из всех, кого он знал.

Анархия — это свобода. Так учил Кропоткин. Человеческая личность была для него высшей ценностью. Только социальные условия и воспитание приучают людей выбирать, что считать главным: личность или общество, материальные или духовные потребности.

Социал-дарвинисты утверждали (и продолжают твердить) о благе свирепой борьбы за существование и жестокой конкуренции для животных и общественного прогресса. Кропоткин убедительно опроверг эту идею. Он развил тему, заявленную петербургским зоологом Карлом Кесслером в речи «О законе взаимной помощи», написав обстоятельный труд «Взаимная помощь как фактор эволюции». Доказал: «Никакая прогрессивная эволюция видов не может быть основана на периодах острого соревнования».

Вывод: «Объединяйтесь — практикуйте взаимную помощь! Она предоставляет самое верное средство на обеспечение наибольшей безопасности, как для каждого в отдельности, так и для всех вместе; она является лучшей гарантией для существования и прогресса физического, умственного и нравственного. Вот чему учит нас Природа: и этому голосу Природы вняли все те животные, которые достигли наивысшего положения в своих соответственных классах. Этому же велению Природы подчинился и человек — и лишь вследствие этого он достиг того положения, которое мы занимаем теперь».

Философию Кропоткин понимал как обобщение научных данных. Она должна отвергнуть не только идеи бессмертия души и всевышнего Творца. «Мы должны низвергнуть третий фетиш — государство, власть человека над человеком. Мы приходим к предвидению неизбежности анархии для будущего цивилизованного общества».

«Государство — …покровитель мироедства, заступник хищничества, защитник собственности, основанной на захвате чужой земли и чужого труда! Тому, у кого ничего нет, кроме рук да готовности работать, тому нечего ждать от государства». Вот только «хватит ли у современных образованных народов достаточно строительного общественного творчества и смелости, чтобы использовать завоевания человеческого ума для всеобщего блага — трудно сказать заранее».

Подчеркнём: утверждал идеи справедливости, равенства, братства, свободы трудящихся не изгой, обделённый по рождению и воспитанию благами, а князь Рюрикович, наследник имений, лично знакомый с императором и его семьёй, признанный учёный. Он верил в высшие идеалы, стремление к которым изначально доказывал: «Нравственное начало в человеке есть не

что иное, как дальнейшее развитие инстинкта общительности, свойственного почти всем живым существам и наблюдаемого во всей живой природе».

Когда же организмы обрели такое качество? На стадии микробов? Или простейшая форма размножения делением одноклеточного организма, уже предопределяла «родственные связи» двух половинок, ставших самостоятельными существами?

…От каждого из нас в глубины миллиардолетий тянется непрерывная линия предков. Мы сохраняем родственные связи не только с представителями своего племени, всего рода человеческого, но и с млекопитающими, рептилиями, земноводными, рыбами, одноклеточными. Завет «возлюби ближнего как самого себя» утверждает не только равенство личностей, но и их единство.

Идея анархии противостоит системе господства и подчинения. Любой человек находится в центре мира. Каждый видит мир по-своему. Солнце и небосвод вращаются вокруг одного центра, которым является любой разумный наблюдатель.

Кропоткин недооценивал существование в природе, обществе, душе человеческой сил, нарушающих гармонию. Он не ощущал в себе низких чувств и помыслов. Он необычаен и славен не только тем, чего достиг, но и от чего отказался: от богатого наследства, высоких должностей, и даже почётного научного поста, позволявшего плодотворно продолжать исследования. Во имя идей свободы, справедливости и братства он стал революционером.

Главнейшая задача общества справедливости — предельно раскрыть творческие потенциалы каждого. Так считал Кропоткин. А раскрывается человек, не приспосабливаясь к окружающей среде, в свободных исканиях правды, созвучной его духовному строю, который, в свою очередь, остаётся отзвуком гармонии Мироздания.

Урок жизни Кропоткина поучителен. Этому человеку удалось прочувствовать какие-то глубочайшие истины, быть может, не высказанные в книгах, а присутствующие в окружающей и пронизывающей нас природе, дарованные нам поистине свыше, отражающие качества Вселенной как живого, прекрасного и разумного организма.

…В отличие от Бакунина, Кропоткин не был террористом.

С. Л. Перовская

Перовская Софья Львовна (1853–1881) — одна из наиболее знаменитых и убеждённых революционерок террористических убеждений принадлежала к аристократическому дворянскому роду. Отец её, Лев Николаевич, внук графа А. К. Разумовского, был с 1861 года петербургским вице-губернатором, а в 1865–1866 годах губернатором, членом Совета министров внутренних дел. Ей суждено было стать первой женщиной в России, казнённой как политическая преступница.

Софья получила хорошее домашнее образование, много читала. Большое впечатление произвели на неё сочинения Дмитрия Писарева. Научная и философская литература способствовали формированию у неё атеистического мировоззрения. Иисуса Христа она чтила не как Бога, а как мученика за идею любви к человечеству. По свидетельству хорошо знавшей её А. И. Корниловой, из Евангелия руководящими для Софьи Перовской заповедями стали: «вера без дела мертва», «любовь есть жертва», «люби ближнего твоего, как самого себя».

Желая продолжить образование, она поступила в 1869 году на Аларчинские женские курсы в Петербурге. Вместе с тремя сёстрами Корниловыми, дочерьми богатого фабриканта, они составили кружок саморазвития. В частности, изучали политическую экономию по книге Джона Стюарта Милля с примечаниями Н. Г. Чернышевского.

Отцу не понравились её свободомыслие и новые подруги; он запретил ей встречаться с ними. Она ушла из дома и скрывалась у друзей до тех пор, пока через два месяца отец не согласился выдать ей документы, необходимые для отдельного проживания в Петербурге.

Кружок Перовской вошёл в августе 1871 года в общество «чайковцев» или, как его ещё называли, «большое общество пропаганды» (поначалу оно было численно небольшим). С весны 1872 года она под видом фельдшерицы некоторое время жила среди крестьян Ставропольского уезда. В частном письме сетовала: «Пахнет отовсюду мёртвым, глубоким сном».

Вернувшись весной 1873 года в Петербург, Софья Перовская посвятила себя революционной пропаганде среди рабочих. В своём дневнике записала требования, которым должен удовлетворять достойный уважения человек: «а) закваска самостоятельности, б) известная степень способности развиваться, в) способность вдумываться как в себя, так и в

окружающих… г) известного рода честность или искренность, д) преданность известной идее». По её словам: «Наибольшее счастье человечество может достичь тогда, когда индивидуальность каждого человека будет уважаться, и каждый человек будет сознавать, что его счастье неразрывно связано с счастьем всего общества. Высшее же счастье человека заключается в свободной умственной и нравственной деятельности».

Арестовали Перовскую 5 января 1874 года. Полгода провела она в тюрьме и была взята на поруки отцом. Софья уехала в крымское имение своей семьи. Поправив здоровье, отправилась в Тверскую губернию работать в больнице. Чтобы не подвести отца, оставила на время революционную деятельность.

Вернувшись в Крым, она закончила Симферопольские женские курсы и собиралась работать в Красном Кресте (тогда шла война с Турцией), ухаживая за больными и ранеными. Её вызвали на политический «процесс 193-х» в качестве обвиняемой и оправдали, но в административном порядке выслали в город Повенец Олонецкой губернии. По дороге она сбежала и с этого времени перешла на нелегальное положение.

На окраине столицы она сняла домик, имея паспорт жены мастерового. Здесь часто собирался их кружок. Посещавший эти сходки Пётр Кропоткин вспоминал:

«Со всеми женщинами в кружке у нас были прекрасные товарищеские отношения. Но Соню Перовскую мы все любили. С Кувшинской и с женой Синегуба, и с другими все здоровались по-товарищески, но при виде Перовской у каждого из нас лицо расцветало в широкую улыбку, хотя сама Перовская мало обращала внимания и только буркнет: „А вы ноги вытрите, не натаскивайте грязи“…

Теперь в повязанной платком мещанке, в ситцевом платье, в мужских сапогах таскавшей воду из Невы, никто бы не узнал барышни, которая недавно блистала в аристократических петербургских салонах… Когда она была недовольна кем-нибудь, то бросала на него строгий взгляд исподлобья, но в нём виделась открытая, великодушная натура, которой всё человеческое не было чуждо. Только по одному пункту она была непреклонна. „Бабник“, — выпалила она однажды, говоря о ком-то, и выражение, с которым она произнесла это слово, не отрываясь от работы, навеки врезалось в моей памяти…

Перовская была „народницей“ до глубины души и в то же время революционеркой и бойцом чистейшего закала. Ей не было надобности украшать рабочих и крестьян вымышленными добродетелями, чтобы полюбить их и работать для них. Она брала их такими, как они есть, и раз, помню, сказала мне: „Мы

затеяли большое дело. Быть может, двум поколениям придётся лечь на нём, но сделать его надо“. Ни одна из женщин нашего кружка не отступила бы перед смертью на эшафоте. Каждая из них взглянула бы смерти прямо в глаза. Но в то время, в этой стадии пропаганды, никто об этом не думал.

Известный портрет Перовской очень похож на неё. Он хорошо передаёт её сознательное мужество, её открытый, здравый ум и любящую душу».

Став членом тайного общества «Земли и воли», она поехала в Харьков, надеясь организовать побег Ипполита Мышкина, находившегося в тюрьме. Однако осуществить эту акцию не удалось из-за недостатка сил и средств. Она вернулась в Петербург и после раскола «Земли и воли» примкнула к народовольцам, войдя в Исполнительный комитет этой тайной организации. Для Перовской революционный террор был прежде всего ответом на террор государственный, местью за смерть и мучения товарищей.

Она была активной участницей покушений на Александра II. После его убийства, которое Желябов, находясь в тюрьме, приписал себе как руководителю, Перовская пришла в отчаяние и, несмотря на нависшую над ней опасность, находилась в Петербурге, обдумывая планы освобождения Желябова и убийства нового царя. Конечно же, ни то ни другое осуществить было невозможно.

А за ней велась настоящая охота. По городу разъезжали и ходили те, кто мог её опознать и согласился сотрудничать с полицией. Вскоре её опознала одна торговка, проезжавшая в сопровождении околоточного надзирателя по Невскому проспекту…

На суде она держалась спокойно. Лишь однажды не выдержала, когда прокурор Муравьёв позволил себе заклеймить революционеров: «Отрицатели веры, бойцы всемирного разрушения и всеобщего дикого безначалия, противники нравственности, беспощадные развратители молодёжи». И воскликнул, что им «не может быть места среди Божьего мира!».

Перовская возразила: «Тот, кто знает нашу жизнь и условия, при которых нам приходится действовать, не бросит в нас ни обвинения в безнравственности, ни обвинения в жестокости».

Увы, так уж повелось с давних пор, что слишком часто радетелями веры и борцами за нравственность выступают те, кто не верит в высшие духовные ценности и ведёт нечистую лицемерную жизнь, а радеет за личные материальные блага и борется за свою карьеру…

В письме матери из тюрьмы 22 марта Софья подвела итог

своего жизненного пути: «Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения, поступать же против них я была не в состоянии, поэтому со спокойной совестью ожидаю всё, предстоящее мне».

На скамье подсудимых она была вместе с Андреем Желябовым. С ним она подружилась в 1880 году и вскоре полюбила его всем сердцем. Это была её первая и единственная любовь. Они были счастливы и умерли в одно и то же время. Но в отличие от любовных романов с подобным счастливым финалом, молодые революционеры погибли на эшафоте 3 (15) апреля 1881 года.

ГЕНИИ-ОРИГИНАЛЫ

Гении, выходившие за пределы обыденного, нередко выглядят чудаками и оригиналами. Чезаре Ломброзо, о котором уже была речь, сделал радикальный вывод: «Не подлежит никакому сомнению, что между помешанным во время припадка и гениальным человеком, обдумывающим и создающим своё произведение, существует полнейшее сходство».

Поразительна абсолютная уверенность в своей правоте! В предисловии к четвёртому изданию своего нашумевшего сочинения «Гениальность и помешательство», он гордо отвечал: «На язвительные насмешки и мелочные придирки наших противников мы, по примеру того оригинала, который для убеждения людей, отрицавших движение, двигайся в их присутствии, ответим лишь тем, что будем собирать новые факты и новые доказательства в пользу нашей теории».

Таково обычное заблуждение энтузиаста, обуреваемого манией научного открытия: он подбирает ради этого факты, доказывающие его любимую идею, не обращая внимания на те, что её отрицают. Так безумно влюблённый замечает в объекте своей страсти только прекрасное.

…В античности возник такой анекдот. Некто (называли имена разных мыслителей, в частности Фалеса Милетского), направляясь в башню, откуда собирался наблюдать солнечное затмение, не заметил ямы и свалился в неё.

Люди смеялись, помогая ему выбраться:

— Чудак, хочешь разглядывать далёкое солнце, когда сам не видишь то, что у тебя под ногами.

«О мудрецы, не отрывающие взгляда от дороги, чтобы — упаси бог! — не споткнуться. Вы не видите неба».

Быть может, примерно так отвечал он. История не сохранила его слов. Люди охотней смеются над мудрецами, чем прислушиваются к их советам.

Выдающиеся люди слишком часто служат объектами зависти, злобных насмешек, непонимания. Жизнь их складывается подчас не только тяжело, но и трагично. Ломброзо объяснял это тем, что они сходны с безумцами. А может быть, наоборот — именно они нормальные люди среди помешанных, лишённых полноценного ума и творческой потенции?!

Иероним Босх

Творения этого художника пересказать трудно. Потребовался бы объёмистый очерк, с преобладанием догадок и домыслов, разных вариантов толкований. В его гравюрах, картинах тысячи разнообразнейших персонажей, нередко фантастических и аллегорических, находящихся в самых невероятных положениях и ситуациях.

Фантасмагории! Нечто новое в истории живописи, порождение средневекового мировоззрения. Оно соединяло в единое целое мир зримый и воображаемый; вера в инобытие предметов и явлений придавало им невероятные облики.

Иероним Босх (ок. 1450–1516) — автор этих произведений. При всей своей фантастичности они воспринимаются как обращённые к нам послания из «параллельного мира» прошлого. В них заключена тайна, о которой свидетельствуют не только загадочные образы, но и вдруг замечаемый взгляд, устремлённый на тебя — проницательный, порой чуть ироничный. Он словно спрашивает: Ты можешь меня понять? Нет? А себя ты познать способен? Так ведь я это тоже ты, и ты — это я; а если тебя увлекают мои фантазии, значит, между нами и нашими мирами есть слишком много общего…

Обычно понять творчество мастера помогает его биография. Но и тут Босх оригинален. То немногое, что выяснено о его жизни, ничем особенным не отмечено. Год его рождения не установлен, хотя место известно: город Хертогенбос в Северной Фландрии (Нидерланды), от названия которого и появился псевдоним Босх.

Настоящее имя художника — Ерун ван Акен. Происходил он из семьи потомственных ремесленников-художников, что было характерно для европейского Средневековья с его цеховым укладом. Женившись на богатой патрицианке, Иероним большую часть жизни провёл в её родовом имении. Но всё это не объясняет, каким образом и почему появился необыкновенный мастер. Отчасти помогает это понять эпоха, в которую он творил.

«Босх стоит, — пишет искусствовед Е. Акимова, — на грани двух великих эпох европейской культуры: Средневековья и Ренессанса. Он жил и работал в точке пересечения разных художественных и идеологических позиций. Вся разноликость переходной эпохи воплотилась в искусстве мастера. Своеобразный творческий язык Босха, возникший как слияние двух противоположных типов мировоззрения, едва ли когда-нибудь будет разгадан до конца.

Как и у всех художников эпохи Возрождения, велик интерес Босха к реальной действительности. Он стремится охватить мир целиком, во всём многообразии его видимых форм, создать универсальную картину Вселенной. Отсюда на его полотнах огромное количество вещей, предметов, людей и животных, целая энциклопедия разнообразнейших форм органического и неорганического мира. Картины природы, служащие в большинстве случаев фоном его работ, Босх пишет с небывалой до него убедительностью и реалистичностью. Наполняя свои пейзажи воздушной атмосферой, смело используя эффекты освещения, Босх выступает как художник новой эпохи, эпохи Возрождения…

Босх, которого по праву считают основоположником жанровой живописи, черпающий свои сюжеты из окружающей действительности, неуклонно следует средневековой традиции. Ради выявления внутреннего смысла происходящего он нарушает реальные жизненные связи, прибегая к языку иносказаний. Но этот своеобразный творческий метод не усложняет, а, напротив, упрощает для современников мастера восприятие его произведений».

Первая из дошедших до нас его картин «Операция глупости» приближённо датируется 1480 годом. Она потрясающе современна: «Инъекция в мозг»! Задумчивый специалист с воронкой (для промывания желудка) на голове ковыряется каким-то прибором в мозгу упитанного бюргера. Из прорех растёт… тюльпан, символ глупости. Рядом стоит монах с кувшином в руке (заказчик?). Напротив — женщина со скептической улыбкой и книгой на голове (аллегория мудрости?).

Теперь «промывают мозги» с помощью электронных средств массовой пропаганды. Суть от этого не меняется. Всё по-прежнему: есть хитрый и корыстный заказчик, есть ловкие исполнители и массы оболваненных людей, так и не способных понять, что с ними происходит, кто и как управляет их сознанием, формирует их взгляды и убеждения, регулирует ход мысли. В XX веке начала формироваться наркоцивилизация по тем канонам, которые с гениальной прозорливостью отметил полтысячи лет до того художник-мыслитель Босх.

У Босха много жанровых зарисовок. Часто его взгляд останавливался на калеках и нищих, уродцах. Многие их них зарисованы сверху, словно при взгляде из окна. Возможно, невдалеке от его дома была церковь или рыночная площадь. Что имел в виду он, делая такие наброски? Превратности судьбы, ущербность человеческой природы, допускающей жестокость «высшего судии»? Некоторые реальные образы обретают странные

черты: петух тянет бочку, с которой валится фигура с воронкой в руке и блюдом с вазой на спине; некто округлый и голый, прикрытый корзиной, стоит на одной ноге, пронзённый стрелой, а птица клюёт его в зад…

По мнению Е. Акимовой, «с годами идея о несовершенстве человека, о его греховности приводит Босха к убеждению, что вся земная жизнь есть не что иное, как прямая дорога в ад. Свои представления об устройстве преисподней художник черпает из средневековых литературных источников, традиционной иконографии. Обитатели ада в изображении Босха вполне реалистичны с точки зрения представлений того времени. Привычным и естественным для современников мастера было изображение демонических образов в виде гибридов насекомых, птиц, пресмыкающихся, различных „нечистых“ животных: крыс, жаб, летучих мышей.

Безудержная фантазия Босха „совершенствует“ этих персонажей, наделяя небывалыми доселе чертами. В ранних работах художника ад напоминает не то огромную кухню, не то строительную площадку, где деловитые „повара“ и „мастеровые“ вершат свою привычную работу — мучают грешников. Варят их в котлах, жарят на сковородках, режут ножами, расплющивают на наковальнях, — словом, добросовестно выполняют весь технологический цикл адских мучений. Если поначалу ад Босха ограничивается пределами преисподней, то постепенно, в более поздних работах, он начинает как бы выплёскиваться наружу, вливаться в земную жизнь, превращаться в её неотъемлемую часть. И даже райские сады Эдема наполняют сонмы странных существ — не то ангелов, не то чертей, принявших облик небожителей».

В образах Босха могут поразить или озадачить мелкая деталь, небольшой фрагмент — и сами по себе, и в связи с целой картиной. Таковы, например, выполненные им алтари «Искушение св. Антония» и «Сад земных наслаждений», а также гравюры из цикла «Семь смертных грехов» («Гнев», «Тщеславие» и др.). Их содержание не укладывается в пределы названных автором тем. Гнев показан не только злобным и беспощадным, но и глупым; тщеславие громоздит причудливые сооружения; любой из грехов превращает людей в грязных и мерзких тварей…

В одной из его картин изображён небесный тоннель, по которому души устремляются к свету. Это похоже на воспоминания некоторых пациентов, побывавших в состоянии клинической смерти. Как объяснить такое совпадение? Тем, что Босх принимал какие-то препараты, вызывавшие яркие фантастические видения, чаще всего тревожные и страшные? И

ощущение полёта тоже может быть следствием наркотического опьянения.

По-видимому, Босх переживал острые приступы неприязни к людям. У него есть алтарный триптих «Поклонение волхвов» — реалистичный, а то и ироничный по отношению к свидетелям чуда рождения Спасителя. Но есть и другие полотна: «Христос перед народом», «Несение креста», «Надевание тернового венца», где мучители — по большей части уродливые и гнусные рожи — торжествуют, издеваются над Иисусом. Один человек стоит за Христом, глядя на него с состраданием и глубокой печалью, а на шее у него — ошейник с шипами, на шапке — дубовая ветвь. Лицо выписано тщательно и реалистично. Судя по всему, это — автопортрет художника.

Да, на нём «строгий» ошейник; да, вокруг глумятся подлецы и глупцы; да, всё ещё не удаётся спасти человечество от пороков. Но пока есть люди, сознающие это и готовые следовать по пути, указанному Христом, до тех пор остаётся надежда…

Бенедикт Спиноза

Дерзания мысли, тернистый путь преодоления существующего состояния общества, религиозных верований, философских концепций, научных теорий — особенность всех великих творцов. Без этого не возникнет ничего нового. Если для социального мятежа необходимы народные массы, то для интеллектуального — незаурядная, неординарная личность.

Барух (Бенедикт) Спиноза (1632–1677) осмелился не только создать оригинальное философское учение, но и подвергнуть критике религиозные догмы. А это в его времена было опасно.

Он принадлежал к амстердамской еврейской общине, изучал иудаизм. Отец его, богатый торговец, выходец из Португалии, позаботился о хорошем образовании сына, рано потерявшего мать. Знания юный Барух воспринимал всерьёз. Его восхищала логика евклидовой геометрии. Стремясь мыслить так же строго, он усомнился в канонах иудаизма. Заявил: нет доказательств бессмертия души; создателем Пятикнижия (первых пяти глав Торы и Ветхого Завета) не был Моисей; этими авторами были невежды не только в науках, но и в теологии.

Руководители общины попытались урезонить еретика. Он не покаялся и в 1656 году был отлучён от общины и проклят. На 5 лет ему запретили проживать в Амстердаме. Он освоил ремесло шлифовальщика стёкол, основательно изучал философию и перешёл в католичество, крестился. Свой «Богословско-политический трактат» он опубликовал анонимно в 1670 году. Книга вызвала скандальный интерес и переиздавалась ежегодно 5 раз.

Стремление к истине сыграло с ним злую шутку. Он подверг сомнению истины не только Ветхого, но и Нового Завета. Некоторые христианские богословы и раньше обращали внимание на ряд противоречий и сомнительных историй в Священном Писании, предлагая толковать такие места аллегорически. А Спиноза исходил из необходимости осмысления текстов с учётом обстоятельств их создания, личности авторов; ссылался на купюры, повторы, поздние вставки, несоответствия, разночтения в Библии. Священное Писание помогает склонять народ «к послушанию и благоговению», а также «принесло смертным очень большое утешение». У обывателя имеется потребность веры в чудо, основанной на суеверии. Религия использует это, побуждая следовать нравственным нормам.

Такие утверждения выглядели как опасное чудачество и требовали немалого мужества. Критики называли его трактат

орудием, «выкованным в аду изгоем среди евреев вкупе с самим дьяволом». Хотя Спиноза не отрицал бытие Бога, его обвиняли в атеизме. На его счастье христиане в Нидерландах и Германии были терпимее, чем иудаисты, один из которых даже покушался на жизнь мыслителя.

Спиноза склонялся к пантеизму. Он писал: «Под управлением Бога я понимаю известный незыблемый и неизменный порядок природы, или сцепление естественных вещей». И пояснял: «Всеобщие законы природы, по которым всё совершается и определяется, суть только вечные решения Бога, заключающие в себе всегда вечную истину и необходимость. Следовательно, говорим ли мы, что всё происходит по законам природы или что всё устраивается по решению и управлению божьему, мы говорим одно и то же». В другом месте рассуждает иначе: существует «порядок природы, необходимо вытекающий из её вечных законов». Выходит, идеей Бога можно пренебречь? Но Спиноза оговаривается: «Здесь я разумею под природой не одну материю и её состояния, но, кроме материи, и иное бесконечное».

По-видимому, он представлял Мироздание механизмом, созданным Творцом. Всё предопределено. «Человек необходимо подвержен всегда пассивным состояниям, следует общему порядку природы, повинуется ему и приспосабливается к нему, насколько того требует природа вещей».

Против этой идеи резко возразил… сам Спиноза! Не словом, а поведением (что более убедительно). Ведь он поступил вопреки «общему порядку», когда опровергал талмудистов, а затем и христианских теологов; не приспосабливался, а выступал, отстаивая своё понимание истины без надежды на успех.

Он полагал, что разум человека — господин эмоций. В этом он разделил заблуждение своего старшего современника, учёного, философа и писателя Блеза Паскаля, считавшего: «Человек — самая ничтожная былинка в природе, но былинка мыслящая… Будем же стараться хорошо мыслить: вот начало нравственности».

Лично для них было именно так. Но для подавляющего большинства людей всё как раз наоборот. Слишком многие используют свой ум только для того, чтобы потакать своим низменным потребностям или угождать имущим власть и капиталы.

Спиноза толковал свободу как осознанную необходимость. В работе «Этика, доказанная в геометрическом порядке» от «определений» переходил к «аксиомам», доказывал «теоремы», выводил «колларии», пояснял «схолиями». Он строил стройную логическую конструкцию. А речь шла не о простейших фигурах и ситуациях геометрии, а о предметах чрезвычайно сложных,

многозначных. (Ведь и геометрия Евклида оказалась лишь частным идеальным случаем из многих возможных; реальный мир иной.)

По его мнению, Бог «необходимо существует», «действует по одной только необходимости своей природы», «составляет свободную причину всех вещей»; всё существует в Боге и зависит от него, всё предопределено Богом, но «не из свободы воли или абсолютного благоизъявления, а из абсолютной природы Бога, иными словами, бесконечного его могущества».

Идея Бога превращается в абстракцию. Как писал один из критиков Спинозы: «Его Богу недостаёт истинной личности, самосознания, интеллекта и святой воли, бескорыстия, доброты, мудрости и правосудия». Критик делал оговорку: сам философ вёл достойный образ жизни. Спиноза, растворяя понятие Бога в абсолюте и Природе, личным примером показал, что жить достойно и нравственно можно и без боязни кары Господней и без надежд на посмертную плату за добродетель.

…Сам факт существования многих религиозных систем, их эволюции, идейной борьбы верований показывает субъективный характер веры (включая атеизм). Спиноза подчёркивал, что только христианин верит в чудо воскресения Иисуса Христа. Но тогда правомерен вопрос: значит, объективно этого чуда не было? Спиноза находит ответ схоластичный по форме и материалистичный по содержанию: «Воскресение Христа из мёртвых было в действительности духовным и было открыто лишь верующим, сообразно с их пониманием».

Его идеи вошли в общественное сознание лишь в XIX веке. Они стали популярны и у идеалистов, и у материалистов. Не случайно в водевиле А. П. Чехова персонаж произносит: «Я вам не Спиноза какой-нибудь, чтобы ногами кренделя выделывать».

В своём духовном развитии Спиноза был удивительно прям и последователен. Но для современников, так же как для обывателей последующих веков он представлялся из ряда вон выходящим оригиналом. Подумать только: считая свободу осознанной необходимостью, он не смог приспособиться ни к иудеям, ни к христианам! В Амстердаме мог бы стать почтенным раввином, процветающим торговцем, но не пожелал. Бедствовал, но отверг предложение стать профессором на философской кафедре Гейдельбергского университета, ради свободных исканий истины.

И уже вовсе сумасбродный поступок мыслителя. Король Франции Людовик XIV пожелал дать ему пожизненную пенсию при условии, что философ напишет ему посвящение на титуле одной из своих книг. И этой малой уступки «королю-солнцу»,

покровителю искусств и наук, Спиноза не сделал! А ведь работа, при которой стекольная пыль попадала в лёгкие, подорвала его здоровье, он умер в 45 лет.

Пример Спинозы и многих других мыслителей показывает, что твёрдые убеждения и сильная воля позволяют достичь выдающихся достижений, прославить имя в веках, но весьма затрудняют личную жизнь.

Г. С. Сковорода

Григорий Саввич Сковорода (1722–1794) — поэт, просветитель, по мнению В. В. Зеньковского, «первый философ на Руси в точном смысле слова». Однако Сковорода был более чем мыслитель: жил в соответствии со своими воззрениями, как подлинный учитель жизни.

Верно сказал его биограф М. И. Ковалинский: «Поставленный между вечностью и временем, светом и тьмою, истиною и ложью, добром и злом, имеющий преимущественное право избирать истинное, доброе, совершенное и приводящий то в исполнение на самом деле, во всяком месте, бытии, состоянии, знании, степени — есть мудрый, есть праведный. Таков есть муж, о котором здесь предлежит слово».

Родился Сковорода в селе Чернухи на Полтавщине в казацкой семье. С детства отличался твёрдостью духа, набожностью, музыкальностью, жаждой знаний. Поступил в Киево-Могилянскую академию, но был вызван в Петербург, где стал певчим в придворной капелле. Через два года, вернувшись в Киев, продолжил учёбу. Окончив академию, поступил на службу к генералу Вишневскому и несколько лет пробыл в западных странах, главным образом в Венгрии.

Он прекрасно владел немецким и латинским, знал греческий и древнееврейский. За границей изучал труды античных философов. На родине стал странствующим просветителем и проповедником. «Не войду в город богатый, — писал он, — я буду на полях жить». Так и поступал.

«Сковорода — крестьянский просветитель. Он решительно осуждает не только феодальные оковы, — писали И. В. Иванько и В. И. Шинкарук, — но и социальный гнёт буржуазных отношений. Ему органически чуждо воспевание собственнического интереса как движущей силы человеческих поступков, свойственное буржуазным просветителям… Сковорода восстаёт… прежде всего против власти вещей, богатства, накопительства… Мир, в котором господствуют буржуазно-собственнические отношения, — это мир морального растления, власти вещей, корыстолюбия, алчности, духовной опустошённости».

Незадолго перед смертью он побывал в Петербурге, пришёл к своему другу и ученику Ковалинскому и передал ему свои рукописи. Умирать вернулся на родную Полтавщину. На могиле завещал поместить собственную эпитафию: «Мир ловил меня, но не поймал». Что этим он высказал? Свой уход от мира материальных ценностей ещё при жизни? То, что ему удаюсь

избежать соблазнов этого мира? Или достижение духовной свободы и независимости? Или то, что он не будет понят как мыслитель?..

Непростой смысл его философских и морально-этических взглядов тоже можно толковать по-разному.

Сковорода не из сочинений знал о жизни, горестях и мыслях людей. Его огорчали более всего несправедливость и нечестивость, озабоченность многих людей низменными материальными благами. Смерть воспринимал как мудрец. В письме рассказал о своём присутствии в храме, где отпевали игумена: «О времена! О нравы! Игумен умер, народ суетится, плача; я смеюсь и вместе с тем плачу в душе. Смеюсь над человеческой глупостью, её же оплакиваю… Где благочестие? Где прежняя мудрость? Такими словами оплакивать телесную смерть, которой вовсе не следует избегать и которую всякий, у кого есть хоть немного здравого смысла, должен признать единственным и надёжнейшим выходом из всех опасностей и бед?».

В цикле «Сад божественных песен» Сковорода восклицает: «Смерть страшна, замашная коса!» Вопрошает: кто же плюёт на её «острую сталь»? И отвечает: «Тот, чья совесть, как чистый хрусталь…»

Он не стремился создавать логически выверенное учение, подобно Спинозе, а был естественен и противоречив, как сама жизнь. В одном случае говорил: «Мысль есть тайная пружина всей нашей телесной машины». В другом утверждал: «Всему в человеке глава есть сердце — оно и есть истинный человек». И раскрывал смысл, соединяя оба тезиса: «Что есть сердце, если не душа? Что есть душа, если не бездонная мыслей бездна? Что есть мысль, если не корень, семя и зерно всея нашей плоти-крови?..»

Свобода его суждений удивительна. Признавая, что «христианский Бог есть Библия», Сковорода продолжал: «Но сей Бог наш первее на еврейский, потом на христианский род бесчисленные и ужасные навёл суеверий наводнения». Возмущался христианскими суевериями: что Иисус Навин остановил солнце, что скоро грядёт конец света и пр. Считал, что это хуже безбожия! И даже: «Библия есть ложь…» В диалоге Души с Духом позволил себе весьма смелые высказывания (ниже дан сокращённый пересказ):

ДУХ. Библия — не только от Бога, но и от дьявола. Она во многом безрассудно и вредно, без всякого вкуса лжёт.

ДУША. Где же там ложь?

ДУХ. Повсюду. Самая первая: «Вначале сотворил Бог небо и землю».

ДУША. Боже мой! Неужели сие ложь есть?

ДУХ. Конечно. Известно, что не одна земля на свете, а множество миров. И давно уже просвещённые люди сказали: вещество вечно. Да и откуда свет, если все небесные светила появились только на четвёртый день? А как день может быть, если ещё нет солнца? И весь рассказ о сотворении таков, будто кто-то был зрителем этого вселенского чуда… Наконец, Бог закрыл свою фабрику, будто утомился. А то бы, пожалуй, мог натворить всяких крылатых черепах, пуховых ежей, премудрых дураков, вечный двигатель…

Сковорода пояснил: мир Священного Писания — «символический, тайнообразный». Есть другой мир, окружающий и пронизывающий нас: «мы в нём, а он в нас обитает». Наконец, третий мир — микрокосм человека. Все три составляют единство. Есть сущности явная и тайная, видимая и незримая, телесная и духовная.

Такое соединение Бога и материи позволяет считать Сковороду пантеистом. Он писал: «Нельзя сыскать важнее и Богу приличнее имени, как… природа или естество».

Некоторые прозрения его замечательны. Он постоянно возвращался к идее круговоротов: «бесконечное начало и безначальный конец, начиная, кончит, кончая, начинает. Но бесчисленный есть тайнообразный мрак божественных гаданий». Что сие означает? Бесконечное разнообразие постоянных воплощений творческой энергии? Возможно. А что значит «мрак божественных гаданий»? Не то ли, что даже Богу многое неведомо, и нет неизбежного предопределения? Иначе говоря, в мире царствует не только необходимость, но и неопределённость, вероятность. (В XX веке Альберт Эйнштейн усомнился, что «Бог играет в кости», но принцип неопределённости Гейзенберга опроверг его сомнения.)

Сковорода прозорливо отметил:

«Мы в посторонних околичностях чересчур любопытны, рачительны и проницательны: измерили море, землю, воздух и небеса, обеспокоили брюхо земное ради металлов… нашли других миров неисчислимое множество, строим непонятные машины, засыпаем бездны, возвращаем и привлекаем стремнины водные, ежедневно новые опыты и дивные изобретения.

Боже мой, чего не умеем, чего мы не можем? Но то горе, что при всём том кажется, что чего-то великого недостаёт…

Математика, медицина, физика, механика, музыка с своими буйными сёстрами: чем изобильнее их вкушаем, тем пуще палит сердце наше голод и жажда, а грубая наша остолбенелость не может догадаться, что все они суть служанки при госпоже…

Дух несытости гонит народ…

Что же такое сделать вас может счастливыми?»

Ответ прост: «Сие-то есть быть счастливым — узнать, найти самого себя». Наше истинное счастье «живёт во внутреннем сердце нашего мира, а мир в согласии с Богом». Необходимы усилия ума и воли: «Не разум от книг, но книги от разума родились». И добьётся успеха лишь тот, «кто чистыми размышлениями в истине очистит свой разум». А «источником несчастия есть нам наше бессовестие».

Чистая совесть, искренняя устремлённость к истине — вот путеводная нить, ведущая к таящейся в душе искре Божией. Сковорода напоминает слова Иисуса Христа: «Царство Божие внутри вас есть».

«Сего сокровища не ищи вне себя, — не раз повторяет Сковорода. — Уединение — внутри себя, покой — в сердце твоём: отрежь и убей, попри волю свою буйную, иначе, хоть покори всю Вселенную, не сыщешь [счастья]». Но главное поучение он выразил собственной жизнью и с полным основанием мог написать:

«Что касается меня, то пусть другие позаботятся о золоте, о почестях, о сарданапаловых пирах и низменных наслаждениях; пусть ищут они народного расположения, славы, благоволения вельмож; пусть получат они эти, как они думают, сокровища, я им не завидую, лишь бы у меня были духовные богатства».

Проста формула спасения и каждой личности, и всего человечества: ограниченные материальные потребности и безграничные — духовные.

Эрнст Теодор Амадей Гофман

Судьба Эрнста Теодора Амадея Гофмана удивительна прежде всего потому, что универсальная одарённость, не менее, чем у Гёте, высокий профессионализм в нескольких видах деятельности не принесли ему жизненных благ. Личность фантастическая! Возможно, он имел в виду себя, упомянув о студенте-неудачнике, у которого хлеб с маслом всегда падал намазанной стороной вниз.

Талантливый советский писатель Юрий Олеша в книге «Ни дня без строчки» вопрошал:

«Кто он был, этот безумный человек, единственный в своём роде писатель в мировой литературе, со вскинутыми бровями, с загнутым книзу тонким носом, с волосами, навсегда поднявшимися дыбом? Есть сведения, что, работая над книгой, он так боялся того, что изображал, что просил жену сидеть с ним рядом.

Гофман необычайно повлиял на литературу. Между прочим, на Пушкина, Гоголя, Достоевского.

У Герцена есть восторженная статья о нём.

Он появился, мне кажется, ни на кого не похожим. Он не только фантаст, но полон жаром, бытом, подлинностью.

Иногда он путается. Говорят, что он писал пьяным.

Музыка царит в его произведениях. Кавалер Етюк появляется из прошлого, живой перед ним, Гофманом, и слушает исполнение „Ифигении в Авлиде“. Дирижёры, театральные занавесы, загримированные актрисы толпятся на его страницах.

Он, может быть, первый изобразил двойников, ужас этой ситуации — до Эдгара По…»

Упомянутые Олешей писатели — лишь первая волна, которую вызвали в мировой литературе сочинения Гофмана. Вторая и третья прокатились в XX веке. В Чехии и Австрии на неё отозвались Карел Чапек, Франц Кафка; в России — Михаил Булгаков, Олеша, ранний Заболоцкий; в 1921 году в Петрограде возникло литературное сообщество «Серапионовы братья» (по названию романа Гофмана), объединявшее Вс. Иванова, М. Зощенко, К. Федина, Н. Тихонова и некоторых других писателей.

На вопрос «кто же он был?» отчасти даёт ответ его жизнеописание.

Своё мнение о Гофмане высказал и психиатр Чезаре Ломброзо, находя у писателя (по старинке называемого поэтом за силу воображения и буйство фантазии):

«Известно, что Гофман, самый причудливый из поэтов, обладал замечательными способностями не только к поэзии, но также к рисованию и музыке; он является творцом особого рода фантастической поэзии, хотя рисунки его всегда походили на карикатуры, рассказы отличались несообразностью, а музыкальные произведения представляли какой-то хаотический набор звуков. И вот этот оригинальный писатель страдал запоем и уже за много лет до смерти писал в своём дневнике: „Почему это, как наяву, так и во сне, мысли мои невольно сосредотачиваются на печальных проявлениях сумасшествия, беспорядочные идеи вырываются у меня из головы подобно крови, хлынувшей из открытой жилы?..“ К атмосферным явлениям Гофман был до того чувствителен, что на основании своих субъективных ощущений составлял таблицы, совершенно сходные с показаниями термометра и барометра. В продолжение многих лет он страдал манией преследования и галлюцинациями, в которых созданные им поэтические образы представлялись ему действительно существующими».

Впрочем, как мы уже отмечали, Ломброзо лучше разбирался в помешательствах, чем в гениальности…

Эрнст Теодор Амадей Гофман (1776–1822) родился в прусском городе Кёнигсберге (ныне Калининград) в семье чиновника. В юности увлекался музыкой, живописью, литературой. Любил кукольный театр, вырезал деревянных и бумажных человечков. Изучив юриспруденцию в Кёнигсбергском университете, работал юристом, приобретя высокую квалификацию. Истинным его призванием стало художественное творчество.

С 1805 года он выступал в различных городах Германии в качестве режиссёра, капельмейстера, композитора, театрального директора, художника-декоратора, а также музыкального критика. Ему принадлежит первая в Германии романтическая опера «Ундина».

Наиболее знаменит он как писатель. В его произведениях причудливо переплетены романтика, мистика, неудержимая фантазия с картинами и образами реальными, а то и сатирическими. Как писал советский литературовед И. В. Миримский, «стиль Гофмана можно определить как романтико-фантастический. Смех Гофмана отличался необыкновенной подвижностью своих форм, он колеблется от добродушного юмора сострадания до озлобленной разрушительной сатиры, от безобидного шаржа до цинически уродливого гротеска».

Эту статью Миримского прочёл Михаил Булгаков, подчеркнув

приведённую и некоторые другие фразы; написал жене о стилистическом сходстве «Мастера и Маргариты» с реалистической фантастикой Гофмана (кстати, у последнего есть произведения «Мастер Мартин-бочар…», «Мастер Иоганн Вахт»).

Может показаться, что жизненный путь Гофмана, чиновника и капельмейстера, никак не соответствует его сочинениям музыкальным и литературно-художественным, а также рисункам. Проза быта находится в решительном контрасте с фантасмагорическими его творениями. Более того — и в полном противоречии с окружавшей его действительностью.

Николай Гоголь в письме своей ученице М. П. Балабиной сообщил о своём впечатлении от Германии: «…Иногда находит минута, когда хотелось бы из среды табачного дыма и немецкой кухни улететь на луну, сидя на фантастическом плаще немецкого студента… Но я сомневаюсь, та ли теперь эта Германия, какою мы представляем себе. Не кажется ли она нам такою только в сказках Гофмана?.. И та мысль, которую я носил в уме об этой чудной и фантастической Германии, исчезла, когда я увидел Германию в самом деле…»

Куда же могла исчезнуть гофмановская страна? Никуда она не исчезла. Внешне всё осталось, как прежде (Гоголь посетил её всего через 16 лет после смерти Гофмана). Создания фантазии немецкого писателя были попытками преодолеть её, вырваться из постылого мира обыденности, от которого можно сойти с ума (тому, у кого он есть), уйти в запой, совершить самоубийство. Таковы способы ухода от действительности, из которых наиболее достойный — творчество.

Интересно, что явный гофманианец Франц Кафка в своих дневниках не упомянул Эрнеста Теодора Амадея, хотя дал ключ к пониманию его творчества. Отметил свою «неприкаянность», разрыв с национальной средой (он был евреем) и социальной (жил в Праге, писал по-немецки, служил чиновником, восхищался Герценом, Гоголем, Достоевским, Кропоткиным). Он записывал: «Что у меня общего с евреями? У меня даже с самим собой мало общего…»

Он и себя рассматривал как объект для литературной работы, особое внимание уделяя сновидениям. В другом месте подчеркнул: «То, что я не научился ничему полезному, к тому же зачах и физически — а это взаимосвязано, — могло быть преднамеренным. Я хотел, чтобы меня ничто не отвлекало, не отвлекала жизнерадостность полезного и здорового человека. Получается, даже болезни, слабости и горести могут быть полезны для творчества, а потому следует их использовать, не сетуя на судьбу».

Он сознательно размывал грань между сном и явью, реальностью и фантастикой; в творчестве его присутствует «постоянно вибрирующая граница между обыденной жизнью и кажущимся более истинным ужасом» (его слова).

А первым осознал и выразил это Гофман — «маленький, нервный, подвижный человечек с пронзительным взглядом чёрных глаз», — по словам Е. М. Браудо; и ещё: «У Гофмана все важнейшие произведения неразрывно связаны с фактами его личной биографии». Приходилось Гофману встречать призрачно-прекрасных принцесс и злобных волшебников-чиновников — порождениями реальности, отражёнными в текучем зеркале воображения. Вот и Михаил Булгаков в «Дьяволиаде», «Мастере и Маргарите», подобно Гофману, явил фантасмагорию, в которой существуют люди, сами того не замечая.

Вот рассуждения мудрого пса Берганца:

— Да, я собака, но ваше преимущество — ходить прямо, носить брюки и постоянно болтать, о чём только вздумается, — вовсе не так уж ценно, как способность в продолжительном молчании хранить тот верный разум, который постигает природу в самой священной её глубине и из которого зарождается истинная поэзия.

О реальности воображаемого мира хорошо сказал современник Гофмана поэт-романтик Новалис (Фридрих фон Харденберг): «Сказка подобна сновидению, она бессвязна. Ансамбль чудесных вещей и событий. Например, музыкальные фантазии… В сказке царит подлинная природная анархия…»

Гофмановские сказки обыденной жизни порой выражают реальность полней, чем точнейшие натуралистичные описания. Ибо мир человека во многом — создание его ума, эмоций, воображения.

Фантастический реализм Гофмана оказался созвучным той эпохе, когда феодальная система преображалась в новую общественную формацию, где определяющей стала власть денег, капитала. Её олицетворяет Маленький Цахес по имени Циннобер, обладатель волшебных золотых волосков, благодаря которым он, маленький пошлый уродец, выглядит в глазах окружающих высоким умным красавцем (в наше время подобные образы формируют СМРАП).

В середине XIX века в Париже на балу у принцессы Матильды писатели братья Гонкур обратили внимание на человечка, возле которого сгрудились вельможи. «А перед ними — чудовищная фигура с самым плоским, самым низменным, самым страшным лицом, словно лягушачьей мордой… рот, напоминающий прорезь в копилке, притом же слюнявый, — настоящий сатир царства

золота. Это Ротшильд».

Вот такие «крошки цахесы» разного физического, но одинаково уродливого внутреннего облика определяют общественную жизнь при олигархии. Под стать им и правители, ими выбираемые. Всё это — мёртвые души, подданные дьявольского золотого тельца. О них у нас писал Гоголь, фантасмагории которого были и страшны, и смешны одновременно.

Н. И. Лобачевский

Странности, связанные с именем Николая Ивановича Лобачевского (1792–1856), начинаются с его рождения. Отцом его, возможно, следует считать не Ивана Максимова (Лобачевского), как указано в метрике, а Сергея Степановича Шебаршина (Шабаршина), который значился его воспитателем и опекуном. Такая версия обоснована в книге математика Д. А. Гудкова «Н. И. Лобачевский. Загадки биографии» (1992).

Конечно, нет смысла менять всемирно известную фамилию творца новой математики. Упомянут биографический казус, чтобы подчеркнуть: с детства Николай Иванович находился в необычном, двусмысленном положении. Вместе с братьями и матерью жил в доме Шебаршина, имея фамилию Лобачевский. С Иваном Максимовичем если и виделся, то мельком, постоянно общаясь с Сергеем Степановичем. Этот его второй (по-видимому, родной) отец умер в 1797 году. Такую дату смерти отца указывал Николай Иванович, тогда как в это время Иван Максимович был ещё жив.

Воспитывался Николай на правах наследника. Не прозябал в бедности, вопреки мнению его первых биографов, а жил в семье со средним достатком. Все три брата официально считались воспитанниками землемера капитана Шебаршина.

«Черты характера Николая Ивановича, — писал Д. А. Гудков, — целеустремлённость, воля, способность доводить дело до конца; достижение своих целей, несмотря на сопротивление людей и обстоятельств, — всё это было характерно и для Прасковьи Александровны, его матери. Она воспитывала эти черты в сыновьях своим примером, а также, видимо, и сознательно».

Негласный отец его был тоже достаточно сильной личностью. «Сергей Степанович Шебаршин, — по сведениям Гудкова, — исключительно талантливый, вспыльчивый и борющийся за справедливость человек. Будучи по происхождению „из солдатских детей“, он окончил университет, был геодезистом Сената, а затем странствовал по городам и весям России в качестве землемера…» На закате жизни он тяжело болел.

В пять лет Николай Лобачевский остался сиротой. Имея на руках трёх сыновей, Прасковья Александровна переехала в Казань и определила их в гимназию за казённый счёт. Старший Александр учился отлично, подавал большие надежды, но вскоре после поступления в Казанский университет (только что открытый) утонул, купаясь в реке.

Николай и Алексей отличались смышлённостью. Правда, Николай имел чересчур живой нрав. Он проказничал, досаждая учителям. Один из них как-то не выдержал:

— Послушай, Лобачевский, да из тебя со временем выйдет настоящий разбойник!

Николай поступил в 1807 году в Казанский университет, имея пусть и неглубокие, но разнообразные знания (изучал французский, латинский, немецкий и татарский языки, логику, философию, геометрию и тригонометрию, механику, физику, химию, естественную историю, архитектуру, фортификацию). Университет переживал пору становления. Студентов было сравнительно немного. Учились они, как говорится, не за страх, а за совесть. Большинство впервые ощутило радость познания. Перед ними открывался чудесный мир мысли и знаний.

С приходом в университет известного математика Бартельса уровень преподавания этого предмета резко повысился. Бартельс приучал студентов к творчеству. Одним из способнейших его учеников стал Николай Лобачевский, к которому в университете было особое отношение. Сокурсники восхищались его выдумками, лихими проделками, а то и безобразиями.

Однажды он смастерил ракету и ночью запустил её на университетском дворе, едва не учинив пожар. Вызвал переполох, угодил в карцер. В другой раз привёл корову, уселся на неё верхом и стал потешать товарищей, изображая вольтижировку. Вдруг на крыльцо вышел ректор, изумлённо глядя на упражнения студента. Последовало наказание. На педагогических советах частенько склонялось его имя: то как ослушника, охальника и безобразника, то как весьма сообразительного ученика.

Инспектор посвятил ему фискальное донесение в педсовет. Отмечал: Лобачевский позволяет «мечтательное о себе самомнение, упорство, неповиновение, грубости, нарушения порядка и отчасти возмутительные поступки». Вдобавок ещё «явил признаки безбожия». В результате, как гласил один из протоколов заседания педсовета, «Николай Лобачевский по отличным успехам своим и дарованиям в науках математических мог бы быть удостоен звания студента-кандидата, если бы худое его поведение не препятствовало сему, почему он и не одобрен».

После проволочек Лобачевский получил степень кандидата, однако чудить не перестал. Ректор Румовский написал: «Он отличные свои способности получает несоответственным поведением». И всё-таки по настоянию нескольких профессоров своенравного студента удостоили звания магистра. Он написал «Теорию эллиптического движения небесных тел», высоко оценённую Бартельсом.

Этот учёный оказал самое благотворное влияние на Лобачевского, пробудив в нём любовь к математике и наделив соответствующими знаниями. Бартельс был человеком замечательным. Рассказывали, что на вопрос, кто лучший математик в Германии, Лаплас ответил: «Бартельс». «А как же Гаусс?» — спросили его. «О, Гаусс — первый математик в мире».

Гаусс тоже был учеником Бартельса. Лобачевскому безусловно посчастливилось иметь выдающегося учителя. Но ведь способных учеников в России Бартельс имел немало, а самым прославленным суждено было стать Лобачевскому. Почему? Прежде всего, благодаря неординарной личности, сообразительности, жажде познания и оригинальному складу ума.

В чём же суть научного открытия Лобачевского? «Сооткрыватель» специальной теории относительности французский математик Анри Пуанкаре утверждал: «Геометрия — это учение о свойствах, которые имели бы инструменты, если бы они были совершенными». Такое идеальное учение было создано Евклидом. Его геометрию оставалось только заучивать и учитывать. Теория окаменела в своём совершенстве.

Математики много раз пытались покушаться на неё. Начинали с наиболее слабого звена — теоремы о параллельных линиях, справедливо сомневаясь в её убедительности. Однако для успеха таких «разрушительных» предприятий требовалось предложить что-то не менее убедительное и совершенное.

Ректор Харьковского университета Т. Ф. Осиповский в начале XIX века высказал мысль о геометрии без постулата Евклида о параллельных. К тому времени Гаусс, по его позднейшему признанию, уже осмыслил эту идею, хотя выступать с ней публично не решился, остерегаясь общественного мнения.

Немало неприятностей доставило открытие неевклидовой геометрии Лобачевскому. Кстати, философская идея в этом случае опередила научную мысль; Кант на полвека раньше высказался о возможности «многоразличных видов пространства»: «наука о них была несомненно высшей геометрией».

Доклад Лобачевского о новой теории, произнесённый в Казани и там же незамедлительно напечатанный, называйся: «Сжатое изложение основ геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных» (1826). Учёный вернул геометрии её первозданный смысл: обратился к системам реальных измерений, которые, даже выполненные с безупречной точностью, далеко не всегда подтверждаются аксиомами и теоремами Евклида. Например, для достаточно больших треугольников на земной поверхности (акватории) сумма углов будет меньше 180° а

четырёхугольника — меньше 360°. Такова реальность!

Для осуществления подобных измерений на земной поверхности во времена Лобачевского требовалось немалое воображение (отсюда и название мемуара «Воображаемая геометрия»). Но не мечтательно-фантастическое, а обращённое к действительности. Измерения в системе Евклида, помимо идеальных приборов, предполагают некое идеальное пространство, в частности космическую среду. Лобачевский не принял на веру такое предположение. Он считал, что идею «проверить, подобно другим физическим законам, могут лишь опыты, каковы, например, лишь астрономические наблюдения».

Приоритет реальности перед вольной игрой ума, природоведения перед комбинаторикой, — такова была принципиальная и чрезвычайно оригинальная по тем временам позиция Лобачевского. По его словам, в основании математики должны находиться понятия, «приобретаемые из природы». Он высказывался порой ещё резче: «Все математические начала, которые думают произвести из своего разума, независимо от вещей мира, останутся бесполезными для математики».

Янош Больяи, независимо от Лобачевского и немногим позже его предложивший неевклидову геометрию, писал: «Из ничего я сотворил новый мир». И ещё: «Я уверен, что это доставит мне такую же славу, как если бы я уже дошёл в открытии до конца».

Высказывания вполне уместные в устах рекордсмена умственной эквилибристики, честолюбивого творца воображаемых миров. Нечто подобное мог бы сказать и Гаусс, хотя его честолюбие и без того было удовлетворено славой первого математика мира.

Дня Лобачевского было иначе. Абстрактные умственные игры не слишком его увлекали; не вдохновляло и честолюбие. Подобно Ломоносову, он был патриотом, заботился о славе России, причём не на словах, а в своей деятельности как преподаватель и ректор Казанского университета, библиотекарь, а также и как учёный. Лобачевский стремился постичь природу, великую правду Мироздания. Совершив великое открытие, он упорно, много лет утверждал свою правоту.

Достижение Лобачевского относится не только к математике, но и к естествознанию, философии. Некоторые его идеи созвучны основам теории относительности. Он считал, что в природе мы познаём лишь движение, а пространство само по себе, вне его не существует. Или другая мысль: «Время есть движение, измеряющее другое движение». Пожалуй, эта формула поныне остаётся в науке не оценённой по достоинству.

Лобачевский жил и умер как-то очень по-русски. Болея и

предчувствуя свой смертный миг, позван жену:

— Прощай, Варвара Алексеевна, пришло время, в могилу надо, умирать пора, — протянул ей руку и тихо скончался.

…Известный французский математик Таннери сравнил Лобачевского с Колумбом, открывшим новый мир и не испугавшимся его причудливых очертаний. Английский учёный Клиффорд утверждал: «Чем Коперник был для Птолемея, тем Лобачевский был для Евклида. Между Коперником и Лобачевским существует поучительная параллель. Коперник и Лобачевский — оба славяне по происхождению. Каждый из них произвёл революцию в научных идеях и значение каждой из этих революций одинаково велико. Причина громадного значения и той и другой революции заключается и в том, что они суть революции в нашем понимании Космоса».

Приведём и мнение другого величайшего учёного-творца, главное открытие которого определило многие черты наук нашего века — Д. И. Менделеева: «Геометрические знания составили основу всей точной науки, а самобытность геометрии Лобачевского — зарю самостоятельного развития наук в России. Посев научный взойдёт для жатвы народной…»

Достоевский словами героя романа «Братья Карамазовы» упомянул о новом мировосприятии: «Находились и находятся даже и теперь геометры и философы, и даже из замечательных, которые сомневаются в том, что вся вселенная, или ещё обширнее — всё бытие было создано лишь по евклидовой геометрии».

Всё бытие! А значит — и микрокосм души человеческой. Геометрия Лобачевского раскрыла новые пространства для воображения.

Янош Больяи

Янош Больяи (1802–1860) родился в семье профессора математики Фаркаша Больяи, учившегося вместе с Гауссом в Гёттигенском университете и дружившего с ним. Закончил Военно-инженерную академию в Вене. Увлекался игрой на скрипке и поисками доказательства теоремы о параллельных. Имел нелюдимый и вздорный характер, отличаясь не на службе, а в дуэлях.

Отец опасался за его психику. Писал:

«Ты не должен пытаться одолеть теорию параллельных линий; я знаю этот путь, я проделал его до конца, я пережил эту беспросветную ночь, и всякий светоч, всякую радость моей жизни я в ней похоронил. Молю тебя, оставь в покое учение о параллельных линиях; ты должен его страшиться, как чувственных увлечений; оно лишит тебя здоровья, досуга, покоя — оно погубит все радости жизни.

Эта беспросветная мгла может поглотить тысячу ньютоновых башен и никогда на земле не проясниться: никогда несчастный род человеческий не достигнет совершенной истины, — даже в геометрии. Да хранит тебя Бог от этого увлечения, которое тобой овладело. Оно лишит тебя радости не только в геометрии, но и во всей жизни. Я был готов сделаться мучеником этой истины, чтобы только очистить геометрию от этого пятна, чтобы передать роду человеческому безукоризненную науку. Я проделал гигантскую работу; я достиг много лучшего, нежели то, что было получено до меня; но совершенного удовлетворения не получил!»

Но это лишь подхлестнуло его честолюбивого сына. Он уверил отца, что подошёл к заветной цели, осталось отработать некоторые детали. В первый том своих работ под названием «Опыт» отец включил мемуар сына как «Аппендикс». Полное заглавие: «Приложение, излагающее абсолютно верное учение о пространстве, независимо от правильности или ложности XI аксиомы Евклида (что a priori никогда не может быть решено), с добавлением геометрической квадратуры круга для случая ложности аксиомы».

Книга вышла в 1832 году. Критика обошла молчанием «Аппендикс». Авторы послали книгу Гауссу. Получили ответ: хвалить работу Яноша «значило бы хвалить самого себя». По словам Гаусса, он уже продумал всё это 35 лет назад, но было недосуг обработать и опубликовать результаты.

Фаркаш был в восторге: сын сделал научный труд, который был по силам только Гауссу! Янош возмутился ответом Гаусса,

заподозрив маститого учёного в зависти. Рассорившись с отцом, он покинул навсегда родной дом. А в 1848 получил от отца «подарок»: трактат Лобачевского «Геометрические исследования по теории параллельных линий», опубликованный на немецком языке. Яноша — честного искателя истины — трактат привёл в восхищение. Но это лишь усугубило его моральное состояние как непризнанного гения.

У него были странности. Когда ему назначили пенсию, он заказал пригласительные билеты на свои похороны и сделал для себя гроб. Через несколько лет он напечатал вторично приглашение на свои похороны. В завещании обязал посадить на его могиле яблоню в память Адама и Евы, Париса и Елены, а также Ньютона. Быть может, именно такие странности, неординарность мышления помогли ему стать соавтором великого открытия Лобачевского.

Н. В. Гоголь

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) родился в Больших Сорочинцах, на Украине, в дворянской семье. Отец увлекался театром, писал водевили, стихи. Николенька с детства играл в спектаклях, предпочитая комические роли. Окончил гимназию высших наук в Нежине. С 16 лет писал сатиры, стихи, повести, трагедии. В 1828 году переехал в Петербург.

Первые опыты сочинительства были неудачными. Поступил на службу и состоял чиновником до 1831 года. Посещая литературные салоны, познакомился с Пушкиным, Жуковским. Рассказы «Вечера на хуторе близ Диканьки» имели большой успех у публики и критиков. Гоголь поступил на должность профессора истории Петербургского университета, но вскоре оставил эту работу. Издал сборники «Миргород», «Арабески», петербургские повести.

В его произведениях причудливо переплелись юмор, мистика, сатира, философия, народная мудрость, реалистичные и фантастичные образы. Комедия «Ревизор» и роман-поэму «Мёртвые души» (часть 1; рукопись второй части автор сжёг в 1852 году) показали без прикрас, со «смехом сквозь слёзы» Россию. Его последняя работа — «Выбранные места из переписки с друзьями», проникнутая философски-религиозными идеями, вызвала споры и яростное письмо Белинского, обрушившегося на писателя: «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что вы делаете! Взгляните себе под ноги, — ведь вы стоите над бездною!»

Да, Гоголь заглянул в бездну самосознания, не обращая внимания на видимый мир, реальность и даже на возлюбленное искусство. Перед ним разверзлась ещё одна пропасть: тяжелейшая депрессия и последняя безысходная — смерти.

В «Арабесках» проявились знания и размышления, связанные с чтением Гоголем лекций по всемирной истории в Петербурге. Его мысли, высказанные в небольших очерках, позволяют считать именно Гоголя, а не Грановского, как обычно принято, инициатором познания всеобщей истории и Средневековья в России.

Исследование всемирной истории он представлял как синтез науки, литературы и философии! Мысль эту Гоголь развил в очерке «Шлецер, Миллер и Гердер», где предложил образ идеального историка. «Глубокость результатов Гердера» он сочетает с «быстрым, огненным взглядом Шлецера и

изыскательною, расторопною мудростию Миллера», да ещё с добавлением «высокого драматического искусства… Шиллера», а также «занимательность рассказа Вальтера Скотта», и «шекспировское искусство развивать крупные черты характеров в тесных границах…».

Как тут не вспомнить монолог купеческой дочки Агафьи Тихоновны из его комедии «Женитьба»: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому ещё дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчас же решилась…» Это написано чуть позже, чем очерк об историках, а потому смахивает на самоиронию.

Писатель определил эпохе Средневековья «то же самое место в истории человечества, какое занимает в устроении человеческого тела сердце…». Сравнение неожиданное. Средние века — «величественные как готический храм, тёмные, мрачные, как его пересекаемые один другим своды, пёстрые, как разноцветные его окна и куча изузоривающих его украшений, возвышенные, исполненные порывов, как его летящие к небу столпы и стены, оканчивающиеся мелькающим в облаках шпицем» (шпилем).

В очерке «Об архитектуре нынешнего времени» он подчеркнул устремлённость христианских храмов к небесам, в отличие от приземистых жилищ. Это показывало, «как велики требования души нашей перед требованиями тела». Гоголь видел в архитектуре не «застывшую музыку», а материальное воплощение сокровенного смысла эпохи.

В повести «Портрет» сталкиваются образы святости и бесовства. Второй, как обычно для Гоголя, обрисован более ярко. Предполагается, что время антихриста близится. Извращается первоначальный замысел Бога, «и с каждым днём законы природы будут становиться всё слабее», давая возможность преодолеть их силам зла. Антихрист «избирает для себя жилищем самого человека» и проявляется в тех, которые «заклеймлены страшною ненавистью к людям и ко всему, что есть создание Творца».

Кто эти люди? По Гоголю, один из них — ростовщик. «Он во всё силится проникнуть: в наши дела, в наши мысли и даже в самоё вдохновение художника. Бесчисленны будут жертвы этого адского духа… Горе, сын мой, бедному человечеству!» Дух корысти, наживы разлагает человечество, приближая окончательную победу антихриста, оскверняя всё, к чему он прикасается: красоту, мудрость, любовь.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь, вопреки закону писательского ремесла, не принимал во внимание

реакцию читателей. То, что нравилось одним, вызывало возмущение у других, а чувство неприязни к отдельным частям книги мешало по достоинству оценить другие. Обращаясь к поэту, он призывал:

«Опозорь, в гневном дифирамбе, новейшего лихоимца нынешних времён и его проклятую роскошь, и скверную жену его, погубившую щеголяниями и тряпками и себя, и мужа, и презренный порог их проклятого дома, и гнусный воздух, которым там дышат, чтобы как от чумы от них побежало всё бегом и без оглядки.

Возвеличь, в торжественном гимне, незаметного труженика, какой, в чести высокой породы русской, находится посреди отважнейших взяточников, который не берёт даже и тогда, как всё берёт вокруг него…»

Гоголь-художник, раскрывающий те же идеи в образах и коллизиях, оказывался мудрее, ближе к выполнению поставленной цели, чем Гоголь-проповедник. Прямые нравоучения обычно вызывают лишь раздражение. «Человек девятнадцатого века отталкивает от себя брата… Он готов обнять всё человечество, а брата не обнимет». Высказывание верное, но вряд ли оно взволнует душу читателя.

В его замечательных «Размышлениях о Божественной Литургии» есть оговорка: «Велико и неисчислимо может быть влияние Божественной Литургии, если бы человек слушал её с тем, чтобы вносить в жизнь слышанное». Вот в этом «если бы» заключена, отчасти, безысходность и всё то, что заслуживает серьёзнейшего анализа, но Гоголь произносит это как бы между прочим: лично для него такой проблемы нет.

Говоря о благотворности Божественной Литургии, Гоголь уверял, что все, прилежно её слушавшие, «выходят кротче, милее в обхождении с людьми, дружелюбнее, тише во всех поступках. А потому для каждого, кто только хочет идти вперёд и становиться лучше, необходимо частое, сколько можно, посещение Божественной Литургии и внимательное слушание…» И вновь оговорка: «Для каждого, кто хочет идти вперёд и становиться лучше».

Но как быть с теми, которые собою вполне довольны и желают лишь усыпить свою совесть — но не жизненным делом, а только слушанием? Не о них ли с таким скрытым (порой, за насмешкой) негодованием писал сам Гоголь?

…Он не только проповедовал в «Выбранных местах…», но и высказал немало светлых идей и чувств. А свою веру выразил в пожелании: «Будьте не мёртвые, а живые души» (одухотворёнными учением Христа). И ещё: любовь «есть связь

общества, сокровенная пружина всего стройно движущегося, пища, жизнь всего».

Есть у него и сбывшееся пророчество. В его «Записках сумасшедшего» чиновник Поприщин отметил дату: «Мартобря 96 числа. Между днём и ночью». Свершилось! В марте 1917 в России пало царское, а в октябре буржуазное правительства.

А. В. Суворов

Имя Александра Суворова стало легендарным. Тем трудней разглядеть за фигурой, овеянной славой и усыпанной, как блёстками, анекдотами, незаурядную личность гениального полководца.

Александр, сын Василия Суворова, родился в Москве осенью 1730 года. Отца в ту пору отчислили из гвардии, сделав прокурором в полевых войсках, а там и вовсе перевели в штатские. Мальчик не подавал надежд на успешную военную карьеру: оставался меньше и слабей своих сверстников. А ведь имя ему дано было не без надежды, что станет он действительно «александром» (по-гречески «защитник людей»).

У него рано появились два героя, которым хотелось подражать: Александр Македонский и Александр Невский. О них рассказывала мать, она поясняла, что не были они подобны богатырям, а отличались прежде всего мужеством и умом: «Ты же знаешь, сынок, как юный Давид победил великана Голиафа. В уме больше силы, чем в руках».

Он зачитывался книгами о Юлии Цезаре, Ганнибале, принцах Конде и Евгении Савойском, короле Карле XII, императоре Петре I. Научился скакать на лошади, преодолевая препятствия, плавать; спал даже зимой при открытом окне, по утрам обливался холодной водой, не носил тёплого белья. Летом в деревне организовывал потешные бои со сверстниками. Зная, что не одолеет противников силой, прибегал к внезапной атаке, проявлял ловкость, напор, упорство.

Первый документ, подписанный Александром Суворовым, адресован «Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Самодержице Всероссийской Государыне Всемилостивейшей»: «Бьёт челом недоросль Александр Васильев сын Суворов, а о чём тому следуют пункты: 1. Понеже я в службу Вашему Императорскому Величеству ещё нигде не определён. 2. Имею желание служить… в лейб-гвардии Семёновском полку… солдатом… Октября 1742 году».

Так официально началась его служба, фактически проходившая в домашней обстановке. Отец помог осваивать основы фортификации, учителя — геометрию и тригонометрию, географию, философию (по Лейбницу и Вольфу). Стремясь к военной карьере, ориентировался на правила чести и патриотизма, мечтая прославить отечество; не выслуживаться, а служить верой и правдой.

Александр Васильевич полагал: «Самонаблюдение и

самолюбие суть различны: первое поведено Богом, второе в начале испорчено гордостью… Большая часть философов их мешают и сажают себя в бутылку среди общества, где их кормят миндалями. Великодушие связало нас с обществом теснее: мы его члены, должны ему себя жертвовать, устраивать к тому наши способности».

Это написано в частном письме другу. Он никогда не был «испорчен гордостью» и не изолировался от общества, народа «в бутылку» с тем, чтобы его «кормили миндалями». Суворов делил с подчинёнными все тяготы и опасности войны, никогда не жалел себя.

В декабре 1747 года он отправился в Петербург с двумя крепостными для прохождения действительной военной службы. Удостоился зелёного солдатского мундира с капральской нашивкой. Помимо обязательной муштры, парадов и учений, выполнял различные работы и нёс караульную службу. Состоятельные дворяне предпочитали освобождать себя от тяжёлых работ (их выполняли крепостные), стараясь не пропускать увеселений, столь популярных при дворе Елизаветы Петровны. Александр Суворов тянул нелёгкую солдатскую лямку, не давая себе снисхождения.

Он стоял на часах у Монплезира в Петергофе, когда мимо проходила императрица. Она обратила внимание на небольшого, но ладного бравого солдата и спросила, как его зовут. Он отрапортовал. Она вынула рубль и протянула ему. Он ответил:

— Согласно уставу караульный не должен брать денег!

Елизавета Петровна похвалила его за знание службы, потрепала по щеке и положила рубль перед ним на землю:

— Возьмёшь, когда сменишься.

Он хранил её подарок всю жизнь. Вне службы продолжал заниматься самообразованием. И если его справедливо величают «солдатом-полководцем», то можно добавить, что он был философом и поэтом, обладая ироническим взглядом на собственную персону. В одном из писем он так охарактеризовал своё состояние (сильно болел, был истощён и измучен) четверостишием на французском языке:

Теперь я — кожа да кости, подобно скелету.
Зол, как осёл, у коего стойла и пищи нету.
Бесплотен, как тень, пролетающая в облаках,
Беспомощен, как корабль, гибнущий в бурных волнах.

Его при дворе по праву считали отменным чудаком и оригиналом. Отличался он не только солдатскими манерами и

острословием. Из всех полководцев мира он один прошёл путь от солдата до генералиссимуса.

Как писал историк М. Песковский: «Суворов открыл в русских солдатах драгоценнейшие качества души… Вот почему Суворов-капрал и Суворов-непобедимый генералиссимус всё-таки оставался одним и тем же солдатом, так как ему всегда одинаково были близки и дороги солдатские интересы, тяготы, скорби и нужды».

А вот справедливое дополнение А. Петрушевского: «В русской солдатской среде много привлекательного. Здравый смысл в связи с безобидным юмором; мужество и храбрость спокойные, естественные, без поз и театральных эффектов, но с подбоем искреннего добродушия; умение безропотно довольствоваться малым, выносить невзгоды и беды так же просто, как обыденные мелочные неудобства. Суворов был русский человек вполне…»

Солдаты для Суворова не были только средством для достижения той или иной цели. Он берёг своих подчинённых, заботился о них так же, как о себе («Возлюби ближнего своего…»). Был поистине отцом родным для солдат. Поэтому потери его войск были минимальными, а то и просто ничтожными в сравнении с потерями противника. «Воевать не числом, а умением» — его руководство к действию.

В младшие офицеры был произведён в 1754 году. Сначала служил в пехотном полку, потом был назначен обер-провиантмейстером. Выполнял интендантские работы, писал ежемесячные отчёты о наличии, приходе и расходе провианта, фуража и денежной казны. Пребывание на нестроевых должностях позволило на практике освоить непростое умение обеспечивать войска всем необходимым, организовывать тылы.

Первое боевое крещение получил в Семилетней войне, добившись назначения в действующую армию. Чины свои стремился заслужить, а не выслужить. В стычках с пруссаками проявил незаурядное хладнокровие, смётку, решительность и храбрость. На него обратил внимание генерал Берг, назначив его командиром лёгкого кавалерийского полка. Последовала череда подвигов и побед Суворова — всё более значительных. Среди его записей есть такая, на французском языке: «Если я был бы Юлий Цезарь, то назывался бы первым полководцем мира» (вполне справедливо отмечено; ведь многих завораживают высокие звания, а не деяния; императору прославиться легче, чем боевому командиру). И далее по-русски: «Настоять на этом было бы подобно тому московскому архимандриту, что себя пожаловал в первосвященники».

Его тяготило пребывание при дворе. «Здесь поутру мне

тошно, а с вечеру голова болит! Перемена климата и жизни. Здешний язык и обращения мне незнакомы». Он не умел пребывать в безделье: «Животное, говорю я, нам подобное, — писал Суворов А. И. Бибикову, — привыкает к трудам, пусть даже с заботами сопряжёнными, и лишившись их, почитает себя бессмысленной тварью: продолжительный отдых усыпляет».

Другой отрывок из этого письма, помогает понять убеждения и привычки Александра Васильевича: «Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека; но я заключил доброе имя моё в славе моего отчества… Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей. Жизнь моя была суровая школа, но нравы невинные и природное великодушие облегчали мои труды; чувства мои были свободны, а сам я твёрд… Теперь я изнываю в праздности, привычной тем низким душам, кои живут для себя одних, ищут верховного блага в сладостной истоме и, переходя от утех к утехам, находят в конце горечь и скуку… Трудолюбивая душа должна всегда заниматься своим ремеслом: частое упражнение так же оживляет её, как ежедневное движение укрепляет тело».

Иногда можно услышать, будто Суворов был кровавым карателем, подавившим польское восстание. Это — ложь. Да, он громил польских конфедератов, но почти всегда имел меньшее количество русских воинов, пленных приказывал щадить, а мирное население не обижать. Варшавяне вручили ему золотую табакерку с лаврами из бриллиантов и надписью: «Варшава своему избавителю».

А вот, к примеру, напутствие Наполеона своим войскам: «Москва и Петербург будут наградою ваших подвигов. В них вы найдёте золото, серебро и другие драгоценные сокровища… Вы будете господствовать над русским народом, готовым раболепно исполнять все ваши повеления».

Подобной низости Суворов себе не позволял. И ни разу в трудную минуту не бросал он, подобно Наполеону, свои войска. Даже в преклонные года совершил беспримерный переход со своей армией через Альпы, с честью выйдя из безнадёжной, казалось бы, ситуации. В «Науке побеждать», наставлении солдатам, он напоминал: «Грех напрасно убить». И наказывал: «Обывателя не обижай, он нас поит и кормит; солдат не разбойник» (у прославленного Наполеона были, как видим, иные принципы).

Необыкновенная личность Суворова определённо проявилась в стиле. Он так излагал три воинских искусства. «Первое — глазомер: как в лагере стоять, как идти, где атаковать, гнать и быть. Второе — быстрота (Ура чудеса творят, братцы!). Третье —

натиск… Субординация — послушание, экзерциция — обучение. Дисциплина, ордер воинский — порядок воинский, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость, победа. Слава, слава, слава!»

Чеканные фразы, острые мысли, верные суждения совершенно уникальны. Странное сочетание латинских афоризмов и русских народных пословиц: «Стреляй редко, да метко. Штыком коли крепко… Пуля дура, штык молодец… Береги пулю в дуле». «Тяжело в ученьи, легко в походе». «Неприятель сдался? — Пощади!»

Его здравый ум проявлялся и в умении вести сельское хозяйство. Он наставлял своих крепостных: «Лень рождается от изобилия… В привычку вошло пахать иные земли без навоза, от чего земля вырождается». Беспокоят его не только «производственные показатели». Пишет управляющему: «У крестьянина Михайлы Иванова одна корова! Следовало бы старосту и весь мир оштрафовать… Купить Иванову другую корову из оброчных моих денег… Особенно почитать таких неимущих, у кого много малолетних детей. Того ради Михайле Иванову сверх коровы купить ещё из моих денег шапку в рубль».

Имея крепостной театр, он и тут не остаётся равнодушным: «Васька комиком хорош. Но трагиком будет лучше Никитка… Держаться надобно каданса в стихах, подобно инструментальному такту, — без чего ясности и сладости в речи не будет, ни восхищения… Сверх того французской грамматике заставь учиться исподволь Алексашку, парикмахера».

…В одном из английских журналов того времени был карикатурно изображён усатый великан с огромной саблей в руке; подписано: таков Александр Суворов, имеющий рост 6 футов 4 дюйма (под два метра!). В одном они не погрешили против истины: был он действительно чудо-богатырём по силе духа и уму, оставался частицей русского народа, воплощая в себе лучшие его качества.

Полководец Суворов не имеет себе равных в истории человечества: он не проиграл ни одного из множества сражений, обычно имея в своём распоряжении меньше войск, чем противник. И дело тут не только в боевой подготовке его солдат, но прежде всего в «искусстве побеждать», которым Суворов владел в совершенстве. Он не только обладал неординарным мышлением, преподнося сюрпризы неприятелю, но и был умнее своих противников.

При Туртукае, имея 500 человек, он разгромил 4-тысячный турецкий корпус. Потери русских — 200 убитых и раненых, турок — 1500. Совершенно необыкновенным было сражение за

Измаил. Крепость считалась неприступной, защищала её отличная, хорошо вооружённая армия. Суворов решился на штурм, имея меньше солдат, чем обороняющиеся! Он взял крепость, потеряв 4 тысячи убитыми и 9 тысяч ранеными, тогда как у турок было убито 26 тысяч, а 9 тысяч сдались.

— Чем я могу наградить ваши заслуги, граф Александр Васильевич? — спросил его после этой победы главнокомандующий князь Г. А. Потёмкин.

— Ничем, князь, — был ответ. — Я не купец, не торговать приехал. Кроме Бога и Государыни, никто наградить меня не может.

Суворов был творцом своей судьбы. От заурядного дворянина был возвышен до князя, которому положены «царские почести». От солдата поднялся до генералиссимуса. И всё это было добыто на полях сражений, ценой невероятного напряжения физических и умственных сил, с постоянным риском для жизни, да ещё вопреки недоброжелателям и завистникам.

Во многом благодаря его подвигам Россия впервые прогремела на весь мир как великая победоносная держава, а Александр Суворов — как гениальный русский полководец. Его чудачества шокировали придворных. Ничего удивительного: он их глубоко презирал, глядя с высоты своего умственного и духовного величия. Они, в свою очередь, не могли заметить и оценить то, что было выше их понимания.

А. В. Сухово-Кобылин

В 1850 году в Москве произошло убийство, оставшееся нераскрытым. Оно было уникальным, ибо определило два несопоставимых, но взаимно связанных события: трагедию несчастной женщины и появление выдающегося драматурга.

Ночью 8 ноября к начальнику московской полиции обратился А. В. Сухово-Кобылин с заявлением о пропаже его близкой знакомой Симон-Деманш. На следующий день один из дежурных приставов рапортовал: «За Пресненской заставой, на Ходынском поле найдено у дороги мёртвое тело женщины неизвестного звания». Убитая была молода, красива, хорошо одета. На её горле рана, под левым глазом большой синяк, одно ребро сломано.

Это была француженка Луиза Симон-Деманш. С ней Сухово-Кобылин познакомился в парижском ресторане и был очарован её красотой. Посоветовал ей приехать в Россию, написал рекомендательное письмо к владелице модного ателье и дал тысячу франков на дорогу. Вскоре она устроилась там модисткой. Они встретились, и он предложил ей отправиться с ним жить (но не жениться) в его имение. Она согласилась.

Через месяц молодой повеса заскучал. Они вернулись в город. Поселился в своём доме на Страстном бульваре. Ей предоставил обширную квартиру неподалёку, на Тверской, с хорошей обстановкой, двумя горничными, поваром и кучером; был у неё свой выезд. Благодаря покровительству Сухово-Кобылина она числилась московской купчихой.

Главными подозреваемыми в убийстве Луизы Симон-Деманш стали её слуги, а также их барин. О нём следует сказать особо.

Александр Васильевич Сухово-Кобылин (1817–1903) находится в родстве с династией Романовых. Его старшая сестра Елизавета, ставшая графиней Сальяс де Турнемир, более известна как писательница Евгения Тур.

В Московском университете его студенческое сочинение удостаивается золотой медали. Он побеждал на джентльменских скачках, не служил, блистал в салонах, имел немало любовниц; всерьёз изучал философию, умело вёл хозяйство в своём поместье, писал обширный научно-философский труд (сгоревший при пожаре).

По мнению литературоведа Л. П. Гроссмана: «К Сухово-Кобылину применимы полностью слова, сказанные Толстым о его предке Фёдоре Американце, — это был человек необыкновенный, преступный и привлекательный». «Это был сложный, странный и до конца неразгаданный человек».

Привлекательный? Далеко не для всех. Незаурядный — несомненно. Преступный? Не доказано. Хотя…

Обыски, проведённые на квартирах Симон-Деманш и Сухово-Кобылина, дали неожиданные результаты. Никаких следов кровавого преступления в её квартире не обнаружили. А у Сухово-Кобылина во флигеле, в комнате, называемой залой, были видны многочисленные и частично стёртые или замытые кровавые пятна на стене, в сенях, на ступенях заднего крыльца.

Он объяснил их появление тем, что из соседнего помещения в комнату влетела обезглавленная поваром курица, ударившись о стену. Следы крови на заднем крыльце тоже, по его словам, от зарезанной птицы.

Следствие не сочло такое объяснение убедительным. Барина и его крепостных арестовали. Впрочем, для барина тюремное заключение было условным: он прогуливался по берегу Москвы-реки, купался, катался на лодке, обедал и принимал гостей у себя дома.

Через две недели дворовый Ефим Егоров признался, что он вместе с другими слугами совершил злодейство. Барыня, мол, их часто обижала, бранила и била, не платила денег, вот они вместе с кучером Галактионом Козьминым её душили, били утюгом, резали складным ножом Сухово-Кобылина. Однако на суде крестьяне отказались от своих показаний, якобы вырванных под пыткой. Квартальный надзиратель их кормил селёдкой и долго не давал пить; при допросах подтягивали на блоках к потолку, выворачивая руки. От крестьян требовали сознаться в убийстве. И поучали: надо говорить и следователям, и судьям одно и то же. А если изменят показания, то их опять сюда пришлют на новые пытки.

Вообще-то трудно поверить, что слуги пошли на страшное злодеяние по тем причинам, о которых они говорили. Во-первых, Симон-Деманш не была изуверкой, следов её истязаний на телах слуг не было. Во-вторых, слуги вовсе не бедствовали, находясь у неё на службе. В-третьих, они ни разу не жаловались на свою хозяйку барину. Сухово-Кобылин в суде показал: «Повар Егор Ефимов лишь оказывал ей услуги, получал вознаграждение и был доволен».

Тем не менее крестьян признали виновными в убийстве — отчасти потому, что выбор был невелик: либо они, либо Сухово-Кобылин. Других подозреваемых не оказалось.

Расследование, произведённое после суда, показало: осуждённых крестьян пытали. Кроме самооговора, не было никаких улик, обличающих в убийстве. По их словам на суде, они убили хозяйку в её спальне, а там не нашли следов преступления.

Но на вопрос о том, не был ли убийцей их барин, они дружно отвечали категорическим отрицанием.

Дело в декабре 1852 года слушалось в Сенате. Генеральный прокурор министр юстиции В. Панин в письме Сенату признал, что на Сухово-Кобылина падает подозрение «если не в самом убийстве, то в принятии в оном более или менее непосредственного участия, а также подозрение в подготовке людей своих принять убийство на себя». Приговор суда был отменён. Квартального надзирателя судили и за пытки заключённых с целью вынудить ложное признание лишили прав, состояния и сослали в Сибирь.

Сухово-Кобылина взяли под стражу. В ноябре 1854 года его освободили под надзор полиции. Как признался он позже в одной беседе: «Не будь у меня связей да денег, давно бы я гнил где-нибудь в Сибири». Говорили, возможно, сам император решил, что не следует без прямых улик осуждать знатного дворянина, оправдав его крепостных. Это было чревато серьёзными политическими последствиями. Заключительную беседу с Сухово-Кобылиным министр юстиции провёл в его доме и сделал вывод: подозрения с помещика снять.

Итак, преступление свершилось, обвинённые оправданы, убийца не найден, дело закрыто. Но ведь кто-то убил Луизу! Безымянный разбойник её бы ограбил, а на ней остались серьги и два золотых кольца с бриллиантами. Если сексуальный маньяк, то было бы ещё одно, а то и несколько сходных преступлений. Тело откуда-то привезли. Значит, его внесли в сани или карету, вытащили. Должны быть соучастники, свидетели убийства или…

В ту пору Сухово-Кобылин ухаживал за «светской львицей» Надеждой Нарышкиной. Журналист Павел Россиев в статье, опубликованной в «Русском архиве» (1910), привёл вариант убийства Деманш со слов родственника Сухово-Кобылина. Якобы, когда Александр Васильевич собирался на бал к Нарышкиным, к нему в квартиру ворвалась ревнивая француженка. Бурная сцена кончилась тем, что он, не владея собой, сильно толкнул её (человек он был физически крепкий). Она ударилась головой о камин и упала замертво.

Но ведь у несчастной было перерезано горло. Неужели это сделал Сухово-Кобылин? Или он приказал зарезать свою любовницу кому-то из прислуги? Невероятно. Одно дело — порыв в состоянии аффекта, другое — хладнокровное убийство. И зачем оно ему? Да и что он за чудовище, если после всего этого поехал на бал?!

Подробно изложил историю Луизы Симон-Деманш Л. П. Гроссман в книге «Преступление Сухово-Кобылина» (1927).

У него не было сомнений: развратный и жестокий помещик-самодур убил свою любовницу и заставил подневольных крепостных взять вину на себя. Ведь в письме, вызывая её из поместья в Москву, он намекнул на свой кастильский кинжал, вблизи которого она должна находиться.

«Великосветский донжуан, — писал Л. Гроссман, — изящно угрожающий кастильским кинжалом беззаветно любящей ещё его женщине, труп которой был вскоре брошен, по его приказу, в глухую ночь на большую дорогу». Писатель не сомневался, что этим кинжалом была зарезана Луиза из ревности. Но такого кинжала так и не нашли. Возможно, не там искали. Он, скорее всего, не более чем аллегория предмета гордости молодого мужчины, которым он разил своих любовниц.

Слухи о загадочном убийстве быстро распространились по Москве. Высказывались разные версии. Л. Н. Толстой написал своей тётке Т. А. Ергольской 7 декабря 1850 года: «При аресте Кобылина полиция нашла письма Нарышкиной с упрёками ему, что он её бросил, и с угрозами по адресу г-жи Симон. Таким образом, и с другими возбуждающими подозрения причинами, предполагают, что убийцы были направлены Нарышкиною».

Согласно такой версии, произошло, как теперь называют, заказное убийство. Но и тут не всё сходится. Кто и как совершил преступление? Неужели этот вариант не был обдуман следователями? Скорее всего, именно кто-то из них разгласил тайну следствия и сообщил о найденных письмах и о предполагаемых наёмных убийцах. Но почему преступников искали среди крепостных Сухово-Кобылина, а не Нарышкиной? Не могла же она вступить в тайный сговор со слугами Симон-Деманш и уговорить их совершить преступление. Да и какой им смысл убивать свою хозяйку?

Судя по воспоминаниям Е. М. Феоктистова, Нарышкина имела властный и решительный характер: «Она многих положительно сводила с ума; поклонники этой женщины находили в ней необычайную прелесть, — на мой же взгляд, она не отличалась красотой: небольшого роста, рыжеватая, с неприятными чертами лица, она приковывала к себе внимание главным образом какою-то своеобразной грацией, остроумною болтовнёй и той самоуверенностью и даже отвагой, которая свойственна так называемым „львицам“».

Сухово-Кобылину он дал и вовсе уничтожающую характеристику: «Его натура, — грубая, нахальная, нисколько не смягчённая образованием; этот господин, превосходно говоривший по-французски, усвоивший себе джентльменские манеры, старавшийся казаться истым парижанином, был, в

сущности, по своим инстинктам, жестоким дикарём, не останавливающимся ни перед какими злоупотреблениями крепостного права: дворня его трепетала».

То, что Сухово-Кобылин был крепостником, и не из либералов, вряд ли можно оспорить. Но мог ли он убить свою любовницу? Ведь она готова была уехать в Париж, о чём ему писала незадолго до смерти. Неужели он мог убить её под воздействием чар Нарышкиной? Невероятно. Он был волевым и самостоятельно мыслящим человеком. Это доказывают созданные им три великолепные пьесы. А вот как описал он в августе 1856 года московские торжества по случаю коронации Александра II:

«В 2 часа началось шествие. Жандармы, лакеи, конвой. Азиаты, казаки линейные, атаманские; депутации: черкезы, бухарцы, киргизы, грузины… Рядом за этими вольными народами, за этими крепкими натурами, энергичными лицами тащились бесшляпные, гладкорожие, жирные, подловатые, изнеженно-гнилые русские дворяне…

Четыре кареты были нагружены Государственным Советом и министрами. Сколько в этих четырёх золочёных ящиках было соединено грязи, гнили, подлости и совершённых, и имеющих быть совершёнными интриг». По его словам, после этого шествия следовало бы использовать кислоту и курения «для очищения заражаемого воздуха».

Мог ли человек, написавший это в своём дневнике (не для других), поддаться на уговоры ревнивой женщины и приказать своим крепостным совершить убийство? А о его отношении к Симон-Деманш свидетельствует такая дневниковая запись от 28 ноября 1855 года, после успешной премьеры его пьесы «Свадьба Кречинского»:

«Я ускользнул из ложи, как человек, сделавший хороший выстрел, в коридор. Услышал целый гром рукоплесканий. Я прижал ближе к груди портрет Луизы — и махнул рукой на рукоплескания и публику». И ещё одна запись: «Странная Судьба. Или она слепая, или в ней высокий, сокрытый от нас разум… Веди меня, великий слепец Судьба. Но в твоём сообществе жутко. Утром был с А. на могиле моей бедной Луизы».

Незадолго до преступления он попал в нелёгкую ситуацию из-за своих любовных похождений. Нарышкина забеременела от него, оставаясь в браке с другим. Симон-Деманш угрожала отъездом в Париж. Терять её Сухово-Кобылин не хотел, хотя и продолжал встречаться с Нарышкиной. От неё ему тоже пришлось терпеть скандалы за продолжающуюся связь с Симон-Деманш.

Так что же всё-таки произошло? Наиболее вероятна, мне кажется, такая версия. В тот роковой вечер Луиза Симон-Деманш

решила навестить своего неверного любовника и покровителя. Возможно, она предполагала встретить там ненавистную соперницу — Нарышкину. Но не исключено, что их встреча произошла случайно. Луиза вне себя от гнева устроила скандал.

Взбешённый Сухово-Кобылин резко толкнул её. Она ударилась головой о камин и, потеряв сознание, упала на пол. Он в истерике выбежал из комнаты (возможно, крича слугам: «Уберите её!»). Нарышкина, видя, что соперница жива, приказала вошедшим слугам убить её или сделала это раньше собственноручно, находясь в состоянии аффекта. Она могла пригрозить крепостным в случае непослушания каторгой и обвинением в убийстве.

Несчастную Луизу могли сначала душить подушкой. «Для верности» Егоров перерезал ей горло, полагая, что она уже мертва. Брызнула кровь. Тело вытащили через заднее крыльцо (поэтому там остались потёки крови), погрузили в повозку и увезли. Сухово-Кобылину Нарышкина могла сказать, что слуги увезли Симон-Деманш домой. А им объяснила, как вести себя на следствии: ничего, мол, не знаем, не видели и не слышали.

Странно, что предположение о возможном участии Нарышкиной в преступлении ни следствие, ни суд не рассматривали, её по данному делу не допрашивали. В начале декабря 1850 года она уехала (сбежала?) в Париж. Спустя несколько месяцев родила там дочку, которую Сухово-Кобылин позже признал своей. В Россию Надежда Нарышкина не вернулась.

Не исключено, что при расследовании приведённая выше картина убийства была восстановлена. Крепостным приказали не говорить правду под угрозой каторги, а участие в преступлении Нарышкиной скрыли. От тех чиновников, которые слишком много знали, Сухово-Кобылину пришлось откупаться, и недёшево.

Эта версия представляется наиболее вероятной.

После гибели Луизы Симон-Деманш ему суждено было прожить более полувека, быть свидетелем триумфального успеха комедии «Свадьба Кречинского», написанной им в период следствия, увидеть на сцене две другие свои пьесы — «Дело» и «Смерть Тарелкина», стать в результате классиком русской драматургии. В отрочестве и юности он был современником Пушкина и собеседником Гоголя; в старости стал почётным академиком Петербургской АН вместе с Максимом Горьким.

Судьба его необычайна. «Мы знаем теперь, — писал Леонид Гроссман, — что искусство этого замечательного мастера сцены питалось его необычайным личным опытом, а его жизненный образ, по напряжённости и размаху своего трагизма, превосходит

самые жуткие маски созданной им трилогии».

Благодаря убийству невинной жертвы, подследственный, а вероятно — невольный соучастник преступления, пройдя судебные мытарства, обрёл вдохновение и написал бессмертные комедии, проникнутые горечью и сарказмом.

Н. Ф. Фёдоров

Николай Фёдорович Фёдоров (1829–1903) был внебрачным сыном князя П. И. Гагарина и появился на свет в его имении в Тамбовской губернии. Получил фамилию и отчество от своего крёстного. Закончив одесский Ришельевский лицей, сам зарабатывал на жизнь, преподавая в уездных училищах, а с 1869 года поселился в Москве, став библиотекарем. Был замечательным знатоком и страстным любителем книги. Работая с 1874 года в Румянцевском музее, общался со многими русскими мыслителями.

Две идеи вдохновляли его: братское единение людей и борьба со смертью. Он верил в науку и полагал, что в конце концов удастся не просто достичь бессмертия, но и воскресить былые поколения. «Всеобщее воскрешение, — писал он, — есть полная победа над пространством и временем». И ещё: «Жизнь, конечно, есть дар и напрасный, и случайный, нужно прибавить — и бесцельный, если только он не будет выкуплен трудом, объединённым в общей цели, — для человека дорого лишь то, что он сам выработал, приобрёл трудом».

В его воззрениях сочетались категоричность суждений с добротой и наивностью; трезвый взгляд на вещи и опора на здравый смысл — со склонностью к мечтаниям и утопии. Он верил в разумное преобразование природы, выход человека в космическое пространство. Это соединялось с верой в Бога, высший разум и высшую справедливость.

«Дело заключается в том, — полагал он, — чтобы найти, наконец, потерянный смысл жизни, понять цель, для которой существует человек, и устроить жизнь сообразно с ней. И тогда сама собой уничтожится вся путаница, вся бессмыслица современной жизни».

По его убеждению, «космос нуждается в разуме, чтобы быть космосом, а не хаосом». Являясь частью Природы, человек — во избежание роковых трагедий — обязан исполнять её законы, действовать в соответствии с общим строем Мироздания. Это не означает покорность, приспособление к существующим условиям и текущим ситуациям. Напротив! «Повиноваться природе для разумного существа значит управлять ею, ибо природа в разумных существах обрела себе главу и правителя».

Высшие космические ценности — Жизнь и Разум. Если ты явлен на Земле не кристаллом, не цветком или деревом, не насекомым или скотом, то есть в этом какой-то смысл? По обыденным представлениям, тут проблемы нет: старайся

продлить свою жизнь и развивай свой ум. Фёдоров имел в виду цели не ближайшие и проходящие, а дальние и вечные: жизнь — везде и для всех, разум — всеобщий. Жить нужно не для себя (эгоизм), не для других (альтруизм), а со всеми и для всех.

Имеются в виду именно все люди — нынешние, прошлые и будущие. Необходимо всеобщее воскрешение — достигнутое собственными усилиями, трудом и волей, разумом, научной мыслью, такова окончательная победа человека над смертью! Идея в основе своей христианская. Однако в отличие от канонических представлений, тут упование не на чудо, а на безграничные возможности познания. Человечество, следуя путём Христа, через сомнения, отчаяние и великие мучения, а главное — творчество… придёт к Царству Божию.

…Трудно придумать другую идею, одинаково чуждую теологам и атеистам, мистикам и учёным, идеалистам и материалистам. Не менее верно и другое: концепция Николая Фёдорова объединяет разнообразные взгляды, словно бесчисленные потоки времени достигают океана вечности. Земная область жизни и разума распространится на Вселенную: человеку суждено осваивать другие планеты и звёздные миры, одухотворяя мёртвые небесные тела. Так учил Фёдоров, пророк космической эры (К. Э. Циолковский был его последователем).

Что требуется для преодоления ограничений пространства и времени? Единение и целеустремлённость! Братские отношения людей между собой, любовь ко всему живому, преклонение перед предками, вдохновенный труд… Н. Ф. Фёдоров, как его дальний родственник князь П. А. Кропоткин, выступали против господства над людьми и Государства и Капитала. По словам Фёдорова, «свобода исполнять свои прихоти и завистливое искание равенства не могут привести к братству: только любовь приводит к братству». А небратское существование ведёт к войнам и революциям. Вдобавок, «человек сделал, по-видимому всё зло, какое только мог, и относительно природы (истощение, опустошение, хищничество)». Этот странный русский утопист действительность видел ясней, чем завзятые прагматики.

Что же делать? — Действовать! — отвечал он. Преодолевать уродства современной цивилизации. Свой главный труд он назвал: «Философия общего дела», присовокупив подзаголовок: «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства».

Как действовать? Убеждением и собственным примером. Кстати, он завещал раздавать свою книгу бесплатно.

Николай Фёдорович избегал публичных выступлений и

докладов, не стремился издавать свои произведения. К суетной славе был равнодушен. Был праведником и подвижником. Своей скудной зарплатой библиотекаря делался по-братски со всеми, кто обращался за помощью, частенько довольствовался ржаным хлебом, селёдкой, да крутым кипятком, чуть подкрашенным заваркой. Был счастлив, ибо жил по совести. Да и что значили радости богатеев и властолюбцев для человека, сознание которого соединялось с жизнью и разумом вселенной!

Русский космизм в трудах Н. Ф. Фёдорова достиг предельных масштабов: вселенское братство и любовь, свободный творческий труд, воскрешение всех людей и освоение человеком всех звёздных миров. Опрометчиво считать это наивными выдумками. Недостижимое — не означает ненужное, напротив, порой оно совершенно необходимо для человека и очень полезно в конкретных делах. Полярная звезда и Солнце недостижимы; Бог недостижим и непостижим. Не станем же мы по этой причине отказываться от них.

Серьёзные сомнения относительно его идей высказывал Вл. Соловьёв. Есть ли смысл воссоздавать злодеев, подлецов, пошляков, паразитов? Вряд ли. Впрочем, сам Фёдоров пояснил, что воскрешение — не самоцель, а предпосылка к полному совершенству и всеобщему счастью. Он предполагал не умозрительное, а телесное воскрешение во плоти, ибо наука добьётся «управлением всеми молекулами и атомами мира, чтобы рассеянное собрать, разложенное соединить, то есть сложить в тело отцов». Сомнительно! Даже клонирование не поможет воссоздать из праха прежних людей.

Доводов против главной идеи космиста Н. Ф. Фёдорова много. И всё-таки его концепция верна. Ведь речь идёт об идеале. О мечте, зовущей к великим свершениям, сплачивающей людей в единое братство. Не обязательно стремиться к воскрешению плоти. Если каким-то поколениям удастся реализовать принципы Н. Ф. Фёдорова (свобода, труд, справедливость, братство), это уже само по себе оправдает все предыдущие жертвы и невзгоды.

В. Х. Кандинский

Виктор Хрисанфович Кандинский (1849–1889), описавший этот случай, не упомянул о причине столь странной для русского обывателя галлюцинации. Возможно, так подействовала на читателя сатира Ф. М. Достоевского «Крокодил» — о проглоченном крокодилом петербуржце. Этот образ могли пробудить и детские переживания при чтении притчи об Ионе, проглоченном китом.

У некоторых впечатлительных людей в какой-то момент рассудок теряет контроль над образом, укоренившимся в подсознании. Словно демоны, возникшие из небытия, овладевают душой человека, увлекая её в иномир. Под влиянием внутреннего или внешнего сигнала больной переходит в изменённое состояние сознания (ИСС), вплоть до полного погружения в мнимую реальность. Сигналы органов чувств искажаются в мозгу в угоду всесильной (на данный момент) установки.

Подобные исследования Кандинского, специалиста-психиатра, были бы вполне обыденны, если бы не одно обстоятельство: он сам во время душевного недуга испытал острейшие псевдогаллюцинации (понятие, введённое им в психиатрию), подробно рассказав о них в научной монографии.

«Имев несчастье в продолжение двух лет страдать галлюцианаторным помешательством, — писал он, — и сохранив после выздоровления способность вызывать известного рода галлюцинации по произволу, я, естественно, мог на себе самом заметить некоторые условия происхождения чувственного бреда».

Психических отклонений в детстве и юности у него не отмечалось. Родившись в Сибири, он закончил в Москве гимназию и медицинский факультет университета, работал во Временной (2-й Градской) больнице ординатором. Писал научные статьи преимущественно по гигиене и санитарии. Осенью 1876 года оформился на Черноморский флот младшим судовым врачом, участвовал в русско-турецкой войне.

Ужасы войны, выпивка и временами употребление наркотиков сказались на его состоянии. Именно тогда у него произошли первые психические срывы, он пытался совершить самоубийство. Его поместили в лечебницу. Выздоровев, женился в 1878 году на медсестре Елизавете Карловне Фреймут. (После его смерти она позаботилась об издании двух его работ и покончила с собой.) Детей у них не было.

С 1881 года он работал старшим ординатором в психиатрической лечебнице св. Николая в Петербурге. Был

трудолюбивым, внимательным к окружающим, проводил научные исследования. Временами у него начинались бредовые видения.

Он вдруг вообразил себя лидером китайской революции, направленной на установление конституционной монархии. С простым народом и просвещёнными мандаринами-демократами он общался телепатически, ощутив в себе дар всезнания и всевидения.

Его окружали не только сообщники, но и могущественные враги. Их происки приходилось разгадывать. Надо было следить и за событиями, происходящими в далёкой стране. Помогало ясновидение: перед его мысленным взором разворачивались события, происходившие (якобы) в разных районах Китая. Рассудок поддерживал установку на китайскую революцию, придумывая изощрённые средства коммуникации. Даже явная фантастика воспринималась рассудком больного Кандинского как нечто само собой разумеющееся.

Домой к нему пришли два его товарища и предложили ему прокатиться в карете (повезли в лечебницу). Он решил, что ему предстоят почести, ибо революция победоносно завершилась. Он видел радостные лица и приветственные жесты прохожих. Слышал отдалённые звуки марша и твёрдую поступь революционных солдат (его не смущал перенос действия из Китая в Россию).

Некоторые прохожие внушали ему серьёзные подозрения: их лица выражали хитрость и затаённую злобу. Это явно были шпионы и враги революции. Но на страх им всё громче раздавался революционный марш. В такт ему Кандинский начал топать ногами в карете и подпевать. Но вскоре он понял, что кучер — шпион — везёт его в ловушку.

Как быть? Выход найден: спасительный огонь папиросы. Пока она горит, враги не страшны. Это — символ власти. Не случайно товарищ предложил ему закурить. Надо постоянно прикуривать от потухающей папиросы, не теряя огня. Тем более что под марш в ритме движения кареты появился революционный отряд. Офицеры приветствуют его…

Вот и дом для торжественной церемонии. Его встретили почтительно, надели официальный костюм. Значит, предстоит выступить в парламенте. Он ощутил усталость. Сел, задумался. Очнулся — вокруг нет никого. В соседних помещениях какие-то голоса. А если это — палачи, которые ловят его мысли?!..

Время шло. Торжества не было. Он волновался всё сильнее. Заметил решётки на окнах. Понял: враги заманили его в западню. Подозрение превратилось в уверенность. Двери заперты, окна зарешечены, нет делегаций и поздравлений…

Потрясение! Он пришёл в ярость, круша всё вокруг, колотя в стены и двери. Затем началась истерика…

Такова плата за крушение установки: буйство, истерика — вплоть до убийства и самоубийства. (При безнадёжных формах шизофрении больной может до конца пребывать в иллюзорном мире.) Установка требует подкреплений. У психически больного рассудок, подчиняясь установке подсознания, находясь в ИСС, изощрённо выискивает их, дополняя отсутствующие детали воображаемыми образами.

Вот один из примеров не одиночного, а группового перехода в ИСС уже в наше время. В одном селе проживала больная шизофренией, утверждавшая, что близится конец света. При обострении мании она видела, как дьявол тащит грешные души в ад. Она была, что называется, вне себя. За ней ухаживали четыре её сестры. Они постились и постоянно молили Всевышнего о выздоровлении сестры. Через несколько дней вдруг увидели, как тело больной покрылось шерстью, ступни превратились в копыта, а на голове выросли рога. Это был сатана!

В ужасе, отвращении и ярости они схватили что попалось под руки и принялись изгонять нечистого из тела сестры. Избиение продолжалось до тех пор, пока несчастная не умерла. Они были уверены, что совершили благое дело, обеспечив её душе место в раю. Их поместили в больницу. За три дня лечения они обрели душевное равновесие, успокоились, хотя по-прежнему не сомневались, что им удалось изгнать беса.

По такой схеме возникают массовые психические эпидемии. Они редко проявляются в такой криминальной форме. Но суть остаётся той же. Имея примерно одну и ту же установку (вера в Бога, демонов, правителей), люди в определённой ситуации действуют одинаково, испытывают сходные эмоции, а то и мании, которые становятся заразительными. (Физиолог, психолог и психиатр академик В. М. Бехтерев предлагал считать это действием своеобразного «вируса».)

Виктор Кандинский одним из первых начал исследовать это явление. Он писал: «Главнейшие источники душевных эпидемий — религиозное чувство, мистические стремления, страсть к таинственному». И приводил примеры из истории: крестовые походы, средневековую демономанию, охватившую Западную Европу.

Вот некоторые его выводы:

— Свойство психической организации человека именно таково, что всякое духовное движение или настроение одного индивидуума отражается на духовном состоянии лиц, его окружающих. Люди в этом отношении представляют аналогию с

камертонами одинакового тона: заставь звучать один из них, остальные сами собой придут в созвучное дрожание.

— Галлюцинации и иллюзии происходят тем легче, чем больше ослаблены органы чувств, чем более истощена нервная система вследствие ненормального возбуждения, ненормального физического труда или вследствие недостатка питания.

— Чувства мелочные и своекорыстные гораздо более склонны приобретать эпидемическое распространение, чем идеи и чувства высокие.

— Душевнобольные часто сохраняют свободу суждений, но теряют свободу выбора.

— Проходит время ненормального душевного расстройства, время коллективного увлечения или страсти, и вернувшиеся к рассудку люди обыкновенно сами не могут понять причину своих прошлых ошибок.

— При слабом развитии высших мозговых функций — мышления и воли — человек весь свой век может прожить жизнью пассивною, так сказать, машинальною… При таком отсутствии личной самостоятельности в человеке не может быть и речи о нравственной свободе его.

Позже эти идеи развивал В. М. Бехтерев в книге «Внушение и его роль в общественной жизни». Они чрезвычайно важны, в частности, для понимания того, что происходило со значительной частью населения СССР в период «перестройки и гласности», а затем и расчленения страны. Возобладали именно чувства мелочные и своекорыстные. Сохраняя свободу суждений, массы граждан утратили свободу выбора, повинуясь внушению средств массовой рекламы, агитации и пропаганды (СМРАП).

На примере Виктора Кандинского мы видим, что даже человек с психическим расстройством способен преодолевать недуг и даже изучать его. Интересно отметить, что выдающийся американский психолог и философ У. Джемс сослался на исследования Кандинского, проведённые над «образованным врачом», по-видимому, не подозревая, что пациентом в данном случае был сам психиатр.

Однако со временем Виктору Хрисанфовичу всё трудней было справляться с болезнью. Чувствуя приближение одного из приступов, он принял смертельную дозу опия и лёг на диван, читая повесть Льва Толстого «Казаки»… В истории психиатрии он остался как самый необычайный учёный, который был одновременно пациентом, врачом и исследователем болезни.

В. В. Кандинский

Василий Васильевич Кандинский (1866–1944) — двоюродный брат Виктора Хрисанфовича — тоже был весьма незаурядным человеком. Страдал ли он психическим заболеванием? Вряд ли. Хотя отклонения от так называемого здравого смысла, а уж тем более от традиционных взглядов на изобразительное искусство у него определённо были.

Родился он в Москве, в семье фабриканта, выходца из Сибири, и немки, коренной москвички. Согласно семейному преданию, его прабабушка была монгольской княжной. Успешно закончив юридический факультет Московского университета в 1892 году и женившись на своей кузине Анне Чимянкиной, он, вроде бы, остепенился: стал доктором правоведения, доцентом юрфака. Его пригласили в Дерптский университет.

Ему тридцать лет. Открылась возможность стать профессором. А он, решив посвятить себя живописи, переехал в Мюнхен! Что это — чудачество? блажь? психический сдвиг?

Возможно, всё это в той или иной мере сказалось. Хотя он в детстве был приобщён к искусству: занимался рисунком у частного преподавателя, а также брал уроки игры на фортепьяно и виолончели. Любовь к живописи тлела в его душе долго и в конце концов вспыхнула с неодолимой силой. Не исключено, что стремление круто изменить жизненный путь было связано и с обстоятельствами личной жизни.

В Мюнхене он стал учиться живописи, вошёл в круг художников, с 1900 года стал выставлять свои полотна. В 1904 издал альбом с 12 ксилографиями с поэтическим названием «Стихотворения без слов». Он стремится выразить порыв, цветовую экспрессию, вслед за фовистами (А. Матиссом и др.).

«Потрясённый красотой собственной картины, случайно поставленной набок, — пишет историк искусства Мэри Холлингсворт, — он заключил, что может полностью отказаться от изображения реальных предметов. Кандинский даёт теоретическое обоснование своих экспериментов в исследовании „О духовном в искусстве“, где утверждает, что главная цель искусства заключается в выражении внутреннего мира художника».

Надо заметить, что любой подлинный художник в своих произведениях выражает свой духовный мир (хотя и не только это). Вопрос лишь в том, как он это делает, с какой целью и какими средствами. Иначе самовыражение становится самоцелью, вне зрителя, которому предоставляется возможность на свой лад

продумывать «художественные ребусы».

Примерно так рассуждал Н. А. Бердяев в своей статье «Кризис искусства» (1917). Необычайное разнообразие авангардистских направлений в художественной жизни Европы начала XX века, порой полный отказ от традиционных форм и средств он считал признаками разложения и деградации; отражением общего состояния общества потребления.

«Много кризисов искусство пережило за свою историю, — писал он. — Переходы от античности к средневековью и от средневековья к возрождению ознаменовались такими глубокими кризисами. Но то, что происходит с искусством в нашу эпоху, не может быть названо одним из кризисов в ряду других. Мы присутствуем при кризисе искусства вообще, при глубочайших потрясениях в тысячелетних его основах». Вот и картины Кандинского подвергались обычно резкой, а то и грубой критике.

Его первой абстрактной картиной считается акварель 1910 или 1911 года. Это разноцветные пятна и мазки кистью, подчёркнутые тушью пером. А вот в полотне того же времени «Казаки» — экспрессия, символизм, порыв, но с элементами реальности: подобие сабель, папах, коней, фонарных столбов, домов. Образы схематичны, однако читаемы.

Современный его биограф французский искусствовед Мишель Лакост в духе новых веяний, высказывает мнение прямо противоположное: «Какая великая творческая сила должна была действовать в Кандинском! Какая стремительная эволюция с 1908 по 1914 год: от пейзажных картин, хотя и дерзких уже по цвету и форме… до хаотического этюда под названием „Ущелье“ и беспокойных композиций в серии панно „Времена года“… Тут скованный порыв, там — раскрепощённое движение».

Как бы ни относиться к абстрактным композициям или к обретшему шумную популярность «Чёрному квадрату» К. Малевича, неискушённый зритель без эмоционального подъёма и озарений проходит мимо подобных творений, в глубокой задумчивости задерживаясь перед картинами Леонардо, Рафаэля, Боттичелли, Босха и многих других мастеров. На изощрённые комментарии апологетов «авангарда» такой простак заметит по-детски: «А король-то голый!».

А можно ли считать авангардом абстракции или инсталляции, если именно с них начиналось древнейшее искусство каменного века? С такого «авангарда» вообще начиналось изобразительное искусство. Неандертальцы более 40 тысячелетий назад создавали нечто подобное, не говоря уже о первых творениях кроманьонцев, наших непосредственных предков. Вряд ли следует восторгаться «дерзкими по цвету и

форме» картинами и «хаотичными композициями». Это вовсе не дерзновения ума и таланта. Хотя, конечно же, в оригинальности (на время их появления) им не откажешь.

…Буйная поросль авангардистов разных течений, направлений школ воспрянула перед Первой мировой войной и революциями. Художники, поэты, композиторы выражали в своём творчестве общественное брожение, смятение умов, стремление вырваться из обыденности. При становлении Советской власти футуристы и прочие авангардисты, взялись создавать «новое искусство». Василий Кандинский в 1918 году вошёл в Отдел изобразительных искусств Наркомпроса, стал профессором Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС), организатором провинциальных музеев и различных выставок. Но когда спала волна культурной революции, он в 1921 году перебрался в Берлин и с тех пор на родину не возвращался.

Если чудачества и оригинальность Виктора Кандинского были связаны с его психической аномалией, то у Василия Кандинского подобная аномалия определялась не личным, а общественным недугом. В поисках новых форм выразительности он, а также Питер Мондриан, Казимир Малевич и другие абстракционисты отказались от самого, пожалуй, выразительного в изобразительном искусстве: образности на основе зримой реальности, вызывающей у зрителя не только смутные чувства и абстрактные умствования, но ясные и чёткие эмоции, переживания, мысли. Во всяком случае, такова моя точка зрения.

Филиппо Томмазо Маринетти

Филиппо Томмазо Маринетти (1876–1944) удостоился такой характеристики в БСЭ 1954 года: «итальянский писатель, глава реакционного течения футуризма в литературе… Выступал в защиту милитаризма и колониального разбоя, призывал к разрушению классической культуры, к сознательному извращению литературного языка, к отказу от реализма».

36 лет спустя отозвались о нём нейтрально: «родоначальник футуризма, связавший свою судьбу с Муссолини… В 1912 г. появляется антология „Поэты-футуристы“ открывает её „Технический манифест футуристической литературы“ — написанное Маринетти теоретическое обоснование формальных новшеств футуризма… Футуризм остался пиком авангардистской антитрадиционности».

Однако, на мой взгляд, при его участии произошло событие эпохальное и до сих пор не осмысленное по достоинству, значение которого понял тогда только Николай Бердяев. Сам того не сознавая, Маринетти восславил Технос как главное божество современной цивилизации.

Его «Первый манифест футуризма» (1909 год) провозгласил:

«На наших глазах рождается новый кентавр — человек на мотоцикле, — а первые ангелы взмывают в небо на крыльях аэропланов!.. Вперёд! Вот уже над землёй занимается новая заря!..

Да здравствует риск, дерзость и неукротимая энергия!..

Мы говорим: наш прекрасный мир стал ещё прекраснее — теперь в нём есть скорость… Мы стоим на обрыве столетий!.. Так чего же ради оглядываться назад? Ведь мы вот-вот прорубим окно прямо в таинственный мир Невозможного!..

Да здравствует война — только она может очистить мир. Да здравствует вооружение, любовь к Родине, разрушительная сила анархизма, высокие Идеалы уничтожения всего и вся!..

Мы вдребезги разнесём музеи, библиотеки. Долой мораль, трусливых соглашателей и подлых обывателей!»

Чудовищная смесь идей высоких и низких, верных и ложных, смелых и пошлых. Во втором манифесте Маринетти высказался точнее:

«Мы хотим показать в литературе жизнь мотора. Для нас он — сильный зверь, представитель нового вида. Но прежде всего нам надо изучить его повадки и самые мелкие инстинкты…

Кончилось господство человека. Наступает век техники! Но что могут учёные, кроме физических формул и химических

реакций? А мы сначала познакомимся с техникой, потом подружимся с ней и подготовим появление механического человека в комплекте с запчастями».

Гениальное прозрение! Словно среди пустой породы («тысячи тонн словесной руды», как писал наш футурист Маяковский) вдруг вспыхнули драгоценные самоцветы. Словно в горячечном бреду нелепых словоизвержений произнесены вещие слова: «Наступил век техники! Мы подготовим механического человека».

Маринетти воспел героических кентавров: человек-мотоцикл, человек-машина, человек-аэроплан. В своём экстазе он отметил и существование более распространённой и определяющей химеры: «Наши тела входят в диваны, на которые мы садимся, а диваны входят в нас».

Человек-диван! Мягкая мебель в образе человеческом. Люди как придатки к предметам быта, офисам, машинам.

На это отозвался Н. А. Бердяев:

«В мир победоносно вошла машина и нарушила вековечный лад органической жизни. С этого революционного события всё изменилось в человеческой жизни, всё надломилось в ней… Возрастание значения машины и машинности в человеческой жизни означает вступление в новый мировой эон… Машина есть распятие плоти мира. Победное её шествие истребляет всю органическую природу, несёт с собою смерть животным и растениям, лесам и цветам, всему органически, естественно прекрасному».

Осмыслить эти истины (они подтверждаются строгим научным методом) помогла Бердяеву начавшаяся Первая мировая война. Он отметил: «Это — война индустриальная». Продолжая размышлять на тему торжества техники, сделал вывод: человек, теряя образ и подобие Божие, обретает образ и подобие машины (в духовной своей сути).

Можно согласиться с Маринетти: техника — великое творение человеческого разума и труда. Но это вовсе не божественный Технос, которому следует поклоняться. Это — безжалостный демон, не ведающий ни добра, ни зла. Индустриальная эпоха возвела Технос (совокупность машин и механизмов, искусственных созданий) на трон владыки биосферы, области жизни. Она превращается в техносферу.

Человек, подобно ученику чародея, вызвал, реализовал могучие демонические силы, которые не смог заклясть и усмирить. Они обрели над ним не только физическую, но и духовную власть. Маринетти выступил как пророк этого времени, не сознавая, что этот демон не только подавляет жизнь и загрязняет окружающую среду, но и деформирует душу человека.

С внедрением электронных СМРАП какая деформация обрела чудовищные масштабы.

Оскар Уайльд

Оскар Уайльд (1854–1900) умело выворачивал наизнанку привычные мнения, афоризмы.

Обычно привидения пугают людей. А у него в рассказе американские детишки наводят ужас на почтенное привидение Кентервильского замка. Уайльд утверждал: «Путь парадоксов — путь истины». И не скупился на них: «в наш век наиболее нужны ненужные вещи; мне интересно лишь то, что меня не касается; я верю лишь невероятному; если со мной соглашаются, значит, я не прав; ничего не делать — тяжкий труд; лучший способ отделаться от искушения — это поддаться ему; людей я люблю больше, чем принципы, а людей без принципов я люблю больше всего…»

Его «Заветы молодому поколению» показались бы едкой сатирой или стремлением обрести скандальную славу, если б он не следовал им в своей жизни:

«Поменьше естественности — в этом первый наш долг… Порочность — это миф, созданный людьми благонравными, когда им было нужно объяснить, почему же иные из нас бывают так странно привлекательны… Хорошо подобранная бутоньерка — единственная связь между искусством и природой… Воспитанные люди всегда противоречат другим. Мудрые — противоречат сами себе… Наслаждение — это единственное, ради чего нужно жить… Преступление никогда не бывает вульгарным, но вульгарность — всегда преступление… Надо быть всегда чуть-чуть неправдоподобным… Истина перестаёт быть истиной, едва лишь в неё уверует больше, чем один человек… Промышленность — корень уродства… Леность — главное условие совершенства… Полюбить самого себя — вот начало романа, который продлится всю жизнь».

Этот манифест эстетизма и отчасти аморализма вышел в 1894 году. А четырьмя годами раньше Уайльд предварил свой роман «Портрет Дориана Грея» другой декларацией, тоже насыщенной парадоксами:

«Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги хорошо написанные или написанные плохо… Этика искусства — в совершенном применении несовершенных средств… Художник не стремится что-то доказывать. Доказать можно даже неоспоримые истины. Художник не моралист… Не приписывайте художнику нездоровых тенденций: ему дозволено изображать всё… В сущности, Искусство — зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь… Всякое искусство совершенно бесполезно».

Подобные высказывания легко перевести на обыденный язык: Я — эгоист, и этим горжусь. Не учите меня жить. Хочу жить красиво, и никто мне этого не запретит. Кокетство — не порок, а талант, и я им наделён. Мне нравится шокировать публику — для её же удовольствия. Я люблю, чтобы мной любовались…

Обилие парадоксов утомляет. Они превращаются в штамп. Вместо подлинных драгоценностей — яркие блёстки; вместо огня, который светит и греет — фейерверк. Не так ли?

Нет, не так.

Оригинален Уайльд не оригинальничанием. В этом убеждаешься, проникая в суть его произведений, включая и его жизнь.

Возмущался он не столько пороками «высшего общества» (которым и сам был не чужд), сколько смрадной средой лицемерия, скрывающей эту гниль. Он писал наиболее искусственные из всех литературных сочинений — стихи и сказки, — в которых присутствуют вовсе не наигранные чувства и весьма откровенная мораль.

Салонный остроумец Оскар Уайльд восхищался Петром Кропоткиным, который был именно счастливым принцем (князем), отвергшим все соблазны богатства и власти ради борьбы за справедливость и свободу. Не это ли самый ошеломляющий парадокс Уайльда, помогающий понять, что скрывалось под его внешней скорлупой эстета и словесной мишурой шокирующих парадоксов.

В отличие от скрытного Оскара Уайльда, человека трагической судьбы, Бернарда Шоу можно назвать счастливцем.

Бернард Шоу

Джордж Бернард Шоу (1856–1950) родился в родовитой, но небогатой семье. Отец имел отзывчивое сердце и редкое чувство юмора: напасти, которые другого свели бы в могилу, вызывали у него смех. Не обладая деловой хваткой, он ещё и крепко пил. Мать «была привязана к животным и цветам, а не к людям», — говорил Шоу. Её главным увлечением был мир музыки. В трудные годы, давая уроки пения, она содержала семью.

Природа «вечно зелёного острова», музыка и книги были главными воспитателями Шоу. Читать он стал с пяти-шести лет, интересуясь не книжками для детей, а Дефо, Свифтом, Диккенсом.

В 1880-е годы известный английский театральный критик Уильям Арче в читальном зале Британского музея, взглянув на стол одного из посетителей, был поражён: «Капитал» Маркса соседствовал с партитурой оперы Вагнера «Тристан и Изольда». Познакомившись с этим молодым человеком, почти своим ровесником, он в разговоре упомянул об отсутствии хороших современных пьес в Англии. Вдвоём они решили попробовать исправить положение.

Выдающимся драматургом стал лишь один из них — Шоу. Его пьесы с трудом завоёвывали публику. Первой его пьесой, принёсшей кассовый успех, была комедия «Пигмалион». Ещё больший успех выпал на долю трагедии «Святая Иоанна». Он показал одухотворённую патриотическим чувством и религиозным энтузиазмом Жанну д'Арк. В обрисовке таких характеров ему не было равных. Он с блеском писал и трагедии, и драмы, и комедии. Недаром по обе стороны лестницы в Королевской академии драматического искусства в Лондоне стоят только бюсты Шекспира и Шоу.

Пафос оратора, полемиста, борца наполнял все виды деятельности Бернарда Шоу. Выступая, он мог держать зал в напряжении полтора часа, но и после этого публика отпускала его неохотно. Не ораторствовал, а держался просто. «В этом, — отмечал его биограф Хаскетт Пирсон, отнюдь не сторонник большевиков, — его можно сравнить с Лениным». Шоу, не жалея сил и времени, работал в разных комитетах: исполнительных, общих, специальных, подготовительных, политических, литературных, театральных, муниципальных, музыкальных, исторических, археологических…

А. В. Луначарский писал: «Остриём своей парадоксальности, смазанным скользкой клоунадой. Шоу всё-таки пробил

бегемотову кожу Лондона и заставил говорить повсюду не только о себе, но и о своих идеях».

В отличие от Уайльда, нередко игравшего словами и понятиями, Шоу в своих высказываниях этого избегал: «Вколачивать в человека нежелательную ему премудрость так же вредно, как кормить его опилками». «Жизнь не научит, если нет желания поумнеть». «Я умею сделать правдоподобной самую фантастическую выдумку, но стоит сказать правду — не верят». «Самый преступный аборт делает тот, кто пытается втиснуть детский характер в готовую форму».

Женщины как вожделенная цель не заняли в его жизни важного места, зато в искусстве он отдал им первые роли. С мальчишеских лет Шоу мечтал о прекрасной любви, но половой акт представлялся ему занятием низким: как могут уважающие себя мужчина и женщина лицезреть друг друга, проведя ночь вместе. На своём опыте он решил, что придуманная любовь и есть настоящая, ибо воображение превосходит реальность. «Лишь почта может обеспечить идеальное любовное приключение» — признавался он Пирсону. И таких его любовных побед было множество.

На 42-м году жизни он женился: «Вступая в брак, я не гнался заиметь постоянную любовницу — я был достаточно искушён, чтобы не сделать этой ужасной ошибки. Убереглась от того же заблуждения и моя жена. Наши половые проблемы мы вполне могли решить и не столь дорогой ценой… Бывают разные браки. Не смешивайте в одно молодожёнов, которые скоро станут родителями, и бездетный союз людей пожилых, для которых поздно и опасно заводить детей».

В 1931 году он посетил СССР и встречался с Крупской и Сталиным. Своё заключительное выступление начал так:

— Товарищи, вот уже десять лет подряд я говорю англичанам всю правду о России… Смысл моей поездки в Советскую Россию не в том, чтобы сказать им что-нибудь такое, чего я раньше не знал, а в том, чтобы иметь возможность ответить им в тех случаях, когда они говорят мне: «А вы считаете Россию замечательной страной, но ведь вы там не были, вы не видели всех ужасов». Теперь, когда я вернусь, я смогу сказать: да, я увидел все «ужасы», и они мне ужасно понравились.

СССР ему понравился. «Он с радостью отмечал, — писал Пирсон, — что лица прохожих в России не омрачены вечной заботой о деньгах… а таково, по Шоу, клеймо капиталистической цивилизации».

После беседы в Кремле Шоу вспоминал: «Сталин не похож на диктаторов своим неудержимым чувством юмора… Он странным

образом похож и на папу римского, и на фельдмаршала… Его манеры я счёл бы безукоризненными, если бы он хотя бы немножко постарался скрыть от нас, как мы его забавляем. Вначале он дал нам выговориться. Потом спросил, нельзя ли и ему ввернуть словечко».

Своё остроумие проявил Шоу и по такому неподобающему повода, как составление завещания, когда он был (перед женитьбой) тяжело болен: «У меня оговорено, чтобы за гробом тянулись не похоронные дроги, а стада быков, овец, свиней, толпы домашней птицы и передвижной бассейн с живой рыбой, и чтобы всем тварям были подвязаны белые банты в память о человеке, который даже при смерти отказывался есть своих собратьев. Это будет самое великолепное зрелище на свете после процессии, вошедшей в Ноев ковчег».

Гилберт Кийт Честертон

Третий знаменитый парадоксалист того времени — Гилберт Кийт Честертон (1874–1936). Он был и похож, и не похож на первых двух; многому у них научился, но шёл своим путём. Он был высок, упитан, любил по-простому закусить и выпить пива, звонко смеяться. Один биограф сравнивал его с Дон Кихотом, другой — с Фальстафом. Казалось бы, между ними нет ничего общего… Или общий для них — Честертон?

Одну маленькую девочку, которая встречалась на празднике с Честертоном, дома спросили, поняла ли она, что говорила с очень умным человеком. «Не знаю, какой он умный, — ответила девочка, — но видели бы вы, как он умеет ловить ртом булочки!»

Когда зашёл спор, что хорошо, а что плохо в политике, Честертон углубился в семантику: «У слова „хороший“ много значений. К примеру, если кто застрелит бабушку с расстояния в пятьсот ярдов, я назову его хорошим стрелком, но нехорошим человеком». (Как тут не вспомнить одного антисоветского диссидента, который в конце жизни осознал: целили в коммунистов, а попали в Россию; увы, множество подобных «хороших стрелков», но плохих патриотов так и не желают понять столь простую истину.)

Может показаться, что Честертон из желания оригинальничать назвал своё эссе — «Оптимизм Байрона». Но разве не убедительно это обосновано:

«Если человек гуляет один на берегу бушующего моря, если он любит горы, ветер и печаль диких мест, мы можем с уверенностью сказать, что он очень молод и очень счастлив…

Новые пессимисты ничуть на них не похожи. Их влекут не древние простые стихии, а сложные прихоти современной моды. Байронисты стремились в пустыню, наши пессимисты — в ресторан. Байронизм восставал против искусственности, новый пессимизм восстаёт во имя её».

Как писал один его биограф, в зрелые годы Честертон перерос мужчину и снова стал мальчиком, а позже перерос мальчишку и стал младенцем, перейдя в лоно католической церкви. Пожалуй, не совсем так. Честертон всегда оставался, взрослея, мальчишкой, а в чём-то младенцем; умел видеть мир глазами ребёнка.

У него религиозное чувство тоже было «от мира сего», вне бесплотных идеалов и мистических откровений. «Когда Христос основал свою великую Церковь, Он положил в её основание не боговидца Иоанна, не гениального Павла, но простака, ловчилу,

труса — словом, человека. На этом камне Он и построил церковь, и врата ада не одолеют её». Честертон выделяет апостола Петра с его слабостями, такими «общечеловеческими» и утверждает парадоксальную мысль: империи погибали, потому что полагались на силу; «Церковь Христова полагалась на слабого, и потому — несокрушима».

Парадокс! А суть его проста: порой позволяет выстоять не твёрдость, а гибкость или даже мягкость. Честертон не одобрял яростную борьбу Бернарда Шоу за социальную справедливость: «Этот писатель не может стать поистине великим только потому, что ему трудно угодить. В нём нет смирения — самого мятежного из наших свойств». Надо быть снисходительней к слабостям людей…

Вот только не станет ли приспособление к слабостям и оправдание их воспитывать именно жалких приспособленцев?

Есть у Честертона цикл рассказов «Парадоксы мистера Понда». В одном из них автор, упомянув о парадоксах Бернарда Шоу и Оскара Уайльда, заявил с иронией: «Именно в таких делах погрязают писатели; и когда критики объясняют им, что всё это — болтовня, рассчитанная на эффект, а писатели отвечают: „На какого же ещё дьявола болтать? Чтоб не было эффекта?“ В общем, всё это довольно нелепо».

И хотя Честертон утверждал — «Парадоксы мистера Понда… бросали парадоксальный вызов даже самим правилам парадокса» — это было сказано, как говорится, для красного словца. Ведь Понд просто доводил приём парадокса до абсурда. Например: «Так как выпить было нечего, все они тотчас захмелели». Честертон был более склонен к шутке, чем к сарказму, умел оставаться джентльменом в исконном смысле этого слова.

Но подлинный парадокс, а не словесно-логические выкрутасы — это неожиданность, открытие, опровержение ложной истины. А Честертон, как отметил Х. Пирсон, «любил спор и битву ради них самих, а не ради выгоды или победы. Наверное, он не хотел одолеть противника, ведь это положило бы конец спору. Однажды ему предложили выставить свою кандидатуру в парламент. Он согласился — но с условием, что поражение обеспечено».

Пожалуй, если б Честертон любил словесные перепалки ради них самих, то ему было бы самое лучшее место — в парламенте. Однако он вообще избегал, в отличие от Шоу, общественной деятельности. А в отличие от Уайльда, не любил выставляться напоказ. На предложение баллотироваться в парламент он мог бы усмехнуться: «Я ещё не пал так низко».

Сальвадор Дали

> «Наше время — эпоха пигмеев…
>
> Другие так плохи, что я оказался лучше.
>
> Кинематограф обречён, ибо это индустрия потребления, рассчитанная на потребу миллионов. Не говоря уж о том, что фильм делает целая куча идиотов.
>
> Я пишу картину потому, что не понимаю того, что пишу.
>
> Механизм изначально был моим личным врагом…
>
> Сюрреализм — полная свобода человеческого существа и право его грезить. Я не сюрреалист, я — сюрреализм».

Так утверждал Сальвадор Дали (1904–1989). Он был универсалом. Говорил, что писательством занимается из-за своей недостаточной одарённости в живописи. Называл себя гением:

> «…Я часто думаю, что ведь куда труднее (а значит, и достойнее) — достичь того, что я достиг, не обладая талантом, не владея ни рисунком, ни живописью. Именно поэтому я считаю себя гением. И от слова этого не отступлюсь, потому что знаю, чего это стоит, — без никаких данных сделаться тем, что я есть».

Он был всемирно признанным чудаком и оригиналом — в полном соответствии с его целью оставаться постоянно перед публикой, будоражить и эпатировать, возмущать и восхищать её. «Дон Сальвадор всегда на сцене!» — восклицал он. И создавая свои многочисленные картины, он играл со зрителем, предлагая разгадывать символы или находить изображения, возникающие из соединения разобщённых фигур.

Дали называл свой метод параноико-критическим, хотя не страдал паранойей, да и критицизмом тоже, если не считать его отдельных высказываний. В Америке шокировал публику, написав «Декларацию независимости воображения и прав человека на своё собственное безумие».

Имитация безумия приносила ему не только славу, но и значительные доходы. (Два его постулата: «Я брежу, следовательно, я существую. И более того: я существую, и потому что брежу». И ещё: «Простейший способ освободиться от власти золота — это иметь его в избытке».) Его раздражали те, кто бездарно разыгрывает свои эпатирующие роли: «В Нью-Йорке я

видел панков, затянутых в чёрную кожу и увешанных цепями… Нам выпало жить в дерьмовую эпоху, а им хочется быть дерьмее самого дерьма».

Сам он любил позировать в экзотическом виде, закручивая усы двумя стрелками вверх, почти до вытаращенных глаз. Артист в жизни, творец в мастерской, имитатор и провокатор; писатель среди художников, художник среди писателей. Признанный — прежде всего самим собой — гений, а потому заставляющий сомневаться в этом. Тем более что о нём слагали мифы, и первым — он сам.

Вот что пишет филолог-испанист Н. Р. Малиновская:

> «Более полувека Дали олицетворял для нашего искусствоведения „разложение буржуазного искусства“. Нисколько не сомневаюсь, что Дали — узнай он об этой формулировке — оценил бы выразительное определение (ведь именно он ввёл в эстетический обиход термин „тухлятина“) и даже, полагаю, авторизовал бы его, как авторизовал прозвище Авидадолларс, „Деньголюб“.

О прозвище мы наслышаны. Как и о том, что Дачи заявился на бал в свою честь, украсив шляпу протухшей селёдкой; сошёл с корабля, таща на голове многометровый хлеб, испечённый ради такого случая; окунул в краску морскую звезду и принародно пустил её ползать по холсту, уверяя, что собравшиеся присутствуют при рождении шедевра. Дошла до нас и информация об аудиенции, данной Хачатуряну, — о танце с саблями, исполненном, в чём мать родила. Балетное искусство семидесятилетнего художника впечатляло, но всё горше становилось оттого, что его судьба — блистательный трагифарс длинною в жизнь, заслонивший подвижническое служение искусству, он стал непременным атрибутом салонной беседы, а его творчество всё отчётливее присваивается масс-культурой».

Биография Дали — как многих гениев — сосредоточена в творчестве, а не во внешних событиях. Родился в испанском городке Фигерас (Каталония) в семье нотариуса, получив имя Сальвадор Фелипе Хасинто Фарес Дали-и-Доменеч. Учился в католическом колледже, рано начал рисовать, обучаясь в муниципальной художественной школе. В 1921 году поступил в Королевскую академию изящных искусств в Мадриде. Восхищался старыми мастерами, писал о них вдумчивые статьи, в то же время интересуясь новейшими направлениями в живописи. Одним из наиболее близких его друзей стал гениальный поэт Федерико Гарсиа Лорка.

Первая персональная выставка Дали состоялась в 1925 году.

На следующий год он посетил Париж, встретился с Пикассо. В 1928 году стал одним из авторов «Каталонского антихудожественного манифеста», где утверждалось, в частности, что «спортсмен, не тронутый знанием и не ведающий художеств, лучше поймёт современное искусство, чем подслеповатые умники, отягощённые ненужной эрудицией. Для нас Греция жива в чертеже авиационного мотора, в не претендующей на красоту фабричной спортивной ткани…»

Тогда же Дали воспел техническое достижение:

«О фантазия фотографии! Она удачливее и проворнее мутных процессов подсознания!..

О фотография, свободное творчество духа!»

Его выпад против подсознания был вызван, пожалуй, стремлением опровергнуть или преодолеть «Манифест сюрреализма» французского писателя Андре Бретона, который призывал к величайшей свободе духа, граничащей с безумием, соединению реальности и сновидений в сверхсюрреальность. Согласно его определению, сюрреализм — «чистый психический автоматизм… Диктовка мысли вне всякого контроля со стороны разума».

В ту пору Сальвадор Дали призывал «раскрыть глаза на простую и волнующую красоту волшебного индустриального мира, красоту техники… Телефон, унитаз с педалью, белый эмалированный холодильник, биде, граммофон — вот предметы, полные истинной и первозданной поэзии!»

Слова его расходились с делом. Он создавал сюрреалистические картины — синтез бреда и яви, сновидений и продуманных фантазий.

В том же 1925 году Дали познакомился с французским писателем Полем Элюаром и его женой Галой (Еленой Дмитриевной Дьяконовой). Написал с другом кинорежиссёром Луисом Буньюэлем сценарий авангардистского фильма «Андалузский пёс». А на следующий год Гала стала женой Дали, его натурщицей и музой, опекуншей, спасающей художника от депрессии, а также его «коммерческим директором», банкиром и кассиром (подчас алчным).

Увлечённый фрейдизмом, он вносит в картины эротические символы, сюжеты и ассоциации. В конце 1930 года издал книгу «Зримая женщина», посвящённую Гале. У него появляется всё больше поклонников. Он организует в разных странах свои выступления и выставки, выполняет живописные и графические работы, сотрудничает с театрами, публикует статьи и книги, оформляет журналы мод…

В 1936 году он создаёт фантасмагорию «Предчувствие

Гражданской войны» — тело, расчленяющее, раздирающее самоё себя. С началом гражданской войны в Испании покидает родину и едет с Галой во Францию, Англию, а затем обосновывается в США. Возвращается в Европу только через 12 лет. Им завладевают религиозно-мистические темы, которые он решает по-своему. Финал жизни Дали был печален и жалок. Когда в 1982 году умерла Гала, он впал в депрессию. Великий актёр-художник ушёл со сцены. Возможно, ему уже нечего было сказать людям…

В книге «Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим» (1941) он уже проявлял признаки усталости от своего утомительного актёрства: «Довольно отрицать — пришла пора утверждать. Хватит выправлять — надо поднимать, возвышать, сублимировать. Хватит растаскивать — надо собирать и строить. Хватит забавляться автоматическим письмом — надо вырабатывать стиль. Пора кончать с разрушением и разбродом — надо учиться ремеслу. Довольно скепсиса — нужна вера. Довольно блуда — нужна чистота. Довольно уповать на коллектив и униформу — нужны индивидуальность, личность. Нужна иерархия. И хватит экспериментов — нужна — Традиция. Ни революций, ни контрреволюций — ВОЗРОЖДЕНИЕ!»

В заключение — несколько высказываний Сальвадора Дали, которые полезно продумать с полной серьёзностью:

— В наше время, когда повсеместно торжествует посредственность, всё значительное, всё настоящее должно плыть или в стороне или против течения.

— Ненормален тот, кто не понимает моей живописи, тот, кто не любит Веласкеса, тот, кому не интересно, который час на моих растёкшихся циферблатах — они ведь показывают точное время.

— Меня зовут Сальвадором — Спасителем — в знак того, что во времена грозной техники и царящей посредственности я призван спасти искусство от пустоты. Только в прошлом я вижу гениев…

— Анархия при монархии — вот наилучшее государственное устройство. Монарх должен быть гарантом анархии.

— Люди вообще мало что понимают. Особенно образованные — им недостаёт культуры.

— Особенность моей гениальности состоит в том, что она проистекает от ума. Именно от ума.

— Если бы я не работал, что бы я делал здесь, на земле? Скучал бы, как устрица. Поэтому я терпеть не могу устриц.

— Я думаю, что современное искусство — это полный провал, но ведь другого искусства у нас нет и быть не может, а то, что есть — дитя времени, дитя краха.

Велимир Хлебников

Разнообразие чудаков выражают слова, их обозначающие: от чудиков и чудил — до чудотворцев. Проще всего рассказать об оригиналах, выходящих за грань нормального поведения.

Например, в Кунцевском районе Москвы порой появлялся седой, бородатый благообразный старик, похожий на Менделеева, с тяжёлым посохом и в самодельной короне, с такими же причудливыми орденами. На короне и посохе красовались надписи: «Владыка Мира», «Повелитель Вселенной». Судя по всему, у него была мания величия.

Иное дело — странности незаурядных людей. Поэт Велимир Хлебников был по рождению Виктором Владимировичем. Но разве мог иметь такое имя Председатель Земного Шара, каким он был прилюдно провозглашён?

Вадим Шершеневич рассказан, как это происходило. В городском театре Харькова по такому случаю имажинисты, возглавляемые Сергеем Есениным, устроили представление. На сцене стоял Хлебников в холщовой рясе, босой, со скрещёнными на груди руками. Есенин и Шершеневич читали нараспев торжественные строфы. После каждой из них, как бы по церковному канону, Хлебников говорил «Верую».

Как символ Земного Шара ему на палец надели кольцо, взятое на время у четвёртого организатора вечера Глубоковского. Когда опустился занавес, Глубоковский подошёл к Хлебникову:

— Велимир, снимай кольцо.

Но Председатель Земного Шара испуганно спрятал руку с кольцом за спину.

— Брось дурака валять, отдавай кольцо! — рассердился Глубоковский.

Есенин хохотал, а Хлебников лепетал:

— Это… это… Шар… символ Земного Шара… А я — вот… меня… Есенин и Мариенгоф в председатели…

После недолгой борьбы хозяин овладел своим кольцом. Председатель Земного Шара уткнулся в пыльную театральную кулису и горько заплакал.

Что это? Приступ помешательства у поэта-заумника, будетлянина, случайно оказавшегося в имажинистах? (Кстати, их порой называли «измажистами», «манижистами», или просто «машинистами»; достаточно нелепое для русских поэтов «имаже», означающее «образ», позволяло называть их «образинами», особенно после издевательства над Велимиром.)

С Хлебниковым происходило немало нелепых историй.

Заумная игра словами увлекала его подчас в безумие. Он действительно был «не от мира сего», с полнейшим презрением относился к материальным ценностям, столь вожделенным для людей бездарных. Упоение творчеством отрешало его от обыденности, уносило в миры воображаемые.

Во время скитаний по югу России его спутник свалился без сил. Велимир взглянул на него и пошёл дальше. «Не бросай меня! — взмолился спутник. — Я могу умереть!». «Ничего, степь отпоёт», — отвечал поэт.

А более чем за столетие до него примерно в тех же местах скитался другой неприкаянный поэт и мыслитель — Григорий Саввич Сковорода. «Не пойду в город богатый, — писал он, — а буду на полях быть».

Для обывателя, озабоченного своим благосостоянием и карьерой, такие люди, как Григорий Сковорода или Велимир Хлебников, выглядят безумцами. И тот же обыватель может считать себя христианином, так и не понимая, что Иисус Христос был бескорыстным странником, которого мир не поймал, хотя и соблазнял богатством и властью.

В нашу эпоху следовало бы вдуматься в слова Сковороды:

«Мы в посторонних околичностях чересчур любопытны, рачительны и проницательны: измерили море, землю, воздух и небеса, обеспокоили брюхо земное ради металлов… нашли других миров неисчислимое множество, строим непонятные машины, засыпаем бездны, возвращаем и привлекаем стремнины водные, ежедневно новые опыты и дивные изобретения.

Боже мой, чего мы не умеем, чего не можем? Но то горе, что при всём том кажется, что чего-то великого недостаёт…

Дух несытости гонит народ…

Что же такое сделать вас может счастливыми?»

Ответ прост: «Сие-то есть быть счастливым — узнать, найти самого себя». А это, оказывается, не так-то просто. Необходимы усилия ума и воли. Добьётся успеха лишь тот, «кто частыми размышлениями в истине очистил свой разум». А «источником несчастия есть нам наше бессовестие».

Владимир Васильевич — Велимир — Хлебников (1885–1922) родился в Астраханской губернии в семье натуралиста-орнитолога. Ему было 12 лет, когда сочинил он стишок своеобразный:

О чём поёшь ты, птичка в клетке?
О том ли, как попалась в сетку?
Как гнёздышко ты вила?
Как тебя с подружкой клетка разлучила?..

В 1903 году поступил на физико-математический факультет Казанского университета, затем перевёлся на естественное отделение. Через 4 года поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Недоучившись, вошёл в круг столичных поэтов. М. Кузмин записал в своём дневнике: «Пришёл Хлебников… В его вещах есть что-то яркое и небывалое». И ещё: «Читал свои вещи гениально-сумасшедшие».

Печататься начал Хлебников с 1908 года. Он был — словотворец:

Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели, улетели
Стая лёгких времирей…

Его завораживали слова и числа:

Я всматриваюсь в вас, о числа,
И вы мне видитесь одетыми в звери, в их шкурах,
Рукой опирающимися на вырванные дубы,
Вы даруете единство между змееобразным движением
Хребта вселенной и пляской коромысла,
Вы позволяете понимать века, как быстрого хохота зубы.
Мне сейчас вещеобразно разверзлися зеницы
Узнать, что будет Я, когда делимое его — единица.

У него есть запись: «Мы новый род люд-лучей. Пришли озарить вселенную. Мы непобедимы». Секрет его непобедимости был прост. У него не было того, что называют слабостями: привязанности к деньгам, вещам, славе. Поэт Николай Асеев писал о нём:

> «В мире мелких расчётов и кропотливых устройств собственных судеб Хлебников поражал своей спокойной незаинтересованностью и неучастием в людской суетне. Меньше всего он был похож на типичного литератора тех времён, или жреца на вершине признания, или на мелкого пройдоху литературной богемы… Был он похож более всего на длинноногую задумчивую птицу, с его привычкой стоять на одной ноге, и его внимательным глазом, с его внезапными отлётами… и улётами во

времена будущего».

У кого-то может возникнуть соблазн причислить Велимира Хлебникова к числу юродивых или тихих помешанных. Но следует иметь в виду, что он обладал не только умом (и шизофреники бывают весьма неглупыми), но и остроумием — свидетельством здравого смысла. Как тут не вспомнить слова учеников из его «сверхповести»-пьесы «Зангези»:

— Мыслитель, скажи что-нибудь весёленькое. Толпа хочет весёлого. Что поделаешь — время послеобеденное.

Порой прозрения Велимира великолепны. Ещё в 1909 году он осознал трагедии XX века, рабство у вещей человека, и слова его поистине вещи:

Из желез
И меди над городом восстал, грозя, костяк,
Перед которым человечество и всё иное лишь пустяк…
…Прямо летящие, в изгибе ль,
Трубы возвещают человечеству погибель.
Трубы незримых духов се!

Свершился переворот. Жизнь уступила власть
Союзу трупа и вещи.
О человек! Какой коварный дух
Тебе шептал, убийца и советчик сразу:
«Дух жизни в вещи влей!»

Пребывая преимущественно в иномире причудливых образов, странных слов, вещих созвучий и совпадений чисел, этот, как он себя называл, «будетлянин», человек будущего (небывалого и несбыточного, ибо пребывает в неведомом «будет»), принадлежал вечности. Его мысль была поэтически крылатой, не признающей пудовых пут наук и философий. Она открывала простые, а потому непостижимые изощрённым мыслителям истины.

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звёзды — невод, рыбы — мы,
Бога — призраки у тьмы.

Чуждый социологий и экономик, Велимир Хлебников

приветствовал на свой лад создание страны господства трудящихся:

Это шествуют творяне,
Заменивши Д на Т,
Ладомира соборяне
С трудомиром на шесте.

Он оставался не только в своём воображении, но и реально — Председателем Земного Шара, провозглашённым прилюдно, хотя и никем не признанным. Но разве подлинные титулы даруют имущие власть или присуждают комиссии? Разве требуется всеобщее голосование для избрания Председателя Земного Шара?

Велимир Хлебников был подобен «птичке Божией», не вьющей «хлопотливого гнезда», но и не сидящей в клетке, как писал он в первом своём стихотворении. Он был не литератором, а левитатором: взлетал, преодолевая тяготенье вещей, и улетал в многомерное пространство реального и вообразимого бытия. Ему поистине принадлежал мир, ибо мог сказать:

Мне много ль надо?
Коврига хлеба
И капля молока.
Да это небо,
Да эти облака!

М. А. Волошин

Поэт, эстет, пророк и обормот… Именно таким был этот потомок запорожских казаков и обрусевших немцев — мыслитель и патриот, большой оригинал Максимилиан Александрович Волошин. Ему суждено было стать участником последней в мире дуэли знаменитых поэтов. С неё мы и начнём.

24 ноября 1909 года московская газета «Русское слово» сообщила: «Гумилёв резко и несправедливо отозвался об одной девушке, знакомой Волошина. Волошин подошёл к нему, дал пощёчину и спросил: „Вы поняли?“ „Да“, — ответил тот».

Дуэль назначили в районе печально знаменитой Чёрной речки и стрелялись из пистолетов времён Пушкина.

Николая Гумилёв выстрелил первым. Промах! У Волошина — осечка. Он хотел прекратить поединок. Противник требовал продолжения дуэли. Что случилось дальше, не совсем ясно. По одной версии, вновь была осечка, по другой — Волошин выстрелил, стараясь не попасть в Гумилёва.

Причина конфликта была связана, как положено, с женщиной. Звали её Елизавета Ивановна Дмитриева, она писала стихи. После мимолётного знакомства в Париже в 1907 году, она встретилась с Гумилёвым через два года в Петербурге. Он рассказывал ей о своём путешествии в Африку, встречах со львами и крокодилами.

Она неожиданно сказала: «Не надо убивать крокодилов». Он был ошеломлён. С этого момента, по её воспоминаниям, у них вспыхнула «молодая звонкая страсть». Они часто встречались, он предлагал ей выйти за него замуж, но она была невестой другого. Тем не менее, они вместе отправились в Коктебель, остановились у общего знакомого Максимилиана Волошина… Как признавалась она: «Самая большая моя в жизни любовь, самая недосягаемая, это был М.А.» — Волошин.

Дмитриева попросила Гумилёва уехать, и он просьбу её выполнил. Она осталась на несколько месяцев, позже назвав их лучшими в своей жизни. Тогда-то и появилась загадочная поэтесса Черубина де Габриак. Такой псевдоним придумал ей Волошин.

Она посылала в только что созданный журнал «Аполлон» стихи, как сейчас говорят, в готическом стиле, на бумаге с траурным обрезом. Письмо имело чёрную сургучную печать с девизом на латыни: «Горе побеждённым!» Таинственная незнакомка покорила всю редакцию «Аполлона», включая Гумилёва, и во главе с элегантным и манерным Сергеем

Маковским. Она писала:

Люби меня! Я всем тебе близка.
О, уступи моей любовной порче.
Я, как Миндаль, смертельна и горька,
Нежней, чем смерть, обманчивей и горче.

Или:

И я умру в степях чужбины.
Не разомкну заклятый круг.
К чему так нежны кисти рук,
Так тонко имя Черубины?

Да, имя оказалось тонким, томным и чарующим. Но когда поэтесса призналась в мистификации, в редакционных кругах поползли слухи. Об отношениях Гумилёва и Дмитриевой сплетничал приятель Николая Степановича, не стесняясь в выражениях. Узнал об этом Волошин. И в мастерской художника Александра Головина, при собрании сотрудников «Аполлона», Волошин влепил пощёчину Гумилёву точно так, как тот поучал в Коктебеле: сильно, кратко и неожиданно…

Дуэль поэтов закончилась трагически… для виртуальной Черубины. «После дуэли я была больна, почти на краю безумия, — признавалась Дмитриева. — Я перестала писать стихи, лет пять я даже почти не читала стихов, каждая ритмическая строчка причиняла мне боль. Я так и не стала поэтом: передо мной всегда стояло лицо Н.С. [Гумилёва] и мешало мне».

Для двух других сторон этого любовного треугольника случившееся не отразилось на творчестве. Как с немалой долей правды писал поэт и критик Николай Оцуп, Гумилёв, «считая себя уродом… старался прослыть Дон Жуаном, бравировал, преувеличивал. Позёрство, идея, будто поэт лучше всех других мужчин для сердца женщин… — вот черты, от которых Гумилёв до конца своих дней не избавился».

Волошин был человеком другого склада. Он любил безобидные розыгрыши, мистификации, отдавая дань и мистике, но подлинной его страстью было — познание. Он стремился проникнуть мыслью в тайны бытия: хотел понять: зачем мы на планете? каким образом достигли могущества? что происходит с нами сейчас и ожидается в будущем?

Волошин писал не многословные исследования, а стихи. Его

философская поэма «Путями Каина. Трагедия материальной культуры» начинаемся так:

В начале был мятеж,
Мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.

Восстание не ангела-бунтаря Люцифера против Всевышнего, а самого Бога против себя — единственного достойного соперника! Творец создал совершенный мир и мог бы уйти на вечный покой. Но тогда бы ничего больше не происходило. А жизнь — это горение, стремление к новому, неведомому.

Лишь два пути раскрыты для существ.
Застигнутых в капканах равновесия:
Путь мятежа и путь приспособленья.
Мятеж — безумие; законы
Природы неизменны. Но в борьбе
За правду невозможного безумец
Пресуществляет самого себя.

Как выйти из-под власти природных закономерностей? Просто: используя одни законы мироздания против других. Чтобы взлететь в воздух, как птица, человек познал и применил на практике научные знания. Земное притяжение преодолевают космические ракеты.

Такова правда невозможного. Устремлённость в неведомое, за горизонт современных знаний и свершений. В этом — предназначение человечества. Творение Бога восстаёт против ограничений, а то и против Творца! В бунте проявляется суть божественного разума.

Каждый волен выбрать такую судьбу, которой достоин. Многих устраивает стадное существование, лишь бы с минимальными трудностями и наибольшим комфортом. Техника создаёт благообильные убежища, удобный искусственный мир.

О таком земном рае мечтает большинство людей. И в этом — трагедия материальной культуры. Каин убил Авеля не из зависти, как обычно считают. Причина серьёзней: скот Авеля совершил потраву на поле Каина. Любовь к собственности оказалась сильнее любви к родному брату.

…И он убил
Кочевника, топтавшего посевы.

Так написал Волошин. Догадку его подтверждает мысль св. Августина: «Каин — основатель земного града». Путями Каина пошли все те, у кого любовь к самим себе (добавим: и к своей собственности) доведена до презрения к Богу, к Его заветам.

По мнению Волошина, происходит «борьба между вещами и человеком: кто кому принадлежит. Если владелец не может расстаться со своей собственностью — это значит, что он только её прислужник».

За счёт чего достигается комфорт? Богатые урывают избыток благ у трудящихся — ловкостью, обманом, силой или благодаря удаче — не столь уж важно. Присваивается то, что не добыто своим трудом, талантом творца. Есть страны, паразитирующие на обнищании других. Конфликты разрешаются нередко в жестоких внутренних и внешних войнах. Таков, можно сказать, один из законов общественной жизни.

Такова лишь одна сторона медали. Ситуация сложней и трагичней. Речь должна идти об извечном стремлении человека покорить природу. Для этого есть могучее средство — техника.

Однако биосфера не может обеспечить каждого землянина теми материальными благами, которые стали идеалом технической цивилизации (коттедж, автомобиль, компьютер, отдых на фешенебельных курортах…). Что уж говорить о ближайшем будущем, когда количество землян достигнет десяти миллиардов, а природных ресурсов будет меньше, чем теперь.

Красота природы, счастье настоящей любви (а не механического «занятия любовью»), радость познания и творчество — всё это для обывателей индустриально развитых стран отступило на дальний план. В обществе потребления

> …люди выполняют роль
> Пищеварительных бактерий. Здесь
> Всё строится на выгоде и пользе,
> На выживанье приспособленных, на силе.
> Его мораль — здоровый эгоизм,
> Цель бытия — процесс пищеваренья,
> Мерило же культуры — чистота
> Отхожих мест и ёмкость испражнений.

Именно завалы отходов и ненасытная прожорливость характерны для современной цивилизации. Видимость благополучия в технически развитых странах обеспечивается за счёт экологической эксплуатации зависимых, менее развитых

(теперь в их число попала и Россия). Для этого общества требуются две главные штампованные модели: тупой исполнитель (трудящийся) и алчный потребитель — служащий, чиновник от управления, науки, искусств и прочее.

Машина победила человека:

Был нужен раб, чтоб вытирать ей пот,
Чтоб умащать промежности елеем,
Кормить углём и принимать помёт.
И стали ей тогда необходимы
Кишащий сгусток мускулов и воль,
Воспитанных в голодной дисциплине,
И жадный хам, продешевивший дух
За радости комфорта и мещанства.

«Жадные хамы» — политики, агитаторы, идеологи, интеллектуалы, служащие — готовы принести в жертву миллионы людей «за радости комфорта и мещанства». Таков тупик всей глобальной технической цивилизации. Трагедия культуры, лишённой духовной основы и призванной удовлетворять постоянно растущие материальные потребности ненасытных приспособленцев.

Прозрения Волошина поразительны. Он не только предвидел, но и отчасти объяснил главные конфликты XX века. О Родине писал откровенно, а то и жестоко. С горечью понимал, что лучшие качества народа — долготерпение, доверчивость, доброта — могут обернуться против него:

Враг шептал: «Развей да растопчи…
Ты отдай казну свою богатым,
Власть — холопам, силу — супостатам,
Смердам — честь, изменникам — ключи».
Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посады и хлеба,
Разорила древнее жилище
И пошла поруганной, и нищей,
И рабой последнего раба…

Это стихотворение «Святая Русь» Волошин создал после буржуазной революции февраля 1917-го. «Святую Русь», писал осенью того же года, «распространяют большевики и запрещают местные исправники».

Характерный эпизод приведён в воспоминаниях М. Д. Шульгиной. В 1921 году в турецком городе Галлиполи был организован лагерь белогвардейцев. Там на концерте артист стал читать «Святую Русь» Волошина. В зале воцарилась напряжённая тишина. И вдруг в начале последней строфы при словах декламатора юноши-кадеты, стоявшие рядами у эстрады, стали опускаться на колени:

Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, —
Ты — бездомная, гулящая, хмельная.
Во Христе юродивая Русь!

На последних словах, писала Шульгина, все кадеты стояли на коленях, опустив головы, и поклонились до земли.

Волошин выразил этим стихотворением нечто большее, чем впечатление от происходившего в тот момент: чувство подлинного русского патриота при виде бедствия, поразившего Отечество. И разве это — о прошлом? Нет, о второй буржуазной революции конца XX века. Именно тогда «жадный хам, продешевивший дух» сокрушил Великую Россию-СССР. Словно прошлое повторяется, как в кошмарном сне, и снова куражатся над Россией изменники и воры. Смута в душах людей. Великая держава без явной войны развалилась на части; национальные богатства расхищаются в угоду тем, чьи интересы и капиталы большей частью за границей:

А вслед героям и вождям
Крадётся хищник стаей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам!
Сгноить её пшеницы груды.
Её бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды.

Возможно, таков какой-то общий закон деградации общества: плодами героических усилий народа пользуются негодяи — самые приспособленные, увёртливые, беспринципные. Они нацелены на обогащение, на личную максимальную собственность. Они идут путём Каина. Горе обществу,

продолжающему каиновое существование.

…Шутя, Волошин называл обормотами себя и литераторов, обитавших в его коктебельском доме и постоянно бормотавших ритмичные строки. У них был свой походный марш, начинавшийся: «Стройтесь в роты, обормоты». Они дурачились, устраивали розыгрыши, весёлые импровизации, приводя в изумление чинных дачников. Одна из мистификаций, как мы уже знаем, едва не стоила ему жизни: придуманный им образ Черубины де Габриак «очерубинил» сотрудников «Аполлона» и стал причиной дуэли с Гумилёвым.

…Далеко не всем, даже умнейшим современникам, был понятен Максимилиан Волошин. Одному он казался снобом, эстетом (И. Бунин), другой воспринимал его с иронией (А. Бенуа). Многим напоминал он античного грека с внешностью Зевса. Своим лихим нравом он временами походил на запорожского казака. Те, кто знал его провидческие стихи, видели в нём вдохновенного мистика и пророка.

В нём всё это совмещалось совершенно естественно и гармонично. Он умел быть и настоящим обормотом — в детстве. Учился плохо, приводя в отчаяние педагогов. Это было в Москве. В Феодосии, куда они переехали, директор гимназии, просмотрев табель успеваемости Макса, представленный родительницей, вздохнул: «Сударыня, мы, конечно, вашего сына примем, но должен вас предупредить, что идиотов мы исправить не можем». (Так ли было? Или это шутка Волошина?)

В автобиографической заметке он писал, вспоминая 1905–1912 годы: «Этапы блуждания духа: буддизм, католичество, магия, масонство, оккультизм, теософия, Рудольф Штейнер. Период больших личных переживаний романтического и мистического характера».

Марина Цветаева, хорошо его знавшая, высказалась определённей: «Это был — скрытый мистик, то есть истый мистик, тайный ученик тайного учения о тайном». И добавила: «Объяснять эту тайну принадлежностью к антропософии или занятиям магией — не глубоко».

Он был предельно прост. Просторная хламида скрывала его «семь пудов мужской красоты», как посмеивался он. Веночек из полыни на его пышных кудрях придавал ему сходство с Паном, а вовсе не с Калиостро и Сен-Жерменом. Цветаева по-своему объясняла природу мистицизма Волошина: «Тайновидчество поэта есть прежде всего очевидчество: внутренним оком всех времён. Очевидец всех времён есть тайновидец. И никакой тут „тайны“ нет».

Как это понимать? То, что Максимилиан Александрович

помнил о былых воплощениях своей бессмертной души? Или речь идёт о необычайной начитанности Волошина и его способности проникаться идеями, культурой «всех времён»?

Вариант ответа дают его рисунки. В них он показывал пейзажи не только как тонкий живописец, но с пониманием происхождения форм рельефа, словно мысленно погружаясь в земные недра и в бездны геологического времени. Его акварели высоко ценили геологи, с которыми он встречался: Левинсон-Лессинг, Ферсман, Вернадский.

Марина Цветаева особо отметила: «Макс был настоящим чадом, порождением, исчадием земли». Было в нём и другое: острое чувство патриотизма, причастности к своему народу и Отечеству, к бытию человечества в единстве прошлого, настоящего и будущего. Так личность обретает черты сверхличности, приобретая необычайную интеллектуальную, нравственную силу.

«Духовидение» Волошина объясняется и его обширными познаниями, и его близостью к природе, а также чуткостью его поэтической художественной натуры… И чем-то ещё действительно таинственным, а стало быть, неизречённым.

Он принадлежал к категории людей, создающих себя постоянным трудом, творчеством, верностью высоким идеалам и устремлённостью к ним. Он обладал мистическим чувством сопричастности окружающему миру — людям, культуре, природе, Богу. И странным образом из своего Дома поэта в Коктебеле он видел (как можем увидать и мы):

И на скале,
замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами
изваян профиль мой.

Таков нерукотворный памятник Волошину. В этом непостижимом соответствии образа человека и творения Природы видится нечто таинственно-возвышенное, поистине — знак Судьбы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ДА ЗДРАВСТВУЮТ ЧУДАКИ!

1

Нет недостатка в желающих поразить окружающих. Некоторых из них вносят в Книгу рекордов Гиннеса. К ней можно, при желании, обратиться, чтобы познакомиться с такими разновидностями оригиналов.

В наше время легко и просто приобщиться к самым разнообразным знаниям, узнать любые сведения о прошлом и настоящем. Имея хорошую память, можно войти в клуб «знатоков». Вопрос лишь в том — зачем? Чтобы испытать чувство своего немыслимого интеллектуального превосходства перед дремучими предками?

Но многознание не научает уму. Эрудиция не заменяет культуру мышления. А это искусство ныне в глубоком дефиците. Следствие такого духовного недуга — упадок теоретической мысли в науках, философии, озарений в литературе, искусстве. Специалистов великое множество, технические свершения грандиозны, а творческие дерзания ничтожны.

В прежние века было иначе. А потому там, в прошлом, часто встретишь не убогих чудил или нелепых чудиков, а чудаков чудесных, замечательных, оригиналов не по внешним проявлениям, а по мыслям, умениям, талантам, творческим дерзаниям.

Скажем, Пётр Яковлевич Чаадаев (1794–1856), участник Отечественной войны 1812 года, философ, находившийся под полицейским надзором, удостоился от Пушкина характеристики:

> Он высшей волею небес
> Рождён в оковах службы царской,
> Он в Риме был бы Брут, в Афинах — Периклес,
> А здесь — он офицер гусарской.

Немецкий мистик Якоб Бёме (1575–1624), современник Галилея, создал около десятка трактатов. В главном — «Аврора, или Утренняя заря в восхождении…» — писал: «Я созерцал необъятную глубину этого мира, наблюдал за солнцем, звёздами, облаками, дождём и снегом, представлял себе мысленно все творения этого мира и находил добро и зло, любовь и гнев во всём — не только в людях, в животных, но и в неразумной твари: в дереве, камнях, земле и стихиях».

По его словам: «Книга, в которой заключены все тайны, есть сам человек». «Бог сотворил все вещи из ничего, и это ничто Он

сам». «Не должно быть понято так, будто божество… отделено от природы; нет, но они — как тело и душа». И этот философ был сродни великим чудакам Сократу или Диогену: родившись в крестьянской семье, зарабатывал на жизнь ремеслом сапожника, а жил ради познания. Дух его пребывал в мире тайн и чудес, с которым не сравнятся никакие дворцы.

Для кого-то покажутся нелепыми оригиналами многие из таких людей. Знаменитый доктор Фёдор Петрович Гааз (1780–1853), лечивший сотни, если не тысячи москвичей бесплатно, а то и делясь своими деньгами. Библиотекарь Румянцевского музея Николай Фёдоров с его принципом «Жить нужно не для себя (эгоизм), не для других (альтруизм), а со всеми и для всех» и несбыточным идеалом воскрешения всех былых поколений… (Но разве не в нас, живущих, эти поколения должны постоянно воскресать?)

Чу́дны, а не чудны́ их поступки и мысли.

А чудовищно чудят те, кто тратят свою единственную жизнь на суету, мелочные заботы и низменные удовольствия, так и не сознавая, зачем они явлены в мир, наделённые разумом и совестью.

2

На Земле создана и функционирует как гигантский механизм область господства техники — техносфера. Ей подчинена жизнь среды, нас окружающей, пронизывающей и воздействующей на наши души.

Мы живём в условиях глобальной технической цивилизации.

Для массового производства нужна штампованная продукция. А потому под единые стандарты подведены в техносфере не только продукты производства, но и живые организмы. Выведены наиболее удобные и полезные для людей сорта растений и породы животных. Ландшафты преобразованы по тому же принципу: пашни и пастбища, города и посёлки, скверы и парки…

Дело за малым: выработать стандартные человеческие типы, пригодные для конкретных целей. Каких? Нечеловеческих: экономическая рентабельность, конкурентоспособность, увеличение выпуска безделушек, предметов роскоши, средств уничтожения и подавления личности.

Для таких целей вредны искатели смысла жизни, жаждущие свободы и независимости, отвергающие власть капитала. Требуется ненасытный потребитель материальных благ и приспособленец к существующему строю.

Да вот беда: такие личности безнадёжно бездарны. Ждать от них открытий, значит уподобляться чудакам: один идёт козла доить, а другой ему: «Погоди, сейчас решето принесу!»

Более ста лет назад придумали евгенику для создания наилучших типов людей. Но то, что пригодно для выведения пород скота (в том числе и в облике человеческом), не годится для создания полноценной личности. Её нельзя вырастить искусственно. Она — продукт не только воспитания и образования, но и всей окружающей среды. А когда деградирует среда обитания, то же происходит с теми, кто составляет с ней единое целое.

Каков же выход?

3

Во многих странах пытаются проводить селекцию детей и взрослых по тестам, призванным выявлять людей с повышенным уровнем интеллекта. Но ведь тесты эти придумывают вовсе не гении. Получаемые «коэффициенты интеллекта» позволяют отбирать лучших среди средних, не более того.

Особенность таланта — оригинальность решений, постановка нетривиальных проблем, поиски истин, а не ответов на предлагаемые задачки. Выдающиеся люди были отличниками не в «учебном процессе», а в творчестве.

Они выглядят чудаками, оригиналами, из ряда вон выходящими личностями. Хотя благодаря им человечество не превратилось в скопище стандартных примитивных существ, умеющих только приспосабливаться к текущей ситуации и потреблять, потреблять, потреблять…

Мир природы отличается не только красотой и гармонией, но и разнообразием. Мир людей должен быть таким же. А потому — да здравствуют чудаки и оригиналы! Именно среди них находятся те, кому суждено, преодолев тяготение вещей и вязкое болото пошлости, вырваться в открытый космос духовной свободы, творчества и познания.

Таким людям посвящена эта книга.